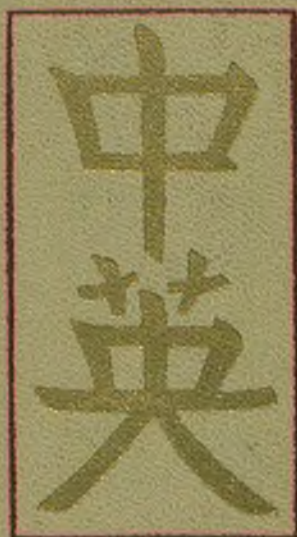

Б 80-33
1

М. И. СЛАДКОВСКИЙ

КИТАЙ и АНГЛИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

М. И. СЛАДКОВСКИЙ

КИТАЙ И АНГЛИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

В книге рассматриваются отношения Англии и Китая с момента получения первых сведений друг о друге до наших дней: поиски англичанами путей в Китай, появление у его берегов первых британских кораблей, создание английских торговых факторий на юге Китая, «опиумные» войны и неравноправные договоры, отношения между обеими сторонами в период первой и второй мировых войн и после образования КНР (до 70-х годов).

С 11101-149 БЗ-103-34-79. 0506000000
013(02)-80

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

*Посвящаю
дорогому другу — жене
Елизавете Степановне Сладковской*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга продолжает исследование автором истории отношений Китая с державами, игравшими ведущую роль в дальневосточном регионе.

Опыт подготовки уже опубликованных автором работ — «История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)» [111а], «История торгово-экономических отношений СССР с Китаем» [111б], «Китай и Япония» [111в] показал, что при рассмотрении внешних отношений любой страны с Китаем непременно приходится обращаться к англо-китайским отношениям, ибо они оказывали определяющее воздействие на внешнюю политику Китая, особенно до первой мировой войны (1914—1918 гг.), когда Англия продолжала занимать ведущее место в китайских делах.

В отношениях Великобритании с Китаем нашла отражение, таким образом, не только история связей двух стран, но и общая история колониального порабощения стран Востока. Она дает убедительные доказательства объективной обусловленности китайской революции, исторической закономерности победы народа Китая в борьбе с силами мирового империализма и национальной реакции за национальную независимость и социальную справедливость. Изучение событий минувших столетий помогает глубже понять и современное состояние, и перспективы отношений между Китаем и Англией.

Начав изучение Китая с середины 20-х годов, автор имел возможность ознакомиться в этой стране с практикой английского империализма, видеть британских колонизаторов безраздельными господами и угнетателями китайского народа и, наконец, быть свидетелем исторически закономерного крушения унижительной системы неравноправных договоров, навязанных Англией Китаю.

Подготовка данной книги вызвала необходимость дважды (в 1975 и 1978 гг.) посетить Великобританию. Вместе с Е. С. Сладковской мы работали в основных научных центрах Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Лидса, ознакомились с библиотечными и музейными фондами, имели встречи и беседы с британскими синологами.

За выполнение всей сложной и трудоемкой работы при подготовке данной книги я бесконечно благодарен моему ушедшему из жизни другу — жене Елизавете Степановне Сладковской.

Выражаю глубокую признательность также кандидатам наук, советским Китаеведам В. П. Ломыкину и А. Г. Ларину — специалистам по англо-китайским отношениям, консультации которых оказали автору большую помощь.

ПЕРВЫЕ ЗНАКОМСТВА И РАННИЕ СВЯЗИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ С КИТАЕМ

Наиболее ранние контакты между народами Европы и Китая относятся ко II—I вв. до н. э.

Первые сведения о странах, входивших в Римскую империю, либо граничивших с ней, доставил в ханьский Китай¹ известный путешественник Чжан Цянь, по поручению императора У-ди совершивший в 138—126 гг. до н. э. разведывательно-посольскую поездку на Запад (основной ее целью были поиски союзников в борьбе с гуннами). Вернувшись в 126 г. в древнюю китайскую столицу Чанань после десятилетнего пребывания в плену у гуннов и посещения Ферганы и Бактрии, он представил ханьскому двору собранную им разностороннюю информацию о далеких странах, граничащих с Римской империей и входящих в нее, о торговле, ведущейся между ними, о выгоде участия Китая в этой торговле.

В последующем в результате предпринятых У-ди завоевательных походов (в ходе которых, как повествуют китайские историки, его войска «удалялись порой на расстояние до двух тысяч ли (более 1 тыс. км. — М. С.) от своих крепостей» [111, с. 82]) Ханьской империи удалось установить контроль над торговыми путями, пролежавшими по «ганьсускому коридору», в Среднюю Азию и приобщиться к торговле среднеазиатских государств с Римской империей.

Торговый путь из Китая через государства Средней Азии в Римскую империю, называемый в исторической литературе «шелковым путем», способствовал установлению более или менее постоянных торговых связей между странами, по которым он проходил. Китайский историк Сыма Цянь отмечал, что ежегодно по нему из Ферганы на запад отправлялись по крайней мере 10 торговых караванов, достигавших Парфии и даже далекого Рима (см. [88, с. 508]). Китайский шелк, лаковые изделия, украшения из драгоценных металлов и минералов пользовались большим спросом у римских аристократов.

По утверждению историков КНР, в 166 г. н. э. в Китай прибыли морем римские послы, доставившие подарки императора Марка Аврелия (по традиции объявленные китайцами «данью») — изделия из слоновой кости, рога носорога и панциря черепахи [111, с. 104].

В то время Британия являлась провинцией Римского государства, бритты служили во вспомогательных войсках римлян и вместе с ними направлялись в различные (в том числе и восточные) части империи, в самой же Британии стояли римские гарнизоны. Все это дает основания предположить, что уже в те далекие времена в Британию проникали отдельные сведения о Китае.

Дальнейший ход исторического развития и в Европе, и в Азии на много веков задержал начавшийся процесс налаживания контактов между народами этих континентов. Начальный период Средневековья в Западной Европе был временем постепенного складывания новых народов и государств. Китай после крушения Ханьской империи распался на три враждующих царства: Вэй, Шу, У (период «Троецарствия» — 220—280 гг.). Длительная борьба между ними ослабила страну, которая в результате стала объектом завоеваний со стороны соседних кочевых народов, создавших на обширных территориях к западу и северу от «Великой китайской стены» могущественные державы. В течение 135 лет (с 304 по 439 г.) Северный и Северо-Западный Китай находились под властью сяньбичев, гуннов и других кочевников, создавших на оккупированной территории Китая «шестнадцать государств пяти северных племен» [111, с. 137], вследствие чего континентальные торговые связи Китая с западными странами были нарушены.

В подобных условиях даже в эпоху расцвета империи Тан (вторая половина VII в.), когда китайцам на некоторое время удалось восстановить контроль над обширными территориями Центральной Азии (Западным и Восточным тюркскими каганатами и частью Тибета), западные связи Китая ограничивались среднеазиатскими государствами. Континентальный путь в Европу Китаю преграждал Арабский халифат, установивший с середины VII в. контроль над Средней Азией. Крушение танской династии (618—907 гг.) и очередной распад Китая — на «десять царств и пять династий» — привели к новому ослаблению страны, утрате ею начавших было восстанавливаться связей с Западом. Северные области Китая вновь оказались под властью кочевников — сначала киданей (917—1125 гг.), а затем чжурчжэньского государства Цзинь (1114—1234 гг.).

Положение несколько изменилось в XII в. — с возникновением огромной монгольской державы, простиравшейся от берегов Тихого океана до границ Польши, Чехии, Венгрии и ставшей своеобразным мостом, соединявшим Восточную и Центральную Азию с Европой.

Определенную роль сыграла и конкретная обстановка. Неудачи «крестовых походов» в середине XIII в. во многом определялись возросшим могуществом египетского султаната, занявшего в то время ведущее положение в арабском мире. Египет стал на пути продвижения и монгольских орд, потерпевших жестокое поражение от войск правивших в нем мамлюков. Эти обстоятельства обусловили заинтересованность вождей «крестоносцев» и монголов в создании антиегипетской коалиции.

Особую активность в попытках наладить союз с монголами проявляла римская католическая церковь. Первый ее представитель — посланец папы Иннокентия IV, монах францисканского ордена Дж. Плано Карпини — в 1246 г. побывал у великого хана Гуюка в столице монгольской державы Каракоруме (на р. Орхон). После поражения седьмого «крестового похода» французский король Людовик IX и церковь направили к монгольскому хану Мункэ (иреемнику Гуюка) монаха Рубрука (см. [89, с. 524]). Однако его попытки склонить монголов к союзу против Египта не увенчались успехом (Мункэ потребовал подчинения Франции монгольской державе).

Не меньшую активность проявляли и монгольские ильханы Хулагуидского улуса (охватывавшего Иран, Ирак, Закавказье), непосредственно сталкивавшиеся с Египтом. Во второй половине XIII в. Хулагуиды вели активные дипломатические переговоры с римскими папами (Климентом IV, Григорием X, Николаем III), с Генуей, королями Англии и Франции (см. [89, с. 339]). Посланец ильхана Аргуна несторианский монах Раббан Саума (уйгур по происхождению) в 1287—1288 гг. побывал в Риме, Генуе и во Франции. Правда, его дипломатическая миссия (по заключению антиегипетского союза) успеха не имела, но собранные им сведения явились важным источником для Востока о странах и народах Западной Европы (см. [89, с. 524]).

С воцарением на китайском престоле монгольской династии Юань представители католической церкви получили доступ и в столицу Китая — Даду (современный Пекин), называемый монголами Ханбалык. В 1294 г. туда прибыл посланец папы Бонифация VIII монах Дж. Монто Корвино, благосклонно встреченный императором Хубилаем (Шуцзу). Монто Корвино получил разрешение остаться в Даду и построить там церковь.

К тем же годам относится и пребывание в Китае знаменитого путешественника, венецианского купца Марко Поло. В его известной «Книге», изданной в 1298 г. и переведенной на ряд европейских языков, приводилось довольно подробное описание торговых путей, городов, быта и занятий китайского и ряда других народов. Эти сведения подтверждали реальность существования сказочных стран Востока и давали о них некоторое представление. Фантастическими описаниями несметных богатств Востока (золота и жемчуга там «великое обилие», «дворцы крыты чистым золотом» и т. п.) «Книга» Марко Поло, несомненно, породила значительный и длительный интерес к странам Востока, в частности к Китаю.

Однако последующий ход исторических событий вновь затормозил развитие отношений европейских стран с Китаем. С распадом монгольской державы и образованием в Средней Азии могущественного государства Тимура континентальные связи Китая с Западом практически прекратились. Дальнейшая судьба откошелей Китая со странами Западной Европы, в том числе с Англией, была связана уже с открытием европейцами океанских путей.

Ко времени появления европейцев у берегов Китая империя Мин² уже миновала период своего расцвета. Вынужденный вывод китайских войск из Вьетнама и образование мусульманских султанатов на Малаккском полуострове и на островах современной Индонезии свели на нет влияние, которое Китай приобрел в странах Южных морей в результате экспедиций Чжэн Хэ³. Внутри страны начиная с XVI в. четко наметились признаки политического и хозяйственного упадка. «Безудержное расточительство представителей господствующего класса... — пишут китайские историки, — бешеная погоня за землей, деньгами и богатством, ограбление народа... все это серьезно препятствовало развитию ремесла и земледелия» [111, с. 457]. Особенно тяжелый удар ремесленному производству и купеческой торговле был нанесен введением государственной монополии на добычу полезных ископаемых, торговлю солью, чаем и т. п. Аналогичным было воздействие резкого роста налогов на ремесло и торговлю, а также запрет на заморскую торговлю.

К концу правления минской династии (первая половина XVII в.) наиболее тревожное положение сложилось на северо-восточных границах Китая, где на базе племенного союза возникло сильное маньчжурское государство.

Власть минских императоров была подорвана мощным народным восстанием под руководством Ли Цзычэна (1628—1644 гг.), войска которого заняли Пекин. В этих условиях значительная часть китайских феодалов предпочла перейти на сторону маньчжуров, которым с их помощью удалось разбить армию повстанцев и после многолетней борьбы покорить Китай. С 1644 г. в Пекине воцарилась маньчжурская династия Цин.

Таким образом, китайско-европейские контакты в XVI — первой половине XVII в. проходили в условиях нарастающего упадка Минской империи.

Раньше всех у берегов Китая появились португальцы. В 1516 г. их вооруженные каравеллы добрались до побережья Гуандуна. Местные власти позволили португальцам после выплаты пошлин заниматься торговлей.

Первые же шаги европейских мореплавателей и купцов на китайской земле были отмечены бесчинствами, насилием и разбоем, откровенным нежеланием считаться с местными торговыми законами. В 1522 г. португальцы совершили грабительское нападение на один из уездов Гуандуна; в 1531 г. минский флот нанес им серьезное поражение. После этого португальская торговля в Китае возобновилась лишь в 50-е годы XVI в. Пользуясь продажностью минских чиновников, португальцы обосновались в Аомыне (Макао), с 1557 г. фактически превратив его в свою колонию.

Следом за португальцами у берегов Китая появились испанские конкистадоры, захватившие к тому времени Филиппины.

В конце XVI — начале XVII в. к португальцам и испанцам присоединились голландские колонизаторы. В 1622 г. они совершили нападение на порт Сямынь (Амой), в следующем году под-

вергли опустошительному налету архипелаг Пэнху, а в 1624 г. захватили часть Тайваня, где хозяйничали почти 40 лет (см. [95, с. 468]).

Англия в эпоху Великих географических открытий, как известно, вступила на путь торговой и колониальной экспансии с некоторым опозданием, когда южный морской путь в страны Востока (вокруг Африки, через Индийский океан) был уже в руках конкурентов — португальцев, испанцев, голландцев.

Между тем в своем экономическом и социально-экономическом развитии (сравнительно широкое распространение мануфактурных форм производства) она начала опережать другие европейские страны.

Англия выдвигается на передовые позиции в европейской торговле, особенно шерстяными тканями (преимущественно сукнами), причем если до середины XV в. она экспортировала главным образом неотделанные ткани грубой выработки, которые затем во Фландрии и Италии облагораживались и реэкспортировались в далекие неевропейские страны, то к концу XV в. положение радикально изменилось. В Англии уже сложилось передовое мануфактурное производство высокосортных шерстяных тканей, и она становится главнейшим мировым экспортером этих изделий. Выход на далекие богатейшие рынки Востока, в том числе и Китая, становится одной из важнейших задач торгово-промышленных кругов Англии.

Неудивительно поэтому, что в Англии получила распространение идея найти свободные от конкурентов пути в Китай — через Северный Ледовитый океан. Основанием для этого служила карта известного космографа Дж. Гостальдо, на которой негюком р. Обь было ошибочно обозначено мифическое Китай-озеро⁴.

Инициатива в организации первой английской экспедиции в Китай через территорию России принадлежала, по единодушному мнению английских и русских историков, известному мореплавателю, открывшему для Европы Северную Америку, С. Кэботу⁵.

Предложение С. Кэбота, вступившего в указанных целях в контакт с лондонской торговой компанией «Мёрчант Адвенчурес», нашло положительный отклик при дворе. Вскоре с привлечением других торговых фирм была создана «Мистери Компани энд Феллоушип оф Мёрчант Адвенчурес фо ДисCOVERи оф Аннюун Лэндз» во главе с С. Кэботом. В 1553 г. ею была послана в «Ледовитое море» экспедиция в составе трех кораблей. После трехмесячного плавания два из них достигли южного берега Новой Земли. Дальнейшая судьба этих кораблей оказалась трагичной. В поисках входа в Белое море они погибли, предположительно у о-ва Нюкуево. Третий корабль, под командованием Р. Чанслера, попав в сильный шторм 30 июня, отбился от них и вынужден был около недели ожидать у условленного места — у о-ва Вардэгуса. Потеряв надежду встретиться с остальной частью экспедиции, Р. Чанслер на своем судне, на котором кроме командира и его ближайших помощников С. Борро, Дж. Бокленда и Р. Джонсона находилось

еще 46 человек, в том числе два купца (Дж. Бортон и А. Эдуардс), вошел в Белое море и пристал к берегу в устье Северной Двины.

Вынужденно оказавшись в России, Р. Чанслер решил скрыть истинные цели экспедиции, не без основания опасаясь, что русское правительство отрицательно отнесется к попыткам Англии «осваивать» Зауралье — территории, непосредственно прилегающие к восточной границе Российского государства. Принятый в Москве (вместе с двумя сопровождавшими его купцами) царем Иваном IV, он от имени английского короля Эдуарда VI высказал пожелание об установлении англо-русской торговли.

Царь Иван IV благожелательно отнесся к этому предложению. Р. Чанслеру была вручена грамота английскому королю, в которой декларировалось согласие допустить в Россию английских купцов для свободной торговли. Р. Чанслер узнал в Москве, что после занятия русскими войсками Казани весь волжский путь до Каспия перешел в руки России. Данная новость еще больше утвердила стремление англичан использовать территорию России для транзита своих товаров в Китай и Персию.

В апреле 1555 г. под руководством Р. Чанслера в Россию была направлена английская миссия, в задачу которой входило учреждение постоянных торговых агентств.

Для достижения второй, не менее важной для англичан цели — открытия новых земель и изыскания путей в Китай — в состав миссии были включены опытные путешественники Р. Джонсон и братья С. и В. Борро, побывавшие в северных морях еще с первой экспедицией. В течение 1555 г. Р. Джонсон и С. Борро побывали на о-вах Вайгач и Новая Земля. Свое описание материкового побережья в этом районе они основывали на расспросах местных жителей — рыбаков и охотников на моржей. Р. Джонсон упоминал, в частности, некоего пермяка Федора Товтыгина, который якобы ездил в Китай по Оби и рассказывал о народе, называемом «пешехоны» (пеший-конный), о «желтых и черных калмыках» [14а, с. 125—127]. Самим же путешественникам побывать в устье р. Оби не удалось. В дальнейшем изыскания северного пути англичанами более не проводились.

Свое внимание они сосредоточили на волжском пути. Осуществление соответствующей экспедиции было поручено опытному дипломату А. Дженкинсону, ранее представлявшему Англию в Турции. В его задачу входило добраться по Волге и Каспийскому морю до Бухары, откуда, как было известно англичанам, ходили торговые караваны в Китай.

Получив разрешение московского правительства на проезд по русским землям, А. Дженкинсон и сопровождавший его Р. Джонсон в 1558 г. благополучно добрались до Бухары. Однако там они узнали, что дороги, ведущие в Китай, контролируются монголо-ойратскими ханами, враждующими с китайцами. Иными словами, посланцы Лондона убедились, что, используя волжско-каспийский путь, невозможно установить надежные торговые связи с

Китаем. После неудачи А. Дженкинсона Англия прекращает дальнейшие поиски путей в Китай через русскую территорию.

Активность англичан в России тем не менее привела к развитию в известной мере англо-китайского товарообмена, правда в опосредованной форме — через руки русских купцов. В русско-китайской торговле, наладившейся с конца XVII в., западноевропейские, в том числе английские, товары играли весьма существенную роль. Так, по данным таможенной статистики, к началу XIX в. среди товаров, продававшихся русскими купцами в Кяхте, в стоимостном плане явно преобладали иностранные товары, значительную долю которых составляли английские шерстяные ткани⁶.

В свою очередь, и китайские товары, прежде всего чай, шелковые ткани, кустарно-художественные изделия, закупаемые русскими купцами, перепродавались в Англию. С некоторыми колебаниями и перерывами подобный опосредованный англо-китайский товарообмен продолжался вплоть до «открытия» Англией китайских портов для прямой торговли (после того как ей удалось наладить морские коммуникации на Дальний Восток).

Большую роль в этом плане сыграл заключенный в 1576 г. англо-португальский договор, предоставивший англичанам право заниматься торговлей во всех европейских портах Португалии и устанавливать прямые торговые связи с Востоком в португальской зоне (см. [141, с. 453])⁷. Началась длительная англо-испанская борьба за господство на мировых морских путях. Переломным моментом в ней стало поражение испанской «непобедимой армады» в 1588 г., после которого инициатива окончательно перешла в руки англичан.

К этому времени они уже располагали определенной информацией о Юго-Восточной Азии и в какой-то мере о Китае. Первую попытку достичь Востока южным морским путем английские мореплаватели совершили в 1582 г. Много новых сведений принесло кругосветное путешествие корабля «Кавендиш Джерри». В отчете его капитана, в частности, отмечалось: «Я доплыл до Филиппинских островов, расположенных вблизи от берегов Китая, о котором я собрал короб информации, ранее неизвестной. Величие и богатство этой страны таковы, что я не в состоянии о них даже рассказать» (цит. по [141, с. 45]).

В 1591 г. группа лондонских купцов создала торгово-судоходное общество по торговле с Востоком, получившее от королевы Елизаветы разрешение и гарантии для осуществления морской экспедиции в страны Востока. В том же году под командой капитана Раймонда была направлена экспедиция, успешно достигшая берегов Индии.

Первая попытка англичан достичь берегов Китая была предпринята в 1596 г. С этой целью была снаряжена экспедиция в составе трех судов. Руководили ею лондонские купцы Р. Аллен и Т. Брумфилд. Королева Елизавета вручила им письмо, адресованное императору Китая, в котором просила предоставить «се почтенным и преданным» подданным полную и неограниченную сво-

боду посещения Китая и торговли с подданными Китайской империи. Королева, в свою очередь, обещала «не только выполнить все официальности, как это пожелает посланник Вашего Величества, но ради умножения взаимных симпатий и связи между правительствами даровать также всем и каждому из подданных китайского императора полную свободу посещать, жить и торговать в любой части английских владений и возвращаться обратно, когда они сочтут нужным» (цит. по [137, с. 1—23]).

Экспедиция была освобождена от уплаты пошлины при торговле с Китаем, что лишний раз свидетельствует о заинтересованности английского правительства в этом предприятии.

Выполнить свою миссию Р. Аллен и Т. Брумфилд не смогли: все члены экспедиции погибли в пути в схватках с португальцами и испанцами.

Огромную роль в развитии английской экспансии на Восток сыграла Ост-Индская компания, созданная в 1600 г. Являясь, в принципе, частным предприятием, она получила от правительства монопольное право на торговлю со всеми странами от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива, т. е. в районе Индийского и Тихого океанов. Огромные прибыли (за первые 20 лет они составляли в среднем около 90% годовых) позволили компании неуклонно расширять масштабы своих операций. В 1617 г. она уже располагала 12 факториями, в том числе одной в Японии, на о-ве Хирадо (основана в 1612—1613 гг.). Руководители этой фактории имели задание установить торговые отношения с Китаем. С данной целью им было вручено послание короля Англии Якова I в адрес китайского императора, которое они пытались переправить в Китай, используя китайских купцов. Однако никто из последних, несмотря на щедрую плату, не взялся выполнить подобное поручение (см. [99, с. 8; 141, с. 54]).

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЯМЫХ СВЯЗЕЙ
АНГЛИИ С КИТАЕМ

ПЕРВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ СУДА У БЕРЕГОВ КИТАЯ

Внутреннее и внешнее положение Китая в 30-е годы XVII в. было катастрофическим. Правящая маньчжурская династия не могла подавить бушевавшие в стране крестьянские восстания и обеспечить действенное сопротивление надвигающимся с севера маньчжурам.

В то же время рост завоза португальцами китайских товаров в Европу, в том числе и в Англию, содействовал увеличению интереса английских правящих кругов к торговле с Китаем (тем более что сведения о царивших там неурядицах порождали надежды на большую уступчивость китайских властей).

В 1633 г. правление Ост-Индской компании приняло решение установить прямые торговые связи с Китаем. В 1635 г. между английской и португальской колониальными администрациями в Индии было заключено соглашение «о справедливой и свободной торговле» («True and Free Trade»), на основе которого из Индии в Китай было направлено британское судно «Лондон».

Однако португальский губернатор Макао встретил англичан недружелюбно, и достичь Гуанчжоу им не удалось. В результате Ост-Индская компания понесла большие убытки: лишь за обмер судна было уплачено 1400 таэлей, а продажа товаров особой прибыли не принесла. В английских правительственных кругах неудачи попытки наладить торговлю с Китаем относили на счет недостатков деятельности Ост-Индской компании. Английское купечество все настойчивее выдвигало требование, находившее поддержку со стороны королевского двора, о лишении компании монопольных прав на торговлю с Востоком.

В 1635 г., несмотря на протесты Ост-Индской компании, по инициативе группы купцов-контрабандистов под руководством В. Кортиса была создана новая организация (в английской литературе называемая «Дворцовой ассоциацией»), членом которой стал сам король. В 1637 г. она снарядила эскадру из четырех вооруженных кораблей под командованием капитана Уэдделла, который решил обойтись без посредничества португальской администрации Макао и направился непосредственно в Гуанчжоу. На

подступах к нему английские суда были задержаны патрульными китайскими джонками до официального получения разрешения китайских властей на заход в порт. Воспользовавшись морским приливом, эскадра приблизилась к китайским фортам. Когда отсюда последовали предупредительные выстрелы, она огнем своей артиллерии подавила китайские батареи и высадила десант.

Переговоры Уэдделла с китайской администрацией Гуанчжоу, которые он вел при посредничестве португальского губернатора Макао, приняли затяжной характер, причем португальцы всячески старались помешать достижению соглашения. Китайский историк Чжан Синлан следующим образом описывает их ход: «16 октября несколько португальцев прибыли в Гуанчжоу, где совещались с китайскими чиновниками. 18 октября китайцы и португальцы провели неофициальное совещание, на котором было решено, чтобы английским купцам впредь не разрешалось бы прибывать в Гуанчжоу; кроме того, англичане должны были выплатить 28 тыс. реалов за разрешение произвести на этот раз торговые операции. 20 октября китайские чиновники сообщили, что они согласны уменьшить пошлину до 2800 лянв (4250 реалов). Английские купцы решительно возражали, но 22 ноября вручили представителям китайской администрации требуемые деньги и товары. Перед этим была достигнута договоренность о разрешении англичанам вести неограниченную торговлю и свободно проживать в Китае при условии ежегодной выплаты 20 тыс. лянв серебра (30 тыс. реалов) и передачи 4 чугунных пушек и 50 мортир» [19, с. 559].

Уэдделлу, таким образом, силой оружия удалось добиться разрешения на торговлю. В Англию он доставил сахар, шелк-сырец, фарфоровые изделия и другие товары на общую сумму 62 тыс. таэлей. В докладе «Дворцовой ассоциации» Уэдделл выдвинул предложение о захвате одного из южных островов Китая (см. [139, т. 1, с. 27]).

В 40-е годы XVII в. дальнейшего развития англо-китайские контакты не получили. В связи с начавшейся в Англии революцией активность и «Дворцовой ассоциации»¹, сумевшей направить в Гуанчжоу всего одно судно (1644 г.), и Ост-Индской компании резко упала.

КИТАЙСКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Неблагоприятной оставалась обстановка для англичан во второй половине XVII в. (период завоевания Китая маньчжурами). Английские суда, прибывавшие в Макао («Вильям» и «Король Фердинанд» в 1657 г., «Ричард» и «Марта» в 1658 г., «Сурат» в 1664 г.), встречали недоброжелательное отношение со стороны португальцев и гуанчжоуских властей, враждебность которых к англичанам была порождена разбойным налетом Уэдделла. Опре-

деленные затруднения англичане испытывали и из-за деятельности голландцев, их основных соперников в третьей четверти XVII в.

Голландские представители в Пекине² использовали расположение к ним двора императора Канси (обусловленное помощью голландцев маньчжурским войскам в борьбе с Чжэн Чэнгуном — одним из вождей народного сопротивления захватчикам, — обосновавшемуся на Тайване) для противодействия проникновению в Китай своих европейских конкурентов.

Подобная позиция Голландии в значительной мере определила политику Англии. Благожелательно откликнувшись на обращенный к европейцам призыв Чжэн Чэнгуна, англичане в 1671 г. направили на Тайвань два корабля («Кроун» и «Бантам»). В результате переговоров с правителем острова Чжэн Цзином (сыном Чжэн Чэнгуна) было достигнуто соглашение, по которому англичане получили право свободной торговли и разрешение создать свою факторию в здании бывшей голландской миссии. В свою очередь, они обязались с каждым кораблем, направленным на Тайвань, доставлять оружие, военную амуницию и прочие товары для продажи правителю острова (см. [14], с. 67—68]). В 1674 г. после посещения Тайваня судном «Фланг Игл» англичане получили разрешение на торговлю в Сямыне (Амос). В 1676 г. там была создана английская торговая фактория.

Эти соглашения оставались в силе лишь до занятия цинскими войсками Сямыня (1683 г.) и Тайваня (1683 г.), после чего английские фактории были закрыты. Положение вновь несколько изменилось в 1685 г., когда император Канси открыл морские порты для европейской торговли, что позволило англичанам вновь вернуться в Сямынь.

В 1689 г. в Гуанчжоу произошло первое столкновение между английскими моряками с судна «Дефенс» и китайцами. Местные власти приостановили торговлю, и она была возобновлена лишь после выплаты компенсации по 5 тыс. таэлей за каждого убитого в драке китайца.

Помимо моментов международного плана торговая экспансия Англии в Китае сковывалась и конкуренцией между рядом английских фирм и Ост-Индской компанией, особенно усилившейся после создания в 1698 г. «Английской компании», объединившей многих английских торговцев. Появление такого крупного конкурента могло окончательно подорвать ведущую роль Ост-Индской компании в торговле с Китаем. В конечном счете организационная неурядица была урегулирована в пользу последней — в 1699 г. английским правительством ее представитель в Гуанчжоу был наделен функциями консула — уполномоченного министра.

К концу XVII в. торговля Англии с Китаем не достигла сколько-нибудь заметного развития, хотя, после того как англичанам удалось в основном избавиться от посредничества португальцев, она носила уже более или менее постоянный характер [14], с. 73]:

Год	Число судов	Экспорт, включая серебряные деньги, ф. ст.	Импорт, ф. ст.
1699	2	69 640	15 309
1700	4	38 126	41 758

В английском импорте из Китая во второй половине XVII в. произошло примечательное событие — начался завоз чая³, ставшего в последующем важнейшей статьёй английских закупок [141, с. 71]:

Год	Объем импорта чая, ф.	Год	Объем импорта чая, ф.	Год	Объем импорта чая, ф.
1664	2	1678	4 717	1695	132
1665	22	1685	12 070	1700	91 183
1670	79	1690	41 471	1706	137 748

КИТАЙСКО-АНГЛИЙСКИЕ СВЯЗИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Цинские императоры не сразу определили свое отношение к торговле с западноевропейскими странами. Во время продолжавшейся около 40 лет борьбы маньчжуров за установление власти над всей территорией Китая их особым покровительством пользовались голландцы, оказавшие им помощь в подавлении важнейших очагов антиманьчжурского сопротивления в провинции Фуцзянь и на о-ве Тайвань. В 1663 г. голландцы получили разрешение на торговлю на юге Китая в течение двух лет, в 1666 г. оно было продлено; остальные же западноевропейские купцы, особенно английские, поддерживавшие связи с Чжэнами (отцом и сыном), были лишены таких возможностей.

В 1683 г. Канси снял запрет на морскую торговлю на юге Китая. В 1685 г. были учреждены таможни на побережье провинций Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян и Цзянсу, в частности в Макао, Чжанчжоу, Нинбо и Юньтайшани (см. [118, с. 59—60]). Одновременно началось создание системы монопольной торговли с иностранцами⁴.

Эта система при наличии в Гуанчжоу большого числа купеческих гильдий и компаний складывалась в ожесточенной борьбе. В начальный период соответствующие права получили *гуаншан* (торговцы, представлявшие правительственные органы), *цзундуншанжэнь* (торговцы, представлявшие генерал-губернатора) и *фулюаньшан* (торговцы, представлявшие палату). В 1702 г. торговлю с иностранцами попытались монополизировать *хуаншан* (императорские комиссары). Однако в силу того, что они не располагали необходимыми средствами и среди торговцев Гуандуна были известны как недобросовестные купцы, ранее торговавшие солью и уклонявшиеся от уплаты соляных налогов, обиженные гуандун-

ские торговцы подали на них жалобу генерал-губернатору. После двухлетнего разбирательства с санкции центральных властей хуаншаны были лишены монопольных прав на торговлю с западноевропейскими купцами (см. [118, с. 64—66]).

В целом система монопольной торговли с иностранцами сложилась к 1720 г. 25 декабря этого года после совершения обряда — распития крови зарезанного петуха — рядом именитых граждан Гуанчжоу было подписано соглашение о создании специальной гильдии, в которую вошли 16 компаний, получивших название *гунхан* (общественные фирмы). По соглашению, они приняли 13 условий-обязательств⁵: целиком поставить себя на службу императору (ст. 1); совместно устанавливать цены на продаваемые и покупаемые товары (ст. 3); строго учитывать и фиксировать в отчетности все сделки (за нарушение этого пункта налагался штраф) (ст. 6) и т. д. В случае закупки отдельным купцом партии европейских товаров он обязан был половину из них передать другим членам гильдии (ст. 11). Фирмы, вошедшие в гильдию, делились на три разряда: к первому были отнесены пять фирм, владевших полным паем, ко второму — пять фирм, имевших половину пая, к третьему — шесть фирм, внесших четверть пая (см. [118, с. 77—82; 139, т. 1, с. 163—165]).

Сосредоточение торговли с европейцами в руках «общественных фирм» сопровождалось повышением таможенных пошлин и портовых сборов. Так, если до создания гунханов налоговые обложения составляли 3%, то в последующие годы они возрастали сначала до 4,6, а затем до 10% (1728 г.). Повышение налогов встретило яростное сопротивление иностранных (в первую очередь английских, занимавших к этому времени ведущее место в иностранной торговле Гуандуна) фирм, которые стремились обойти монопольную систему путем подкупа чиновников.

Для усиления контроля над системой гунхан из их среды выбирались фирмы-гаранты (*баошан*), которые должны были обеспечивать своевременное и полное поступление налогов в казну, гарантировать исполнение заключаемых сделок и правительственных распоряжений [118, с. 100—101]. Для европейских торговцев введение системы фирм-гарантов еще больше ограничивало коммерческую маневренность и вынуждало иметь дело не во всем вопросам с купцами, а с китайской правительственной администрацией.

В 1766 г., в царствование Цяньлуна, система гунхан была дополнена ограничениями на продажу европейцам ряда редких и ценных товаров — жемчуг, кораллы, кристаллы, янтарь, объявленные «товарами, употребляемыми императором, торговать которыми купцам запрещалось» [141, с. 117].

По мере ужесточения системы контроля над торговлей со стороны цинских чиновников нарастало и сопротивление подобной практике со стороны европейцев, главную роль среди которых играли англичане. Несмотря на увеличение объема британско-китайской торговли с начала XVIII в., они оставались недовольны

ее результатам, поскольку, по словам английского историка Г. Б. Морзе, к этому времени смогли лишь встать «на торговый порог Китая, но все еще не получили места за столом» [139, т. 1, с. 99]. Стремление не только получить «место за столом», но и занять лидирующее положение определяло главные цели английской политики в отношении Китая в XVIII в.

Однако возросшая активность англичан (в целом определившаяся экономическим развитием Англии и ее международными успехами⁶) наталкивалась на стойкую неприязнь к ним со стороны как цинских властей⁷ — в центре и на местах, так и китайского народа. Китайцы помнили о разбойном налете Уэделла и многочисленных скандалах и убийствах, чинившихся английскими моряками; мальчужурская администрация не могла забыть торговых связей Англии с антицинскими силами на Тайване.

В этих условиях в начале XVIII в. английское правительство предприняло ряд мер по усилению позиции Ост-Индской компании, заметно ослабленной конкуренцией Ассоциации лондонских купцов, поощряемой королями, и контрабандной торговлей. В 1708 г. правительство санкционировало трехстороннее соглашение между компанией, ассоциацией и фирмами, торговавшими с Китаем без правительственного разрешения (через посредников), которым подтверждались монопольные права компании по торговле с Китаем, продленные до 1726 г.⁸ Ей также был предоставлен заем в сумме 1,2 млн. ф. ст. из расчета 5% годовых.

Для торговли с Китаем компания (через Гуанчжоу) располагала четырьмя хорошо оборудованными судами⁹. Согласно правительственной инструкции из ее представителей в Гуанчжоу был создан совет «для управления нашими делами в Китае», получивший такие же права, как и советы «в наших колониях за границей» [139, т. 1, с. 162]. Компания, таким образом, наделялась правительственными функциями и располагала достаточно крупными военными средствами для борьбы за «место за столом» Китая.

В Англии интерес к торговле с Китаем особенно стимулировался ростом потребления чая. С 1699 по 1721 г. его ввоз компанией возрос более чем в 37 раз — с 21280 до 783 967 [141, с. 873]¹⁰ фунтов. Большим спросом в Англии пользовался также шелк-сырец, импорт которого возрос с 849 пикблей в 1708 г. до 29 705 пикблей в 1724 г. и до 47 667 пикблей в 1745 г.¹¹

В 1703—1704 гг. Ост-Индской компании удалось создать фактории в Сямыне (Амое) и Чжоушане (на о-вах Чжоушань), т. е. хотя бы частично вывести свою торговлю с Китаем за пределы Гуанчжоу, где правила, связанные с системой гунхан, соблюдались особенно строго. Компания поддерживала связи с указанными портами с помощью судов, направленных из ее факторий в Индию и на Суматре, причем китайцам продавались преимущественно индонезийские и индийские товары, ввозилось также серебро (табл. 1).

Однако после неудачной попытки завязать прямые связи с

Таблица 1

ТОРГОВЛЯ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В СЯМЬНЕ И ЧЖОУШАНЕ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в. *

Порт	Год	Ввоз			Вывоз, ф. ст.	Число посетив- ших порт судов	Их суммар- ный тоннаж
		Товары	Серебро, монеты	Всего			
Сямьнь	1681	10 450	12 500	22 950	...	1	...
	1702	73 657	150 000	326 926	309 157	3	1108
	1704	3 770	15 071	35 345	86 686	2	895
	1735	29 964	...	1	460
Чжоушань	1701	50 611	27 400	2	525
	1707	2 781	21 000	23 781	...	1	250
	1736	2 068	37 205	39 273	40 384	1	460

* [141, с. 203]. Пересчет таэлей в фунты стерлингов здесь и ниже дан на основе 1 ф. ст. = 3 таэлям [141, с. 12].

портом Нинбо¹² английская торговля в Китае за пределами Гуанчжоу начала замирать.

В Гуанчжоу же в первой половине XVIII в. она возрождалась довольно значительными темпами (табл. 2). Общий товарооборот ее увеличился с примерно 20 тыс. ф. ст. (среднегодовой показатель за 1700—1704 гг.) до 200 тыс. ф. ст. (среднегодовой показатель за 1746—1750 гг.).

Следует при этом отметить, что рост английской торговли в Китае серьезнейшим образом сдерживался ее несбалансированностью: вывоз товаров из Китая в стоимостном выражении намного превышал ввоз (особенно в связи с неуклонным расширением закупок чая). Возникший в результате балансовый дефицит англичане вынуждены были покрывать серебром (в слитках и в монете). Причем в их экспорте в Китай данная статья составляла львиную долю (в 1708 г. — 96,5%; в 1730 г. — 97,5; в 1750 г. — 86%). Стремясь сократить расход серебра, англичане чем дальше, тем все шире использовали для продажи в Гуанчжоу индийские товары, в первую очередь хлопок. Опium, сыгравший впоследствии столь зловещую роль, до 60-х годов XVIII в. заметной роли в английском ввозе не играл. Среди собственно английских товаров выделялись свинец и шерстяные ткани.

Характерные для англо-китайского товарооборота в рассматриваемый период резкие колебания объема вызывались двумя причинами. Во-первых, достаточно часто англичане сокращали число судов, направляемых в Китай, из-за конфликтов между ними и местной администрацией в Гуанчжоу, возникавших вследствие как придиоров последней и вводимых ею различных ограничений, так и буйного поведения «сынов Альбиона» на китайской земле. Во-вторых, весьма существенно сказывалась общая международная ситуация: в период войн, в которых Англия принимала участие (за испанское — 1701—1714 гг. — и австрийское — 1740—

АНГЛИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ В ГУАНЧЖОУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.*

2*

Грузооборот				Ввоз, ф. ст.				Вывоз			
Год	Число судов	Средний тоннаж судна	Вес груза, т	Год	Серебро (в монетах и слитках)	Товары	Всего	Год	Чай, фунты	Шелк-сырец, фунты	Всего, ф. ст.
1721	4	440	1670	1708	32 387	1 571	33 958	1708		849	...
1730	5	490	2025	1720	96 439	7 278	103 717	1720	196 625	512	...
1741	6	495	2470	1721	113 476	1721	108 921
				1723	43 455	4 899	48 354	1729	1416 028	4 550	14 000
				1730	193 810	4 860	198 670	1730	163 315
				1738	70 441	10 586	81 027	1732	620 496	47 481	...
				1741	136 500	1737	2 895 529	...	10 200
				1742	39 024	7 460	46 484	1742	690 807	2 361	...
				1750	152 017	21 438	173 455	1753	2 824 604	83 104	...
				1756	287 071				

* [141, с. 121, 213].

1748 гг. — наследства, англо-французская — 1744—1748 гг.), она направляла в Китай лишь по одному-два судна в год.

Тем не менее развитие торговли между Китаем и Англией, являвшейся в то время единственной формой отношений между данными странами, привело в целом к росту числа англичан, прибывавших в китайские порты, главным образом в Гуанчжоу. В последнем были открыты фактории британских фирм, постоянно находились представители судовых компаний. Учащавшиеся контакты англичан с местными торговцами и населением рождали различные юридические вопросы, связанные с многочисленными инцидентами (драки, убийства, воровство и т. п.)¹³.

Местная администрация в таких случаях с полным основанием требовала соблюдения китайских законов и стремилась привлечь виновных к ответственности на основе китайского законодательства и обычаев. Англичане же обычно либо откупались, либо укрывались на своих кораблях или в здании фактории.

В 1729 г. была предпринята первая попытка добиться права неподсудности китайским законам для английских подданных. Суперкарго Табольт, обращаясь к представителям гуанчжоуских властей по частному вопросу, в качестве основы для решения конфликта выдвинул следующее положение: «Если кто-либо из наших людей будет признан виновным в ссоре между ним и китайцами, мы сами будем наказывать его согласно законам нашей страны» [141, с. 119].

Подобное заявление, хотя и сделанное частным лицом, переводило вопрос из сферы юридической в политическую, поскольку затрагивалась проблема суверенности в отношениях между государствами. Требование Табольта отражало общую тенденцию колониальной политики Англии. Приобретение прав экстерриториальности было одной из главных целей британских колонизаторов, важным условием функционирования английского капитала в колониях и зависимых странах.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. (до прибытия в Китай миссии Макартнея)

В рассматриваемый период Цинская империя достигла вершины своего внешнеполитического могущества.

Заключение с Россией Нерчинского (1689 г.) и Кяхтинского (1728 г.) договоров заложило прочные основы для взаимовыгодной равноправной торговли и для поддержания официальных посольских связей.

Во второй половине 50-х годов XVIII в. цинскими войсками после напряженной, кровопролитной войны были захвачены Джунгария и Восточный Туркестан.

Затем наступила очередь южных и юго-западных соседей Китая. В 1769 г. вассальную зависимость от Цинов вынуждена была признать Бирма, в 1790 г. — Аннам, в 1792 г. — Непал (Корея и

Монголия в аналогичное положение были поставлены еще в XVII в.).

Цинские императоры последовательно придерживались традиционной внешнеполитической китасцентристской доктрины¹⁴, обуславливавшей высокомерно-пренебрежительное отношение ко всем иностранцам, включая и европейцев.

Ко второй половине XVIII в. могущество Англии, добившейся решающих успехов в борьбе со своими соперниками за колониальное господство, значительно выросло. Особое значение в указанном плане имела решительная победа англичан над французами (в ходе Семилетней войны (1756—1763) в их споре за Индию, что предопределило установление в ней господства Англии.

В 1757 г. Ост-Индской компании, превратившейся в результате, по словам К. Маркса, «из торговой державы в державу военную и территориальную» [1, с. 152], удалось захватить богатейший район Индии — Бенгалию, ставшую ее торгово-экономической и стратегической базой. Овладев ресурсами Бенгалии (а затем и рядом других индийских княжеств) и введя на завоеванных территориях монополию внешней торговли, Ост-Индская компания получила возможность устранить одно из препятствий, тормозивших развитие англо-китайской торговли, — нехватку товаров для сбалансирования товарооборота.

УЖЕСТОЧЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛЕЙ В КИТАЕ И ЕЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ

Настойчивые попытки европейцев добиться права свободной торговли вызвали опасения у цинских правителей.

В 1757 г. императором Цяньлуном был издан указ, согласно которому европейцам разрешалось заниматься торговлей только в Гуанчжоу (на территории порта). В случае захода европейского судна в Нинбо или Чжоушань предписывалось конфисковывать находившиеся на нем «оружие, пушки, амунизию и паруса», а за привезенные товары «взыскивать двойную пошлину» [141, с. 126]. В развитие этого указа (хотя в нем в принципе не исключалась возможность завоза европейских товаров в Нинбо и Чжоушань) администрация Фуцзяни, Чжэцзяна и Гуандуна специальными распоряжениями безоговорочно запретила заход европейских судов во все китайские порты, кроме Гуанчжоу.

Строгое территориальное ограничение европейской торговли, монополизация ее с китайской стороны системой гунхан, жесткий контроль цинской администрации — все это вызывало решительные протесты иностранных торговцев, в первую очередь английских. В противовес системе гунхан они в 1758 г. создали в Гуанчжоу свою объединенную торговую организацию — Совет английских суперкарго, состоявший из четырех человек во главе с президентом. На Совет была возложена задача согласовывать дей-

ствия английских фирм и представлять английскую сторону в переговорах с гунхан и китайской администрацией.

Одновременно англичане попытались явочным порядком начать торговлю в других китайских портах и таким образом заставить китайские власти отказаться от введенных ими территориальных ограничений. 13 июня 1758 г. правление Ост-Индской компании приказало суперкарго Флинту на судне «Саксесс» направиться в Нинбо, и если китайские власти не разрешат зайти в него, то проследовать не в Гуанчжоу, а в Тяньцзинь (куда английские суда еще не заходили) и требовать аудиенции у императора. Попытки Флинта по прибытии в Тяньцзинь (21 июля) добиться приема у императора не имели успеха. Тем не менее Цяньлун дал указание гуанчжоуским властям рассмотреть английские жалобы.

На переговорах в Гуанчжоу китайская сторона пошла на некоторое смягчение системы гунхан, однако в принципе установленный режим был сохранен. За отказ исполнить унижительную церемонию коу-тоу (многочисленные поклоны) на приеме у генерал-губернатора после окончания переговоров Флинт был арестован (по обвинению в самовольном выходе его судна в Нинбо). После трех лет заключения он был выслан из Китая (см. [139, т. 1, с. 301—305; 141, с. 135]). Таким образом, попытка англичан явочным порядком разрушить систему территориального ограничения европейской торговли потерпела неудачу.

НАРУШЕНИЕ АНГЛИЧАНАМИ КИТАЙСКОГО ЗАПРЕТА НА ВВОЗ ОПИУМА

Конфликтная ситуация в китайско-английских отношениях с 60-х годов XVIII в. обострилась в связи с увеличением ввоза в Китай опиума, преимущественно из Бенгалии, хотя иностранцам был известен изданный в 1729 г. императором Юнчжэнем закон, строго запрещающий продажу и курение опиума (см. [139, т. 1, с. 215]). С середины 60-х годов экспорт опиума в Китай (до этого не превышавший разрешенной законом — для использования в медицинских целях — нормы в 200 ящиков¹⁵) начал стремительно возрастать (в ящиках) [139, т. 2, с. 140—141]]:

Год	Минимальная оценка объема ввоза	Максимальная оценка объема ввоза
До 1767 (в среднем в год)	100	200
1767	200	1000
1773	1000	...
1781—1782 (в среднем в год)	1400	1600
1786	1300	2000
1790	4054	5054

Экспорт опиума в Китай осуществлялся нелегально — при посредничестве португальцев через Макао, откуда он на джонках доставлялся в Ваншу — предместье Гуанчжоу (см. [141, с. 160]). Этим и объясняется оценочный характер приведенных выше сведений, дающих наглядное представление о размерах материального и морального ущерба, наносимого западноевропейскими, преимущественно английскими, торговцами китайскому народу. Выручка за ввезенные в Гуанчжоу в 1790 г. 200—250 т опиума составила 1400—1900 тыс. ф. ст.¹⁶. Для уяснения важности этой новой статьи экспорта в Китай для англичан следует напомнить, что вся стоимость легального ввоза Ост-Индской компанией, включая индийские товары, составляла в указанном году 1970 тыс. ф. ст.

Столь значительная контрабанда опиума, имевшая следствием распространение его курения и открытие многочисленных и весьма доходных опиокурilen, не осталась, естественно, незамеченной китайской администрацией. Легально существовавший порядок торговли, предусматривавший многочисленные налоги и сборы с европейских торговцев, включая полуофициальные «подарки»¹⁷, «дополнился» благодаря опиоторговле всепроникающей системой безудержного взяточничества в самых различных формах, ставшего источником внушительных доходов местных властей и чиновников.

Вначале ввоз бенгальского опиума в Китай осуществлялся индийскими частными компаниями, среди которых было «много английских, занимавшихся торговыми делами в Индии» [141, с. 168]. В 1773 г., соблазнившись высокой прибыльностью опиоторговли и учитывая, что она, несмотря на официальный запрет, протекает без каких-либо осложнений и даже при активном содействии китайских чиновников, Ост-Индская компания взяла экспорт опиума целиком в свои руки. С этого времени запрещение на ввоз опиума нарушалось уже не частными фирмами, а фактически английским правительством в лице Ост-Индской компании. Опиум стал одним из главных объектов споров и конфликтов, переросших из области частноправовых в межгосударственные китайско-английские отношения.

АНГЛО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Несмотря на отсутствие договоренности об условиях проведения торговли на территории Китая, что приводило к конфликтам, а порою к перерыву операций, объем англо-китайской торговли к концу XVIII в. возрос более чем в 8 раз (табл. 3).

Данные табл. 3 свидетельствуют, что в рассматриваемый период по стоимости товарный экспорт Англии продолжал серьезно уступать импорту. В то же время ввоз англичанами в Китай серебра, игравший огромную роль в прошлом, практически сошел на нет. Подобное радикальное изменение объяснялось неуклонным

Таблица 3

ТОРГОВЛЯ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В ГУАНЧЖОУ
ВО ВТОРОМ ПОЛОВИНЕ XVIII в. *,
тыс. таэлей

Год	Ввоз					Вывоз
	Общий объем	Серебро (в монетах и слитках)	Товары			
			Всего	Из Англии	Из Индии	
1751	483,3	412,8	70,5
1762	364,3	729,3
1770	1018,9	1343,3
1776	419,9	—	419,9	373,5	46,4	...
1778—						
1779	384,8	—	384,8	1022,7
1780	474,2	—	474,2	433,7	40,5	...
1785	687,3	—	687,3	687,3	—	2965
1789	2617,7	1321,9	1295,8	4433,4
1790	3938,9	2106,0	1832,9	1621,2	211,7	...
1795	1969,2	—	1969,2	1879,9	89,3	...
1796	2221,5	121,0	2100,3	6248,9

* [141, с. 159, 167].

возрастанием контрабандного завоза в Китай бенгальского опиума, превратившегося в важнейший фактор сбалансирования англо-китайской торговли. Выручка от сбыта этого наркотика покрывала все расходы, связанные с быстро увеличивавшимся импортом Англии китайских товаров.

Следует отметить также значительное увеличение легального экспорта в Китай английских шерстяных тканей, свинца, индийского хлопка и некоторых других товаров.

За 20 лет (1776—1795) ввоз английских шерстяных тканей в Гуанчжоу вырос более чем в 6 раз (в тыс. таэлей) [141, с. 212]:

Год	Объем ввоза	Год	Объем ввоза
1776	254,062	1787	619,049
1778	351,513	1790	1192,263
1780	403,462	1791	1451,795
1783	708,629	1793	1788,309
1785	577,368	1795	1634,796

Почти в 2 раза — с 56 130 до 118 668 пикблей — увеличился за 10 лет (1786—1795) экспорт в Китай индийского хлопка (см. [141, с. 167]).

Высокий уровень производства шерстяных тканей в Англии позволял, как свидетельствуют английские источники, экспортировать данные изделия в Китай в еще больших количествах, если бы этому не мешала опиеторговля, дававшая более высокую

Таблица 4

ВЫВОЗ ЧАЯ ИЗ ГУАНЧЖОУ *

Годы	Всего, тыс. фун- тов	Ост-Индской компанией, тыс. фунтов	Торговцам других европейских стран, тыс. фунтов	Доходы английского правительства от импорта чая, тыс. ф. ст.
1767—1768	17 347	4 580	12 767	1 034
1775—1776	16 243	3 402	12 841	1 221
1780—1781	18 571	6 846	11 725	1 227
1783—1784	28 988	9 916	19 072	1 289
1785—1786	29 195	13 480	15 715	324
1790—1791	25 660	23 369	2 291	312
1794—1795	27 871	23 733	4 138	352
1795—1796	22 129	19 370	2 759	503

* [141, с. 162].

прибыль. По указанной причине для английских экспортеров было выгоднее продавать шерстяные ткани на европейском рынке, где цены на них были значительно выше. Однако после 1784 г., когда Ост-Индской компании была предоставлена монополия на импорт в Англию китайских товаров, вывоз шерстяных тканей стал быстро расти, и с начала 90-х годов они абсолютно преобладали в легальном английском экспорте в Китай.

Ведущее место среди индийских товаров (не считая опиума) принадлежало хлопку. В Гуанчжоу он пользовался повышенным спросом, поскольку без него местные кустари могли покрывать потребности производства только за счет сырья, завозимого из отдельных провинций страны. В последней четверти XVIII в. ввоз его компанией быстро увеличивался — с 65 тыс. пикюлей в 1786 г. до 118 тыс. пикюлей в 1796 г.

Основными статьями импорта Англии из Китая в рассматриваемый период были чай и шелк-сырец.

До середины 80-х годов быстро возрастающие потребности Англии в китайском чае удовлетворялись в значительной степени за счет его привоза торговцами других европейских стран. Однако после получения Ост-Индской компанией в 1784 г. монопольного права на импорт из Китая она резко увеличила закупку чая, намного опередив в данной сфере своих зарубежных конкурентов (табл. 4). При этом, правда, существенно снизились прямые доходы английского правительства (при баснословном увеличении прибылей Ост-Индской компании), поскольку почти прекратился ввоз чая в Англию зарубежными фирмами, облагавшийся высокими пошлинами.

Рост завоза китайского шелка-сырца (в тыс. фунтов) был прямо связан с бурным развитием английской прядильной и ткацкой промышленности, для которой он служил важным сырьем [141, с. 215]:

Год	Объем ввоза	Год	Объем ввоза	Год	Объем ввоза	Год	Объем ввоза
1751	61,0	1760	75,7	1780	301,3	1790 }	216,0
1755	124,2	1765	167,2	1783	98,9	1795 }	154,5

Согласно официальным отчетам Ост-Индской компании, ее легальный экспорт в Китай приносил незначительные доходы, а в отдельные годы был даже убыточным¹⁸. Но все это перекрывалось прибылями, получаемыми ею от продажи китайских товаров в Англии (в 1793—1794 гг. — 529,8 тыс. ф. ст., в 1794—1795 гг. — 723,2 тыс. ф. ст., в 1795—1796 гг. — 917,7 ф. ст. [138, с. 477]).

Высокоприбыльные коммерческие операции Ост-Индской компании сдерживались, а в отдельные годы прерывались из-за нерегулированности главного вопроса — условий торговли англичан в Китае. Стремление английских колонизаторов запугиванием и подкупом китайских властей добиться привилегированного положения (в первую очередь — экстерриториальности) лишь усиливали конфликтность и неопределенность ситуации, готовой в любой момент вылиться в открытое столкновение.

ПЕРВЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ АНГЛИИ С КИТАЕМ (посольство лорда Макартнея в Китае)

К концу XVIII в. активность Англии на Востоке во многом стимулировалась экономическим развитием страны. В свою очередь, возрастала и зависимость английской промышленности от ввоза сырья. Зарождение в 1785 г. в Англии фабричного производства, открывшее новую страницу в мировой истории, в то же время ставило самую передовую по тому времени отрасль промышленности в полную зависимость от поставок хлопка извне.

В Индии англичане в 1792 г. успешно завершили войну с могущественным государством маратхов. Последовательное завоевание Англией Индийского субконтинента близилось к завершению. И в Китае, где англичане еще не имели военных преимуществ, Ост-Индская компания пыталась вести дела с администрацией с позиций силы, демонстрируя недоброжелательность и неуважение к китайским законам.

Многочисленные инциденты, возникавшие в ходе взаимоотношений англичан с местными властями (в связи как с торговыми делами, так и разгульным поведением моряков), в Англии истолковывались как результат произвола китайцев. Все настойчивее звучали требования вступить в непосредственный контакт с императорским двором и добиться свободы торговли.

Овладевшая большим опытом в отношениях с Востоком (что учитывалось английским правительством) и не желавшая выпускать из своих рук китайские дела, Ост-Индская компания приняла деятельное участие в подготовке первой правительственной миссии, направляемой в Пекин. Она была сформирована в тесном контакте с компанией и за ее счет.

В декабре 1787 г. миссия, возглавляемая лейтенант-полковни-

ком Ч. Каскардом, отплыла из Англии на фрегате «Вестал». Однако в связи со скоростной кончиной главы миссии у берегов Суматры корабль, не дойдя до Китая, вернулся в Англию.

В ходе последующих обсуждений было решено направить в Китай посла более высокого ранга с широкими полномочиями. Выбор пал на лорда Дж. Макартнея — известного колониально-го администратора, дипломата, бывшего генерал-губернатора Мадра-са, занимавшего в то время пост генерал-губернатора Бенгалии. В дипломатическом активе Дж. Макартнея имелось: успешное пребывание в качестве посла при дворе Екатерины II в Петер-бурге в 1764—1767 гг. и заключение торгового договора с Росси-ей (см. [51а, с. 17]).

Формальным поводом для отправки посольства Макартнея была передача послания-приветствия короля Георга III импера-тору Цяньлуну в связи с 83-летием со дня его рождения. Состав посольства, насчитывавший 95 человек, был весьма представи-тельным. Наряду с дипломатическим персоналом — особополно-моченным министром Г. Дж. Стаутоном (секретарь посольства), который мог замещать Макартнея, двумя помощниками секрета-ря (А. Максвелл и Э. Виндер), двумя переводчиками (китайца-ми, обучавшимися в колледже в Неаполе) — в него входили так-же специалисты по различным видам производства (часовщик, металлург, печатник, механик и др.), ученые (математик, физик, хирург) и музыканты. Посольство размещалось на двух кораб-лях — военном эскорте «Леон», вооруженном 64 пушками (ка-питан Э. Гауэр), и торговом судне компании «Хиндостан», грузо-подъемностью 1248 т (капитан В. Макинтош) [51а, с. 23—24]. В состав экспедиции было включено и небольшое грузовое судно «Шакал», на борту которого находились разнообразные богатые подарки Цяньлуну, а также многочисленные образцы английских изделий, с которыми посольские специалисты должны были озна-комить китайцев.

Перед Макартнеем ставились большие и всесторонние задачи. Однако, как отмечал американский историк Е. Г. Причард, «глав-ная цель была одна — торговая экспансия» [141, с. 178]. Посол должен был убедить императора, что развитие торговли выгодно обоим сторонам, и, подчеркнув ведущее место англичан в торгов-ле европейцев в Гуанчжоу, добиваться для них «покровительства» [141, с. 178]. В конкретном плане Макартнею поручалось добить-ся: 1) разрешения на торговлю английских купцов в Нинбо, на о-вах Чжоушань и в Тяньцзине; 2) разрешения иметь товарные склады в Пекине; 3) предоставления небольшой территории на Чжоушаньских островах и незначительного острова южнее Гуан-чжоу или Макао для постоянного пребывания англичан и устрой-ства товарных складов; 4) отмены транзитных пошлин между Гуанчжоу и Макао или их сокращения; 5) отмены всех местных пошлин в Гуанчжоу, предоставления англичанам копий всех указа-ний Пекина по вопросу о таможенных сборах (см. [139, т. 2, с. 224—225]), о размерах императорских пошлин.

Выдвигая эти требования, Макартней должен был заверить императора в глубоком уважении Англии к Китаю и обещать ему, что его стране и китайцам будут предоставлены аналогичные льготы.

Посольству поручалось также собрать данные об экономическом, культурном, социальном и военном состоянии Цинской империи, о ее внешней торговле, в первую очередь с Россией, в плане налаживания межгосударственных и упорядоченных взаимовыгодных торговых отношений с Китаем намного опередившей к рассматриваемому времени все европейские страны.

Посольство Макартнея отплыло из Портсмута 28 сентября 1792 г., в марте следующего года оно прибыло в Батавию, где задержалось на некоторое время в ожидании уведомления из Гуанчжоу о согласии Цяньлуна принять его. По получении такого сообщения экспедиция, не заходя в Гуанчжоу, где местные власти и купечество ревниво и недоброжелательно следили за попытками англичан установить прямые связи с императорским двором, проследовала на Тяньцзинь, а оттуда по р. Байхэ — в Пекин.

Между тем обстановка в Пекине отнюдь не благоприятствовала успеху миссии Макартнея. Цяньлун и его окружение, упоенные легкими победами над слабыми соседними государствами, не замечавшие происшедших в мире перемен, оказались неспособными оценить достижения мировой цивилизации и не собирались отказываться от политики изоляции своей страны. Правители Китая не допускали даже мысли о каких-либо отступлениях от великодержавных представлений о других народах и государствах, от утвердившейся унижительной для иностранцев имперской ритуальности.

Кроме того, установление Цинской империей в 1792 г. контроля над Непалом привело ее в непосредственное соприкосновение с превращаемой Англией в свою колонию Индией. Пекин не без основания беспокоила поддержка англичанами воинственных гуркхов, составлявших часть непальских войск и совершавших набеги на Тибет.

В этих условиях, понятно, не могло быть и речи о каких бы то ни было уступках домогательствам Англии.

Во взаимоотношениях с посольством Макартнея сказались и такие черты цинской дипломатии, как чванливость, высокомерие, пренебрежительное отношение к другим странам и народам, проявлявшиеся при сношениях с представителями любых государств.

На джонке, предоставленной посольству для проезда по р. Байхэ, цинские чиновники вывесили надпись: «Посольство с данью английского короля». Подобный оскорбительный жест был обусловлен полученными из Пекина инструкциями, предписывавшими сразу же поставить посольство в положение представителя вассального государства. В частности, глава Дворцового управления (Нэйфу) Хэ Шэнь в письме от 14 августа 1793 г., направленном в Тяньцзинь, давал следующие указания: «При случае, во время переговоров тактично информировать его (Макартнея. —

М. С.), что когда представители различных государств прибывают в Поднебесную преподнести дань и получают аудиенцию, то не только послы, но и принцы должны исполнять все церемонии, трижды вставать на колени и девять раз бить челом» (цит. по [51а, с. 32—33])¹⁹.

По прибытии в Пекин Макартнею пришлось, оставив там свою свиту, направиться в летнюю резиденцию императора в пров. Жэхэ, где Цяньлун отмечал свой день рождения.

Почти все время пребывания Макартнея в Жэхэ ушло на обсуждение церемонии, связанной с аудиенцией у императора. После длительных споров Макартней согласился, как это было принято в Англии на приеме у короля, преклонить перед китайским монархом одно колено, отвергнув требования китайских чиновников, настаивавших, чтобы он встал на оба колена (т. е. выполнить обряд коу-тоу в полном объеме) (см. [139; т. 1, с. 55; 141, с. 182]).

Последовавшие затем две встречи с Цяньлуном свелись лишь к исполнению протокольных церемоний, и Макартнею не удалось перейти к обсуждению деловых вопросов. Вернувшись 3 октября в Пекин, он письменно изложил императорскому двору требования, содержащиеся в наказе английского короля (см. [139, т. 2, с. 224—225; 141, с. 183]).

7 октября Макартнею был вручен ответ Цяньлуна, изложенный в форме императорского эдикта и выдержанный в стиле обращения к вассалу: «Мы, Император благосклонностью Неба, даем наказ Королю Англии отметить наши заботы. Хотя Ваша страна, о, Король, находится за далекими океанами, тем не менее Вы склонили Ваше сердце в сторону цивилизации и специально направили посла почтительно преподнести государственное послание. Переплыв моря, он прибыл к нашему Двору, преклонил колени и преподнес поздравления по случаю дня рождения Императора, и также передал изделия Вашей страны. Тем самым была показана Ваша искренность.

Мы внимательно рассмотрели текст Вашего государственного послания, выражающее Наше усердие... На главу посольства и его заместителя, доставивших государственное послание и преподнесших предметы дани... мы распространили нашу благосклонность и учтивость и приказали нашим министрам предоставить им императорскую аудиенцию... Что касается Ваших просьб, содержащихся в послании, о, Король, в частности, чтобы было разрешено одному из Ваших подданных проживать в Поднебесной империи для наблюдения за торговлей Вашей страны, то это не согласуется с церемониальной системой Небесной империи и определенно не может быть дозволено. Действительно, добродетель и власть нашей династии проникают далеко, во множество королевств, представители которых приходят [к нам], чтобы выразить почтение и передать самые различные изделия „из-за гор и морей“. Они собраны у нас, и Ваш посол вместе с сопровождающими его видел их сами. Тем не менее мы никогда не ценили

искусные хитроумные изделия и у нас нет ни малейшей необходимости в том, что производится в Вашей стране» [51а, с. 337—341] ²⁰.

Ответ Цяньлуна не оставлял надежд на благоприятный исход переговоров, и посольство Макартнея в тот же день в сопровождении вновь назначенного генерал-губернатора Гуандуна Чан Ли-на направилось по Великому каналу в Гуанчжоу.

Данные Чан Лином Макартнею в пути обещания несколько смягчить торговые ограничения не были выполнены. После трехмесячного пребывания в Макао посольство Макартнея возвратилось в Англию (10 июня 1794 г.), не добившись поставленных перед ним целей.

В английской исторической литературе его неудачу объясняют различными причинами, в том числе и взаимной неосведомленностью англичан и китайцев о национальных обычаях, традициях, отсутствии необходимых предварительных переговоров, а также кознями миссионеров-иезуитов, возбуждавших неприязнь к англичанам, и т. д. Многие авторы большое значение придают субъективным качествам Макартнея — его негибкости, непониманию специфического характера китайцев, в том числе отказу выполнять церемонию коу-тоу ²¹.

Несомненно, что неподготовленность сторон для переговоров имела определенное отрицательное значение, но однако, неудача миссии Макартнея была обусловлена фактором иного рода — отсутствием объективных условий для достижения взаимоприемлемого китайско-английского соглашения. Китай в этот период был не настолько слаб, чтобы пойти на уступки Англии по принципиальным для него вопросам; Англия же не была достаточно сильной, чтобы навязать свои требования Китаю силой оружия.

Сам Макартней вынужден был признать неудачу своей миссии. «Тем не менее, — писал он, — я не считаю, что мы ничего не сделали, так как мы сейчас стали знатоками географии северо-восточных берегов Китая и получили сведения о Желтом море, по которому никогда ранее не плавали европейские суда» (цит. по [51а, с. 35]).

Нельзя не признать, что сведения, собранные посольством Макартнея, действительно имели большое научно-познавательное значение. Особенную ценность представляет дневник главы посольства. Макартней подробно изложил свои наблюдения и размышления о всем виденном и о событиях, имевших место от прибытия в июне 1793 г. в Макао и до возвращения туда из Пекина в январе 1794 г. Путешествуя от Пекина до Гуанчжоу (через Тяньцзинь, Ханчжоу, Чанша, Наньчан, Ганьчжоу, по Великому каналу и рекам Цяньтанцзян и Ганьцзян), он получил возможность побывать в провинциальных городах, многие из которых ранее были недоступны для европейцев. Значительный научный интерес представляют «обозрения» Макартнея, в которых он на основе личных наблюдений и сведений, полученных от европейских миссионеров и торговцев, рассматривал такие вопросы, как об-

щественная жизнь Китая, форма правления, система назначения гражданских и военных чиновников, китайская юриспруденция, виды собственности, население страны, доходы, торговля, искусство и наука, судоходство, язык.

Еще большее значение имеет трехтомное сочинение секретаря посольства Дж. Л. Стаунтона [145]. Известный русский востоковед Н. В. Кюнер дал весьма высокую оценку этому труду Стаунтона, как описанию, составившему эпоху в европейской литературе о Китае. «Независимо от важности изложенных в описании исторических фактов, — писал Н. В. Кюнер, — рассказ сэра Джорджа Стаунтона рисовал Китай — страну и народ — в совершенно новом свете и с истинно научной точки зрения, возбуждая особый интерес к далекой стране сообщением более правдивых и ярких представлений об ее обширности и многолюдности, истинной роли и характере ее цивилизации» [99, с. 28].

Следовательно, определенное значение посольство Макартнея имело лишь с точки зрения познания европейцами далекого и загадочного для них Китая. В плане же решения конкретных вопросов англо-китайских отношений оно оказалось безрезультатным и в некоторой степени даже осложнило эти отношения.

* * *

Установление первых контактов между Англией и Китаем и последующее их расширение не регламентировалось какими-либо межгосударственными договорами и соглашениями между правительствами обеих стран и протекали в условиях обостряющейся напряженности.

Цинские правители Китая в течение XVII и XVIII вв. проводили в отношении соседних народов агрессивную политику и в то же время стремились изолировать китайский народ от внешнего мира, не допустить воздействия на Китай мировой цивилизации.

Политика изоляционизма сопровождалась строгим запрещением выезда китайских купцов за границу, ограничением китайского морского судоходства; Пекин не проявлял инициативы в установлении торгово-экономических связей с передовыми странами мира, тем самым объективно стимулируя перенесение внешней торговли на территорию Китая. В таких условиях любая льгота, которую добивались иностранные торговцы в Китае, оказывалась односторонней, поскольку китайцы (из-за запрета выезда) аналогичными льготами на правах взаимности воспользоваться не могли.

Принятый цинским режимом курс на изоляцию страны от передовых государств мира, во многом обусловленный китаецентристской доктриной, проповедовавшей абсолютное превосходство китайской цивилизации и невозможность поэтому равных отношений Поднебесной с другими странами, немало способствовал тому, что во взаимоотношениях с экономически передовым Западом Китай с самого начала был поставлен по существу в положение обороняющегося.

Экспансионистский характер политики Англии в отношении

Китай достаточно определенно выявился уже с первых шагов ее представителей по китайской земле. Однако ни в XVII, ни в XVIII в. Англия еще не обладала достаточно прочными позициями в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. В Азии она в указанный период сконцентрировала свои усилия на завоевании Индии. По указанным причинам Англия тогда не могла рассчитывать на военный успех при столкновении с Китаем.

В XVIII в. после введения Цинами монопольной системы гунхан на торговлю с европейцами начинается длительный период мирного торгового наступления англичан под флагом Ост-Индской компании, т. е. без формального участия правительства. Несмотря на многократные ужесточения Пекином торгового режима, англо-китайский товарооборот возрастал, увеличивалось число прибывавших в Гуанчжоу британских судов (с 3 в 1716 г. до 46 в 1799 г.); количество подданных Англии, оседавших в китайских портах, возросло с 700 человек в 1750 г. (всех иностранцев — 1900 человек) до 4600 в 1790 г. (всех иностранцев — 5900 человек). Все это породило целый ряд как чисто торговых, так и касавшихся правового статуса британских подданных условий приобретения недвижимости и т. п. В этих условиях правительство Великобритании в середине 90-х годов XVIII в. предприняло попытку обеспечить интересы английского торгового капитала в Китае путем достижения межгосударственной договоренности (посольство Дж. Макартнея). Ост-Индская компания оказалась не в состоянии обеспечить интересы Англии.

Однако домогательства Англии были отвергнуты Цинской империей, находившейся тогда в зените своего могущества. Категорический отказ Пекина был обусловлен китасцентристской внешнеполитической доктриной, не допускавшей какого-либо формального равенства во взаимоотношениях Китая с другими государствами. Высокомерие цинских правителей, не осознававших происшедших в мире перемен, на этот раз сыграло в определенной мере положительную роль в плане охраны государственного суверенитета Китая. Однако неуклонно проводимый ими в жизнь курс на изоляцию страны от всех веяний мировой цивилизации, реакционная внутренняя политика, бессмысленная растрата сил и средств государства на завоевательные походы — все это предопределяло отсталость Китая, неподготовленность его к отражению наступления капиталистических государств.

Неудачи дипломатической миссии Макартнея не изменили общего экспансионистского курса Англии. Завоевание Индии и укрепление позиций в Юго-Восточной Азии давали возможность английским колонизаторам подкрепить свой нажим на Китай военной силой.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Цинская монархия вступила в XIX в. не подготовленной к противоборству с приближавшейся к китайским границам экспансией капиталистической Англии. Одержав легкие победы над малыми южными странами во второй половине XVIII в., цинские правители не предпринимали каких-либо мер по укреплению позиций Китая в подвассальных странах, ограничивая связи с ними только взиманием поборов, дани, что вело лишь к ухудшению положения их народов. Феодалная империя Цинов растрачивала авторитет Китая и его влияние в южных странах и не могла рассчитывать на их поддержку, так же как и сама была не в состоянии защитить их. В то же время, оторванные от реального мира, цинские монархи продолжали считать «Поднебесную империю» центром и властелином мира. Защиту от внешней опасности, исходившей прежде всего от западных стран, они пытались найти в строгой изоляции Китая, в стремлении удержать китайский народ в темноте и невежестве, обеспечивавшей его покорность «всемогущему» и «Сыну Неба» и безропотное перенесение жестокой эксплуатации.

Политика Цинов привела страну к застою, разорению и вызвала всеобщее негодование в китайском народе. В конце XVIII в. многие провинции (Хэнань, Хунань, Хубэй, Шэньси, Ганьсу, Сычуань) были охвачены массовыми крестьянскими восстаниями под руководством тайных обществ «Байляньцзяо» («Белый лотос»), «Саньхэхой» («Триада») и др. В начале XIX в. правительственным войскам удалось подавить их, однако устои цинской монархии были поколеблены, и она вступила в полосу глубокого социально-экономического кризиса. Оценивая этот период, известный китайский историк Фан Вэньлань писал: «Классовое и национальное угнетение, переплетаясь, опутало китайский народ сетью жестокой эксплуатации и репрессий. В условиях господства феодальной реакции в Китае долгое время не имелось возможности для сколько-нибудь значительного развития капиталистических отношений. Именно поэтому иностранные капиталисты смогли проникнуть в Китай и, объединившись с господствующими в Китае феодалами, стали еще более жестоко угнетать китайский народ» [114, с. 17].

Иным было положение Англии, которая, превратившись в могущественную колониальную державу, переживала бурный внутренний подъем. Ее внешнеторговая экспансия на рубеже XVIII и XIX вв. приняла, как отмечал К. Маркс, гигантские размеры.

«Промышленная революция», развернувшаяся в Англии с середины XVIII в., к концу столетия привела к использованию машин во всех важнейших отраслях производства, что сделало ее первой индустриальной державой мира. Успехи промышленности, базировавшейся на дешевом колониальном сырье (хлопок, шелк-сырец и др.), обеспечили быстрый рост английского экспорта.

Дальнейшее расширение колониальных владений Англии в Южной Азии (к 30-м годам XIX в. под властью англичан оказалась почти вся Индия) создало необходимые экономические и военно-стратегические условия для усиления экспансии на Дальнем Востоке.

НАРАСТАНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ В АНГЛО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Неудача посольства Макартни не изменила характера поведения англичан в Китае: они по-прежнему пренебрегали китайским законодательством, добивались ликвидации монопольной системы гунхан в торговле с иностранцами. Инциденты, возникшие на данной почве между англичанами и местными властями, выливались в кровавые драки, ранения и убийства китайцев¹.

При этом, вопреки требованию китайских властей передать виновных англичан для привлечения к судебной ответственности, капитаны судов и английский консул — уполномоченный Ост-Индской компании отказывались выдавать виновных китайским властям, создавая тем самым остроконфликтную ситуацию. В ряде случаев китайская сторона шла на компромисс, и инциденты исчерпывались уплатой денежного штрафа (до 5 тыс. таэлей за убитого и 1—2 тыс. за раненого), но иногда дело доходило до приостановки торговли и выдворения английских судов из китайских вод.

Еще более значительным поводом для ухудшения англо-китайских отношений являлось игнорирование английскими торговцами ограничений на экспорт в Китай индийского опиума: в 1798—1800 гг. его среднегодовой объем составлял 4113 ящиков, оцениваемых примерно в 1,5 млн. долл. [139, т. 1, с. 103—104, т. 2, с. 140—141].

Увеличение завоза опиума сопровождалось быстрым распространением опиокурения, принявшим уже в конце XVIII в. угрожающие размеры. В 1796 г. император Цзяцзин специальным эдиктом подтвердил введенное в 1729 г. запрещение на импорт и курение опиума. В 1800 г. был обнародован новый указ аналогичного содержания. Завоз опиума объявлялся контрабандой, что

предполагало его конфискацию (на этот раз не делалось исключения и для ввоза опиума в медицинских целях).

Однако вся эта законодательная активность отнюдь не остановила наплыва опиума в Китай. Подгоняемые жаждой быстрого и легкого обогащения, английские торговцы, используя продажность цинских чиновников², увеличили завоз опиума в Гуанчжоу с 1814 ящиков в 1795 г. до 4575 ящиков в 1800 и 1801 гг.

В первые годы XIX в. «техника» провоза опиума в Гуанчжоу оставалась прежней: английские суда бросали якорь, не заходя в порт; опиум с них на берег, в обход таможенного контроля, доставлялся на джонках. В 1809 г. исчезла необходимость и в этих примитивных уловках. По соглашению с гуанчжоускими властями англичане получили право вводить свои корабли в порт, давая лишь ничего не значащие заверения, что не везут опиума (см. [139, т. 1, с. 176]).

Желая уклониться от формальной ответственности за нарушения императорского указа, Ост-Индская компания в 1813 г. отказалась от своих монопольных прав на продажу опиума в Китае, чем воспользовались многие английские фирмы (иногда выступавшие как индийские). Это придало контрабандной торговле большую маневренность и облегчало сношения с китайскими покупателями.

В начале XIX в. опиумение в Китае превратилось в национальное бедствие, угрожавшее нравственному и физическому здоровью народа. Цзян Сяннань и Хуан Цзюэцзы, авторы труда «О запрещении опиума», писали: «Ныне среди столичных чиновников курильщиками опиума являются 1—2 человека из десяти, среди провинциальных чиновников — 2—3 из десяти, среди писцов и чиновников уголовной и налоговой палат — уже 5—6 из десяти, что же касается мелких чиновников, то среди них курильщиков несметное число» (цит. по [114, с. 31—32]).

Прогрессивные люди того времени требовали категорического запрещения продажи опиума. Протесты общественности поддерживались и некоторыми видными сановниками и в конце концов вынудили императора в 1813 г. издать указ, в котором содержалось резкое осуждение чиновников, причастных к опиумоторговле: «Во всех морских таможнях, в конечном счете, есть такие чиновники, которые в личных интересах взимают опиумные сборы в серебре, а это в итоге ведет к тому, что подлые люди занимаются барышничеством; можно ли удивляться, что приток этой отравы все больше возрастает» (цит. по [114, с. 27]).

Растущее в стране возмущение деятельностью контрабандистов и преступным попустительством им цинских властей нашло выражение в широком антиопиумном движении, вылившемся в движение по преимуществу антиевропейское, в первую очередь — антианглийское. Нападения возбужденных толп местных жителей на англичан заканчивались кровавыми побоищами.

Под воздействием антиопиумного движения ввоз этого наркотика в Китай в первые два десятилетия XIX в. почти не увеличил-

ся (в 1800—1801 гг. — по 4570 ящиков, в 1810—1811 г. — по 4958 ящиков, в 1820—1821 гг. — по 4244 ящика).

Официальный запрет ввоза опиума стимулировал значительный рост цен на него. Так, если в конце XVIII в. его ящик стоил в Гуанчжоу около 400 долл., то в 1816—1817 гг. — 1100 долл. и в 1820—1821 гг. — 1750 долл. В результате, несмотря на сохранение в течение двух десятилетий объема экспорта опиума практически на одном уровне, выручка европейских фирм от его продажи за этот же период возросла в 3—4 раза. Однако английские оппоторговцы не хотели мириться с приостановкой количественного роста ввоза опиума в Китай и требовали от своего правительства принятия более решительных мер для обеспечения им свободы торговли.

Англия к тому времени уже обладала достаточно прочными позициями в Юго-Восточной Азии и не считала для себя большим риском пойти на дальнейшее обострение отношений с Китаем. Объектом ее колониальной экспансии стали государства, находившиеся в вассальной зависимости от Цинской империи. В результате войны против Непала (1813—1816 гг.) англичане вынудили непальского короля согласиться на присутствие в его столице британского резидента, а южные округа страны были поставлены под контроль Англии. По существу, это означало конец китайского сюзеренитета над Непалом, что, несомненно, было прямым вызовом Китаю. Вслед за тем англичане вторглись в Бирму и аннексировали Ассам. Цинский двор не смог оказать какую-либо поддержку своим вассалам.

Беззащитно вели себя англичане и у берегов Китая. В 1814 г. британский фрегат «Дорис» вторгся в устье р. Чжуцзян и захватил там американское торговое судно (Англия в тот момент находилась в состоянии войны с США). Конфликт привел к временному прекращению торговли, которая возобновилась лишь после ухода «Дорис» из китайских вод.

Посольство Амхерста. В начале XIX в. английским правительством была предпринята новая попытка наладить дипломатические связи с Пекином. В феврале 1816 г. в Китай было направлено посольство во главе с бывшим генерал-губернатором Индии лордом Амхерстом. В его состав входили первый (Г. Эллис) и второй (Дж. Стаунтон) помощники посла, секретарь посольства (Г. Хэйн), а также ученые-специалисты (Дж. Девис, Т. Маннинг, Р. Моррисон) и обслуживающий персонал [131, с. 93—94]. Из Батавии, куда посольство прибыло в июне того же года, Амхерст с попутным американским судном направил в Гуанчжоу управляющему отделением Ост-Индской компании уведомление о пути следования посольства и его официальных целях (для передачи китайским властям). Амхерст, опасаясь задержки посольства местными китайскими властями, решил не заходить в Гуанчжоу и 21 июня из Багавии направился к Тяньцзиню.

По поводу предстоящего прибытия посольства Амхерста Цзя-

цин 22 июня 1816 г. издал специальный указ: «Англия прислала [своего] варварского чиновника с ходатайством о том, чтобы указанной стране [было разрешено] прислать [к нам] посла для принесения дани. В 11-й луне прошлого года посол отправился в путь. С Чжоушаньских [островов] в [пров.] Чжэцзян он прибудет в столицу империи водным путем, ибо прежде, при поднесении [Англией] дани, [ее послы] приезжали именно таким образом. В течение 5-й или 6-й луны этого года [послы] могут прибыть в Тяньцзинь... Поднесение Англией дани утверждено [нами]. Вместе с тем, [в данный сезон года] ветры в океане весьма непостоянны, поэтому мы не можем [с точностью] знать, в каком именно пункте пристанут даннические корабли этого государства. [В связи с этим] губернаторам Фуцзяни, Чжэцзяна, Цзянсу и Шаньдун приказано уведомить [власти] всех приморских округов и уездов о том, чтобы все они одинаково [прилежно] разузнали, через какие пункты проходят даннические корабли этого государства. Если [посольство] будет мирно плыть по морю, то нет необходимости препятствовать ему. [Однако] если его корабли приблизятся к побережью и бросят якорь, или же [посол] захочет изменить маршрут и сойдет на сушу [в каком-либо месте, кроме Тяньцзиня], ему следует указать, что ныне, после представления варварским чиновником... донесения генерал-губернатору Гуандуна и Гуанси, уже доложенного великому императору, ему, посланнику, разрешено пристать к берегу [только] в Тяньцзине. Узаконения правящей династии чрезвычайно строги. [Послу] не разрешается самовольно менять маршрут. Не разрешается также по частным делам приставать к берегам [нашей страны]. [Следует] вновь тайно приказать как гражданским, так и военным чиновникам [в районах] вдоль побережья усилить меры предосторожности, [им] нельзя допускать ни малейшей нерадивости» [18, цз. 318, л. 28а—29а].

Получив сообщение о продвижении посольских судов по установленному для них маршруту, император поручил сановникам Сулэнъэ и Гуань Хуэй встретить Амхерста как посла, прибывшего «поднести дань», устроить в честь его банкет и в знак благодарности за хороший прием потребовать исполнения церемонии коу-тоу. В императорской инструкции говорилось: «Если посол подчинится [правилам нашего церемониала], то [Сулэнъэ и Гуань Хуэй] должны в тот же день препроводить его в столицу. Если же посол окажется несведущим в церемониале, то им надлежит подать доклад и ожидать указа [с дальнейшими инструкциями]» [18, цз. 320, л. 66].

25 июля английские суда вошли в Бохайский залив. Получив разрешение 9 августа, посольство сошло на берег в Тяньцзине. Цинские сановники уже при первой встрече потребовали от посла исполнения перед ними церемонии коу-тоу, но встретили категорический отказ. Чтобы выиграть время Сулэнъэ и Гуань Хуэй, рассчитывавшие в дальнейшем уговорить Амхерста и тем снизить расположение императора, направили посольство не в Пе-

кин, а в Тунчжоу. Задержку приезда посла в столицу они в своих донесениях объясняли незнанием Амхерстом китайского ритуала и неподготовленностью к его выполнению.

После длительных споров и взаимных уступок Амхерст согласился лишь повторить те церемонии, которые были выполнены Макартнеем, причем только в присутствии императора. Цинские сановники, со своей стороны, также ссылались на пример первого английского посла, уверяя, что по протокольным вопросам он принял все предложения китайской стороны³. Надеясь, что Амхерст пойдет на дальнейшие уступки, они решили отправить посольство в Пекин, по-прежнему скрывая от императора отказ английского посла выполнить церемонию коу-тоу. Последующий ход событий изложен в указе Цзяцина от 30 августа 1816 г. Сановники, согласно этому документу, доложили императору, что «завтра на аудиенции англичане, несомненно, выполнят ритуал». Когда же Амхерст не явился на прием, они уверяли, что он болен («расстройством желудка», вследствие чего «ослабел»), что «все заместители посла больны и поэтому с аудиенцией лучше подождать до тех пор, пока главный посол не оправится». «Мы никак не ожидали, — говорилось в указе, — что служебные упущения этих тупых сановников могут оказаться такими серьезными⁴. Мы объявили указ об изгнании послов и велели им отправиться обратно в их страну. Мы не наказали их за тяжкую вину. Мы... приказали Гуань Хуэю препроводить посольство под охраной в Гуандун, где посадить его на корабль» [18, цз. 320, л. 66—9а]. Об изгнании посольства Амхерста говорилось и в письме Цзяцина в адрес английского принца-регента, составленном в тоне снисходительного высокомерия и заканчивавшемся словами: «Отныне Вам нет нужды посылать так далеко посла, заставляя его переходить через реки и переплывать моря» (цит. по [137, с. 23]).

После неудачи миссии Амхерста английское правительство вплоть до «опиумных» войн не предпринимало попыток вступить в дипломатические контакты с Пекином.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В 20—30-х ГОДАХ XIX в.

К началу 20-х годов, успешно завершив противоборство с наполеоновской Францией, Великобритания прочно утвердилась в положении первой индустриальной державы мира, «владычицы морей». Бурно расцветала английская внешняя торговля. В этих условиях монополия Ост-Индской компании на торговлю с Китаем стала подвергаться резкой публичной критике. В докладе парламентского комитета по делам внешней торговли в 1821 г. отмечалось, что англо-китайская торговля протекает с большими перебоями и что большую активность развили американские фирмы, товарооборот которых в Китае за последние 11 лет (с 1810 г.) удвоился. На этом основании делался вывод о необходимости

Таблица 5

ЗАВОЗ ОПИУМА В КИТАЙ В 1821—1839 гг. *

Годы	Доставлено в Китай, ящики		Продано	
	Всего (в среднем за год)	Из Турции	Количество, ящики	Стоимость, тыс. долл.
1821—1827	9 708	141	8 043	8 725
1828—1835	18 712	857	17 756	13 403
1835—1839	35 445	743

* [139, т. I, с. 210].

устранения ограничений на торговлю частных английских фирм с Китаем и ликвидации монополии Ост-Индской компании, неспособной справиться с существующими затруднениями.

Уже с 20-х годов продажа индийского опиума в Китае перешла в руки частных английских фирм. Они же начали осуществлять и закупку китайских товаров, хотя в законодательном порядке монополия Ост-Индской компании на торговлю с Китаем была ликвидирована лишь в 1833 г.

Опиум, ставший главной статьей английского экспорта, оказывал весьма существенное отягощающее воздействие на социальную жизнь китайского общества. Потребление его, несмотря на баснословные цены, стремительно распространялось, разоряя и без того нищающий люд. Простой человек, «даже упорно трудившийся целый год, — писал китайский историк XIX в. Ся Се, — был не в состоянии оплатить одну трубку для курения опиума в своей темной лачуге» (цит. по [114, с. 33]). Китайские купцы жаловались, что опиум вытеснил из торговли не менее половины других товаров, что при посредстве этого дурманящего зелья англичане и другие иностранцы выкачивают из Китая серебро, шелк и прочие ценности.

В 1821 г. после очередных кровавых инцидентов⁵ местные власти запретили британским судам заходить в Хуанпу, а затем приостановили английскую торговлю в Гуанчжоу. После этого центром распространения опиума стал о-в Линтин (вблизи устья р. Чжуцзян), который англичане рассматривали как территорию, не входящую в сферу действия китайского внешнеторгового контроля. Он был превращен в складскую базу, откуда опиум вывозился на джонках не только в Гуанчжоу, но и во многие другие китайские порты [139, т. I, с. 178—180].

В «линтинский период», как называют английские историки 1821—1839 гг., экспорт опиума в Китай возрос с 5959 (1821 г.) до 40 200 ящиков (в 1838—1839 гг.), т. е. более чем в 6,5 раза (табл. 5). В эти годы помимо продолжавшего занимать ведущее место индийского опиума в Китай ввозился и турецкий.

Столь значительное увеличение импорта опиума нарушило сложившуюся было сбалансированность торговли Китая с европей-

скими странами (в первую очередь с Англией). Дефицит покрывался серебром (в монете и изделиях), которое во все возрастающем количестве вывозилось в Европу. Опиеторговля, таким образом, стала одной из основных причин истощения финансов и расстройств денежной системы Китая, базировавшейся на серебре. Прогрессивный деятель того времени Хуан Цзюньцзы писал в 1838 г.: «С 3-го по 11-й год [эры] Даогуан (1823—1831) ежегодная утечка серебра составляла 17 млн. лянов, с 11-го по 14-й год Даогуана (1831—1834) ежегодная утечка серебра составляла сумму более 20 млн. лянов, а с 14-го года по настоящее время утечка серебра достигла ежегодной суммы более чем в 30 млн. лянов. Кроме того, к этой сумме следует добавить еще несколько десятков миллионов лянов, утекающих через порты провинций Фуцзянь, Чжэцзян, Шаньдун, а также через Тяньцзинь. Столь необходимые для нас богатства Китая бросаются в бездонную пропасть — идут на удовлетворение нужд заграницы, а взамен мы получаем лишь идущий во вред людям товар, ставший мало-помалу бедствием для всей страны; год от года становится все хуже, и неизвестно, в какую пучину он нас затянет» (цит. по [114, с. 33—34]).

Несмотря на рост доходов от контрабандной торговли опиумом, условия перманентной конфликтности, нестабильности положения не устраивали английских торговцев. Не надеясь мирным, дипломатическим путем склонить цинское правительство «открыть двери» Китая для «свободной торговли», английские торговые и правительственные круги стали готовиться к осуществлению этой задачи вооруженным путем.

МИССИЯ ЛОРДА НЭПИРА

Первым шагом на этом пути стало изменение системы английского представительства в Китае.

После отмены в 1833 г. монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем ее уполномоченный в Гуанчжоу был заменен государственным главным уполномоченным по торговле Англии. 10 декабря 1833 г. первым эту должность занял лорд Нэпир, аристократ из древнего шотландского рода, крупный чиновник министерства иностранных дел (это назначение само по себе свидетельствовало о политическом характере произведенной реорганизации: для ведения чисто торговых дел столь видная фигура не требовалась). Его первым заместителем стал Дж. Дэвис, управляющий отделением Ост-Индской компании в Гуанчжоу, вторым — Дж. Робинсон, ведавший контрабандными опиумными операциями на о-ве Линтин. В состав миссии Нэпира входил и капитан Ч. Эллиот, который нес ответственность за все британские корабли и их команды, находившиеся вблизи устья р. Чжуцзян (см. [139, т. I, с. 119]).

В инструкциях, данных Нэпиру 31 декабря 1833 г., указыва-

лось, что он должен ограничить свою деятельность переговорами с местной администрацией и не выезжать в столицу Китая. Нэпиру предписывалось, не прибегая к угрозам, использовать армию и флот, дабы дать понять китайской стороне, что при необходимости военная сила будет применена (см. [139, т. 1, с. 120]).

В качестве одной из главных задач Нэпиру поручалось «всеми мерами добиваться», чтобы возникающие конфликтные дела между британскими подданными и китайцами или иностранцами «решались арбитражем или по согласию» [139, т. 1, с. 120—121], т. е. обеспечить англичанам право экстерриториальности. Лондон рассчитывал, что уступка китайской стороны по данному принципиальному вопросу даст ключ к достижению соглашения и о легализации торговли опиумом, и об отмене монопольной системы гунхан. При личном инструктаже министр иностранных дел Пальмерстон рекомендовал Нэпиру «изучить возможности расширения британской торговли и иметь в виду желательность вступления в прямые отношения с императорским правительством, не предпринимая, однако, в этом направлении каких-либо шагов и не делая никаких предложений без специальных инструкций» [139, т. 1, с. 121]. Перед Нэпиром ставилась задача вести дела таким образом, чтобы китайцы считали его не простым уполномоченным по торговле, а «королевским послом» [139, т. 1, с. 122].

15 июля 1834 г. Нэпир прибыл в Макао, оттуда 25 июля на торговом судне прибыл в Хуанпу. С первых же шагов он встретился с трудностями дипломатического порядка. Его попытка войти в непосредственный контакт с генерал-губернатором окончилась неудачей. Для контактов с Нэпиром были выделены два представителя организации гунхан. Однако он категорически отказался иметь с ними дело, подчеркивая, что «честь британской нации» обязывает его, как представителя государства, а не частной компании сноситься непосредственно с генерал-губернатором.

Многочисленные попытки Нэпира установить прямой контакт с главой местной китайской администрации закончились неудачей⁶. После долгих переговоров была достигнута договоренность о посещении официальными представителями генерал-губернатора резиденции Нэпира, но и эта встреча сорвалась из-за «престижных» споров (см. [139, т. 1, с. 122—123, 132—133])⁷.

После этого гуандунские власти потребовали, чтобы Нэпир покинул Гуанчжоу. Не дав определенного ответа, последний продолжал категорически настаивать на переговорах непосредственно с генерал-губернатором. Более того, без согласия и уведомления китайской администрации 25 августа с санкции Нэпира английские торговцы создали на территории английской фактории в Гуанчжоу Торговую палату, намереваясь противопоставить монополию гунхан свои согласованные действия. В ответ генерал-губернатор 2 сентября приказал администрации гунхан приостановить торговлю с англичанами и выполнять лишь те контракты, которые были заключены до 16 августа, блокировать английскую факторию и отозвать из нее всех китайских служащих.

5 сентября Нэпир решил продемонстрировать военную силу. Он приказал фрегатам «Имаджин» и «Андромаха» в сопровождении находившихся в Тонкинском заливе английских судов войти в Хуанпу, 6 сентября британский десант высадился на территории английской фактории. В манифесте, изданном 8 сентября, Нэпир оповещал находившихся в Гуанчжоу англичан, что он «начинает превентивную войну», добиваясь, чтобы его требования, предъявленные генерал-губернатору, были переданы китайскому императору [139, т. 1, с. 146].

Внезапная болезнь и смерть Нэпира (11 октября) затормозили развитие событий. К тому же Англия в это время еще не была в полной мере готова к более решительным военным действиям.

У английских представителей, находившихся в это время в Гуанчжоу, не было единого мнения касательно политики по отношению к Китаю. Дж. Дэвис, ставший после смерти Нэпира главным уполномоченным по английской торговле, хорошо знавший китайский язык, национальные традиции и местные условия, высказывался за умеренный курс. В докладе Пальмерстону он писал: «При отсутствии какого-либо продвижения вперед со стороны китайцев, позиция абсолютного молчания и спокойствия с нашей стороны представляется наиболее предпочтительным курсом до тех пор, пока мы не получим дальнейшие инструкции» [139, т. 1, с. 148].

Более нетерпеливой и воинственной позиции придерживались английские торговцы в Гуанчжоу. В меморандуме, направленном 9 декабря 1834 г. в Лондон, они настаивали, чтобы в Китай для переговоров с центральным правительством был направлен посол «более высокого ранга, чем лорд Нэпир, и с большим дипломатическим опытом, которому была бы оказана необходимая военная поддержка» [139, т. 1, с. 148].

Политика «молчания и спокойствия», защищаемая Д. Дэвисом, а после его отъезда (19 января 1835 г.) его преемником Дж. Робинсоном, вовсе не предполагала достижения соглашения с китайской стороной на основе признания законов и требований правительства Китая. Перебравшись из Гуанчжоу на о-в Линтин и используя корабли Ч. Эллота, ставшего вторым уполномоченным, Робинсон развернул контрабандный завоз опиума в еще больших масштабах, нежели прежде. Однако позиция Дэвиса и Робинсона, которые открыто не добивались свободы торговли, а возникающие конфликты старались урегулировать взятками, компромиссами и т. д., вызвала недовольство в правительственных кругах Англии. 7 июля 1836 г. за перенос своей резиденции на Линтин Робинсон был отозван (см. [139, т. 1, с. 154—155]). Главным уполномоченным 2 февраля 1837 г. был назначен Ч. Эллот.

В Китае тем временем нарастало возмущение расширением опиокурения и ввоза опиума. Предложения части чиновников легализовать импорт опиума, чтобы обложить его таможенными пошлинами и сборами⁸, порицались общественностью и были в конце концов отвергнуты двором. С требованием запретить опио-

курение и ввоз иностранного опиума выступил видный сановник генерал-губернатор провинций Хуань и Хубэй Линь Цзэсюй. В докладе императору он писал: «Опиум растекается отравой по Поднебесной, ущерб, причиняемый им, огромен, и законом следует строго запретить его. Если смотреть на него сквозь пальцы, то через несколько лет в Китае почти не останется солдат, могущих защищать нас от врага, и не останется серебра для уплаты жалованья» (цит. по [114, с. 38]). Император Даогуан (1821—1850) одобрил доклад Линь Цзэсюя. В декабре 1838 г. он был назначен особоуполномоченным по руководству морскими силами пров. Гуандун и ему было поручено заняться расследованием опиумных дел.

Линь Цзэсюй по прибытии в Гуанчжоу (10 марта 1839 г.) повел решительную борьбу с контрабандным ввозом и распространением опиума. Под угрозой полного прекращения английской торговли и блокирования фактории он потребовал у Эллота и представителей фирм сдать весь находящийся на судах-складах опиум по установленным ценам. Англичане вынуждены были согласиться и передали китайским властям 20 291 ящик опиума стоимостью 3 млн. ф. ст. (8 млн. лян). Линь Цзэсюй и генерал-губернатор Гуандуна и Гуанси Дэн Тинчжэнь испросили и получили разрешение Пекина оплатить изъятый опиум чаем (по 5 цзиней за ящик), полученным путем сбора пожертвований (см. [114, с. 43—44]). Действуя в духе принятого курса — запрета на ввоз опиума и опиокурения, Линь Цзэсюй, поддерживаемый Дэн Тинчжэнем и командующим морскими силами провинции Гуань Тяньпэем, приказал публично сжечь на отмели Хумэнь весь изъятый опиум (2376254 цзиней) ⁹.

Этот гуманный и благородный акт, как и весь курс Линь Цзэсюя, вызвал острое недовольство продажных чиновников, владельцев опиокурен и их покровителей, лишившихся своих баснословных барышей. К сторонникам продолжения торговли опиумом принадлежал и канцлер империи Му Чжаньтэ. Под влиянием противников Линь Цзэсюя произошло изменение официальной политики. Последовала серия указов, затруднявших борьбу с опио-торговлей.

Опасаясь, что в сложившейся ситуации Англия прибегнет к использованию вооруженных сил, Пекин принял линию на смягчение конфликта. «Повелеваю Линь Цзэсюю и Дэн Тинчжэню, — говорилось в императорском предписании, — лично на месте разобраться в обстановке и, сообразуясь с требованиями момента, обеспечить проведение нужных мер, чтобы, как только начнутся события, сразу же приостановить их развитие. Вместе с тем, было бы лучше не доводить дело... до ... конфликта» (цит. по [114, с. 45]).

Однако подобная капитулянтская позиция цинского двора лишь развязывала руки англичанам. Действуя в духе полученных инструкций, Линь Цзэсюй заверил Эллота, что после сдачи опиума с английской фактории будет снята блокада и в нее вернется

обслуживающий китайский персонал. В ответ Эллиот пошел на обострение обстановки. Через три дня после окончания сдачи опиума (24 мая) все англичане во главе с ним покинули факторию и переехали в Макао. Там он отклонил предложение китайских властей вернуться к прежней практике, когда разрешение на заход английского судна в Хуанпу обуславливалось обязательством не ввозить опиум. Два английских корабля, отплывших было в Гуанчжоу (их капитаны согласились принять китайские условия), по приказу Эллиота были возвращены к Линтуну британскими фрегатами (см. [114, с. 58]).

Одновременно, стремясь обойти воздвигаемые Линь Цзэсюем барьеры, англичане развернули широкую контрабандную торговлю опиумом вдоль побережья пров. Фуцзянь. В июле 1839 г. Эллиот докладывал в Лондон: «В различных частях Фуцзяни выполнение мероприятий Линя затруднено организациями контрабандистов; правительственные чиновники не решаются беспокоить их... и в самом деле, в то время, когда я вам пишу, торговля (опиумная. — М. С.) весьма энергично проводится в местах, находящихся на расстоянии 200 миль на восток от Кантона» [139, т. 1, с. 232].

Насильственно раздвигая территориальные рамки, установленные китайскими властями для иностранной торговли, англичане с не меньшей настойчивостью требовали предоставления им режима экстерриториальности. 7 июля английские моряки убили китайца Линь Вэйси. Линь Цзэсюй потребовал выдачи убийц для предания их китайскому суду. Эллиот отклонил это требование и сообщил, что после изучения происшествия он назначит суд над виновными на британском судне при участии китайских представителей. Ссылаясь на то, что американский консул в аналогичном случае выполнил ее требования, китайская администрация отвергла предложение Эллиота¹⁰. Положение еще более обострилось.

Линь Цзэсюй и Дэн Тинчжэнь приказали прекратить снабжение водой и продовольствием англичан, оставшихся в Гуанчжоу, после чего все они переехали на британские суда. В октябре—ноябре произошло несколько военных столкновений у острова Цюлун (Коулун). 6 декабря 1839 г. Линь Цзэсюй издал распоряжение о запрете захода в Хуанпу британских судов и о полном прекращении торговли с англичанами.

Все это время Эллиот настойчиво требовал направить к берегам Китая крупные военные силы, чтобы заставить его «открыть двери» для свободной торговли. Его предложение находило широкую поддержку в торговых и правительственных кругах Англии.

В секретном уведомлении (от 18 октября 1839 г.) Пальмерстон информировал Эллиота о принятом английским правительством решении направить к берегам Китая военную эскадру с десантными частями, с тем чтобы поставить «на прочную основу» отношения между Великобританией и Цинской империей. Согласно разработанному в Лондоне плану военная экспедиция, прибыв в мар-

те 1840 г. в китайские воды, должна была уничтожить китайские военно-морские силы, захватить о-ва Чжоушань (их предписывалось превратить в военную и торговую базу) и блокировать Гуанчжоу и устье р. Бэйхэ (см. [129, с. 59—60]). Таким путем английские колонизаторы рассчитывали заставить Пекин принять их требования.

ПЕРВАЯ «ОПИУМНАЯ» ВОЙНА

К столкновению с самой мощной капиталистической державой мира Цинская империя была совершенно неподготовлена. Ее правители, не имевшие реального представления о промышленном, техническом и военном прогрессе в Европе, продолжали жить иллюзиями, считая, что их империя намного превосходит во всех областях иные государства. Погрязшие в коррупции и казнокрадстве чиновники не уделяли должного внимания обороне страны. «Генералы, офицеры и солдаты, — оценивал состояние тогдашней китайской армии Фань Вэньлань, — представляли собой скопище недисциплинированных бродяг, пушки были 100—200-летней давности, главным оружием были луки, стрелы, мечи, копья» [114, с. 58].

Подобное положение вызвало тревогу Линь Цзэсюя и Дэн Тинчжэня, осознававших военное преимущество англичан. Линем были приняты энергичные меры по возведению дополнительных оборонительных сооружений. Он распорядился закупить у различных государств 200—300 пушек, которые установил на берегу [114, с. 53]. Усиленно проводилась подготовка офицерского состава.

Для успешного противодействия агрессорам Линь Цзэсюй считал необходимым привлечь народные массы. «Если призвать всех военнообязанных из народа, — писал он, — то этого с лихвой хватит для того, чтобы справиться с ними (англичанами. — М. С.) (цит. по [114, с. 54]).

Предпринятые патристически настроенными сановниками (Линь Цзэсюем, Дэн Тинчжэнем и Гуань Тяньпэем) усилия позволили успешно отразить неоднократные атаки отдельных английских судов. Однако этот успех китайской обороны имел локальный характер. Он не остановил подготовки Англией массированного удара и в какой-то мере притуплял бдительность китайских властей. Под влиянием этих побед цинский двор пошел на ужесточение позиции по отношению к Англии — на полный запрет британской торговли¹¹. В то же время никаких реальных мер по подготовке к отражению агрессии предпринято не было.

Линь Цзэсюй настойчиво продолжал проводить в жизнь свою антиопиумную политику. В январе 1840 г. было опубликовано его повторное запрещение на ввоз опиума, сопровождавшееся требованием полного изгнания английских опиеторговцев с территории Китая. Одновременно он обратился с письмом к королеве Викто-

рии, в котором извещал о законодательном запрещении на ввоз и курение опиума в Китае и в качестве единственного условия для ведения торговли выдвигал требование об отказе Англии от экспорта опиума (см. [139, т. 1, с. 253]).

Прекращение английской торговли, в то время как аналогичная деятельность американцев и других иностранцев в Гуанчжоу продолжала развиваться¹², расценивалось правящими кругами Англии как «оскорбление чести и достоинства Великобритании». За этими высокопарными словами скрывался крайний меркантилизм английских колонизаторов, не желавших терять огромные барыши, которые они получали от торговли опиумом, от сбыта на английском и европейском рынках китайского чая, шелка и других товаров. Свертывание торговли с Китаем нанесло бы серьезный ущерб и английскому казначейству, около $\frac{1}{6}$ доходов которого составляли поступления от таможенных сборов с нее (свыше 4 млн. ф. ст., в том числе пошлины с чая более 3,5 млн. ф. ст.).

Неудивительно поэтому, что в Англии в конце 1839 г. — начале 1840 г. развернулось широкое антикитайское движение, в которое включились многочисленные торговые компании (Ост-Индская, Китайская ассоциация Лондона), а также торговые палаты Лондона, Глазго, Манчестера, Лидса, Ливерпуля, Блэкберна и Бристоля, потребовавшие от королевского правительства при решении вопросов отношений с Китаем «действовать с твердостью и энергией» [139, т. 1, с. 253]. Это движение находило живой отклик в высших правительственных кругах.

В январе 1840 г., выступая с тронной речью на открытии парламента, королева Виктория одобрила требования и действия Ч. Эллиота. Пальмерстону было предоставлено право единолично решать все политические и военные вопросы, связанные с английской политикой в отношении Китая. В феврале 1840 г. была сформирована военно-морская экспедиция, во главе которой был поставлен командующий морскими силами в Индии адмирал Дж. Эллиот (кузен Ч. Эллиота). Требования Великобритании к Китаю были изложены в ноте от 20 февраля 1840 г., подписанной Пальмерстоном. В ней сообщалось, что английское правительство направило «морские и военные силы к берегам Китая, требуя от императора удовлетворения и возмещения за ущерб, нанесенный китайскими властями британским подданным, проживающим в Китае, и за оскорбление, нанесенное теми же властями Британской короне» (цит. по [139, т. 1, с. 621]). Далее излагалась английская версия о более чем столетних торговых отношениях между Китаем и Великобританией и подробно перечислялись претензии, предъявляемые Китаю. В заключении указывалось, что британскому командующему экспедиции даны указания предпринять «необходимые меры», и выражалась «уверенность», что китайские власти придут «к признанию справедливости» предъявляемых им требований (см. [139, т. 1, с. 622—626]).

В особой инструкции Пальмерстона особоуполномоченным адмиралу Дж. Эллиоту и капитану Ч. Эллиоту излагался план

проведения военных операций (см. [139, т. 1, с. 626—630]).

Экспедиция должна была осуществить три операции: 1) блокировать Гуанчжоу и устье р. Чжуцзян; 2) захватить о-ва Чжоушань и блокировать с моря устья рек Янцзы и Хуанхэ; 3) выйти к устью р. Байхэ в Чжиллийском заливе. Во всех трех случаях надлежало передать китайским властям по копии упомянутой выше ноты Пальмерстона и требовать ответа либо присылки уполномоченных для переговоров. В случае непринятия китайской стороной предъявленного ей ультиматума руководителям экспедиции предписывалось самим наметить план дальнейших действий, руководствуясь военными инструкциями Адмиралтейства (см. [139, т. 1, с. 627]).

В марте 1840 г. экспедиция отплыла от берегов Англии, 21 июня передовые ее корабли прибыли в район Гуанчжоу. 22 июня командовавший ими командор Г. Бремер объявил с 28 июня блокаду устья Чжуцзяна и порта Гуанчжоу, оставив для коммерческих судов проход в Макао. После прибытия адмирала Эллиота с остальной частью экспедиции английская флотилия в водах Китая включала в себя 16 военных парусных судов, располагавших 540 орудиями, 4 вооруженных парохода, 28 транспортов, 4 тыс. пехотинцев и кавалеристов, составлявшими десантные части экспедиции, командовали полковники Барелло и Огландер.

В ответ на объявленную англичанами блокаду Гуанчжоу Линь Цзэсюй, назначенный 12 февраля 1840 г. генерал-губернатором Гуандуна, опубликовал обращение к народу, в котором говорилось: «Английские варвары очень хитры и лживы, они губят жизнь нашего народа опиумом, обманом пытаются захватить богатства нашей страны, они вызвали гнев и ненависть нашего народа... Если военные корабли английских варваров войдут во внутренние речные воды, разрешается каждому, вооружившись мечом, идти убивать врагов. Каждый, убивший одного белого дьявола, награждается 100 серебряными юанями, убивший чернокожего дьявола¹³, награждается 50 серебряными юанями». Желая воодушевить народ Линь Цзэсюй писал: «У вражеских солдат ноги обмотаны очень плотно и им поворачиваться неудобно, если они и высадятся на берег, то все равно не смогут действовать» [114, с. 64—65]. По-видимому, даже самый трезвомыслящий из цинских сановников недостаточно ясно представлял, насколько серьезная опасность нависла над страной.

Основная часть английской эскадры 30 июня направилась к о-вам Чжоушань; 4—5 июля, застав китайский гарнизон врасплох, десантные части заняли Динхай — главный город архипелага. 6 июля туда прибыли оба особоуполномоченных.

Неудачей окончились две попытки англичан передать китайским властям копию ноты Пальмерстона: в Сямыне (2 июля) и Нинбо (10 июля) посланный с этой целью фрегат был отогнан огнем береговых батарей.

Во исполнение данных ему инструкций Дж. Эллиот в течение июля разделил свою эскадру: 5 кораблей (вооруженных 180 ору-

днями) и 1 пароход были направлены в Чжилийский залив, 2 корабля (с 38 орудиями) выделены для блокады устья Янцзы, 2 корабля (с 46 орудиями) — для блокады Нинбо, 1 корабль (с 74 орудиями) — для блокады Сямыня; 1 корабль (с 74 орудиями) был оставлен в Динхэе, а 4 корабля (со 102 орудиями) и 1 пароход еще до похода к Чжоушаньским островам начали осуществлять блокаду Гуанчжоу.

28 июля направленные в Чжилийский залив суда вошли в устье Байхэ. Китайская администрация пров. Чжили (современный Хэбэй) не сумела оказать им сопротивления. После падения Динхэя в дворцовых кругах верх стали брать представители капитулянтской группировки, возглавляемой канцлером маньчжуром И Шанем (в нее входили высшие сановники-маньчжуры И Цзин, Ци Ин, И Либу и др.).

В соответствии с полученным приказом Ци Шань, генерал-губернатор Чжили, через своего уполномоченного 15 августа принял копию письма Пальмерстона и переправил ее в Пекин. Императорский двор решил пойти на уступки, возложив ответственность за конфликты и приостановку торговли на Линь Цзэсюя.

В результате начавшихся 30 августа в Тяньцзинь переговоров между Ци Шанем и Ч. Эллотом Пекин согласился принять основные требования английского правительства, кроме двух пунктов: о выплате компенсации за конфискованный опиум и об отчуждении в вечную собственность Англии о-ва Сянган (Гонконг). Китайская сторона, ссылаясь на необходимость выяснения на месте обстоятельств происшедшего конфликта, предложила перенести переговоры в Гуанчжоу. Демонстративно перекладывая ответственность за обострение отношений с Англией на местные власти, император распорядился снять Линь Цзэсюя с поста генерал-губернатора Гуандуна. В указе, изданном по этому поводу, говорилось: «В области внешних отношений вы стремились к прекращению торговли, но не сумели сделать этого; внутри страны вы хотели прекратить нарушение закона, но также не смогли — это означает только, что, прикрываясь пустыми словами, вы хотите избежать ответственности; в конечном же счете вы не только не помогли государству, но, наоборот, вызвали многочисленные беды» (цит. по [114, с. 66]). На место Линь Цзэсюя был назначен Ци Шань, уже достаточно определенно показавший себя приверженцем политики соглашательства, положивший начало длительному периоду бесконечных капитуляций перед капиталистическими державами.

В начале октября Ч. Эллот вернулся из Тяньцзиня в Динхай, где было достигнуто соглашение о перемирии по побережью пров. Чжэцзян. По его условиям англичане получили право владеть недвижимостью на о-вах Чжоушань и ближайших островах. Затем, еще до прибытия Ци Шаня в Гуанчжоу (28 ноября), оба особоуполномоченных перебрались в Макао.

Перед началом нового тура переговоров в английском руководстве произошли изменения — Дж. Эллот по состоянию здо-

ровья вышел в отставку, передав командование флотом Г. Бремеру. Фактическим главой экспедиции стал Ч. Эллиот¹⁴.

В ходе переговоров, руководствуясь инструкциями Пекина, Ци Шань отклонил настойчивые требования Ч. Эллиота передать Англии в вечное владение о-в Санган. Положение в связи с этим вновь обострилось. 7 января 1841 г. англичане вновь начали военные действия и заняли форты Дацзюэ и Шацзюэ на подступах к Гуанчжоу.

Несмотря на возражения военных, Ци Шань 8 января согласился на перемирие. Согласно заявлению Ч. Эллиота предварительная договоренность была достигнута по следующим пунктам:

«1. Уступка о-ва и гавани Гонконг (Санган) Британской короне. Все справедливые налоги и пошлины с торговли, осуществляемой там, будут выплачиваться Империи (Китаю. — М. С.), как только начнется торговля в Хуанпу.

2. Из контрибуции британскому правительству в сумме 6 млн. долл. немедленно выплачивается 1 млн., а остающаяся сумма — равными ежегодными частями до конца 1846 г.

3. Устанавливаются непосредственные отношения между странами на равноправной основе.

4. Торговля в Гуанчжоу будет открыта в течение десяти дней после китайского нового года и будет проводиться в Хуанпу до нового соглашения» [139, т. 1, с. 271].

Эти условия не удовлетворили аппетитов Лондона. Пальмерстон обвинял Ч. Эллиота в нарушении данных ему инструкций и в неумении использовать достигнутые военные успехи. Он был недоволен, в частности, возвращением Китаю о-вов Чжоушань, считал недостаточной сумму контрибуции и критически расценивал формулу уступки Гонконга, поскольку она «увязывалась с условиями выплаты пошлин, что должно означать, что остров не является владением Британской короны» [139, т. 1, с. 272]. Английское правительство отказалось санкционировать предварительную договоренность и 30 апреля 1841 г. приняло решение при заключении договора с Китаем требовать «большей суммы контрибуции... большего обеспечения безопасности торговли... реквизиции Динхая» [139, т. 1, с. 272]. Ч. Эллиот был отозван. Главную вину последнего Пальмерстон видел в том, что и дипломатические переговоры, и военные действия тот ограничил пров. Гуандун, расположенной на значительном расстоянии от столицы Китая, и, следовательно, не мог оказать непосредственного воздействия на императорское правительство.

Действительно, цинский двор объективно устраняла локализация конфликтов пределами Гуандуна. Все военные приготовления в связи с этим цинское командование ограничивало районном Гуанчжоу. Руководителем обороны на юге император назначил своего племянника И Шаня, его заместителями — главу Налогового ведомства Лун Вэня и генерала Ян Фана. В их распоряжение были направлены зеленознаменные войска численностью в 17 тыс. человек. Одновременно император поручил Ци Шаню, ру-

ководствуясь прежними указаниями, «искать в данный момент способ обуздания врага лаской» [114, с. 79]. Исходя из подобной установки, Ци Шань дал согласие на отторжение Гонконга.

Англичане, со своей стороны, вырвав устное согласие на уступки, продолжали оказывать на цинские власти военный нажим. 25 февраля 1841 г. они перешли в новое наступление и 26 февраля заняли ключевой пункт китайской обороны — форт Хумэнь, прикрывавший вход в устье р. Чжунцзян. В этой операции китайцы потеряли большую часть артиллерии европейского типа — 380 орудий, закупленных Линь Цзэсюем. Это существенно ослабило китайскую оборону. Разгневанный император приказал арестовать Ци Шаня, а принявшего военное командование И Шаня обязал собрать со всех направлений войска «для общего удара по врагу» [114, с. 79]. Китай официально вступил в войну с Англией, хотя по-прежнему никаких крупных военных приготовлений ни в районе Гуанчжоу, ни тем более на восточном и северо-восточном побережье страны не было проведено.

Вынудив цинский двор объявить войну, что соответствовало главной цели английских стратегов — вывести конфликт из локальных рамок и вступить в противоборство непосредственно с центральными властями Китая, Лондон приступил к подготовке широкого вторжения. К берегам Китая были направлены дополнительные военные силы под командованием В. Паркера (флот) и Х. Гауфа (десантные части). К началу марта 1841 г. англичане сосредоточили в китайских водах 56 боевых кораблей.

6 марта английские войска под командованием Х. Гауфа оккупировали важнейшие форты на подступах к Гуанчжоу. В течение марта—мая, несмотря на подход к китайцам подкреплений, англичане продолжали успешно вести наступательные операции. Необученные и плохо вооруженные, китайские провинциальные войска оказались малобоеспособными. Маньчжурское офицерство больше опасалось китайского народа, нежели английских оккупантов. Народное ополчение, сыгравшее при Линь Цзэсюе большую роль в борьбе с агрессорами, И Шанем к боям не привлекалось.

К 25 мая Гуанчжоу был окружен английскими войсками, которые вели подготовку к штурму города. В этих условиях И Шань предпочел капитуляцию и направил к английскому командованию своего представителя с просьбой прекратить военные действия и заключить перемирие на условиях английской стороны. 27 мая 1841 г. было подписано Чуаньбинское¹⁵ соглашение, предусматривавшее:

- 1) отход из Гуанчжоу всех китайских войск (кроме местных) во главе с представителями центральной власти в течение 6 дней на расстояние 60 миль;

- 2) выплату китайской стороной 6 млн. долл. в течение недели, в том числе 1 млн. — до захода солнца 27 мая;

- 3) отвод британских войск — после выплаты всей указанной суммы — к Хумэню, при этом китайцам разрешалось восстановить

укрепленные пункты вдоль р. Чжуцзян, но не вооружать их до полного урегулирования отношений между обоими государствами;

4) выплату китайской стороной компенсации за разрушение иностранных факторий и уничтожение испанского брига «Бильбаино» (см. [139, т. 1, с. 283]).

Это соглашение, завершившее семидневную «гуандунскую войну», не содержало пункта о свободе торговли, поскольку после падения фортов на р. Чжуцзян гуандунские власти уже 20 марта дали разрешение на возобновление торговли в Гуанчжоу. В целом же вопросы о свободе торговли и о статусе английских подданных в Китае Лондон предполагал обсуждать непосредственно с императорским двором.

«Гуандунская война» обнаружила военную и политическую не состоятельность цинского режима. И Шань и его окружение всячески пытались утаить унижительные условия Чуаньбийского соглашения, расписывая свои «победы» над английскими «варварами». В докладе императору И Шань сообщал, что 21 мая китайские войска «сожгли вражеские корабли, произвели атаку и перебили большое число [солдат] противника... Эллингтон оказался в безвыходном положении и умолял об умиротворении, требуя лишь торговли на старых основаниях, а также расчета по многолетним торговым недостаткам. Я временно дозволил им торговать на общих с [представителями] других стран основаниях, а по прежним недостаткам, предъявленным от имени заинтересованных сторон, уже рассчитался» (цит. по [114, с. 85])¹⁶. Желая убедить императора в «большой победе», И Шань даже представил список «отличившихся» в боях для награждения. Даогуан, которому льстили подобные «победные реликвии», милостиво приказал И Шаню «посетить различные храмы и с почтительной преданностью воздать дань небесам за их милость» [114, с. 87].

Английское правительство тем временем, убедясь в неспособности цинского режима оказать серьезное военное сопротивление и рассчитывая на его беспечность и готовность пойти на уступки при первых же неудачах, приступило к подготовке нового, более широкого наступления.

Первым мероприятием в этом направлении было создание прочной территориальной базы у побережья Китая. Вопреки условиям Чуаньбийского соглашения, предусматривавшего продолжение переговоров по спорным вопросам, английское командование в соответствии с инструкциями Пальмерстона приняло решительные меры по полному отчуждению от Китая Гонконга: 7 июня он был объявлен беспопыльным «свободным» портом, а торговцам и судам была обещана «защита британских властей». 14 июня состоялся аукцион по распродаже территории острова английским купцам. 22 июня заместитель особоуполномоченного А. Джонстон возглавил колониальную администрацию Гонконга (см. [139, т. 1, с. 287]). Англия таким образом еще до заключения межгосударственного договора захватила Гонконг и объявила его своей колонией.

Дальнейшее проведение последовательно завоевательной политики было возложено на нового особоуполномоченного Г. Поттингера¹⁷, назначенного вместо Ч. Эллиота. Английское правительство предоставило Поттингеру практически полную свободу действий для достижения поставленных целей. «Вы единолично, — говорилось в инструкции Пальмерстона, — в качестве особоуполномоченного, должны определять, где проводить переговоры, как долго они должны продолжаться и когда, если они безрезультатны, прервать их. Когда Вы решите, что дальнейшие переговоры бесполезны и что применение вооруженных сил становится необходимым в целях принуждения китайского правительства согласиться с британскими требованиями, Вы... вместе с командующим морскими силами экспедиции... определите, когда, где и как вооруженные силы, находящиеся в его распоряжении, будут использованы... не приостанавливайте его операции, пока Вы не получите от официального лица, должным образом уполномоченного китайским правительством, уведомления о полном и безоговорочном согласии императора с требованиями, которые Вы можете сделать от имени правительства Великобритании» (цит. по [139, т. 1, с. 655]).

Поттингеру предписывалось войти в непосредственные сношения с цинским двором и с этой целью, не задерживаясь на юге Китая, двигаться к северу и, вновь оккупировав о-ва Чжоушань, сделать их своей резиденцией.

Наконец, в инструкции Пальмерстона были сформулированы все основные условия капитуляции Китая и будущего англо-китайского договора.

10 августа 1841 г. Г. Поттингер прибыл в Гонконг в сопровождении контр-адмирала В. Паркера, который принял на себя обязанности командующего морскими силами в китайских водах. 21 августа морская экспедиция во главе с Г. Поттингером в составе 10 кораблей, вооруженных 320 орудиями, 4 пароходов с 16 орудиями, с 2519 солдатами и офицерами на борту вышла из Гонконга в направлении Сямыня [139, т. 1, с. 291]. 25 августа английские суда начали ожесточенный обстрел прикрывавшего подступы к Сямыню о-ва Гулансюй, гарнизон которого отказался капитулировать. В ходе героической обороны большая часть гарнизона и его командир Цзян Цзинюнь погибли, 26 августа англичане заняли Сямынь.

В конце сентября начались бои за Динхай, оборона которого с марта (когда англичане покинули о-ва Чжоушань) была значительно усилена. Китайские войска в течение 6 дней успешно отражали атаки англичан, но значительное преимущество последних в артиллерии в конце концов сказалось. После разрушения оборонительных сооружений и гибели большей части гарнизона Динхай пал.

Потеря о-вов Чжоушань, которым отводилась главная роль во всей обороне восточного побережья, вызвала панику цинского командования. Генерал-губернатор Чжэцзяна Юй Цянь и коман-

дующий войсками Юй Буюань без боя сдали Нинбо — главный порт провинции.

Потеря опорных баз на восточном побережье встревожила Пекин. После получения донесений о сдаче Динхай и Нинбо были даны запоздалые указания о срочной переброске к побережью Чжэньцзяна подкреплений из глубинных провинций страны (Цзянси, Хубэй, Хэнань, Сычуань, Ганьсу); главнокомандующим этими войсками был назначен племянник императора И Цзин. Однако попытки вернуть Динхай, Нинбо и Чжэньхай окончились неудачей. Бездарность цинского командования позволяла англичанам производить перегруппировку своих сил и сконцентрировать их на решающем направлении. В связи с этим они в начале мая 1842 г. оставили Нинбо и Чжэньхай, что было изображено И Цзином как бегство английских войск в результате его «крупных побед». Британский флот тем временем сосредоточился в устье Янцзы для решающего наступления. Преодолевая стойкое сопротивление, особенно при взятии хорошо укрепленного г. Чжапу (18 мая), английские войска 13 июня заняли Усун, 19 июня — Шанхай. Растерявшийся пекинский двор, всегда опасавшийся «китайского народа больше, чем английских интервентов, в середине июня принял безуспешную попытку добиваться перемирия¹⁸. Окрыленные легкими победами, англичане продолжали продвигаться по Янцзы, разрушая города и безжалостно уничтожая беззащитных мирных жителей. Отчаянное сопротивление им оказал гарнизон Чжэньцзяна, состоявший из китайских и маньчжурских подразделений и ополченцев. Сражение у Чжэньцзяна было одним из самых кровопролитных и ожесточенных. По признанию самих англичан, им удалось выиграть это ожесточенное и кровопролитное сражение лишь потому, что «у обороняющихся отсутствовало какое-либо руководство» [139, т. 1, с. 296]. Оценивая героизм защитников Чжэньцзяна, Ф. Энгельс писал: «Если бы завоеватели встретили подобное сопротивление повсюду, они никогда не добрались бы до Нанкина. Но этого не случилось» [8, с. 182].

С падением Чжэньцзяна практически прекратилось организованное сопротивление агрессорам цинской армии, хотя и на пути к Нанкину, и в этом городе ее командование располагало войсками, значительно превосходящими по численности британские силы. К тому же растянувшиеся коммуникации англичан легко могли быть нарушены, вследствие чего вся двигавшаяся по Янцзы экспедиция оказалась бы в ловушке. Однако все эти возможности не были использованы. Цинские власти боялись придать борьбе народный характер, а в народе, убедившемся в неспособности к сопротивлению, а иногда и в прямом предательстве правителей страны, не нашлось вожаков для организации сопротивления.

Генерал-губернатор провинций Цзянси и Цзянсу Ню Цзянь поспешил уведомить английское командование о желании цинской стороны прекратить военные действия и приступить к мирным переговорам. 1 августа Поттингер дал согласие на прекращение военных действий, заявив при этом, что переговоры он будет

вести лишь с представителями цинского двора. 9 августа Поттингер с основными силами эскадры прибыл в окрестности Нанкина и, демонстрируя готовность к штурму города, потребовал безоговорочного принятия английских требований. 10 августа прибывший в Нанкин маньчжурский сановник И Либу и Нью Цзянь сообщили ему, что «уполномоченный императора уже получил указание его величества об установлении мира на вечные времена и на этих днях прибудет сюда (т. е. в Нанкин. — М. С.)» [114, с. 110]. По прибытии императорского уполномоченного Ци Ина китайская сторона, желая привести в порядок деморализованный гарнизон, попросила у английского командования отсрочки переговоров. Поттингер, однако, отверг эту просьбу и потребовал немедленной капитуляции, угрожая обстрелом Нанкина. 14 августа цинские власти подняли над городской стеной белый флаг, а 17 августа подтвердили в принципе согласие на предъявленные Англией ультимативные требования.

АНГЛО-КИТАЙСКИЙ НАНКИНСКИЙ ДОГОВОР — ПЕРВЫЙ НЕРАВНОПРАВНЫЙ ДОГОВОР КИТАЯ С ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРАНОЙ

29 августа 1842 г. на борту английского военного корабля «Корнуэллис» был подписан неравноправный для Китая англо-китайский договор, названный по месту подписания Нанкинским (см. [67, т. 1, с. 351—356]).

Со стороны Великобритании его подписал Г. Поттингер, со стороны Китая — Ци Ин, член императорской семьи И Либу и генерал-губернатор провинции Цзянсу и Цзянси Нью Цзянь.

Нанкинский договор был результатом военного поражения цинской феодальной монархии, обнаружившей полную несостоятельность и неспособность управлять страной, по не Китая, поскольку сама война носила локальный, экспедиционный характер, и в ней участвовали крайне ограниченные силы. Китайский народ цинские власти преднамеренно устранили от организованного участия в войне. Они с подозрением относились к возникшим на юге страны военизированным обществам «Дунпин гушэ» («Общество мира на Востоке») и «Шэппин шэсюэ» («Общество изучения становления мира»), которые, выдвигая задачи продолжения борьбы с Англией, одновременно направляли свою деятельность и против маньчжурской династии — виновника поражения.

Навязанный силой Китаю неравноправный договор вызывал возмущение передовой общественности во многих странах. К. Маркс выступил с суровым обвинением британского правительства, называл действия англичан в Китае «пиратской войной» [36, с. 583].

Он отмечал и коммерческую невыгодность Нанкинского договора для самой Великобритании, насильственный и неравноправный характер которого разрушал экономику Китая и сужал там спрос

на английские промышленные товары. «Китаец не может, — писал К. Маркс, — покупать одновременно и товары и наркотик» [2, с. 565].

Английские дипломаты, пытаясь воздействовать на настроения мировой общественности, подчеркивали «миролюбивый» и «дружественный» характер переговоров и самого договора. В официальном сообщении английского правительства о заключении договора китайского императора называли «нашим добрым братом» [67, т. 1, с. 356]. Что же касается правительственных кругов США, Франции и других капиталистических держав, то у них Нанкинский договор вызвал стремление последовать примеру Великобритании и не упустить возможности приобщиться к дележу «китайского пирога».

Даогуан ратифицировал Нанкинский договор без промедлений — 15 сентября 1842 г., а через четыре месяца последовал аналогичный акт в Лондоне, тем не менее английская сторона не торфовалась с обменом ратификационными грамотами, который состоялся в Гонконге лишь 26 июня 1843 г. Тем временем под нажимом правительства Великобритании форсированно велись англо-китайские переговоры, закончившиеся подписанием дополнительных документов: Декларации относительно транзитных пошлин (26 июня 1843 г.), Общих правил по регулированию британской торговли в пяти портах (8 октября 1843 г.) и Дополнительного договора (8 октября 1843 г.).

Нанкинский договор и соглашения, заключенные в его развитие, удовлетворяли притязания англичан по всем основным вопросам, остававшимся спорными более 200 лет. Насильственным путем была сломлена торговая изоляция Китая. Пали многие преграды, охранявшие его рынок от наплыва английских товаров. Был сделан решающий шаг в достижении «свободы торговли», которой Англия столь настойчиво домогалась.

Резко расширилась «география» коммерческой деятельности британских фирм и компаний, для которой помимо Гуанчжоу были открыты еще четыре порта — Сямынь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай. В этих открытых портах английским подданным разрешалось поселяться, вести торговую деятельность, создавать свои учреждения «без притеснений и ограничений». В них учреждались британские консульства. Консул получал право входить в прямые связи с местными китайскими властями и представлять британскую сторону в торговле и при решении спорных вопросов или конфликтов, возникающих между подданными Великобритании и Китая (см. [67, т. 1, с. 352]).

Не менее важным моментом была ликвидация внешнеторговой монопольной системы гунхан. «Поскольку китайское правительство, — говорилось в ст. 5 договора, — принуждало британских коммерсантов, торговавших в Кантоне, вести дела исключительно с определенными китайскими торговцами... которые получили для сего лицензии от китайских властей, император Китая соглашается упразднить этот порядок на будущее время во всех портах,

Таблица 6

ТАМОЖЕННЫЕ ПОШЛИНЫ В КИТАЕ ДО И ПОСЛЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ НАНКИНСКОГО ДОГОВОРА *

Товар	Размер сборов, яны	
	до первой «опиумной» войны	по новому тарифу
И м п о р т		
Хлопок-сырец, пикюль	1 740	400
Серое полотно, кусок ** . . .	372	100
Белое полотно, кусок	702	150
Хлопчатобумажная пряжа, пикюль	2 406	1 000
Сукно, чжан ***	1 242	150
Э к с п о р т		
Шелк нанкинский, пикюль .	23 732	10 000
Шелк гуанчжоуский, пикюль	10 570	10 000
Чай, пикюль	6 000	2 500
Сахар, пикюль	475	250
Хлопчатобумажная ткань, пикюль	2 651	1 000

* [139, т. 1, с. 308].

** Кусок=36 м.

*** Чжан=3,2 м.

где могут проживать британские торговцы, и разрешить им вести торговые дела со всеми, с кем они пожелают» [67, т. 1, с. 353].

В особые условия были поставлены и китайские купцы, торговавшие английскими товарами. Ст. 13 Дополнительного договора обязывала китайские власти выдавать им разрешение для въезда в Гонконг «для покупки товаров» после получения «документов, удостоверяющих уплату пошлины». Еще более важным было то, что для них были созданы исключительные условия по распространению английских товаров за пределами открытых портов (см. [67, т. 1, с. 395]).

На практике указанные положения привели к тому, что вокруг английских торговых фирм быстро возникла клиентура из китайских купцов, игравших роль не только поставщиков и покупателей, но и комиссионеров, используемых для установления коммерческих связей с глубинными районами Китая. В результате сложилась особая купеческая прослойка, чем было положено начало формированию так называемой компрадорской буржуазии, связавшей свою судьбу с иностранным капиталом и сыгравшей крайне реакционную, антинациональную роль во всей последующей истории Китая.

«Свобода торговли» в интерпретации колонизаторов на деле

обернулась для Китая жесткой регламентацией ее режима. Он был лишен суверенного права самостоятельно устанавливать таможенные пошлины на экспортные и импортные товары. В развитие ст. 10 Нанкинского договора, обязывавшей китайское правительство установить твердо фиксированный размер таможенных сборов, Декларацией относительно транзитных пошлин утверждался новый таможенный тариф, который китайская сторона не имела права пересматривать без согласия англичан. По этому тарифу таможенные пошлины были установлены в размере в среднем 5% от цены экспортных и импортных товаров¹⁹, т. е. понижены примерно в 2—4 раза (табл. 6).

Введение нового тарифа резко сократило таможенные поступления китайской казны. Значительное снижение ввозных пошлин создало для английских товаров весьма благоприятные условия в конкурентной борьбе с аналогичными товарами местного производства.

Проникновение английских товаров в глубинные районы Китая облегчалось и тем, что они были поставлены в особое положение во внутриторговом таможенном обложении²⁰. Согласно ст. 10 Нанкинского договора размер сборов с них при транспортировке во внутренние области не должен был превышать ввозных таможенных пошлин (т. е. по новому тарифу — в среднем 5% от цены). Обложение же лицезнем китайских товаров, масштабы которого весьма часто определялись произволом местных властей, было намного более значительным: иногда оно превышало стоимость самого товара.

Таким образом, преимущества, даваемые Англии ее высокопроизводительной фабричной промышленностью, обеспечивавшей выпуск более дешевых товаров, дополнялись привилегиями, вырванными британскими колонизаторами у цинского режима. Последний, капитулировав и приняв неравноправные для Китая условия торговли с Англией, нанес тем самым тяжелый урон развитию национальной китайской экономике.

Одной из целей политики Англии был захват плацдарма для укрепления ее позиций в Китае. В проекте договора, переданном Пальмерстоном Поттингеру, предусматривалось отторжение у Китая «острова или островов у побережья, отчуждаемых навечно» [139, т. 1, с. 292]. По первоначальному замыслу Пальмерстона таковыми должны были стать о-ва Чжоушань. Такой же позиции придерживались и агенты Ост-Индской компании (см. [139, т. 1, с. 301]).

По их мнению, о-ва Чжоушань, расположенные вблизи устья Янцзы, важнейшей торговой артерии Китая, могли бы стать удобным трамплином для дальнейшего продвижения в северные районы страны. Ч. Эллот, в бытность первым особоуполномоченным, высказался за приобретение о-ва Гонконг, находящегося на подступах к Гуанчжоу — главному центру внешней торговли Китая с западными странами. После ознакомления с обстановкой данное предложение поддержал и Поттингер.

В ходе первой «опиумной» войны англичане, как уже отмечалось, оккупировали Гонконг. Юридически его захват Великобританией (для ремонта судов и создания товарных складов) был оформлен ст. 3 Нанкинского договора: «Ввиду явной необходимости и желательности, чтобы британские подданные располагали каким-либо портом, в коем они могли бы ставить для починки и чинить, если нужно, свои суда и содержать для сего арсеналы... Император Китая уступает... Королеве Великобритании... остров Гонконг в вечное... владение, с тем чтобы он управлялся теми законами и регламентами, какие... Королева Великобритании... сочтет нужным установить» [67, т. 1, с. 352]. Мало заботясь о точном соблюдении достигнутой договоренности, англичане превратили Гонконг в свою военную и экономическую базу в Китае.

Прямым нарушением суверенитета Китая было и решение проблемы экстерриториальности, долгое время служившей источником постоянных конфликтов. Согласно положениям Общих правил регулирования торговли (ст. 12, 13) и Дополнительного договора (ст. 2) ²¹ был установлен принцип ответственности виновного перед законом своей страны, т. е. провинившийся на территории Китая англичанин должен был отвечать по английским законам и, соответственно, китаец — по китайским. Предусматривалось, что споры и конфликты будут рассматриваться британским консулом и китайскими властями, с тем чтобы они стремились решить дело мирным путем. В случае решения о привлечении к судебной ответственности подданных Великобритании следовало передавать английскому консулу, подданных Китая — местным властям. В то же время полное игнорирование вопроса о процедуре принятия решений в случае несогласия сторон открывало широкое поле для произвола англичан, опиравшегося на «право» сильного.

Нанкинский договор (ст. 5), наконец, налагал на Китай денежную контрибуцию в 21 млн. долл. ²², которая должна была быть выплачена в течение трех с половиной лет: 6 млн. долл. — при подписании договора, 6 млн. долл. — в 1843 г., 5 млн. долл. — в 1844 г. и 4 млн. долл. — в 1845 г.

Общая сумма контрибуции слагалась из следующих платежей: 3 млн. долл. — выплата задолженности организации гунхан английским фирмам; 12 млн. долл. — возмещение военных расходов Великобритании; 6 млн. долл. — компенсация за конфискованный китайскими властями в 1839 г. опиум. Поэтапный вывод английских войск из оккупированных ими районов Китая увязывался с уплатой каждого очередного платежа. Так, эвакуация их из Нанкина и района Великого канала должна была состояться после поступления первого взноса (1843 г.), а вывод наиболее крупных контингентов, занимавших о-в Гулансуй и о-ва Чжоушань, — после выплаты последнего взноса (1845 г.).

Неравноправный характер Нанкинского договора (и связанных с ним документов) проявился не только в многочисленности

и разнообразии уступок, сделанных Китаем. На их фоне не менее показательным было полное нежелание Англии пойти навстречу китайской стороне в каком бы то ни было вопросе, даже в таком болезненном, как проблема торговли опиумом.

В Нанкинском договоре она вообще не затрагивается. Г. Поттингер постоянно рекомендовал Лондону не брать на себя каких-либо обязательств по прекращению контрабандного ввоза опиума, ссылаясь на то, что производится он не в Англии, а в Индии и экспортируется в Китай не только британскими фирмами, но и компаниями США и других стран. Китайское же правительство, по мнению Поттингера, вряд ли будет издавать новые законы о запрещении ввоза опиума, поскольку длительная практика показала бесполезность подобных постановлений (см. [139, т. 1, с. 316; 143, т. 87—88]).

Позиция Поттингера была одобрена английским правительством, и на переговорах, предшествовавших подписанию Нанкинского договора, он, ссылаясь на отсутствие полномочий, уклонился от обсуждения «опиумного» вопроса. Китайская сторона молчаливо санкционировала подобный подход, явочным порядком нарушавший официально сохранявшийся запрет на ввоз опиума.

* * *

Нанкинский договор удовлетворил важнейшие требования Великобритании, но далеко не исчерпал всех ее притязаний. Он «открывал двери» только пяти портов Южного и Центрального Китая, северные же и северо-восточные районы страны оставались вне сферы влияния англичан. Не получили они и прямого доступа на бескрайний рынок глубинных провинций Китая. Нанкинский договор не установил нормальных дипломатических отношений между Англией и Цинской империей. В Пекине не было учреждено британское представительство (даже не в ранге посольства), и официальные связи по-прежнему (правда, в несколько усовершенствованной форме — без посредничества гунханов) осуществлялись через местные органы власти открытых портов. Статус английских поселений в открытых портах был недостаточно определенным, деятельность британских подданных ограничивалась только торговлей, оставались и другие нерешенные вопросы.

Первая «опиумная» война и Нанкинский договор, открыв длительный период экспансии мирового капитализма в Китай, вместе с тем положили начало общественно-политическому движению китайского народа, направленному против колонизаторов. Экономические и социальные последствия этой экспансии, неспособность маньчжурских императоров защитить от нее страну во многом стимулировали подъем в Китае в середине XIX в. антицинской борьбы.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ НАНКИНСКОГО ДОГОВОРА

Антианглийское движение

Китайский народ не принял неравноправный Нанкинский договор. В различных районах страны создавались общества и вооруженные дружины для борьбы с «английскими варварами» — «отряды умиротворения англичан» — и с виновником поражения Китая в «опиумной» войне — маньчжурской династией.

Особенно широкое антианглийское движение развернулось на юге. В 1843 г. вспыхнула забастовка торговцев, служащих и рабочих в знак протеста против строительства англичанами торгового порта на о-ве Гонконг. Несмотря на обращение Поттингера к И Либу с требованием прекратить бойкот английских коммерсантов, он разрастался и наносил британским фирмам существенный урон. Антианглийские настроения среди населения Гуандуна были настолько сильны, что любые мероприятия губернаторов Гонконга Дэвиса и Бонхэма (с 1848 г.), направленные на использование договорных преимуществ для укрепления английских позиций в Гонконге и поддержания торговых связей с Гуанчжоу, наталкивались на ожесточенное сопротивление народных масс, руководимых «Шэньшином» («Обществом мира и благоденствия») и другими патристическими организациями.

Население Гуандуна ответило массовыми выступлениями на попытки англичан в 1845—1846 гг. угрозой применения силы «усмирить бунтовщиков»²³. В 1849 г. они вылились в крупное вооруженное столкновение между английскими судами, стремившимися пройти в Гуанчжоу, и вооруженными отрядами общества «Шэньпин».

Антианглийское народное движение распространилось также на провинции Цзянсу, Чжэцзян и Фуцзянь, где располагались «открытые» по условиям Нанкинского договора порты.

Однако, несмотря на довольно широкий размах²⁴, это движение все же носило локальный и разрозненный характер, не имело единого направляющего центра. Оно не встречало поддержки со стороны цинских правителей, боявшихся обострения отношений с Великобританией и не без основания видевших в любой форме народной активности потенциальную угрозу своей власти²⁵. Поэтому цинское правительство запрещало армии участвовать в антианглийском движении, а народные выступления достаточно часто квалифицировало как «беспорядки»²⁶.

Недовольны были сложившимся положением и правящие круги Англии. В Китай посылались военные подкрепления, укреплялись позиции в открытых портах. Шла деятельная подготовка к дальнейшим приобретениям.

Открытые порты — опорные базы Великобритании в Китае

«Открытие» пяти портов по Нанкинскому договору положило начало легальному расширению сферы британской торговли в Ки-

тае. В Гуанчжоу — традиционном центре коммерческой деятельности англичан — для них сложилось, как уже отмечалось, достаточно неблагоприятное положение: подписание Нанкинского договора отнюдь не прекратило разного рода столкновений, в том числе и вооруженных.

Затруднения в торговле с Южным Китаем, которая велась через Гуанчжоу и Макао, англичане рассчитывали преодолеть путем сосредоточения ее в Гонконге, интенсивно превращаемом ими в крупную военно-стратегическую и торгово-финансовую базу.

Наряду с этим британское правительство сосредоточило свое внимание прежде всего на Шанхае — порте, связанном с богатейшими провинциями Центрального Китая, тяготеющими к р. Янцзы. Шанхай к тому же было легче «освоить» и потому, что порт и прикрывающие его с моря Чжоушаньские острова должны были оставаться под британской оккупацией до полной выплаты контрибуции, то есть до 1845 г.

Шанхай официально был провозглашен открытым для иностранной торговли городом 17 ноября 1843 г. уведомлением британского консула Г. Бутлера ²⁷.

В результате трех соглашений (от 29 ноября 1845 г., 24 сентября 1846 г. и 27 ноября 1848 г.), подписанных британским консулом и местным дао-таем ²⁸, было оформлено создание в Шанхае английского сэттльмента. Всего для поселения и застройки британским подданным по индивидуальным договорам с китайскими владельцами было отведено 470 акров (см. [139, т. 1, с. 347—348]). Несмотря на то что англичане селились в сэттльменте формально в частном порядке, они настаивали, чтобы в его границах не вывешивалось никаких государственных флагов, кроме британского ²⁹.

Вслед за тем по соглашению от 6 апреля 1849 г. между дао-таем и консулом Франции Монтинью была определена территория французского сэттльмента. В Шанхае таким образом стали возникать поселения иностранцев, находившиеся вне рамок китайской юрисдикции.

В первые годы, несмотря на благоприятные условия, заселение иностранных сэттльментов проходило медленно. В 1847 г. в Шанхае проживало всего 108 иностранцев — 87 англичан (из них 10 женатых), 17 американцев (3 женатых) и 4 перса, а в 1850 г. — 130, из которых 17 были миссионерами. Несмотря на это, британские власти предпринимали энергичные меры по освоению Шанхая. Одним из важных мероприятий в данном направлении явилось установление в 1848 г. регулярного пароходного сообщения между Гонконгом и Шанхаем (см. [128, с. 119]), что привело к усилению притока английских коммерсантов в Шанхай и возрастанию его значения в англо-китайской торговле.

Роль в ней трех других, открытых портов (Нинбо, Фучжоу и Сямьнь) до начала второй половины XIX в. была весьма незначительной.

Нинбо, официально открытый для иностранной торговли в де-

кабре 1843 г., не привлекал внимания английских коммерсантов, поскольку основным центром сбыта шелка и чая — главных экспортных товаров пров. Чжэцзян — был Шанхай. Более подходящие для себя условия нашли в Нинбо миссионеры. Из 22 иностранцев, проживавших в нем в 1855 г., 14 были миссионерами (4 англичанина и 10 американцев), 5 — коммерсантами, 3 — сотрудниками британского консульства. «Нинбо, — отмечалось в консульских донесениях, — представлял обнадеживающую сферу для спокойной миссионерской работы среди превосходного населения в одном из прекрасных и больших городов империи, не подверженного разлагающему влиянию торговли с иностранцами» [144, с. 176].

В Фучжоу, «открытом» в июне 1844 г., на первых порах поселились лишь один англичанин и шесть американцев. В 1850 г. активный колониальный администратор, губернатор Сингапура и Малайи, а затем и Гонконга, Дж. Бонхэм предлагал отказаться от права свободной торговли в Фучжоу и Нинбо, потребовав взамен предоставления статуса открытых портов Ханчжоу и Сучжоу — важнейшим торговым и ремесленным, чаепроизводящим и шелкоткацким центрам. В середине 50-х годов отношение английских торговцев к Фучжоу изменилось. В 1855 г. из Фучжоу было вывезено 15 739 700 фунтов чая (тремя английскими и двумя американскими фирмами), а в три последующих года среднегодовой вывоз чая составил уже 35 476 900 фунтов.

В Фучжоу англичане столкнулись с определенными трудностями при поселении. Даже британское консульство было вынуждено довольствоваться малоудобным участком на окраине города. Сямынь, в свое время бывший одним из основных центров нелегальной торговли опиумом, был открыт для иностранной торговли в июне 1844 г. Британское консульство, представители фирм и торговцы поселились на о-ве Гулансюй, прикрывающем подступы к порту. Там же разместились и другие иностранцы (прежде всего американцы), а также конторы китайских фирм, связанных с внешней торговлей. Таким образом Гулансюй явочным порядком, без заключения какого бы то ни было соглашения с китайскими властями, фактически превратился в иностранный селтльмент. Прилегающие к Сямыню районы пров. Фуцзянь и соседнего Гуандуна бедны экспортными ресурсами, и закупки англичан в этом порту ограничивались практически одним сахаром. Это ставило Сямынь в положение преимущественно импортера английских товаров: в 1852 г., например, стоимость ввоза иностранных товаров (без контрабанды опиума, не учитываемой статистикой) составляла 1 937 500 долл., а экспорта китайских товаров — только 268 500 долл. [139, т. 1, т. 363]. Подобная несбалансированность в определенной мере «возмещалась» превращением Сямыня в центр нелегального (нарушавшего закон, которым выезд китайцев за границу был запрещен) вывоза в захваченную Англией Малайю и некоторые страны Вост-Индии кули. Первая их партия (400—450 человек) была отправлена 7 марта

1847 г. в Гавану на английском судне «Герцог Армилльский» (см. [139, т. 1, с. 363]).

Гуанчжоу, старейший китайский внешнеторговый центр, официально был открыт для свободной иностранной торговли на условиях Нанкинского договора в конце 1843 г. первым британским консулом Макгрегором.

В рассматриваемый период Гуанчжоу оставался одним из крупнейших торговых центров страны: не только из южных, но и из центральных провинций в него стекались чай и шелк (определенных сортов), предназначенные на экспорт. Бурные политические события, связанные с первой «опиумной» войной, привели к некоторому сокращению британской торговли в Гуанчжоу в 40-х годах: ввоз, достигший в 1837 г. в стоимостном выражении 18 539 777 долл. (не считая опиума), сократился в 1844—1847 гг. до 11 190 750 долл. (в среднем за год), а вывоз — соответственно с 36 075 260 долл. до 16 671 825 долл. Тем не менее Англия продолжала занимать ведущие позиции во внешнеторговом обороте Гуанчжоу (табл. 7).

Таблица 7
ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В ГУАНЧЖОУ В 1846 г. *

Страна	Торговое судоходство		Импорт, тыс. долл.	Экспорт, тыс. долл.
	Число судов	Тоннаж		
Великобритания . .	207	88 880	9 997,6	15 378,6
США	65	29 688	1 609,4	6 207,4
Франция	2	505	18,2	100,6
Голландия	7	2 302	110,4	679,0
Бельгия	1	300	13,3	9,3
Дания	1	305	41,7	15,9
Швеция	3	945	41,3	265,4
Германия (Гамбург, Бремен, Пруссия)	7	1 380	93,1	261,5
Всего . . .	293	124 305	11 925,0	22 917,7

* [139, т. 1, с. 365].

В целом внешнеторговый оборот Гуанчжоу в середине XIX в. оставался достаточно внушительным, на него, в частности, приходилось около четверти всего вывоза китайского шелка. Главнейшей статьей экспорта оставался чай.

Росла и численность осевших в городе представителей западных стран — с 256 человек в 1845 г. до 324 человек в 1856 г. (более половины из них составляли англичане), в городе функционировало 16 иностранных факторий (конторы со складами).

Однако позиции Гуанчжоу во внешней торговле Китая постепенно подрывались конкуренцией Гонконга и Шанхая. Первый из-

них его новые хозяева стремились превратить в центр коммерческой деятельности не только британских фирм, но и компаний других стран (в Гонконге создавались банки, транспортные конторы, стимулировалось открытие представительств китайских фирм и т. п.). Второй стремительно выдвигался как ведущий центр экспорта шелка и ряда других китайских товаров и разнообразного импорта, в том числе материалов для развернувшегося в иностранных селтльментах коммунального строительства.

Англо-китайская торговля в 40-х годах XIX в.

Односторонние привилегии и льготы, приобретенные Великобританией на основе Панинского договора (не говоря уже о молчаливом согласии цинских властей на нелегальный ввоз опиума), ставили английскую торговлю в Китае в исключительно благоприятные условия.

Ввоз британских товаров. Создание системы открытых портов и установление новых таможенных пошлин серьезно стимулировало британский ввоз. К середине 40-х годов по сравнению с довоенным периодом он практически удвоился (с 1—1,2 млн. ф. ст. до 2,25 млн. ф. ст. [128, с. 118]). Среди статей легального экспорта на первом месте по-прежнему оставались шерстяные и хлопчатобумажные ткани, завоз которых в рассматриваемый период резко вырос (в тыс. ф. ст.) [143, с. 130]:

Год	Хлопчатобумажные ткани	Шерстяные ткани
1842	470	146
1843	655	417
1844	1457	565
1845	1636	539
1846	1024	439
1847	850	389

В то же время экспорт индийского хлопка, максимальный объем которого достигал 150—170 тыс. ф. ст., постепенно уменьшался из-за низких цен на китайском рынке и конкуренции изделий английской хлопчатобумажной промышленности.

Наибольшие же доходы давал англичанам значительно возросший контрабандный ввоз опиума (в ящиках) [139, т. 1, с. 556]:

Год	Из Бенгалии	Из Мальзы	Всего
1840	18 965	1654	20 619
1841	17 858	16 773	34 631
1842	18 827	14 681	33 508
1843	18 362	24 337	42 699
1844	15 104	13 563	28 667
1845	18 350	20 660	39 010
1846	21 437	12 635	34 072
1847	21 648	18 602	40 250
1848	30 515	15 485	46 000
1849	36 566	16 509	53 075
1850	34 863	18 062	52 925

Получаемая при этом выручка (до 13,8 млн. кит. долл. — 3,3 млн. ф. ст.) значительно превосходила стоимость годового легального британского экспорта в Китай (до 11,2 млн. кит. долл. — 2,7 млн. ф. ст.) [143, с. 128]. Поступления от продажи опиума намного (до 11 млн. кит. долл.) перекрывали стоимость закупаемых англичанами в Китае чая и шелка. Британские власти в Индии, как отмечал К. Маркс, получали от вывоза опиума в Китай $\frac{1}{7}$ часть своих доходов [1а, с. 104].

Отношение к торговле опиумом британского правительства вызывало острую критику английской общественности, особенно миссионеров, подчеркивавших, что «опиекурение серьезно препятствует их усилиям убедить китайцев признать правду христианства» (цит. по [139, т. 1, с. 550]), и требовавших на этом основании запрещения ввоза в Китай опиума английскими фирмами. В Великобритании был образован специальный комитет во главе с лордом Шафтберн, представивший правительству доклад о вредных последствиях торговли опиумом для Англии (см. [139, т. 1, с. 550]). Однако такого рода филантропия не оказала влияния на британскую «опиумную политику», «не претерпевшую изменений со времен двух Эллиотов и сэра Г. Поттингера до времен лорда Эльджина (т. е. в период между первой и второй «опиумными» войнами. — М. С.)» [139, т. 1, с. 544—545]. Лондон, отказываясь запретить опиесторговлю Ост-Индской компании, оправдывался тем, что подобный запрет будет неэффективным, поскольку опиум производится не только в Индии, но и в других странах (в Турции, Иране), опиесторговцы легко могут воспользоваться для транспортировки своего товара в Китай неанглийскими судами (реально подавляющая часть опиума доставлялась в Китай на британских кораблях), а цинское правительство не в силах воспрепятствовать ввозу в страну наркотика, ибо местные власти всячески покровительствуют контрабанде. Из всего этого делался вывод, что единственным «разумным» выходом для китайской администрации является «легализация ввоза опиума» (!) [139, т. 1, с. 546]. Подобная позиция правительства Великобритании развязывала руки английским опиесторговцам.

Вывоз китайских товаров в Великобританию. В Англии спрос на китайские товары продолжал возрастать, и таможенные поступления от их ввоза являлись важной статьей доходов казначейства. Особое значение имел чай. Общая сумма таможенных пошлин на него в 1840 г. составила 4 млн., а в 1846 г. — 5 млн. ф. ст. Из общего среднегодового потребления китайского чая в 40-е годы 72 250 тыс. фунтов на долю Великобритании приходилось 52 млн. фунтов (т. е. 72%), России — 10 млн., США — 7 млн., прочих стран — 3250 тыс. фунтов [143, с. 133].

После «открытия» Шанхая значительно увеличился импорт в Англию китайского шелка-сырца, являвшегося для британской текстильной промышленности «самым дешевым, наиболее подходящим и легко доставляемым» сырьем [143, с. 132].

В течение первой половины XIX в. во взаимоотношениях Англии и Китая произошли коренные изменения. Превратившись в первую индустриальную, торговую и колониальную державу мира, Великобритания, продолжая укреплять и расширять свои позиции в Азии, перешла к открытой агрессии против феодальной Цинской империи, вступившей в полосу упадка. Под натиском англичан Цины потеряли свой сюзеренитет над Непалом и Бирмой. В обстановке изменения не в пользу Китая соотношения сил обнаружилось полное невежество и неспособность маньчжурских правительственных кругов управлять многонациональным Китаем. Свое деспотическое господство они пытались сохранить путем консервации отсталых феодальных отношений и изоляции китайского народа от воздействия передовых политических идей и мирового экономического прогресса. В то же время цинские правители по-прежнему проявляли высокомерие и неуважение к иностранным государствам. Все это и обусловило их поражение в первой «опиумной» войне. Цинские правители побоялись привлечь народ к вооруженной борьбе против немногочисленных войск интервентов и дали англичанам возможность добиться легкой победы и навязать Китаю унижительные условия мира.

Насильственный прорыв изоляции Китая положил начало глубокому социальному и политическому кризису феодальной Цинской империи. «Полная изоляция,— писал К. Маркс,— была первым условием сохранения старого Китая. Когда же этой изоляции при содействии Англии был насильственно положен конец, разложение должно было наступить так же неизбежно, как неизбежно разложение тщательно сохраненной в герметически закрытом гробу мумии, лишь только к ней получит доступ свежий воздух» [1а, с. 100].

Заключение неравноправного Нанкинского договора явилось прологом ко всей последующей внешней политике Цинов, суть которой состояла в том, чтобы территориальными, экономическими и политическими уступками откупаться от капиталистических государств и заручиться их поддержкой в борьбе с прогрессивными движениями внутри страны во имя сохранения устоев феодальной монархии. Подобный внешнеполитический курс предопределял зависимый характер внешних сношений Китая с Англией и другими капиталистическими странами и приводил к дальнейшему отчуждению цинских властей от китайского народа. Его борьба за свержение антинациональной цинской монархии стала определяющей в дальнейшем развитии Китая.

Англия, насильственно «открыв двери» Китая, существенно укрепила там позиции не только своего, но и международного капитала. Вслед за Англией Пекин подписал договоры с США (3 июля 1844 г.) и Францией (24 октября 1844 г.), которые по принципу наибольшего благоприятствования смогли воспользоваться всеми теми односторонними льготами и привилегиями, ко-

которые предусматривались англо-китайским Нанкинским договором.

Тем не менее в рассматриваемый период Великобритания сумела обеспечить себе в Китае ведущее положение. Из 219 иностранных фирм, действовавших в 1855 г. в Гонконге и пяти открытых портах, 111 были английскими и 45 индийскими (большая часть из них контролировалась англичанами), США же представляли лишь 23, Германию — 7, Францию — 6 фирм. Свыше 60% торговых операций в этих портах приходилось на британские компании, из 300 иностранных морских судов, занимавшихся внешне-торговыми перевозками в китайских водах в 40-х годах, более $\frac{2}{3}$ принадлежало англичанам.

При всем этом нерешенным оставался весьма важный вопрос — нормализация межгосударственных отношений, установление постоянных посольских связей. Великобритания не получила права иметь своего посла в Пекине, и Северный Китай оставался для английских торговцев закрытым районом. И самое главное — добившись капитуляции цинских властей, Англия столкнулась с нарастающим общенациональным сопротивлением вторжению иностранного капитала. «Открыв» ему «двери», «опиумная» война положила начало столетней антимпериалистической борьбе китайского народа.

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ АНГЛИИ В УСТАНОВЛЕНИИ НЕРАВНОПРАВНЫХ ДЛЯ КИТАЯ ОТНОШЕНИЙ С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ (1850—1896 гг.)

КИТАЙ И АНГЛИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Англия вступала во вторую половину XIX в. как ведущая капиталистическая держава, обладавшая самой передовой и мощной промышленностью. Ее могущество подкреплялось богатейшими сырьевыми и продовольственными ресурсами колоний. В 1850 г. на долю Англии приходилась половина мирового производства чугуна, более половины добычи каменного угля и почти половина мировой переработки хлопка. Помимо ведущих позиций в производстве и экспорте шерстяных и хлопчатобумажных тканей, которые Англия заняла еще в предшествующее столетие, к рассматриваемому периоду она становится крупнейшим мировым экспортером станков, машин, морских судов и различного промышленного оборудования. Темпы перевода английской промышленности и судоходства на паровые двигатели быстро возрастали.

Британская империя в середине XIX в. находилась в зените своей славы и могущества. На ее территории «никогда не заходило солнце», а на океанских просторах английское господство поддерживалось сильнейшим в мире военным и торговым флотом. Главная стратегическая цель внешней политики Англии в этот период состояла в укреплении и усилении своего колониального могущества, расширении колониальной экспансии, одним из основных объектов которой был Дальний Восток.

В середине XIX в. главным своим конкурентом на Востоке правящие круги Англии считали Россию¹.

Англичан беспокоила также и нарастающая активность США, которые после присоединения Калифорнии и Орегона превратились в тихоокеанскую державу. Экспедиция командора Перри дала возможность американцам опередить Англию в «открытии» Японии и первыми подписать с японским правительством неравноправный договор, сходный с Нанкинским договором между Англией и Китаем.

Правящие круги Англии, боясь ослабления своих позиций на

Дальнем Востоке, без промедлений направили в Японию эскадру адмирала Стерлинга. Стерлинг по прибытии в Нагасаки передал японскому губернатору копию объявления Англией войны России и потребовал предоставления английским военным судам права захода в японские порты. Запугивая японское правительство русской угрозой, Стерлинг сумел навязать Японии (14 октября 1854 г.) конвенцию, по условиям которой Англия в одностороннем порядке получала все льготы и привилегии, предоставленные США; кроме того, английским военным судам разрешалось заходить в Нагасаки и Хакодате для пополнения запасов.

В то же время даже сравнительно легкая для Англии Крымская война не могла не вызвать общего ослабления ее позиции на Дальнем Востоке, что вынудило британское правительство занять в ряде моментов, в первую очередь связанных с Китаем, выжидательную позицию.

До окончания Крымской войны в английской дальневосточной политике явно проявлялась тенденция поисков союзников для совместных с ними действий. Помимо Франции британская дипломатия наибольшее внимание уделяла привлечению для совместных действий США, хотя во многих случаях американцы не желали связывать себя союзом с англичанами (см. [107, с. 70]).

Заканчивая войну с Россией, правящие круги Англии были уже готовы развязать новую войну — с Китаем.

Крупнейший деятель британского колониализма того периода лорд Г. Пальмерстон еще в 1850 г. с циничной откровенностью призывал нанести Китаю «новый удар» с целью «открытия» портов на р. Янцзы. Китайцы, писал он, «должны не только видеть палку, но действительно ощутить ее на своей спине, прежде чем уступить тому единственному аргументу, который способен их убедить, — аргументу дубины» (цит. по [170, с. 70]). «Пусть высшие чиновники Кантона и пекинское правительство, — писал Пальмерстон английскому уполномоченному в Гонконге, — не обольщаются. Снисходительность, проявляемая до сих пор британским правительством, происходит не от ощущения слабости, а от сознания превосходства своих сил. Британское правительство хорошо знает, что, если бы того потребовали обстоятельства, *британские военные силы смогли бы разрушить город Кантон, не оставив камня на камне*, и таким образом подвергнуть население этого города самому примерному наказанию» (цит. по [3а, с. 150]).

В Китае с начала второй половины XIX в. глубокий социальный кризис вылился в широкое антифеодальное крестьянское движение, известное в китайской истории под названием восстания тайпинов. Одержав ряд крупных побед над правительственными войсками, повстанцы (провозгласившие себя последователями христианства) создали в южных и центральных районах страны свое государство — Тайпини тяньго — со столицей в Нанкине². Во главе его стал тяньван (небесный князь) Хун Сюцюань.

Англия, Франция и США не сразу смогли определить свое от-

ношение к тайпинскому движению. Изоляционизм Пескина, его нежелание устанавливать официальные посольские отношения, вызывало недовольство правительств ведущих западных государств, и они были не прочь устранить Цинов от власти. К тому же западных дипломатов обнадеживало принятие (на деле — чисто формальное) тайпинами христианства. Англичане и американцы (в меньшей мере французы, поскольку Хун Сюцюань него сподвижники причисляли себя к протестантам, а не к католикам) рассчитывали найти в тайпинах носителей прозападной идеологии, которых, следовательно, легче будет склонить к уступкам.

Наиболее полно такие суждения выразил уполномоченный правительства Великобритании, губернатор Гонконга Дж. Бонхэм. После посещения Нанкина в апреле—мае 1853 г. он докладывал в Лондон: «Преимущества, которые можно ожидать от успешных действий инсургентов (тайпинов. — М. С.), состоят в следующем: вся страна будет открыта для торговой и миссионерской деятельности... Если цинское правительство без помощи иностранцев победит инсургентов (что весьма сомнительно), то оно еще более оградится от всего иностранного и станет еще наглее, чем прежде... Единственная политика, которую можно было бы посоветовать в настоящее время, — всеми мерами воздерживаться от какого-либо вмешательства в распри и от связи с любой из сторон. Однако иностранцы должны иметь наготове значительные силы, чтобы отразить любую атаку, которую могут предпринять инсургенты, и разгромить их» [114, с. 194].

Следуя рекомендациям Бонхэма, правительство Великобритании объявило «о строгом нейтралитете» в спорах «враждующих сторон» (см. [140, т. 1, с. 454]). В декабре 1854 г. Нанкин посетил уполномоченный Франции А. Бурбулон, который уведомил тайпинское правительство о нейтралитете Франции. Что касается правительства США, то оно уполномачивало своего представителя Маклейна «признать тайпинов, как фактическое правительство, если он по прибытии (в Нанкин. — М. С.) найдет, что ситуация оправдывает такой курс» [132, с. 208].

Позиция западных государств стала быстро меняться, как только тайпинское правительство изложило основы своей внешней политики, строившейся на принципах полного равноправия Китая в отношениях с Западом. «Взаимная торговля — говорилось, в частности, в декларации повстанцев, адресованной иностранным государствам, — должна вестись между странами в обстановке полного порядка. В дальнейшем, при заключении сделок, в наш Китай будет запрещен только ввоз опиума. Торговля же всеми остальными товарами будет свободной, и никакого запрещения на нее не будет» [115, с. 280].

Столь решительное отклонение, не оставлявшее никаких лазеек для «последующих переговоров», как это делали Цины, важнейшего требования — об «открытии дверей» для неограниченного ввоза самого выгодного для иностранцев товара — вызвало

серьезное неудовольствие в правительственных и торговых кругах капиталистических государств. Их встревожила и обстановка в Шанхае, захваченном в сентябре 1853 г. местными повстанцами, под руководством «Общества малых мечей», объединявшего преимущественно выходцев из пров. Гуандун, отношение которых к «заморским дьяволам» не отличалось «христианским милосердием». В конце 1854 г. воинские подразделения Англии, Франции и США выступили против повстанцев (французы, в частности, произвели артиллерийский обстрел шанхайской крепости) и помогли цинской армии вновь овладеть городом (февраль 1855 г.).

Военная помощь, оказанная западными странами правительственным войскам в овладении Шанхаем, существенно облегчила для них наступление на Нанкин и осложнила общую военно-политическую обстановку для тайпинского государства, и без того сильно ослабленного внутренними распрями в руководстве.

Уже первые победы над тайпинами позволили Циннам укрепить свое положение. Пекин при содействии китайских феодалов стремился дискредитировать тайпинов как носителей чуждой Китаю «христианской религии» и использовать борьбу с ними для укрепления политики замкнутости — изоляции китайского народа от влияния прогрессивных общественно-политических идей.

КИТАЙСКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ «ОПИУМНОЙ» ВОЙНЫ

Английский деловой мир, заинтересованный в расширении торговли с Китаем, все настойчивее выражал неудовлетворенность результатами первой «опиумной» войны. Недовольство правящих кругов вызывалось упорным нежеланием цинского двора наладить непосредственные межправительственные связи с Лондоном, что лишало англичан мощного рычага давления на Пекин. Положение осложнялось тем, что все пять открытых портов, оказавшихся в зоне, охваченной восстанием тайпинов, на длительное время фактически вышли из-под контроля связанных Нанкинским договором цинских властей.

Благожелательно оценив обещание тайпинских вождей, что в будущем иностранцы в Китае могут свободно и беспрепятственно использовать пароходы, железные дороги, телеграф и другие технические достижения, а также их отказ от наступления на Шанхай и от связей с местными повстанцами, руководимыми «Обществом малых мечей», Англия наряду с Францией и США, как уже тайпинов с цинской монархией, рекомендуя, однако, своим дипломатам бдительно наблюдать и изучать фактическое положение дел в Китае. Политику декларируемого «нейтралитета», однако, как показали дальнейшие события, Лондон считал для себя обязательной лишь в том случае, если правительство тайпинского государства подтвердит все односторонние привилегии, полученные

Великобританией по неравноправным договорам. Подобное понимание «нейтралитета» с полной ясностью определилось уже при второй встрече Дж. Бонхэма с представителями тайпинского правительства Вэй Чанхуэем и Шн Дакаем в мае 1853 г. Как только тайпинские представители при обсуждении конкретных вопросов уклонились от подтверждения односторонних условий неравноправных договоров, Бонхэм немедленно перешел на позиции «враждебной стороны». Его возмутил сам тон тайпинских представителей, которые вели с ним переговоры как равные с равным (см. [108, с. 155]). Не добившись от тайпинов никаких завершений относительно выполнения условий прежних договоров, Бонхэм направил им письмо, в котором говорилось: «Китаем разрешена торговля в пяти портах и если нашей торговле будет нанесен ущерб, с чьей бы стороны это сделано ни было, мое государство санкционирует применение войск» [115, с. 281].

Нейтралитет таким образом обернулся открытым ультиматумом. Шанхайские события убедительно показали, что ни Англия, ни другие западные страны не обращались к местным властям (будь-то повстанцы или цинский даотай) с просьбами о защите их «интересов» и решение всех вопросов брали на себя. К тому же, воспользовавшись ситуацией, западные державы постарались выйти за рамки существовавших договоров и присвоить себе дополнительные права и привилегии.

Так, по инициативе английского консула после разгрома повстанцами шанхайской таможни наблюдение за выплатой таможенных сборов иностранцами взяли на себя консулы держав, которые стали принимать от коммерсантов долговые обязательства, фактически избавляя их от уплаты пошлин³. Надеясь в ответ получить помощь западных стран в подавлении восстания «Общества малых мечей», шанхайский даотай У Чжэнчжан 27 июня 1854 г. дал согласие на то, чтобы английский, французский и американский консулы назначили своих представителей в таможенное управление. Этим актом было положено начало установления иностранного контроля над таможней Китая. В следующем, 1855 г. состоялось официальное назначение постоянного инспектора, первым из которых был английский вице-консул в Шанхае Г. Н. Лэй, формально перешедший на китайскую службу (см. [133, с. 62—76]).

Одновременно с установлением контроля над таможней англичане в союзе с французами и американцами при молчаливом согласии цинских властей полностью обособили иностранный селтльмент в Шанхае. Он стал управляться представителями трех держав, возглавляемыми англичанином. Территория селтльмента была исключена из-под китайской юрисдикции, в нем были учреждены иностранная полиция, суд и прочие органы, обеспечивавшие экстерриториальность иностранцев, хотя никаких официальных соглашений по этим вопросам заключено не было.

Подобные действия английского консула (как и его французского и американского коллег) точно отражали общую тенденцию

политики держав в отношении Китая с начала 50-х годов. Торговые, военные, дипломатические круги Англии настойчиво добивались от своего правительства решительных действий, нового нажима на Китай с целью пересмотра действовавших договоров и приобретения более широких прав и привилегий.

Политика «нейтралитета» проводилась лишь в первые годы тайпинского движения, когда обстановка была еще не ясна и было трудно определить, какая из враждующих сторон будет более податлива в предоставлении новых льгот и привилегий. Однако уже в 1854 г. британские дипломаты располагали достаточной информацией для того, чтобы уяснить опасность для колонизаторов развернувшегося в Китае мощного крестьянского движения, победа которого упрочила бы национальный суверенитет и усилила сопротивление иностранному вторжению.

В то же время крупные успехи правительственных армий под командованием Цзян Гофана в начале 1854 г. в Центральном Китае, подавление шанхайского восстания и восстановление цинской власти в других открытых портах склонили Лондон к решению активизировать свои отношения с Пекином, чтобы вырвать у него «законные» уступки.

В Англии разворачивается широкая кампания за пересмотр китайских договоров. Поскольку в них не содержалось каких-либо юридических оснований для их пересмотра, Лондону пришлось прибегнуть к юридически необоснованным ссылкам на договоры Китая с США (июль 1844 г.) и Францией (октябрь 1844 г.), имевших 12-летний срок действия⁴.

Используя указанный предлог, правительство Великобритании выдвинуло требование о пересмотре Нанкинского договора в 1854 г.

Проведение курса, предусматривавшего переход от политики «нейтралитета» к активным действиям для приобретения еще больших прав и привилегий в Китае, министр иностранных дел Великобритании лорд Кларендон возложил на нового генерал-губернатора Гонконга и особоуполномоченного Англии в Китае Дж. Боуринга, заменившего в апреле 1854 г. инициатора политики «нейтралитета» Бонхэма.

Боурингу поручалось, ссылаясь на американо- и франко-китайские договоры и принцип наибольшего благоприятствования (дающий право воспользоваться всеми льготами, предоставленными другим странам), потребовать от правительства Китая пересмотра (в 1854 г. истекало 12 лет со времени его подписания) Нанкинского договора и новых уступок:

1) разрешить англичанам доступ во все провинции и города на побережье Китая;

2) предоставить им право свободного плаванья по р. Янцзы, «открыть» для торговли Нанкин, Чжаныцзян, Ханчжоу и Вэньчжоу;

3) легализовать торговлю опиумом;

4) отменить внутренние пошлины (лицзинь);

5) согласиться на пребывание английского посла в Пекине.

Кроме того, Боуринг должен был добиться согласия на установление регулярной связи между английским послом и китайским правительством, и предоставления послу права входить в непосредственные сношения с генерал-губернаторами провинций, а также договориться о том, чтобы английский текст договора считался определяющим (см. [140, т. 1, с. 414]).

В связи с началом Крымской войны Боуринг был лишен возможности продемонстрировать британскую военную мощь, и поэтому английской стороне представлялось более целесообразным предъявить цинскому правительству требование о пересмотре договоров совместно с Францией и США.

Перед началом переговоров Боуринг в конце июня — начале июля 1854 г. предпринимает поездку в Нанкин для окончательного определения позиции Англии по отношению к тайпинам. Его встреча с тайпинскими руководителями не дала положительных результатов, и он приступил к выполнению данных ему инструкций. Однако первые его попытки установить контакты с Пекином (через генерал-губернаторов Гуандуна и Фуцзяни) окончились неудачей.

К этому времени представители Франции и США А. Бурбулон и Маклейн получили от своих правительств указания поддержать требования Великобритании. 28 августа они встретились в Гонконге с Боурингом и приняли решение о совместной поездке в Пекин.

В Шанхае три посланника имели встречи (30 сентября и 3 октября) с наместником провинции Цзянсу маньчжуром Гирканой, который также отказывался выступить в роли посредника, ссылаясь на то, что император выехал из Пекина в Маньчжурию, и рекомендовал представителям держав вернуться в Гуанчжоу для переговоров с генерал-губернатором Гуандуна Е. Миншу.

Не желая отказываться от своих намерений, посланники предложили Гиркане уведомить императорский двор об их выезде к устью Байхэ. 10 октября Боуринг и Маклейн со своими свитами, каждый на отдельном судне под своим флагом, вышли из Шанхая (см. [140, т. 1, с. 415])⁵. Прибыв к устью Байхэ 15 октября, посланники после нескольких дней ожидания были приняты Вэнь Цинем и Чун Луном, чиновниками невысоких рангов, пояснившими, что имеют полномочия лишь ознакомиться с пожеланиями представителей держав, но не обсуждать их. Затем они заявили Боурингу, что требования Великобритании о пересмотре договоров на том основании, что истекает срок китайско-американского договора, необоснованны и приняты быть не могут. Маклейну представители китайской стороны указали на шаткость его юридической аргументации, поскольку в китайско-американском договоре предусматривалось внесение через 12 лет лишь «незначительных улучшений», а вовсе не таких «значительных изменений, которые сейчас предлагаются» [140, т. 1, с. 416].

Отказываясь вступить в конкретные переговоры, Вэнь Цинь и

Чун Луи настойчиво убеждали посланников отказаться от поездки в Пекин в силу ее полной бесперспективности.

Боурнинг и Маклейн, не имея возможности воспользоваться методом вооруженного давления, вынуждены были безрезультатно вернуться на юг. В докладах своим правительствам все три посланника утверждали, что пересмотр договоров возможен лишь путем демонстрации военной силы (см. [132, с. 213—218]).

АНГЛО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ «ОПИУМНОЙ ВОЙНЫ»

Неудовлетворенность правящих и деловых кругов Великобритании состоянием англо-китайских отношений определялась прежде всего застойным и неустойчивым характером весьма выгодной торговли с Китаем. Надежды на быстрый рост экспорта английских промышленных товаров в Китай с «открытием дверей» в него, отмечал К. Маркс, оказались необоснованными. Анализируя состояние англо-китайской торговли 50-х годов XIX в., он убедительно показал, что главным препятствием для расширения ввоза фабричных изделий в Китай является отсталость экономической структуры китайского общества, а не, как утверждали колонизаторы, создаваемые «варварским правительством» искусственные препоны, которые «могут быть устранены военной силой» [5, с. 563]. Данные, приводимые К. Марксом об англо-китайской торговле рассматриваемого периода, показывают, что британский экспорт в Китай, помимо опиума, вывозимого из Индии, претерпевал резкие колебания и к кануну второй «опиумной» войны (1856 г.) снизился по сравнению с 1849 г. на 16,5% (в ф. ст.): [5, с. 564]:

Статья	1849 г.	1850 г.	1851 г.	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.
Хлопчатобу- мажные тка- ни	1 001 283	1 020 915	1 598 829	1 905 321	1 408 433	640 820	883 985
Шерстяные ткани	370 878	404 797	373 399	434 616	203 875	156 939	134 070
Прочие това- ры	164 948	148 433	189 040	163 662	137 289	202 937	259 889
Итого	1 537 109	1 574 145	2 161 268	2 503 593	1 749 597	1 000 716	1 277 944

Не менее важно, что указанное падение объема английского вывоза в Китай происходило за счет основных его статей — хлопчатобумажных и шерстяных тканей, т. е. тех фабричных изделий, на которые возлагались наибольшие надежды.

В результате легальный экспорт давал возможность оплатить покупку не более чем $\frac{1}{6}$ китайских товаров, вывозимых англичанами. Так, по данным А. Сарджента, в 1857 г. в Шанхае британскими торговцами было закуплено китайских товаров на

10 млн. ф. ст., тогда как стоимость товаров «законного» ввоза составила лишь 3 млн. ф. ст. Полная оплата приобретенных китайских товаров была произведена за счет экспорта серебряных монет (4,8 млн. ф. ст.) и опиума (4,3 млн. ф. ст.) (см. [143, с. 135—136]).

Иначе обстояло дело с экспортом в Китай опиума, спрос на который стимулировался политической отсталостью реакционного маньчжурского режима, продажностью чиновничества и купеческой алчностью.

Ввоз индийского опиума в Китай, несмотря на официальный запрет, продолжал стремительно возрастать (в ящиках) [140, т. 1, с. 556]:

Год	Из Бенгалии	Из Мальвы	Всего
1849	36 566	16 509	53 075
1850	34 863	18 062	52 925
1851	33 561	22 000	55 561
1852	36 600	23 000	59 600
1853	39 463	27 111	66 574
1854	48 319	26 204	74 523
1855	53 321	25 033	78 354

Позиция Лондона в отношении опиоторговли в Китае была насквозь лицемерной. Заявляя о своей непричастности к ней и делая вид, что не одобряет ее «по моральным соображениям», правительство Великобритании категорически отказывалось предпринять какие-либо меры по ее пресечению. «Оправданием» служила ссылка на то, что опиум в Китай ввозится не только из подвластной англичанам Индии. Подлинной причиной подобного отношения была, понятно, высокая прибыльность сбыта опиума, дававшая возможность в целом сбалансировать англо-китайскую торговлю и приносившая британской колониальной администрации в Индии, как отмечал К. Маркс, $\frac{1}{6}$ часть бюджетных доходов (см. [2, с. 570]).

Несмотря на то что военные действия, связанные с Тайпинским восстанием, охватили все основные районы производства чая и шелка в Китае, вывоз этих товаров в Англию в 50-е годы неуклонно возрастал⁶. Среднегодовой объем их импорта характеризуется следующими данными (в млн. фунтов) [143, с. 132]:

Годы	Чай	Шелк
1845—1849	52	1,82
1850—1854	67	2,86
1855—1859	74	4,41

Стоимость китайского вывоза, колеблющаяся в пределах 10—15 млн. кит. долл. (1 долл.=4 шил. 6 пенсов), покрывала лишь около 90% стоимости ввозимого англичанами опиума (12—16 млн. кит. долл.).

Вследствие этого англо-китайская торговля в рассматриваемый период, несмотря на сокращение экспорта тканей, складывалась в пользу Англии (активное сальдо свыше 10 млн. кит. долл. в год).

Эти средства использовались англичанами для контрактации кули, а также для инвестирования в развернувшееся жилищное, торговое и производственное строительство на территории английских селтльментов.

Вывоз кули осуществлялся, как и прежде, преимущественно из порта Сямынь. Так, по контрактам, заключенным в 1852 г., только в Гавану было направлено около 15 тыс. человек [128, с. 169]. Бесчеловечные условия, в которых содержались и перевозились кули⁷, неоднократно приводили к их бунтам⁸.

Инвестирование британского капитала в 50-х годах XIX в. не выходило за пределы территорий английских селтльментов. Основная сумма английских капиталовложений направлялась в частные жилищно-коммунальные, торговые и банковские сооружения, данные о стоимости которых в исторических источниках отсутствуют.

Наряду с этим уже в первые годы после «открытия» Шанхая и Нинбо на их территории стали строиться судоремонтные, печатные, кондитерские и другие предприятия современного типа, положившие начало созданию иностранной промышленности в Китае. Следует отметить, что предпринимательская деятельность такого рода не была предусмотрена в заключенных с Китаем договорах, т. е. фактически была абсолютно незаконной.

До второй «опиумной» войны в Шанхае было сооружено 6 английских предприятий [96, с. 120—121]⁹:

	Владелец	Год сооружения
Типография «Мохай»	Лондонский союз миссионеров	1848
Судоремонтный завод ¹⁰	Компания «Купер док»	1845
Типография, газетное агентство . .	«Норс Чайна генерал оффис»	1850
Судоремонтный завод	Компания «Пудун док»	1853
Предприятие по производству аптекарских товаров и прохладительных напитков	«Левеллин энд К ^о »	1853
Хлебопекарня . . .	Х. Эванс	1855

Все указанные предприятия строились и эксплуатировались под руководством английских инженеров и оснащались импортным оборудованием. Они сыграли огромную роль в ознакомлении китайцев с новейшим производством и способствовали распространению передового промышленного опыта Запада.

Приход к власти в 1855 г. в Англии кабинета либералов во главе с Пальмерстоном предопределил переход Лондона к вооруженному давлению на Китай, с тем чтобы заставить Пекин «открыть двери» во все провинции страны.

Момент для этого, с точки зрения британских колониальных стратегов, был вполне благоприятным. Поражение в Крымской войне ослабило Россию, в которой английские правящие круги видели своего главного конкурента в Азии и на Дальнем Востоке, а цинское правительство, занятое борьбой с тайпинцами, полагали они, не сможет оказать серьезного сопротивления.

Основные военные операции планировалось провести на юге Китая (где антианглийские настроения были особенно сильны), с тем чтобы сломить дух сопротивления китайского народа.

Поводом для начала военных действий послужил инцидент с судном «Эрроу». Как утверждали англичане, «Эрроу», стоявшее в гуанчжоуском порту под британским флагом, которым оно имело право пользоваться с разрешения британской администрации Гонконга, 8 октября 1856 г. было обыскано китайскими военными властями и вопреки протестам капитана-англичанина на нем был спущен британский флаг, а 12 членов экипажа, по национальности китайцы, арестованы (см. [140, т. 1, с. 420]). Британский консул в Гуанчжоу Г. Паркс заявил по этому поводу протест генерал-губернатору Е Миншэню, потребовав освобождения арестованных и извинения китайских властей «за публичное оскорбление британского флага».

Е Миншэнь в своем ответе утверждал, что на «Эрроу» не было британского флага, а среди задержанных матросов скрывались пираты (см. [114, с. 264]).

Получив желанный предлог, командующий британским флотом в китайских водах адмирал Сеймур открыл военные действия. В конце октября английская эскадра начала разрушительный обстрел Гуанчжоу и его окрестностей, 6 ноября ею была сожжена флотилия китайских джонок, 12—13 ноября англичане заняли укрепленные острова в устье Чжуцзяна.

Демонстрацией своего военного превосходства агрессоры стремились добиться капитуляции не только гуандунских, но и центральных цинских властей. Однако уничтожение береговых укреплений и бегство их гарнизонов не привело к прекращению сопротивления. На борьбу с захватчиками поднялись народные дружины, поддерживаемые всеми слоями населения. 15 декабря были разрушены все иностранные фактории в Гуанчжоу и сожжены строения китайских фирм, торговавших с иностранцами. В конце декабря английские войска вынуждены были отойти от города, они закрепились на островах в устье Чжуцзяна. В Гонконге китайские торговцы и служащие перешли к бойкоту англичан. Гонконг оказался на положении осажденной крепости, не имевшей достаточно сил для отражения нарастающего антианглийского

движения. Губернатор Гонконга Боуринг и адмирал Сеймур в этих условиях были вынуждены обратиться к британской администрации Индии с просьбой о срочном направлении в качестве подкреплений не менее 5 тыс. солдат (см. [140, т. 1, с. 436]). Попытки Боуринга при посредстве генерал-губернатора Фуцзяни и Цзянсу войти в контакт с императорским двором оказались безрезультатными. В ответе из Пекина указывалось, что Е Миншэнь уполномочен все вопросы решать на месте (см. [140, т. 1, с. 687—688]).

В сложившихся условиях британское правительство приняло решение осуществить военную экспедицию на север Китая, чтобы вступить в непосредственный контакт с центральным цинским правительством; привлечь к участию в ней Францию и, при возможности, США и Россию; осуществить ее без промедлений, пока Пекин не оправился от внутренних потрясений.

Вскоре французский уполномоченный в Китае получил от своего правительства указание присоединиться к британскому требованию о пересмотре договоров. Докладывая об этом в Лондон (21 августа 1856 г.), Боуринг предлагал экспедицию на север начать в мае—июне следующего года (см. [140, т. 1, с. 437]).

Предложенные Дж. Боурингом сроки устраивали английское правительство, так как оно надеялось к этому времени закончить войну с Персией (ноябрь 1856 г. — март 1857 г.), в которой были заняты размещенные в Индии британские войска, предназначавшиеся для военных действий в Китае.

В декабре 1856 г. между Великобританией и Францией была достигнута договоренность о совместных действиях, и в феврале 1857 г. в китайские воды стали прибывать французские военно-морские силы.

В марте 1857 г. Лондон обратился с предложением об участии в агрессии против Китая к правительствам США и России. Последнее не только ответило решительным отказом, но и изъявило желание оказать Китаю содействие в организации обороны¹¹. Правительство США, согласившись «на согласованные действия... в стремлении установить... отношения с Китаем на добросовестной, справедливой и постоянной основе», уклонилось, однако, от совместных военных действий.

Подобная позиция в общем устраивала Лондон. В военном отношении британские правящие круги и рассчитывали только на помощь Франции; от России, не входившей в число «договорных держав», т. е. государств, которые заключили с Китаем договоры после первой «опиумной» войны, они ожидали не помощи, а нейтралитета, их даже больше устраивало ее неучастие в войне. США выразили свою солидарность с агрессорами в отношении получения новых льгот и привилегий в Китае.

К середине 1857 г. была закончена подготовка для перехода от локальных столкновений под Гуанчжоу к широкой агрессии в общекитайском масштабе с направлением главного удара на Пекин.

Вести о начавшихся в Китае военных действиях были с него-

дованием встречены мировой прогрессивной общественностью. К. Маркс в январе 1857 г. в статье «Англо-китайский конфликт» вскрыл полную несостоятельность юридической аргументации англичан, пытавшихся «обосновать» законность своего нападения на Гуанчжоу. «Вывод, к которому должно привести, как нам кажется, — писал он, — всякого беспристрастного человека внимательное изучение официальной переписки между британскими властями в Гонконге и китайскими властями в Кантоне, будет тот, что не правы во все этом деле англичане» [3, с. 105].

В парламенте и прессе прогрессивные английские деятели выступали с суровыми осуждениями своего правительства, отмечали жестокость и бессмысленность бомбардировки Гуанчжоу. Для характеристики настроений общественности Великобритании К. Маркс приводит следующую выдержку из лондонской газеты «Дейли ньюс»: «Чудовищно, что для отмщения ущемленной гордости какого-то британского чиновника и для наказания глупости азиатского губернатора мы растрачиваем нашу силу на безправственное дело, неся огонь и разрушение, горе и смерть в мирные жилища безобидных людей, на берега которых мы с самого начала вторглись как непрошенные гости. Каков бы ни был исход этой бомбардировки Кантона, безрассудное и бессмысленное приношение человеческих жизней в жертву на алтарь ложного этикета и неправильной политики уже само по себе является делом дурным и низким» [3, с. 110].

Однако подобные гуманные призывы заглушались голосами воинствующих колонизаторов, формировавших британскую политику. Так, при обсуждении в палате общин (26 февраля 1857 г.) резолюции, осуждавшей действия Боуринга, последний был взят под защиту «либеральным» премьером Пальмерстоном, утверждавшим, что действия британской администрации в Китае были правомерными и патриотичными (см. [128, с. 219—220]).

Новое нападение на Китай получило благословение британского парламента. Перед назначенным 20 апреля 1857 г. особоуполномоченным и чрезвычайным послом Англии в Китае лордом Эльгином были поставлены задачи обеспечить выполнение всех старых договоров в открытых портах, добиться возмещения за ущерб, нанесенный англичанам в Гуанчжоу, права свободной торговли в портах Северного Китая и по р. Янцзы и согласия на пребывание британского посла в Пекине (с правом сношения с императорским двором) [128, с. 218; 231; 140, т. 1, с. 487]. В случае невозможности достигнуть указанных целей дипломатическим путем Эльгину предписывалось «немедленно прибегнуть к мерам принуждения» [128, с. 231].

Эльгин прибыл в Гонконг 2 июля на паровом фрегате «Шэптон», однако немедленно приступить к выполнению намеченной программы он не смог. Вспыхнувшее в Индии восстание сильно резко осложнило положение англичан в Азии. В этих условиях Лондон был лишен возможности обеспечить Эльгина необходимыми подкреплениями, и последний вопреки настояниям Боуринга и

Сеймура, требовавших незамедлительного наступления на Гуанчжоу, занял выжидательную позицию.

Китайские власти также не решались переходить к активным действиям, мирясь с установленной англичанами морской блокадой устья Чжуцзяна. Е Миншэнь, не предпринимая никаких мер по восстановлению разрушенных англичанами фортов, после отхода британских войск от Гуанчжоу вывел из города отряды народного ополчения и распустил их.

К концу 1857 г., после подавления сипайского восстания, внимание британского правительства вновь сосредоточилось на Китае. В Гонконг стали перебрасываться британские войска из Индии и Англии, а также французские части. К середине декабря 1857 г. в Гонконге сосредоточилось 26 английских и 13 французских военных кораблей, 4,5 тыс. английских и 1,3 тыс. французских десантных войск.

12 декабря Эльгин и особоуполномоченный и чрезвычайный посол Франции барон Гро одновременно направили ноты Е Миншэню, в которых содержалось требование «обеспечить полное выполнение договорных обязательств в Гуанчжоу, включая беспрепятственный доступ в город, и компенсировать потери, понесенные иностранцами во время последних беспорядков». При выполнении этого ультиматума в 10-дневный срок англо-французская сторона обещала прекратить военные действия и снять блокаду Гуанчжоу [140, т. 1, с. 497—498].

Е Миншэнь, отклонив ультиматум, никаких действенных мер по организации обороны не предпринял. В результате предпринятая англо-французскими частями решительная атака застала цинских военачальников врасплох. Е Миншэнь пытался бежать, а командующий гарнизоном маньчжур Мукэдэнэ и губернатор Гуандуна Бо Гуй поспешили капитулировать. Власть в Гуанчжоу фактически перешла в руки созданной интервентами «наблюдательной комиссии»¹².

Тяжелое поражение в Гуанчжоу не изменило позиции цинских правителей. В ответ на ультимативное требование англо-французского командования не позднее конца марта 1858 г. направить в Шанхай уполномоченных для переговоров о заключении новых договоров Пекин предложил Эльгину и Гро ожидать в Гуанчжоу «решения по их просьбам» [108, с. 170].

Чванливое нежелание цинского двора осознать сложившуюся ситуацию привело к тому, что он не смог воспользоваться противоречиями между западными государствами. Его нежелание согласиться на пребывание иностранных послов в Пекине, что в условиях быстро расширяющихся межгосударственных отношений становилось необходимым и для Китая, позволило Англии и Франции привлечь и Россию и США к совместному демаршу. Недоброжелательно относясь к английской экспансионистской политике в Китае¹³, правительства этих стран в то же время были заинтересованы в установлении прямых дипломатических связей с Пекином и не хотели отстать в этом от Англии и Франции¹⁴.

Ноты четырех держав, содержавшие требования пересмотра договоров и предоставления права направлять послов в Пекин, были направлены в один день — 11 февраля 1858 г. 25 марта представители четырех государств получили от шанхайских властей ответную ноту (датированную 23 марта), в которой со ссылками на указания из Пекина их требования отклонялись. Лорд Эльгин и барон Гро уведомлялись, что вместо наместника Е Миншэня, «запутавшего дела», назначен новый наместник Гуандуна — Хуан Цзунхань, с которым им и следует вести переговоры в Гуанчжоу (см. [140, т. 1, с. 509]). В ответе русскому посланнику Е. Путятину отмечалось, что так как Россия не ведет торговлю в пяти открытых портах и русская миссия уполномочена вести переговоры об урегулировании границы по Амуру, то ему и следует проследовать на Амур, куда выезжают для переговоров уполномоченные Китая (см. [140, т. 1, с. 509]). Отклонена была и американская нота, хотя в ответе представителю США Риду, составленном в доброжелательном тоне, отмечалась «дружественная, нейтралистская позиция Америки» [140, т. 1, с. 509].

Следующим шагом послов было решение проследовать на север и вступить в прямые переговоры с императорским двором. Прибыв в Бохайский залив, 24 апреля они направили ноту, в которой выдвигалось требование назначить для переговоров уполномоченных (как это было в 1842 г. при заключении Нанкинского договора) и допустить послов в Пекин. Цинские власти ответили отказом и предлагали послам вступить в переговоры в Тяньцзинь с представителями наместника столичной провинции Чжили.

Ультимативное требование послов воюющих стран (10 мая) в течение шести дней принять их требования 17 мая через Путятину, выполнявшего посреднические функции, было отклонено.

В соответствии с данными ему инструкциями Эльгин решил применить силу. Утром 20 мая представители Англии и Франции потребовали в течение двух часов сдать форты Дагу, защищавшие вход в Байхэ. Растерявшиеся цинские власти не смогли организовать сопротивления. В тот же день англо-французские десантные войска заняли Дагу, и военные суда интервентов двинулись по Байхэ к Тяньцзиню. 30 мая послы четырех держав в сопровождении вооруженной эскадры прибыли в Тяньцзинь. В тот же день они были уведомлены, что в соответствии с указом императора для переговоров с ними направлены сановники Гуй Лян и Хуа Шань. Таким образом, Англии и Франции при поддержке России и США удалось заставить Пекин пойти на прямые переговоры.

ТЯНЬЦЗИНЬСКИЙ ДОГОВОР, ТРЕТЬЯ «ОПИУМНАЯ» ВОЙНА И ПЕКИНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ

С первых дней июня 1858 г. в Тяньцзинь начались переговоры о заключении новых договоров. Наиболее остро стоял вопрос о постоянном пребывании иностранных послов в Пекине. В позици-

ях послов по данной проблеме не было единства. В соответствии с инструкциями Петербурга Путятин согласился, чтобы за Россией сохранилось «прежнее право... отправлять посланников в Пекин всякий раз, когда Российское правительство признает это нужным» [16, с. 124], т. е. сохранить практику лишь эпизодических посольских связей.

Китайская сторона, стремясь использовать противоречия между державами, поспешила воспользоваться уступчивостью России и заключила с ней договор (13 июня) до окончания переговоров с послами Англии и Франции, согласившись при этом распространить на Россию «все права и преимущества политические, торговые и другого рода, какие впоследствии могут приобрести государства, наиболее благоприятствуемые китайским правительством» [16, с. 129]¹⁵. С той же целью 18 июня был подписан договор с США.

Однако эти маневры не принесли успеха цинской дипломатии. В ходе англо-китайских переговоров представитель Великобритании Лэй широко пользовался методом запугивания и угроз. Пекин же больше всего беспокоили престижные соображения (не допустить «варваров» в столицу империи). Рассчитывая подписанием договоров в Тяньцзиньне предотвратить движение интервентов в сторону Пекина, цинский двор пошел на принципиальные уступки, согласившись принять основные англо-французские требования. Впрочем, как показали дальнейшие события, пункт о пребывании иностранных послов в Пекине Цины выполнять не собирались. Стремясь сдержать прежде всего Англию, как главную интервенционистскую силу, цинское правительство попыталось заручиться поддержкой других западных государств и с этой целью, как уже отмечалось, до завершения переговоров с Англией подписало в Тяньцзиньне договоры с Россией (13 июня) и с США (18 июня).

Англо-китайский Тяньцзиньский договор был подписан 26 июня. Он стал важной вехой на пути превращения Китая в полуколонию мирового капитализма, юридически закрепив приниженное положение Цинской империи в отношении держав. По Тяньцзиньскому договору Великобритания получала право иметь в Пекине посла и других дипломатических агентов (ст. 2), которые должны соблюдать церемониал, принятый между суверенными странами Европы (ст. 3); аналогичное право предоставлялось и Китаю.

Объявлялись «открытыми» еще шесть портов — Нючжуан, Данчжоу, Даньшуй, Тайнань (на Тайване), Чаочжоу (Сватоу) и Цюньчжоу (на Хайнане), в которых британским подданным предоставлялись такие же привилегии, преимущества и иммунитет, какими они уже пользовались в ранее открытых портах, «включая право на постоянное жительство, на покупку или аренду зданий, на аренду земли, а также на строительство церквей, больниц и кладбищ» (ст. 11).

Цинское правительство дало обязательство после подавления Тайпинского восстания открыть для английской торговли р. Ян-

цзы (Чжэньцзян должен был быть объявлен «открытым» не позднее чем через год после подписания договора) (ст. 10).

Британским подданным разрешалось выезжать «ради собственного удовольствия или с торговыми целями» во все внутренние районы Китая «при наличии паспорта, выданного их консулом и заверенного местными властями» (ст. 9).

По всему Китаю разрешалась миссионерская деятельность, миссионерам была обещана «защита китайских властей» (ст. 8).

Для англичан подтверждалось право экстерриториальности, они подлежали консульской юрисдикции, осуществляемой на основе законов Великобритании (ст. 16).

Предусматривался пересмотр таможенного тарифа Китая (ст. 25).

Наконец, Китай обязывался выплатить Великобритании 4 млн. ляннов контрибуции: 2 млн. «за ущерб, понесенный британскими подданными вследствие неправильного поведения китайских властей в Кантоне», и 2 млн. в качестве компенсации английских военных расходов.

Тяньцзиньский договор фактически ставил Великобританию в положение союзника цинского правительства, заинтересованного в подавлении тайпинского движения, в ликвидации «противозаконных беспорядков».

После подписания Тяньцзиньского договора 8 ноября 1858 г. в Шанхае было подписано англо-китайское «Соглашение относительно правил торговли, составленное во исполнение статьи 25 Договора от 26 июня 1858 г.» [67, с. 422—428], а также согласован новый таможенный тариф Китая, выработанный при участии представителя британского правительства. Формально тариф, установленный в соответствии с Нанкинским договором, подлежал пересмотру в связи с изменением товарных цен. Действительным же побудительным мотивом его изменения для англичан было желание легализовать ввоз опиума.

Новый таможенный тариф в связи с существенным расширением номенклатуры экспорта и импорта, в том числе ввоза для удовлетворения спроса иностранцев, проживающих в Китае, распространялся на более широкий ассортимент товаров.

Ряд товаров европейского спроса (вина, консервы, сыр, масло, парфюмерия, табачные изделия, медикаменты и др.) освобождался от таможенных обложений. Пошлины на иностранные товары преимущественно производственного назначения в общем остались на прежнем уровне. Повышение сборов за ввоз одних товаров (например, хлопчатобумажную пряжу с 1 до 7 ляннов за 100 фунтов) в целом перекрывалось их понижением за экспорт других (например, хлопок-сырец — с 4 до 3 ляннов за 100 фунтов). Подобное положение вполне устраивало английских коммерсантов, ибо неуклонный рост товарооборота сулил им увеличение прибылей.

Принципиально важные изменения касались импорта опиума. Хорошо понимая политическую остроту опиумного вопроса, британские колонизаторы всячески старались завуалировать свое

стремление полностью легализовать опиеторговлю. Ни в одном из подписанных в Тяньцзиньских документов не говорится о разрешении ввоза опиума в Цинскую империю. Он «просто» не был включен в перечень товаров (оружие, военное снаряжение, соль и т. д.), экспорт которых в Китай запрещался и объявлялся контрабандой (ст. 3 соглашения). В ст. 5 того же документа «даже» предусматривались некоторые «ограничения» для иностранных опиеторговцев: им разрешалось продавать свой товар только в портах, вывозить же опиум во внутренние районы страны позволялось только китайцам и как китайскую собственность, причем иностранным экспортерам запрещалось сопровождать вывозимый опиум. Нетрудно заметить, что подобные «ограничения» фактически легализовали не только завоз опиума в открытые порты, но и его распространение по всей территории Китая. Таким образом, продолжавшаяся более ста лет борьба английских контрабандистов за свободу опиумной торговли завершилась их полной победой. Цины пошли на отмену законодательных барьеров (конечно, на практике достаточно эфемерных), препятствовавших распространению в стране вредоносного зелья. Капитулянтский характер тяньцзиньских договоров и соглашений вызвал широкое недовольство в Китае, захватившее даже чиновничью среду. Стремясь приглушить его и не желая выполнять наиболее, с его точки зрения, унижительные условия (о допуске иностранных послов в столицу империи), цинский двор предпринял ряд мероприятий по усилению обороны Пекина. В спешном порядке были восстановлены и усилены форты Дагу, в район Тяньцзиня из Маньчжурии и Монголии были переброшены кавалерийские части под командованием монгольского военачальника Сэнгэринчи. К этому времени (2 июня 1859 г.) назначенные послами англичанин Ф. Брус (брат Эльгина) и француз Бурбулон, на которых была возложена задача произвести обмен ратификационными грамотами, вводившими в действие тяньцзиньские договоры¹⁶, прибыли из Гонконга в Шанхай для дальнейшего следования в Пекин. Однако там по поручению цинского двора сановник Хэ Гуйцин потребовал от них при въезде в столицу выполнить все правила обычно исполнявшегося послами вассальных государств церемониала, в соответствии с которым «число сопровождающих (посла. — М. С.) лиц не должно превышать десяти, нельзя иметь при себе оружие, не разрешается ехать в паланкине в сопровождении эскорта, после обмена договорами сразу же отправиться в обратное плавание, не допускается длительное пребывание в столице» [114, с. 277]. Подобный поворот событий не был для англичан неожиданием.

Освещая позицию британской стороны накануне нового столкновения, К. Маркс отмечал, что еще до прибытия Бруса английское командование готовилось к проведению военных операций в случае возникновения препятствий для поездки посла в Пекин. К. Маркс приводит письмо лорда Эльгина адмиралу М. Сеймуру от 2 марта 1859 г., в котором говорилось: «Я предполагаю, что

правительство ее величества пожелает, чтобы нашего посланника при следовании в Тяньцзинь сопровождали внушительные военные силы. При таком положении дела я решаюсь предложить на усмотрение Вашего превосходительства, не является ли целесообразным сосредоточить в Шанхае в ближайший удобный момент достаточно сильную для этой цели эскадру канонерок» [4, с. 546].

После демарша Хэ Гуйцзиня послы и военачальники Великобритании и Франции приняли решение до выезда послов в Пекин направить эскадру к Тяньцзиню, чтобы демонстрацией силы вынудить цинские власти принять послов на условиях договора. 17 июня англо-французская эскадра (16 британских и 2 французских судна) под командованием английского адмирала Хоупа подошла к Дагу, но китайцы не допустили ее в устье Байхэ. Присоединившиеся к Хоупу 20 июня Брус и Бурбулон также не смогли добиться разрешения цинских властей на проход эскадры к Тяньцзиню. Генерал-губернатор Чжилл, заявив, что плавание иностранным судам по Байхэ запрещено, предложил послам следовать в Пекин другим путем — через Бэйтан — и без военного сопровождения.

Отклонив это предложение, представители Англии и Франции 24 июня ультимативно потребовали немедленно пропустить эскадры по Байхэ к Тяньцзиню. Получив отказ, они 25 июня самовольно ввели свои корабли в устье Байхэ. Там англо-французская эскадра попала под ураганный артиллерийский огонь фортов. Наличие на берегу 20-тысячного монгольского отряда Сэнгэринчи делало невозможным высадку десанта. В результате интервенты на этот раз потерпели полное поражение. Потеряв три военных корабля («Корморант», «Ли» и «Пlover») и 478 человек убитых и раненых (среди последних был и адмирал Хоуп), англо-французская экспедиция ушла на юг и укрылась в бухте около Нинбо.

Полная неудача военных акций Бруса — Хоупа вызвала в кругах английских колонизаторов вначале замешательство и растерянность, а затем взрыв негодования и воинственной непримиримости. Посыпались требования без промедления сурово расплатиться с Китаем «за поруганную честь британской короны». Реакционная английская пресса преднамеренно искажала военную ситуацию, замалчивая факт нарушения англо-французской стороной суверенитета Китая и условий Тяньцзиньского договора (возможность сопровождения послов сухопутными или морскими воинскими частями в нем не была предусмотрена), выступала с откровенно расистскими проповедями¹⁷.

В шовинистической шумихе тонули трезвые голоса отдельных государственных деятелей, подвергавших сомнению правомерность действий, в их числе были первый лорд адмиралтейства герцог Сомерсет и будущий лидер либералов Гладстон [128, с. 294—299]), игнорировалось мнение прогрессивной общественности, порицавшей захватнический характер британской политики¹⁸.

В правящих кругах Цинской империи победа под Дагу была расценена как полное поражение западных агрессоров, позволявшее заставить иностранцев отказаться от важнейших условий

тяньцзиньских договоров. В изданном императором Сяньфэном указе говорилось: «Все пункты мирного договора 1858 г. следует считать утратившими силу. Соглашения должны быть подписаны в Шанхае, поездка послов на Север недопустима. Если же иностранные военные корабли снова войдут в устье Байхэ, необходимо сурово их покарать, чтобы впоследствии самим не испытывать раскаяния» [108, с. 172—173]. В то же время, рассчитывая на неприступность фортов Дагу, Пекин не предпринял нужных мер по организации обороны побережья, в частности порта Бейтан.

Великобритания же и Франция усиленно готовились к продолжению войны и в спешном порядке подтягивали военные силы к берегам Китая.

Весной 1860 г. руководство британскими вооруженными силами в китайских водах было вновь поручено Эльджину. В апреле 1860 г. англо-французские войска перешли к наступательным операциям в широких масштабах. Англичане оккупировали о-ва Чжоушань, а затем бухту Далянь на Ляодунском полуострове, французы — порт Яньтай (Чифу) в пров. Шаньдун. Созданные там интервентами базы позволяли контролировать вход в Бохайский залив с юга и севера. К лету 1860 г. для операций в районе Тяньцзинь — Пекин было сосредоточено около 200 военных и транспортных кораблей, свыше 18 тыс. английских и 6 тыс. французских солдат и офицеров. В августе интервенты без особых усилий заняли незащищенный Бейтан и вышли в тыл укрепленного района Дагу. В начале сентября, нанеся сокрушительное поражение монголо-маньчжурским войскам под командованием Сэнгэринчи, они захватили Дагу и Тяньцзинь.

Подобное развитие событий вызвало полную растерянность правящих кругов Цинской империи.

Положение осложнялось неудачами в борьбе с тайпинами, которые весной 1860 г. нанесли тяжелое поражение цинским армиям, блокировавшим тайпинскую столицу Нанкин. Крайне встревоженные сложившейся ситуацией, высшие сановники из центральных и южных провинций (губернатор Чжэньцзян Ван Юмин, генерал-губернатор Хубэя и Хунани Цзэн Гофань, генерал-губернатор Цзянсу и Цзянси Ли Хунчжан и др.) настойчиво рекомендовали Пекину незамедлительно заканчивать войну с Англией и Францией на условиях, выдвинутых послами этих стран.

Уже к моменту концентрации англо-французских сил в Шаньдуне сторонники «компромиссного курса» Хэ Гуйцзин и Ван Юмин в докладе императору, ссылаясь на заверения английских и французских послов в том, что, «если дела будут улажены в соответствии с первоначальным договором 1858 г., военные операции могут быть прекращены» [114, с. 279], предлагали пойти на ратификацию тяньцзиньских договоров.

В то же время другая группа высших сановников, по преимуществу маньчжуры (князь И, принц Гун и др.), несмотря на незащищенность Пекина (после поражения конницы Сэнгэринчи), продолжала настаивать на проведении «твердого курса». В ходе

переговоров, состоявшихся 14 сентября между князем И и англо-французским представителем Паркером, цинская сторона выразила согласие подтвердить условия Тяньцзиньских договоров, за исключением пункта о вручении верительных грамот послами непосредственно императору в столице. Подобная позиция привела к срыву переговоров. Англо-французские войска начали движение к Пекину, маньчжуро-монгольские части в панике отступали или сдавались.

Хвастливо объявив, что он лично поведет войска, «дабы свершить кару неба и наказать варваров» [114, с. 281], император Сяньфэн в то же время спешно готовился к бегству. Разгром цинских отрядов под Чжанцзяваном (18 сентября) и Балицю (21 сентября) открыл доступ англо-французским частям в Пекин. Подтянув подкрепления из районов Тяньцзиня, 5 октября интервенты перешли в решительное наступление, 7 октября они захватили и разграбили расположенную в окрестностях столицы летнюю резиденцию цинских императоров — Юаньминъюань. По приказу Эльгина и Гро этот и другие памятники китайской культуры в окрестностях и в самом Пекине в качестве возмездия «за нарушение договоров» были разрушены и сожжены. Вандализм интервентов и бегство императора вергли столицу в хаос, который грозил вылиться в массовые народные восстания как против интервентов, так и против цинской монархии.

В этих условиях принц Гун (И Сянь), получивший полномочия добиваться мира на любых условиях, обратился к прибывшему в столицу русскому посланнику Игнатьеву с просьбой выступить посредником в переговорах с Англией и Францией. Китайская сторона не без оснований рассчитывала на благожелательное отношение России, исходя из того, что последняя не заинтересована в усилении Англии и что в результате состоявшегося урегулирования пограничных вопросов на основе Айгуньского договора (1868 г.), включая установление русско-китайской государственной границы в Примамурье и Приморье, взаимоотношения между Россией и Китаем поставлены на прочную основу.

При посредстве Игнатьева были начаты переговоры, в ходе которых англо-французские представители обязались незамедлительно вывести свои войска из Пекина и окрестностей после окончания переговоров и оформления соответствующих документов.

Переговоры уже не ограничивались ратификацией Тяньцзиньского договора 1858 г. Британское правительство, используя выгодную ситуацию, выдвинуло ряд новых требований, направленных на расширение английской экспансии.

24 октября 1860 г. было заключено дополнительное соглашение — Пекинская конвенция [67, с. 430—438], основной политический смысл которой состоял в признании цинским режимом своей ответственности за третью «опиумную» войну и в предоставлении Англии новых экономических и политических уступок.

Пекинская конвенция начиналась с осуждения действий гарнизона Дагу, приведших к нарушению «дружеских отношений ... что

не позволило представителю Ее Британского Величества, находившемуся на пути в Пекин, обменяться грамотами о ратификации Мирного договора, заключенного в Тяньцзине в июне ... 1858 г.» (ст. 1) [67, т. 1, с. 430].

По условиям Пекинской конвенции Китай согласился:

1) открыть Тяньцзинь для торговли и поселения британских подданных на тех же условиях, что и в других открытых портах (ст. 4) [67, т. 1, с. 432].

2) выплатить Англии контрибуцию в сумме 8 млн. лян, а не 4 млн. лян, как предусматривалось Тяньцзиньским договором, в связи с чем соответствующая статья последнего аннулировалась (ст. 3) [67, т. 1, с. 431].

3) передать Великобритании во владение как составную часть колонии Гонконг п-ов Цзюлун (ст. 6) [67, т. 1, с. 433].

28 октября 1860 г. был издан указ китайского императора о ратификации Тяньцзиньского договора и Пекинской конвенции [67, т. 1, с. 429].

ТЯНЬЦЗИНЬСКИЙ ДОГОВОР И ПЕКИНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ В ДЕЙСТВИИ

Желание сохранить вырванные у Цинов привилегии обусловило заинтересованность Англии в сохранении их режима. Этим в первую очередь и была определена антитайпинская позиция Великобритании (и других «договорных» держав) в первой половине 60-х годов.

К тому же широкое народное антимагичжурское движение все более и более принимало и антияпонскую окраску, создавая постоянную угрозу британским приобретениям в Китае. Так, руководство гуандунских ополченцев, как сообщалось в европейской прессе, вело решительное преследование всех сотрудничавших с англичанами и французами китайцев, организовывало продовольственный бойкот английской колонии, диверсии на гонконгских верфях и т. д. (см. [114, с. 289]).

В этих условиях державы перешли к политике поддержки Цинов в подавлении народных выступлений.

Вопрос об активном участии иностранцев в борьбе с тайпинским и другими антимагичжурскими повстанческими движениями был поднят Гро на банкете в Пекине по случаю подписания Пекинской конвенции¹⁹, затем к нему обратился русский посланник Игнатьев (в беседе с принцем Гуном). В отличие от них Эльгин первое время проявлял некоторую сдержанность. Его беспокоило, что участие Франции и особенно России в подавлении народных восстаний может привести к усилению их позиций и к утрате Англией ее ведущего положения. В беседе с Гуном он заявлял: «Умиротворение разбойников является, по существу, неотложным делом самого Китая. Если же призвать на помощь других, то будет ли для них какая-либо польза, если они не займут территории для себя? Не только Россия и Франция, взяв город, не согла-

сятся оставить его, но и Англия, если завладеет городом, то также нельзя поручиться, что она не захватит что-либо для себя» [114, с. 299].

Однако при всей обоснованности данного суждения оно не могло стать решающим для цинского двора, ставшего во имя сохранения своей власти на путь предательства национальных интересов Китая. Серьезные успехи тайпинов, взявших Нинбо и вышедших к Шанхаю, и няньцзюней (армии Нянь)²⁰ вновь поставили правящий режим в весьма сложное положение. В этих условиях в Пекине было принято решение искать помощи у «заморских варваров». Первым шагом был секретный указ, предписывавший шанхайской администрации при посредстве купечества установить связи с иностранцами и привлечь их к участию в борьбе с повстанцами (см. [114, с. 299]). Это указание было выполнено. Летом 1860 г. председателем Китайского патриотического купеческого общества, крупным шанхайским дельцом Ян Цзэтаном к борьбе с тайпинами был привлечен отряд иностранных наемников во главе с американцем Ф. Уордом. После первых побед над повстанцами последний расширил свой отряд, который цинские власти стали именовать «Всегда побеждающей армией».

В августе 1860 г. англо-французские войска трижды массированным огнем пресекали попытки тайпинских отрядов во главе с Ли Сюэном мирно (чтобы случайно не причинить ущерба иностранцам) вступить в Шанхай. Официальные представители Англии путем угроз добились прекращения наступления повстанцев на Шанхай и Ханькоу. По предложению своего посланника в сентябре 1861 г. правительство Великобритании приняло решение взять на себя защиту открытых портов, отказавшись тем самым от политики нейтралитета. В октябре 1861 г. англо-французские вооруженные силы нанесли удар няньцзюням в районе порта Яньтай и приостановили их продвижение в пров. Шаньдун.

В январе 1862 г. англо-французские войска совместно с отрядом Ф. Уорда неожиданно напали на тайпинские части, вновь двигавшиеся к Шанхаю. В последующих операциях в указанном районе приняла участие 4-тысячная цинская армия, переброшенная из Аньцина через занятую тайпинами территорию на английских кораблях. В мае 1862 г. в результате бомбардировки англо-французскими судами тайпины были вынуждены оставить Нинбо.

К лету 1862 г. по образцу отряда Уорда были созданы новые формирования наемников — «Англо-китайский контингент» и «Французский корпус», активно участвовавшие в боях с повстанцами. После смерти Уорда, в 1862 г., и отстранения его преемника американца Барджвейна во главе «Всегда побеждающей армии» был поставлен британский офицер Ч. Гордон. Английское правительство 9 января 1863 г. официально разрешило ему перейти на службу к Цинам. 24 марта 1863 г. он в сопровождении британского посла Бруса был принят принцем Гуном и получил официальное назначение командующим «Международными силами» (см. [140, т. 2, с. 93—94]).

Военная деятельность руководимого Ч. Гордоном отряда далеко выходила за пределы районов открытых портов. С его участием осуществлялись походы против опорных баз тайпинов в глубинных областях страны. В частности, он участвовал в захвате в декабре 1863 г. Сучжоу, Уси и Чалчжоу, предопределившем падение столицы Тайпинского государства — Нанкина. Имя Ч. Гордона, заслуги которого были отмечены высокими наградами цинского правительства, современные историки по праву причисляют к списку основных душителей тайпинской революции.

В целом же помощь западных держав цинскому режиму сыграла весьма значительную роль в подавлении народных движений в Китае в середине XIX в.

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА «ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ И СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ»

Права, приобретенные в Китае той или иной капиталистической державой в ходе «опиумных» войн, автоматически распространялись на все другие иностранные государства на основе обусловленного договорами принципа наибольшего благоприятствования.

Стремление Лондона в этих условиях обеспечить преобладающее влияние Великобритании в китайских делах, а также с наибольшей выгодой использовать вырванные у Циннов права и привилегии, лежало в основе ряда шагов британской дипломатии в Китае.

Пожалуй, самым важным из них было установление английского контроля над китайской таможней, что, в частности, гарантировало своевременную и полную выплату контрибуции, производимую, согласно Пекинской конвенции, за счет таможенных поступлений.

Первый шаг в указанном направлении был сделан, как уже отмечалось, в 1854 г., когда консулы держав, пользуясь катастрофическим положением, в которое попала цинская администрация Шанхая в результате восстания «Союза малых мечей», вынудили шанхайского даотая согласиться передать местную таможню под контроль иностранных представителей.

Ведущее место среди них занял секретарь британского консульства Г. Лэй, целиком посвятивший себя таможенным делам. Под его руководством (21 января 1861 г. он по указанию князя Гуна был назначен генеральным инспектором таможен Китая) была проведена оговоренная в ст. 26 Тяньцзиньского договора реорганизация всей таможенной системы страны: создано Центральное управление таможен Китая (в Шанхае) и 12 его филиалов в открытых портах.

Использовавшиеся Лэем методы грубого прямолинейного нажима, стремление поставить под свой контроль все таможенные доходы Китая, вмешательство в дела, не входившие в его компе-

тенцию,²¹ — все это вызывало недовольство пекинских властей, и по их требованию 15 ноября Лэй был смещен с занимаемой должности. Его преемником был назначен Р. Харт²², оставшийся на посту главного инспектора таможен Китая более 50 лет.

Вместе с Лэем «ушла в отставку» и политика «прямого и бескомпромиссного удара», проводимая до того времени в Китае Великобританией. Лондон предпочел перейти к более маневренной и тонкой тактике, особенно в конкретных торгово-экономических вопросах. Одним из основных ее проводников стал Р. Харт, обладавший необходимым тактом и выдержкой, присущими лучшим дипломатам Англии. Принц Гун и высокопоставленные сановники императорского двора (Вэнь Сян, Гуй Лян), склонявшиеся к расширению связей с Западом, благосклонно отнеслись к назначению Харта и надеялись использовать его в интересах укрепления международных позиций цинского правительства.

Под фактическим руководством Р. Харта таможенная служба превратилась в ведущий внешнеэкономический орган страны. Введенная им отчетность, статистические публикации и т. п. позволили создать довольно стройную систему контроля над внешней торговлей, что было в равной мере в интересах как китайского правительства, так и западных стран.

При Харте в результате переговоров послов Англии, Франции и США с представителями цинского правительства было решено в виде постоянной уставной нормы назначать на пост генерального инспектора таможен представителя государства, преобладающего во внешней торговле и морском внешнеторговом судоходстве. Тем самым указанный пост на долгие годы был «забронирован» за представителем Англии. В 1864 г. ее доля (включая колонии) составляла около 80% стоимости всей внешней торговли Китая, а на судах под британским флагом было перевезено 51,5% всех его внешнеторговых грузов (3,46 млн. т) [143, с. 141—142].

При Р. Харте под предлогом неподготовленности китайских чиновников все основные посты в таможнях были предоставлены иностранцам, в первую очередь англичанам. Так, в 1873 г. на руководящих должностях в китайских таможнях было занято 93 иностранца (58 англичан, 8 американцев, 12 французов, 11 немцев и четверо других национальностей) [140, т. 2, с. 140].

Централизация управления таможенными делами, сосредоточенного по настоянию Р. Харта в Шанхае, породила конфликты с местными таможнями, а также с иностранными консулами, получившими право участия в определении размеров пошлин, порядка их взыскания и т. д. Сообразуясь с интересами Великобритании, Франции и цинского правительства (получавшего $\frac{2}{3}$ таможенных доходов, значительная часть которых ранее утаивалась местными властями), Р. Харт предложил создать центральное бюро для решения возникавших споров, постановления которого должны согласовываться с послами, а не с консулами (см. [140, т. 2, с. 151]). Такой порядок руководства таможенными делами снижал роль местных китайских властей и консулов и позволял

Р. Харту имьст непосредственные сношения с цинским правительством. Благоклонное отношение князя Гуна и других высших сановников — сторонников освоения технического опыта Запада позволяло ему фактически стать экспертом — советником цинского правительства по многим вопросам, выходящим за рамки компетенции таможен. Настоячиво проводя линию на сохранение вездущего положения Великобритании в китайских делах, Р. Харт, в свою очередь, активно способствовал курсу некоторых китайских государственных деятелей на освоение достижений капиталистических стран Запада.

Таким образом, формальная интернационализация таможенного управления фактически привела к сосредоточению там всех основных рычагов в руках англичан.

После заключения Пекинских конвенций британская дипломатия настоячиво проводила линию на интернационализацию и в других сферах деятельности иностранцев в Китае. Опираясь на свои прежние приобретения, англичане намного опередили своих конкурентов в «освоении» новых открытых портов. К середине 60-х годов в пяти из них они создали концессии на землях, получаемых британским правительством на условиях вечной аренды с ежегодными выплатами арендной платы (по 1,5 тыс. кит. долл. за акр) [140, т. 2, с. 129].

В этих селтльментах при консульствах были учреждены суды, организована полиция, открыты тюрьмы и т. п. 4 сентября 1856 г. в Гонконге был создан британский Верховный суд, рассматривавший апелляции на приговоры консульских судов и выносивший окончательные решения. Концессии, таким образом, превращались в самоуправляемые территории — «государства в государстве», хотя подавляющее большинство их жителей составляли китайцы.

Существование бок о бок с английскими селтльментами других стран (в первую очередь Франции — в Шанхае, Гуанчжоу, Тяньцзиньне) порождало ряд вопросов об их взаимоотношениях в сфере транспорта, связи и т. д.

Британская сторона отклонила предложение купеческих кругов, преимущественно американских, объявить Шанхай «открытым городом» под защитой западных держав. По инициативе английского посла на совещании с участием послов Франции и США было достигнуто согласие образовать для трех селтльментов — английского, французского и американского (состоявшего преимущественно из земель и владений американских миссионеров) — единый муниципалитет при условии, что подданные каждой из этих стран на территориях своих селтльментов оставались под ее юрисдикцией. По предложению британских и американских торговцев представительство в муниципалитете определялось размерами налогов, выплачивавшихся подданными каждой из сторон. Такая система обеспечивала англичанам абсолютное большинство депутатских мест в муниципалитете, что давало им возможность оказывать определенное влияние на все иностранные концессии Шанхая. Несколько мест в муниципалитете предоставлялось пред-

ставителям наиболее крупных китайских налогоплательщиков, проживавших на территории сэтльмента. По соглашению между муниципалитетом и даогаем от 12 июня 1862 г. налоги с китайцев, проживавших на территории сэтльмента²³, взимались муниципалитетом (в размерах, не превышавших налоговые ставки в китайской части города), причем половина собираемой суммы подлежала передаче китайской администрации (см. [140, т. 2, с. 108]).

Экстерриториальность международного сэтльмента в определенной степени обособливала от национального законодательства и китайцев, проживавших на его территории. В 1864 г. был образован смешанный суд (во главе с заместителем шанхайского судьи). В этом суде при рассмотрении тяжб между китайцами и иностранцами привлекался консул (или его представитель) соответствующей страны. Даже при рассмотрении дел, касавшихся только китайских подданных суд должен руководствоваться «иностранными идеалами и процедурой» и мог проходить в присутствии иностранного консула (см. [140, т. 2, с. 132—133]).

Политика Лондона в Китае после третьей «опиумной» войны, названная английскими историками политикой «интернационализации и совместных действий», позволила британской дипломатии в 60-х годах, несмотря на возросшую конкуренцию со стороны Франции, США, а затем и Пруссии, сохранить ведущую роль Великобритании в китайских делах и расширять территориальную зону английского проникновения.

ПОЛИТИКА «САМОУСИЛЕНИЯ» И АНГЛИЯ

«Опиумные» войны обнажили глубокую социально-экономическую отсталость Цинской империи и убедительно продемонстрировали военно-техническое преимущество западных стран. О том же свидетельствовал и опыт участия в борьбе с тайпинами хорошо вооруженных и обученных небольших иностранных отрядов, использование которых создало перелом в ходе гражданской войны, окончившейся поражением повстанческого движения (1864 г.)

Участие западных стран в войне против тайпинов убеждало в полезности связей с «варварами», тем более что в позициях держав по отношению к Китаю выявились противоречия, которые могли быть использованы в интересах Цинской империи.

Поэтому уже в ходе второй «опиумной» войны в правящих кругах Китая выявилась оппозиция политике изоляции страны от внешнего мира, сторонники которой требовали установления связей с западными странами для усвоения «заморских дел». Наиболее значительную роль среди них играли военачальники китайской национальности, непосредственно руководившие операциями против тайпинов, — Цзэн Гофань, Ли Хунчжан, Цзо Цзунтан. После окончания третьей «опиумной» войны антиизоляционистские настроения проникли и в среду высших маньчжурских сановников. Их начали поддерживать князь Гун, его тесть — член Импе-

раторского секретариата Гуй Лян, член Военного совета Вэнь Сян и др. Подобные настроения широко распространились и стали постепенно воздействовать на государственную политику, особенно после смерти императора Сяньфэна (август 1861 г.) и казни императорского фаворита, сторонника крайнего изоляционизма маньчжура Су Шуя (8 ноября 1861 г.). Возвысившийся в результате дворцовых интриг князь Гун, получивший титул «князя-советника» в меморандуме «о подготовке войск», составленном им совместно с Гуй Лянем и Вэнь Сянем и утвержденном императором 15 января 1861 г., предлагал перейти к новой политике, рассчитанной на создание «могущественной армии» на основе изучения и использования иностранного опыта. Эта доктрина была поддержана и развита другими государственными деятелями, прежде всего Ли Хунчжаном и Цзэн Гофанем, и вошла в китайскую историю под названием политики «самоусиления» (*цзицян*).

Политика «самоусиления» повлекла за собой существенные изменения в государственном и дипломатическом аппарате, создание специализированных школ, национальных промышленных предприятий с применением европейской технологии производства, расширение непосредственных контактов со странами Запада. Одним из первых шагов в этом направлении было создание 20 января 1861 г. Канцелярии по общему управлению делами различных стран (*Цзунли ямэнь*), состоящей из пяти отделов: Англии, Франции, России, США и морской обороны (русский отдел ведал связями с Японией; американский — с Пруссией, Перу, Португалией, Италией, Швецией, Норвегией, Бельгией, Данией). Его главой был назначен Гун. При Цзунли ямэне были учреждены специальные службы по сбору информации и изучению военно-технического опыта западных стран. В Пекине и Шанхае были открыты учебные заведения по изучению иностранных языков, судостроения, военной техники.

В начале 60-х годов в Китае появились первые промышленные предприятия, оснащенные современными машинами и оборудованием.

Инициаторами их создания были Ли Хунчжан, Цзэн Гофань и Цзо Цзунтан, которые, основываясь на главном тезисе политики «самоусиления» (создание мощных вооруженных сил), развитие машинной промышленности подчинили военным целям. Первым предприятием такого рода стал шанхайский арсенал, созданный под эгидой Ли Хунчжана при содействии английских инженеров (главным администратором его был назначен Х. Маккартни) с применением английского оборудования.

Строительство машинных промышленных предприятий расширилось после окончания войны с тайпинами. Наряду с военными арсеналами первостепенное внимание уделялось созданию военного флота. В 1865 г. по инициативе Ли Хунчжана на базе объединения шанхайского арсенала с выкупленным у англичан небольшим судоремонтным заводом было создано первое в Китае судостроительное предприятие — Цзяннаньский арсенал, выпустивший

Таблица 8

ВАЖНЕЙШИЕ АНГЛИЙСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В КИТАЕ, СОЗДАНИЕ В 50—60-е ГОДЫ *

Предприятие, владелец	Год основания	Местонахождение	Характер производства
Пудунский металлургический завод («М. Ламент энд К°»)	1857	Шанхай	Ремонт судов
Амойский судостроительный завод («Амой док К°»)	1858	Сямынь	»
Шанхайские доки («Шанхай док К°»)	1858	Шанхай	»
Завод «Сянаньшунь» («Э. Хаукис энд К°»)	1860	Шанхай	»
Завод «Сяншэн» («Байд энд К°»)	1862	Шанхай	Ремонт и строительство судов
Паровая мельница «Дэли» («Шанхай стим флор»)	1863	Шанхай	Механизированное мукомольное производство
Гонконг-Валаусские доки («Гонконг энд Вашну док К°»)	1863	Гонконг—Вашну	Ремонт и строительство судов
Газовый завод («Шанхай гэз К°»)	1864	Шанхай	Производство светильного газа
Верфи «Юнит» («Юнпун док К°»)	1864	Цзюлун—Вашну	Ремонт и строительство судов
Судостроительный завод «Есун» («С. К. Фарихам энд К°»)	1865	Шанхай	То же
Завод растительных масел	1867	Нючжуан	Механизированное производство масел и жмыхов
Амойская опиумная фабрика	1870	Сямынь	Переработка сырого опиума

* [96, с. 121—123].

в 1868 г. первый крупный пароход отечественного производства. Развернулось строительство судостроительных заводов и в других городах — в Ханчжоу и Фуцжоу.

При создании национального машинного производства китайцы использовали опыт построенных англичанами в 50—60-х годах более 30 предприятий (табл. 8).

Насаждение на территории Китая иностранных (в основном английских) предприятий объективно способствовало развитию национальной промышленности, возникновению новых социально-экономических отношений (зарождению современного китайского рабочего класса); в то же время их конкуренция являлась серьезным препятствием развития национального частного предпринимательства.

Китайцы имели полное основание расценивать появление промышленных предприятий как нарушение иностранцами договор-

ных обязательств. Причем и в этом случае, как и во всех других, «лидером» экспансии выступала Англия. Неудивительно поэтому, что враждебность, недоброжелательство по отношению к ней, как главной виновницы всех бед Китая, были широко распространены во всех звеньях государственного аппарата Цинской империи. Китайское правительство, в частности, намного легче шло на уступки другим западным странам, нежели Великобритании.

Подобная ситуация в условиях возросшей активности основных конкурентов Англии в Китае вызывала беспокойство у Лондона. Британская дипломатия усиленно искала пути и средства для устранения помех английской экспансии. Весьма большую активность в этом направлении проявил Р. Харт. По его мнению, разделявшемуся Брусом, антииностранные, в том числе и антианглийские, настроения в Китае порождались и распространялись в результате незнания китайцами западной культуры. Ситуация улучшится, считал он, если представители китайской администрации получат возможность знакомиться с Западом непосредственно, а не только через дипломатов (см. [140, т. 2, с. 186—189]). Весной 1866 г., отправляясь на шесть месяцев в Европу, Р. Харт предложил князю Гуна направить вместе с ним «официального представителя», который смог бы «изучить жизнь иностранных государств и по возвращению представить доклад о том, что он видел» [140, т. 2, с. 186]. Во главе ознакомительной миссии, направленной в Европу по указанию князя Гуна, утвержденному императором, был поставлен 64-летний чиновник, маньчжур Пинчун, служивший в канцелярии Р. Харта. Пинчуна сопровождали четыре атташе (его сын и три студента-переводчика), а также два европейских сотрудника китайской таможни — англичанин Дж. Боурс и француз Е. де Чамп (см. [140, т. 2, с. 186—187]).

Состав миссии Пинчуна (сотрудники китайской таможни) подчеркивал ее неправительственный характер. Невысокий ранг ее главы (*цзунпан* — помощник-секретарь Цзунли ямэня) исключал возможность встреч с высшими государственными деятелями Европы. В ходе поездки миссия посетила Лондон, Копенгаген, Стокгольм, Петербург, Берлин, Брюссель и Париж, нигде (кроме английской столицы) не задерживаясь более трех дней.

Миссия Пинчуна, по единодушной оценке историков, не принесла осязаемых плодов (см. [140, т. 2, с. 187]). Ее глава, не имевший ни политического, ни хозяйственного опыта, не смог установить деловых контактов в европейских странах и надлежащим образом представить там Китай и его культуру.

Не оправдались и расчеты Р. Харта использовать ее для улучшения англо-китайских отношений. Всего лишь через год (в конце ноября 1867 г.) из официального уведомления Цзунли ямэня, направленного всем аккредитованным в Пекине послам, англичане узнали о назначении А. Бурлингэма, выходявшего в отставку посла США в Пекине, главой представительной китайской правительственной миссии (в ранге чрезвычайного и полномочного посла), которая должна была посетить Соединенные Штаты и

ряд стран Европы. Весть о том, что представитель конкурирующей державы наделялся такими полномочиями, которые ставили его в положение доверенного советника императора Китая и тем самым возвышали над дипломатами, аккредитованными в Пекине, вызвала растерянность и глубокое недовольство в кругах британских дипломатов²⁴. Лондон, в течение ряда лет добивавшийся для своего представителя более скромных поручений от императорского двора, не без основания почувствовал себя обойденным.

Попытки англичан противодействовать назначению А. Бурлингэма успеха не имели. В состав его миссии вошли маньчжур Чин-кан и китаец Сун Цзяку (в качестве заместителей Бурлингэма), Дж. Боурс и Е. де Чамп (в качестве секретарей), а также около 30 китайских секретарей и атташе. Выдвижение Бурлингэма было, несомненно, крупным успехом американской дипломатии, но в то же время оно предвещало дальнейшее обострение соперничества между западными державами в Китае.

Миссия Бурлингэма отбыла из Шанхая в Сан-Франциско 25 февраля 1868 г. В США она встретила восторженный прием. На торжественных обедах Бурлингэм выступал с «зажигательными» речами, утверждая, что Китай вступает в эру прогресса и намерен привлечь западных инженеров для открытия рудников и строительства железных дорог, а также миссионеров. Однако никаких конкретных предложений по торгово-экономическим вопросам, в первую очередь интересовавшим деловые круги США, она не сделала. Дело ограничилось обсуждением лишь общеполитических и эмигрантских проблем. Результаты его нашли отражение в «Дополнительных статьях» (в исторической литературе часто именуемых «Дополнительным договором») к Тяньцзиньскому договору 1858 г., подписанных 28 июля 1868 г. в Вашингтоне. Некоторые положения этого документа, выдержанные в сравнительно «равноправном» духе (поддержание территориальной целостности — ст. 1; взаимное уважение свободы религий — ст. 4; разрешение китайской эмиграции в США — ст. 5) вызвали острую критику в Европе, поскольку в определенной степени стимулировали оппозицию европейской политике в Китае (см. [133а, с. 295; 140, т. 2, с. 197; 148, с. 152]).

В Лондоне, куда миссия Бурлингэма прибыла в сентябре 1868 г., она встретила прохладный прием. Речи ее главы вызывали там крайне отрицательную реакцию, как не выражавшие ни реальной ситуации, ни подлинных намерений китайского правительства. Перед приемом у королевы, которого Бурлингэм ожидал несколько недель, его предупредили, что он должен говорить лишь то, что отражает действительную точку зрения правительства Китая (см. [140, т. 2, с. 194, 197]). При встрече с министром иностранных дел Великобритании лордом Кларендоном, которая состоялась лишь 26 декабря, Бурлингэм следующим образом определил задачи миссии: «Во-первых, устранить заблуждения западных стран, которые считают, что китайское правительство проводит несовременную политику; во-вторых, выступать против недруже-

ственных попыток с их стороны проводить политику угроз и насилиий, оскорбляющих чувства и традиции народа, что делает невозможным достичь прогресса» [140, т. 2, с. 197].

Декларативные призывы Бурлингэма не произвели на английских дипломатов никакого эффекта. На встрече, состоявшейся через два дня, Кларендон не оставил сомнений относительно неизменности основных принципов британской политики в Китае, прибавив, что соответствующие инструкции даны всем ведомствам, связанным с китайскими делами (см. [140, т. 2, с. 197, 200—201]). Он, в частности, отрицательно отнесся к идее пересмотра политики создания иностранных селтльментов (вытекавшей из тезиса Бурлингэма «о сохранении территориальной целостности Китая»), сославшись на мнение иностранных торговых кругов в Китае, которые «решительно возражают против подобных изменений, опасаясь, что это создало бы угрозу их интересам и прогрессу» [140, т. 2, с. 197].

Во время пребывания миссии Бурлингэма в Лондоне никаких соглашений заключено не было. Английская пресса всячески высмеивала его риторику, подчеркивая некомпетентность сделанных им заявлений. Столь же безрезультатно закончились визиты миссии Бурлингэма в Париж (лето 1868 г.), Стокгольм (7 октября), Копенгаген (30 октября), Гаагу (18 ноября), Берлин (январь 1869 г.) и в Петербург (4—16 февраля 1869 г.), где он и умер.

Расчеты цинского двора использовать американского дипломата для разжигания противоречий между западными государствами и ослабления позиций Англии, а также для изыскания источников для «самоусиления» Китая не оправдались. Для США же миссия Бурлингэма принесла очевидную пользу — было получено согласие Китая на вывоз дешевой рабочей силы, потребность в которой остро ощущалась в быстро развивавшейся Калифорнии и в других районах Соединенных Штатов.

Сам факт отправки этой миссии и установление ею контактов (хотя и малорезультативных) с правительствами ведущих стран мира были несомненным успехом так называемых «прозападников», сторонников политики «самоусиления» и свидетельствовали об ослаблении позиций крайних изоляционистов в правящих кругах Цинской империи. Группировка «прозападников», лидером которых в 70-х годах становится Ли Хунчжан, фактически взявший руководство внешней политикой и военными делами в свои руки, основываясь на результатах переговоров миссии, начала отдавать предпочтение США, в частности в подготовке кадров. В 1872—1875 гг. в США было направлено несколько групп подростков для обучения в средних школах и около 120 юношей для обучения в высших учебных заведениях.

Политика «самоусиления» встречала одобрительное отношение Запада лишь постольку, поскольку она могла быть использована для расширения доступа в Китай иностранного капитала. Конечная же цель этой политики — создание сильного и самостоятельного Китая в столицах капиталистических держав, особенно в

Лондоне, рождала лишь настороженность. Игравшая ведущую роль в китайских делах Англия, политика которой была направлена против коренных национальных интересов Китая, оставалась для китайского народа его первым противником.

ОБОСТРЕНИЕ АНГЛО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ. ЧИФУСКАЯ КОНВЕНЦИЯ

Унижение Китая неравноправными договорами вызвало широкое возмущение, находившее выражение в народных волнениях, нападениях на иностранцев, в частности (вопреки заверениям Бурлингэма) на миссионеров, которых трудовой люд не без основания воспринимал как агентов западного экспансионизма, пробиравшихся в глубинные районы страны и «мирными» средствами пытавшихся увековечить материальное и духовное господство иностранцев над китайцами. Подобные настроения усиливались неприглядными моментами в деятельности миссионеров — алчностью и высокомерием многих из них, связью с администрацией селтльментов и т. п. На некоторое время миссионеры (к концу 60-х годов их насчитывалось более 500) наряду с опиумом стали в глазах китайцев символом постепенного порабощения страны иностранцами. «Возьмите прочь свой опиум и ваших миссионеров, — говорил князь Гун английскому послу Р. Алкоку, — и Вас будут приветствовать» [140, т. 2, с. 220].

Широкое распространение антимиссионерских настроений в определенной степени было обусловлено причастностью иностранцев-христиан к подавлению тайпинского движения, руководители которого до последних дней причисляли себя к христианам. Не случайно, что первые вспышки антимиссионерских выступлений произошли в провинциях, долгое время находившихся под властью тайпинов — в Цзянси и Хунани (в 1862 г.). С новой силой выступления против миссионеров, нередко руководимые местными шэньши (возможно, по другим причинам — как средство борьбы с идеологией, которую исповедовали тайпины), начались с 1867 г. в Гуандуне. В апреле 1868 г. вспыхнул бунт против английских и французских миссионеров на о-ве Тайвань (прекратившийся в результате вмешательства английских вооруженных сил), затем события перекинулись в Шаньдун (Чифу, апрель 1868 г.), Фуцзянь (январь 1869 г.) и другие районы. Кульминационным пунктом волны антимиссионерских волнений стали события в Тяньцзине в июне—июле 1870 г., названные европейскими историками «тяньцзиньской резней». Горожан, возбужденных строительством на территории французской концессии католической церкви на месте снесенного китайского храма, спровоцировало на выступление вызывающее поведение французского консула. В ходе бунта, охватившего весь город, все миссионеры и консульские служащие были убиты.

Западные державы, расценив тяньцзиньские события как на-

рушение условий договоров, предъявили китайскому правительству ультиматум и ввели военный флот в Тяньцзинь. Пекин поспешил принять все требования. Убытки, понесенные французами, были компенсированы, в Тяньцзине казнены 15 «зачинщиков бунта» (см. [108, с. 228—229]).

Антимиссионерские выступления осложняли взаимоотношения Китая с Великобританией. Накапливалась напряженность и во всех других сферах их отношений. Сказывалось влияние общих социально-экономических процессов, происходящих в мире в связи с перерастанием капитализма в монополистическую стадию развития. Формальным поводом для выдвижения новых требований Китаю явилось истечение 10-летнего срока англо-китайского Тяньцзиньского договора 1858 г.

Цзунли ямэнь, готовясь к предстоящим переговорам, 12 октября 1867 г. направил генерал-губернаторам и губернаторам провинций циркуляр с просьбой изложить свои соображения в отношении действовавших договоров и их дальнейшей судьбы. Наибольший интерес для характеристики господствовавших в то время в цинской правящей верхушке настроений представляют составленные в данной связи меморандумы Цзэн Гофаня и Ли Хунчжана — вдохновителей политики «самоусиления» и главных организаторов ее осуществления. Первый решительно выступал против новых уступок иностранцам в экономической сфере (предоставления им права торговать во внутренних районах страны, строить железные дороги, создавать промышленные предприятия и т. п.), делая исключение лишь для горнодобывающего производства. Противостоять домогательствам Запада, по его мнению, следовало любыми способами, включая и войну. Второй предлагал придерживаться более гибкой линии, рассчитанной на максимальное использование иностранного опыта, и выражал надежду, что переговоры могут проводиться «на основе справедливых аргументов», что даст возможность «избежать применения силы» (см. [140, т. 2, с. 208—209]).

Готовилась к переговорам и английская сторона. Лондон предложил торговым палатам Шанхая и Гонконга, а также посольству в Пекине представить свои соображения.

В ответных меморандумах предлагалось: сделать строгое представление о нарушении китайской стороной условий договоров, относящихся к деятельности миссионеров, выездах британских подданных в глубинные провинции Китая и др.; восстановить права британских консулов в решении таможенных вопросов, утраченные в связи с созданием по инициативе Р. Харта централизованного таможенного руководства, добиваться получения прав на создание рудников, строительство железных дорог, оборудование телеграфа и т. п., а также разрешения на открытие Хуанхэ для британской навигации (см. [140, т. 2, с. 210—212]).

Одновременно английский посол в Пекине Р. Алькок рекомендовал не торопиться с выдвижением указанных требований как минимум до выяснения, насколько соответствуют действитель-

ности многообещающие заявления Бурлингэма о желательности для Китая участия иностранного капитала в строительстве железных дорог, заводов, шахт и т. п. Опасался Р. Алькок и того, что ставить вопрос о пересмотре договора с Китаем в 1868—1869 гг. Англии придется в одиночку, поскольку действие франко-китайского договора кончалось в 1872 г. (он в отличие от англо-китайского договора был заключен на 12-летний срок) (см. [140, т. 2, с. 212—215]).

Рекомендуя отложить общий пересмотр договоров 1858—1859 гг., Р. Алькок при участии Р. Харта подготовил и согласовал с Цзунли ямэнем дополнительную конвенцию, в которой, однако, не затрагивалась главная проблема — вопрос об участии английского капитала в транспортном и промышленном строительстве в Китае²⁵.

Однако Лондон отказался ратифицировать эту конвенцию, считая ее недостаточной (см. [140, т. 2, с. 218—219]). Одновременно было принято решение поднимать вопрос о пересмотре договоров с Китаем лишь совместно с другими державами (т. е. не делать этого в 1868—1869 гг.). Тем не менее активность Англии по дальнейшему упрочению своей позиции в Китае не уменьшилась.

В конце 60-х годов началась реализация планов проникновения в Китай по континентальному пути — со стороны Индии. Там, на подступах к Тибету и богатейшим юго-западным провинциям Китая, Великобритании не нужно было согласовывать действия с другими державами.

В 1868 г. английская администрация Индии направила к китайской границе экспедицию под руководством полковника Е. Сладена с задачей провести топографические съемки и выявить транспортные пути. Вслед за тем началась подготовка крупной военно-топографической экспедиции, целью которой было изучить и открыть човый для Англии торговый путь в Китай. Она была сформирована в течение 1874 г. Во главе ее был поставлен полковник Х. А. Броун, в состав включены 17 ученых и топографов и обслуживающий персонал. Экспедицию сопровождал военный эскорт в составе 17 сикхов и 150 бирманцев. Желая придать ей официальный характер, британское правительство поручило своему послу в Пекине Уэйду получить у китайского правительства паспорта и в помощь экспедиции направить переводчика для исполнения и консульских функций. Для этой цели был выделен 29-летний консульский служащий А. Маргарн, который в сопровождении 6 китайцев, отправившись в августе 1874 г. из Шанхая, пересек весь Китай и в январе 1875 г. присоединился к экспедиции, находившейся на территории Бирмы.

6 февраля 1875 г. экспедиция Бруна тронулась в путь, 18 февраля пересекла китайскую границу. Получив сообщение, что местные власти запрещают дальнейшее продвижение, Броун направил Маргарн и сопровождавших его китайцев для переговоров. Получив успокаивающее сообщение от Маргарн, экспедиция продолжала свой путь, но 22 февраля была окружена китайскими отря-

дамп и ей после перестрелки пришлось вернуться в Бирму (25 февраля), где стало известно, что Маргарн и сопровождавшие его китайцы были убиты²⁵.

Британское правительство убийство Маргарн использовало как повод для получения новых льгот и привилегий, отнюдь не соразмерных со значительностью данного инцидента. В ходе переговоров по «делу Маргарн» между главой Цзунли ямэня Ли Хунчаном и английским послом Уэдом китайская сторона пошла на удовлетворение большей части требований Лондона. 13 сентября 1876 г. была подписана Чифуская конвенция.

Она состояла из трех разделов. В первом, посвященном урегулированию инцидента в Юньнани («дела Маргарн»), цинское правительство взяло на себя обязательства установить приграничную торговлю между Бирмой и пров. Юньнань; разрешить направление из Индии второй миссии (экспедиции) и пребывание в течение пяти лет британских офицеров в Талифу или каком-либо другом городе этой провинции; выплатить в качестве контрибуции за причиненный ущерб 200 тыс. таможенных таэлей; направить миссию в Лондон для выражения сожаления о происшедшем случае.

Во втором разделе («Официальные сношения») предусматривалось проведение переговоров с целью выработки этикета, обязательного для иностранных официальных лиц в Китае (как в «открытых» портах, так и в столице) и для китайских представителей за границей. В круг переговоров намечалось также включить вопрос о повышении эффективности юридической службы в «открытых» портах; при этом предусматривалось, что при рассмотрении судебных дел, когда ответчики и истцы разного подданства, должен действовать закон той национальности, к которой принадлежит чиновник, рассматривающий дела.

В третьем разделе («Торговля») китайское правительство дало согласие открыть для иностранной торговли четыре города на Янцзы (в том числе Ичан, Уху и Вэньчжоу) и разрешить заход иностранных судов во шесть других пунктов на этой реке, которые не будут иметь статуса «открытых портов»; иностранные товары, за которые уплачены таможенные пошлины, освобождались от обложения лицензием; разрешалось открытие британского консульства в Чуинине. Весьма важное значение имела «отдельная статья» конвенции, предусматривавшая предоставление китайской стороной необходимого содействия для поездки британских миссий из Китая через Тибет в Индию.

Основные положения Чифуской конвенции были подчинены главной стратегической цели британской политики в Китае — расширению территориальной сферы английского проникновения в страну, открытию доступа британскому капиталу в ее глубинные внутренние районы как по Янцзы, так и со стороны Индии.

Чифуская конвенция существенно ослабляла международные позиции Китая. Она, как справедливо отмечал Х. Б. Морзе, положила начало «третьему этапу в истории отношений Китая с Западом после договоров 1842 и 1858 гг.» [140, т. 2, с. 303].

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НАКАМПУНЕ КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
(1876—1894 гг.)

«Откупившись» от Англии Чифуской конвенцией, Китай тем не менее не смог избавиться от нарастающего давления извне. В 70—80-е годы на его положении во все возрастающей степени сказывалось обострение соперничества ведущих капиталистических держав, интенсивно завершавших территориальный раздел мира, и появление в их среде новых, быстро усиливавшихся конкурентов.

Речь идет о Японии, вступившей после буржуазной революции 1867—1868 гг. на путь капиталистического развития. Уже в середине 70-х годов в состав Японской империи были официально включены в прошлом подвассальные Китаю о-ва Рюкю (Люцю), с конца 70-х годов началось усиленное проникновение Японии в Корею, находившуюся в вассальной зависимости от Цинской империи, что привело к длительной напряженности в японо-китайских отношениях. Еще более чувствительное давление на Китай оказывала Франция, во второй половине 70-х и начале 80-х годов активизировавшая свою политику в Индокитае. Стремление французов подчинить Тонкин, формально находившийся в вассальной зависимости от Китая, привело их к открытому вооруженному столкновению с цинскими войсками. Франко-китайская война закончилась полным поражением Цинов, потерявших не только сюзеренитет над Вьетнамом, но и основные активы политики «самоусиления» — военно-морской флот, судостроительные верфи в Фучжоу и на Тайване, созданные ценою многолетних усилий и вложения крупных средств, в том числе займов английского Гонконг-Шанхайского банка. Война с Францией вскрыла неэффективность политики «самоусиления», не отражавшей насущных национальных интересов Китая и ограничивавшейся преимущественно военной сферой. Смежные предприятия, обслуживавшие главным образом армию, создавались, так же как и военные, на средства казны или виднейших государственных сановников (Ли Хунчжана, Цзэн Гофая, Цзе Цзунтана и др.). Такая форма владения и управления промышленными и транспортными предприятиями оказалась весьма неэффективной, не позволявшей использовать инициативу и средства частного предпринимательства. «Китайским коммерсантам, — отмечалось в одном из докладов Ли Хунчжана, — разрешалось только вкладывать капитал в предприятия, но не разрешалось самостоятельно строить заводы» [114, с. 324]. Чиновники же, поставленные во главе казенных предприятий, занимались казнокрадством, выпускали недоброкачественную и дорогую продукцию. Их деятельность, по признанию Ли Хунчжана, носила показательный характер, «средства тратились безрассудно, ими злоупотребляли» [114, с. 324].

«Самоусиление», проводившееся подобным образом, привело к

тому, что Китай и в военном, и в экономическом отношении оставался отсталым и неподготовленным для защиты своего суверенитета.

На этом фоне в конце 70-х и в 80-е годы обстановка для Англии в Китае объективно складывалась благоприятно. Войны и столкновения Цинской империи с другими капиталистическими странами несколько смягчили обостренную враждебность к ней китайской общественности, она переставала быть врагом № 1, главной мишенью ее критики. В то же время, обладая крупными военными и экономическими базами, концессиями, удерживая в своих руках контроль над китайской таможней, над большей частью внешней торговли и морского судоходства, Англия оставалась ведущей страной в делах Китая. Все это позволяло Лондону сосредоточивать усилия на максимальном использовании уже приобретенных прав и привилегий и занять по отношению к цинскому правительству более примирительную позицию.

Большую роль в выработке и проведении британской политики в изменившихся условиях сыграл Р. Харт. Цзунли ямэнь в октябре 1875 г. обратился к нему, как к генеральному инспектору таможни, с просьбой представить предложения «для лучшего установления торговых отношений». В составленном Р. Хартом пространном документе содержались многочисленные предложения по совершенствованию системы внешней торговли, определению условий торговли в открытых и «недоговорных» портах, интерпретации ряда юридических вопросов, выдержанные в духе пожеланий британской стороны (см. [140, т. 2, с. 366—376]).

Р. Харту удалось ускорить решение проблемы назначения послов Китая в страны Запада ²⁷.

Стремясь максимально использовать влияние, которое Р. Харт приобрел в правящих кругах Цинской империи, британское правительство в марте 1885 г. назначило его своим послом в Пекине. Однако через 3 месяца, поскольку не удалось найти подходящую кандидатуру для занятия его прежнего места, было признано целесообразным вернуть Харта на старую должность — главного инспектора таможен Китая (см. [140, т. 2, с. 366—367]).

1885—1894 гг. английская история называет «мирным периодом» в китайско-английских отношениях (см. [140, т. 2, с. 390—465]). Действительно, в течение данного десятилетия не произошло сколько-нибудь крупных инцидентов, не изменялась сложившаяся система договоров. Более того, в эти годы англичане дважды выступали посредниками в улаживании военных столкновений Китая с другими державами (Японией и Францией) ²⁸.

Одновременно Гонконг был превращен в важнейший товарораспределительный центр китайской внешней торговли, там были созданы крупные судостроительные заводы и другие промышленные предприятия, на создание которых на территории Китая иностранцы не имели юридических прав.

Иными словами, в течение «мирных лет» британское правительство проводило в Китае своеобразную политику «самоусиле-

ния», несравненно более эффективную, нежели это удалось цинскому режиму.

Англия в условиях обостряющейся конкуренции между ведущими державами, накануне решающих изменений в международной обстановке на Дальнем Востоке, продолжала сохранять за собой в Китае ведущие позиции.

СОСТОЯНИЕ АНГЛО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ

В 1864—1894 гг.

Характер англо-китайской торговли во второй половине XIX в. определялся продолжавшейся экспансией британского, по преимуществу торгового, капитала в Китай. Определенные затруднения, которые испытывала эта торговля, обуславливались конкуренцией других промышленных стран Запада и устойчивостью архаичного уклада феодальной экономики Китая, препятствовавшей распространению иностранных фабрикаторов.

С 1864 г. начались официальные публикации статистических данных о внешней торговле Китая, которые дают возможность составить о ней достаточно полное и точное представление (хотя, как свидетельствуют китайские и иностранные источники, контрабандный ввоз, прежде всего опиума, оставался значительным).

Согласно этим данным (табл. 9), внешнеторговый оборот Китая за 1864—1894 гг., исчисленный в условной серебряной валюте — таможенных таэлях (лянах: 1 лян = 37,783 грамма серебра), возрос со 105,3 млн. до 290,2 млн. таможенных таэлей, т. е. в 2,7 раза, тогда как в английских фунтах стерлингов, базировавшихся на золотом паритете, он остался почти неизменным — 35,1 млн. ф. ст. в 1864 г. и 35,4 млн. ф. ст. в 1894 г. Подобное несоответствие объясняется падением мировых цен на серебро, обусловившим обесценивание китайской валюты²⁹, что, в свою очередь, создавало неэквивалентные условия товарного обмена между Китаем и западными капиталистическими странами.

Начиная с 1876 г., когда началось значительное падение курса китайской валюты, для английских торговцев закупка китайских товаров стала обходиться намного дешевле, поскольку за одну и ту же сумму фунтов стерлингов они получали больше китайской валюты.

Обесценивание китайской валюты создавало определенные затруднения и для экспорта английских товаров (цены на них в английской валюте соответственно снижались), однако эти потери большого перекрывались прибылью от покупки китайских товаров. В целом падение курса китайской валюты за 1875—1894 гг. позволило британским коммерсантам повысить рентабельность своей торговли по крайней мере в 1,5—2 раза и получить таким образом дополнительные источники накоплений для последующих инвестиций капиталов в экономику Китая.

При сохранении относительной стабильности англо-китайской

Таблица 9

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ОБОРОТ КИТАЯ В 1864—1894 гг. *

	1864 г.			1874 г.			1884 г.			1894 г.		
	млн. ф. ст.	млн. тамо- жен. таэлей	%	млн. ф. ст.	млн. тамо- жен. таэлей	%	млн. ф. ст.	млн. тамо- жен. таэлей	%	млн. ф. ст.	млн. тамо- жен. таэлей	%
Всего. . .	35,1	105,3	100,0	45,7	145,9	100,0	39,1	139,9	100,0	35,4	290,2	100,0
В том числе:												
с Англией	15,3	45,8	42,6	18,4	58,8	40,1	10,1	36,1	26,0	5,0	40,7	14,3
с Гонконгом	5,4	17,0	16,2	11,8	37,7	26,1	4,9	47,3	34,3	14,7	141,4	45,9
с Индией	7,9	23,8	23,0	6,4	20,4	14,3	6,6	16,5	12,2	2,7	21,9	7,7

* [20; 23].

торговли на протяжении рассматриваемого периода существенным колебаниям подвергались общая стоимость товарооборота, удельный вес отдельных ее статей и роль в ней различных территорий Британской империи.

В английской литературе рассматриваемый 30-летний период подразделяют на два этапа (1864—1884 и 1885—1894 гг.), исходя из развития политической ситуации. Подобный подход можно принять, хотя факторы политического порядка не имели адекватного отражения в англо-китайской торговле.

Уже в течение первого этапа обесценивание китайской валюты дало значительную выгоду для британских коммерсантов (табл. 10).

В целом за указанные 20 лет сальдо торгового баланса в пользу британской стороны составило более 80 млн. ф. ст.

Неэквивалентный характер английской торговли с Китаем еще более наглядно выступает при анализе товарной структуры торговли. Из данных табл. 10 явствует, что при общем неуклонном росте вывоза из Китая чая и хлопка-сырца выручка за эти товары постоянно снижалась. В английском же экспорте (в стоимостном выражении) неуклонно сокращалась доля хлопчатобумажных и шерстяных тканей³⁰, а главным средством платежа по-прежнему оставался опиум³¹.

В течение второго периода (1885—1894) в англо-китайской торговле обнаружили новые тенденции — существенно менялись географические направления торговых связей и структура товарооборота. Ускорившееся обесценивание китайской валюты привело к тому, что при росте китайско-британского (Англия, Гонконг, Индия) товарооборота в таможенных таэлях с 99,9 млн. в 1884 г. до 204 млн. в 1894 г. он оставался почти неизменным в фунтах стерлингов — 21,6 млн. и 22,4 млн. ф. ст. соответственно. В рассматриваемые годы произошло резкое сокращение прямых торго-

АНГЛО-КИТАЙСКИЙ ТОВАРООБОРОТ ЗА 1865—1884 гг. *

Период, в среднем за год	Вывоз из Китая (включая Гонконг)				Ввоз в Китай (включая Гонконг)				Сальдо в пользу Англии, млн. ф. ст.
	Всего, млн. ф. ст.	Чай		Шелк- сырец, млн. ф.	Всего, млн. ф. ст.	Хлопча- тобужа- ные ткани и пряжа, млн. ф. ст.	Шерстя- ные ткани, млн. ф. ст.	Опиум, тыс. ящиков	
		Стои- мость, млн. ф. ст.	Объем, млн. ф.						
1865—1868	11,00	10,0	125,8	0,930	7,15	4,61	1,55	75,7	3,85
1869—1872	11,60	9,6	139,9	1,174	9,35	6,74	1,24	78,2	2,25
1873—1876	14,04	9,9	148,6	3,681	8,22	5,92	1,04	79,7	5,82
1877—1880	13,88	9,0	155,0	3,197	7,74	5,32	1,20	86,7	6,14
1881—1884	11,39	7,2	153,8	2,689	7,93	5,42	1,03	81,3	3,46

* [143, с. 199, 209, 212, 216].

вых связей между Англией и Китаем — объем товарооборота упал с 10,1 млн. в 1884 г. до 5,0 млн. ф. ст. в 1894 г. (в таможенных таэлях картина была иной — товарооборот вырос с 36,1 млн. до 40,7 млн.). Главным связующим звеном в англо-китайской торговле становится Гонконг, общий объем торговли которого с Китаем возрос в 3 раза — как в фунтах стерлингов (с 4,9 млн. до 14,7 млн.), так и в таможенных таэлях (с 47,3 млн. до 141,4 млн.). Его доля в общем товарообороте Китая поднялась с 34,3 до 45,9%, что в целом обеспечивало для Англии сохранение ведущей роли в китайской внешней торговле.

Однако даже такой стремительный рост роли Гонконга не мог полностью перекрыть сокращение прямой торговли Китая с Англией (с 26 до 14,3%) и Индией (с 12,2 до 7,7%), в результате чего общая доля Великобритании во внешней торговле Китая сократилась с 72,5% в 1884 г. до 67,9% в 1894 г.³²

Еще более существенные изменения произошли в товарной структуре англо-китайской торговли. Китайский чай в течение почти 300 лет доминировавший на английском рынке (на его долю еще в 1887 г. приходилось 59% британского импорта из Китая), быстро терял свои позиции: в 1885—1888 гг. среднегодовой завоз его в Англию составлял 127,2 млн. фунтов, в 1889—1892 гг. — 70,3 млн., 1893—1896 гг. — 43,8 млн. фунтов [143, с. 278]. С 1887 г. основным поставщиком чая в Англию стала Индия: в 1885—1888 гг. она экспортировала в метрополию 89,8 млн. фунтов этого продукта (в среднем за год), в 1889—1892 гг. — 155,3 млн., в 1893—1896 гг. — 202,8 млн. фунтов [143, с. 271]. Англия перестала быть поставщиком китайского чая и для других европейских стран. После установления в 80-х годах регулярных морских рейсов между дальневосточными портами и Одессой русским пароходным обществом «Добровольный флот» и ввода в

эксплуатацию транссибирской железной дороги (90-е годы) основным покупателем китайского чая становится Россия.

Весьма значительно сократился и английский импорт китайского шелка-сырца. Начиная с конца 80-х годов, как свидетельствуют приводимые ниже данные о среднегодовых объемах ввоза этого вида сырья в Великобританию (в млн. фунтов), большую часть закупок его Англия стала производить во Франции, Ливане и Италии, где цены были более низкими, нежели в Китае [143, с. 279]:

Годы	Импорт из Китая	Импорт из других стран
1885—1888	1,77	2,83
1889—1892	1,52	2,82
1893—1896	0,92	2,18

В то же время британские фирмы (часто через Гонконг) расширяли закупки в Китае шелковых изделий, фарфора, кустарно-художественных изделий, кожсырья, щетины и многих других второстепенных товаров.

Гонконг, где быстро развивалась кустарная промышленность на основе использования дешевой китайской рабочей силы, стал и экспортером собственных изделий.

В британском экспорте в Китай и Гонконг также происходили радикальные изменения. В общем его объеме при сохранении ведущих позиций за хлопчатобумажными тканями (68,6% в 1885—1888 гг. и 70% в 1894 г.)³³ все возрастающую роль начали играть хлопчатобумажная пряжа, большая часть которой завозилась из Индии, а также металлы и оборудование для строительства национальных промышленных, преимущественно текстильных, предприятий.

Появление в китайском импорте таких статей, как металлы и оборудование, отражало качественно новые процессы в китайской экономике. После китайско-французской войны, вскрывшей экономическую несостоятельность политики «самоусиления», в Китае заметно интенсифицировался процесс создания современной промышленности. Если до 1886 г. в Китае насчитывалось около 20 небольших предприятий с общим капиталом около 5 млн. юаней, то в период 1886—1894 гг. было введено в строй 54 предприятия (43 частных и 11 правительственных) с капиталом 16,3 млн. лянгов.

Быстро возрастающий импорт хлопчатобумажной пряжи в значительной мере предопределил основное направление в развитии китайской национальной промышленности — из 74 предприятий, открытых к 1894 г., 52 были текстильными. Продукция китайской текстильной промышленности была значительно дешевле импортной. Для иностранных фирм возникла реальная угроза потери китайского рынка текстильных изделий, прежде всего хлопчатобумажных тканей, потребность в которых в Китае оставалась безграничной.

К середине 90-х годов в Китае сложились объективно благоприятные условия для перехода к более широкому промышленному развитию и, следовательно, к упрочению своих внешнеэкономических позиций. Однако реализации этих возможностей препятствовала усилившаяся экспансия капиталистических держав. Острая конкурентная борьба между ними за обладание китайским рынком не мешала им выступать единым фронтом в стремлении помешать утверждению экономической самостоятельности Китая. Им нужен был слабый Китай с дверьми, широко распахнутыми для свободного функционирования иностранного капитала на его незащищенном рынке.

Серьезнейшим препятствием для экономического подъема Китая оставался средневековый цинский режим, выступавший гарантом сохранения феодальных производственных отношений.

В результате Китай встречал вступление мира в стадию империализма ослабленным, с отсталой феодально-патриархальной экономикой, на положении полуколонии капиталистических государств.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРИВШЕЙСЯ БОРЬБЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ ЗА РАЗДЕЛ КИТАЯ

КИТАЙ В ФОКУСЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

К концу XIX в. в ведущих промышленных государствах мира заканчивался процесс перехода капитализма в монополистическую стадию его развития, одним из характерных признаков которого являлось завершение территориального раздела мира. Неумолимая экономическая потребность толкала империалистические державы на путь агрессии, войн, захвата новых колоний, рынков сбыта, источников сырья. Понятно, что жертвами такой политики становились в первую очередь слабые государства. Неудивительно, что отсталый, феодальный Китай на рубеже XX в. сделался объектом их самого пристального внимания. На него алчно взирали и старые колониальные державы (Англия, Франция) и новые, молодые империалистические хищники (Япония, Германия).

Утрата важнейших атрибутов государственной самостоятельности, превращение в полуколонию делали цинскую монархию неспособной противостоять нараставшей экспансии мирового империализма.

Основным своим соперником на Дальнем Востоке Лондон считал Россию, которая после открытия транссибирской железной дороги получила возможность значительно расширить торговые связи с Китаем и оживить транзитную сухопутную торговлю между Европой и Дальним Востоком через Сибирь. Беспокойство англичан вызывало и установление морского судоходства между русскими портами (в первую очередь дальневосточными) и Китаем.

В условиях обострения межимпериалистических противоречий ни одна из держав не могла рассчитывать на превращение всего Китая в свою колонию. Речь шла о том, чтобы урвать за его счет максимально возможный кусок. Развернувшаяся борьба за раздел Китая обусловила размежевание сил в стане империалистов и создание там противоборствующих союзов.

Новая ситуация привела к изменению роли Великобритании в Китае — она начала утрачивать там ведущие позиции и для

ограждения своих интересов сама нуждалась в союзниках. Союзником в борьбе с Россией за сохранение своих ключевых позиций в Китае британское правительство избрало Японию.

ВЛИЯНИЕ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЯ И АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Японо-китайская война, окончившаяся поражением Китая, имела для него далеко идущие последствия. Она была развязана Японией при благосклонном покровительстве западных империалистических государств, прежде всего Великобритании. В июне—июле 1894 г., т. е. к моменту завершения подготовки к войне и сосредоточения с этой целью японских войск на территории Кореи, когда для западных дипломатов были уже ясны расчеты японской военщины, в Лондоне заканчивались переговоры по заключению нового англо-японского торгового договора, который означал для Японии возведение ее в ранг равноправных с Западом стран.

Истинная позиция Англии маскировалась рядом шагов британской дипломатии, демонстративно выражавшей «дружественное расположение» к Китаю. Так, английский представитель в Сеуле 15 июня даже участвовал в совместном с представителями России и Франции демарше в защиту «независимости» Кореи и в выработке рекомендаций Японии и Китаю по одновременному выводу их войск с корейской территории. Подобные маневры Лондона вызывались опасением потерять влияние в Пекине и в не меньшей степени стремлением предотвратить военное выступление России на стороне Китая, что дало бы ей возможность резко усилить свои позиции в Корее.

Быстрое поражение Цинской империи в скоротечной войне, внезапно (без официального объявления) начатой японцами, сделало излишними все эти дипломатические ухищрения. За короткое время Китай лишился многих своих территорий. В руках Японии оказались Южная Маньчжурия, включая Ляодунский полуостров, важнейшие порты и ключевые пункты Шаньдунского полуострова, о-в Тайвань, архипелаг Пэнхуледао и т. д. Цинский двор, видя свою неспособность продолжать войну и опасаясь продвижения японских войск в глубь страны, поспешил капитулировать. Согласно подписанному 19 апреля 1895 г. в г. Симоносеки мирному договору Китай передавал Японии Тайвань, о-ва Пэнхуледао, Ляодунский полуостров и должен был выплатить контрибуцию в размере 200 млн. лянов. Под нажимом России, Франции и Германии при ратификации этого договора в Пекине (8 мая 1895 г.) из числа аннексированных Японией территорий был исключен Ляодунский полуостров, взамен чего сумма китайской контрибуции была повышена до 230 млн. лянов.

Весьма важным пунктом договора, имевшим для Китая серьезные последствия, явилось предоставление японцам права зани-

маться в Китае предпринимательской деятельностью не только в торговой, но и в промышленной сфере. На производимую на созданных японцами предприятиях продукцию распространялись те же льготы, что и на ввозимые из Японии товары (ст. 6) [67, т. 2, с. 544]. По принципу наибольшего благоприятствования аналогичное право автоматически получали подданные всех держав. Эта статья договора открывала новую страницу в истории экономических отношений Китая с капиталистическими государствами, получившими возможность ввозить в него не только товары, но и капитал путем инвестирования его в промышленность, транспорт и другие отрасли народного хозяйства и извлекать прибыли не только за счет торговли, но и эксплуатации природных ресурсов и труда китайского народа.

Японо-китайская война ослабила международное положение Китая и нанесла большой урон его государственному суверенитету. Вместе с этим она привела и к обострению межимпериалистических противоречий. Известные трения наметились даже внутри англо-японского альянса: Лондон стремился ограничить масштабы экспансии Японии известными рамками и не допустить ее расширения на английскую «сферу влияния» (Центральный и Южный Китай) ¹. Тем не менее в борьбе с влиянием на Дальнем Востоке России Англия продолжала использовать Японию. После многократных уклончивых и неопределенных ответов на предложение России присоединиться к демаршу трех держав против японских намерений аннексировать Ляодунский полуостров Лондон в конце концов отказался оказывать давление на Японию, заявив о своем намерении проявлять в данном вопросе «известную сдержанность» [12, п. 359].

Прояпонская позиция Великобритании заставила Китай искать опору у России. Для уплаты контрибуции китайское правительство было вынуждено прибегнуть к внешнему займу. 24 июня 1895 г. в Петербурге между представителями России и Китая была подписана декларация о предоставлении последнего (при участии французских банков) 4-процентного займа на сумму 400 млн. франков (100 млн. лян).

«Англия, — как справедливо отмечал Фань Вэньлань, — упустила тогда значительные выгоды» [114, с. 420]. Первый крупный правительственный заем предоставили Китаю ее соперники. Отстранение английских банков от такой выгодной операции явилось свидетельством утраты Великобританией ведущего положения в Китае.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ОФОРМЛЕНИЯ В КИТАЕ «СФЕР ВЛИЯНИЯ» ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Сразу же после японо-китайской войны начался раздел Китая империалистическими державами на «сферы влияния». Франция по торговой конвенции, подписанной 20 июня 1895 г., получила

особые права в Юньнани и Гуанси. Заключенный в 1896 г. секретный русско-китайский договор об оборонительном союзе², предусматривавший сооружение Россией железной дороги через северо-восточные провинции (будущая КВЖД), превращал Маньчжурию в сферу интересов царской России. Не отставала и третья участница антияпонского демарша — Германия, добившаяся в 1895 г. учреждения немецких концессий в Ханькоу и Тяньцзинь, а два года спустя угрозой применения силы вынудившая Пекин согласиться на превращение Шаньдуна в ее «сферу влияния».

Таким образом, наряду с сохранением господствующих позиций Великобритании в китайской внешней торговле, в морских внешнеторговых перевозках, в управлении и деятельности иностранных концессий в открытых портах больших успехов добились и ее конкуренты. Это вызвало резкое недовольство входивших в «Китайскую ассоциацию» английских предпринимателей, выступивших с требованием установления британского протектората над Китаем (см. [165, 23.VIII.1895]), а в качестве первоочередного шага — немедленного занятия о-вов Чжоушань (см. [107, с. 810—811]).

Однако английское правительство, вынужденное учитывать усилившуюся враждебность китайской общественности и известной части правящих кругов по отношению к Великобритании после того, как она открыто приняла сторону японских агрессоров, а также тот факт, что для прямого противодействия России, Франции и Германии Англия не располагала реальными возможностями, предпочло более гибкую линию.

Широко разрекламированное выступление Лондона в «защиту» территориальной целостности Цинской империи, против создания в ее пределах «сфер влияния» России, Франции, Германии имело целью оказать противодействие основным конкурентам Англии и одновременно «реабилитировать» себя в глазах Пекина. Этот маневр британской дипломатии нашел отражение в некоторых публичных выступлениях премьер-министра Солсбери и министра иностранных дел Бальфура, а также в «Обращении» Китайской ассоциации (см. [13, с. 123—128]). На практике за этой лицемерной, демагогической кампанией стояло стремление Англии юридически закрепить свое преобладающее положение в Центральном и Южном Китае.

В феврале 1898 г. британский посол в Пекине Макдональд в ноте, направленной Цзунли ямэню, потребовал от китайского правительства заверения, «что Китай никогда не станет отчуждать какой-либо территории в прилегающих к Янцзы провинциях в пользу какой-либо другой державы под видом ли аренды, или залога, или на каком-либо ином основании» [113, с. 114]³.

Цинский двор принял это требование, по сути дела лишившее Китай суверенного права распоряжаться своей территорией. В официальном ответе Цзунли ямэня (от 11 февраля) говорилось: «Область Янцзы имеет величайшее значение для всего Китая и не может быть вопроса, чтобы отдельные части в ней были заложены».

ны, сданы в аренду или уступлены другой державе» [13, с. 114—115]. Тот факт, что данная формулировка формально могла быть распространена и на Великобританию, реально не имел никакого значения, поскольку последняя уже имела концессии во всех основных портах на Янцзы (Ханькоу, Нанкин, Цзюцзян, Уху) и контролировала внешнюю торговлю и иностранное судоходство в ее бассейне.

Демагогическая шумиха о «миротворчестве» Англии, ее «заботе» о территориальной целостности Цинской империи, о «взаимном доверии» сторон и в дальнейшем служила прикрытием энергичных шагов Лондона по усилению позиций Великобритании в Китае путем как нажима на Пекин (приобретение новых территорий и прав), так и заключения за его спиной соглашений с державами-конкурентами о разграничении «сфер влияния».

Переход Ляодунского полуострова с морской крепостью Порт-Артур и важнейшего порта на Шаньдунском полуострове — Цзяочжоу в арендное владение соответственно России и Германии лишил британский флот свободы действий в водах Северного Китая. Для «исправления» сложившегося положения Англия добилась передачи ей в аренду («на тот срок, пока Порт-Артур будет оставаться во владении России» [13, с. 129]) бухты Вэйхайвэй, расположенной в северной части Шаньдуна, напротив Порт-Артура, и контролирующей южный проход в Чжилийский и Ляодунский заливы.

Конвенция об аренде Вэйхайвэя, подписанная Великобританией в Пекине 7 июля 1898 г., имела, таким образом, явно антирусскую направленность. В то же время, чтобы успокоить Германию, обосновавшуюся в Шаньдуне, Великобритания еще до заключения конвенции дала Берлину заверение, «что, утверждаясь в Вэйхайвэе, она не имеет намерения нарушить или оспаривать интересы Германии в провинции Шаньдун или создавать ей затруднения в этой провинции» [13, с. 128—129].

Аренда Вэйхайвэя не принесла никакой пользы для британской торговли: она преследовала исключительно военные цели. Вэйхайвэй стал одной из первых иностранных военно-морских баз в Восточном Китае.

Одновременно английское правительство добилось существенного расширения и укрепления своих позиций на юге страны. За месяц до соглашения о Вэйхайвэе — 9 июня 1898 г. — была подписана Конвенция о расширении Гонконга. По ее условиям Китай передавал Великобритании в аренду на 99 лет 376 кв. миль (из них 286 кв. миль на материке), прилегавших к ранее захваченной Англией территории (29 кв. миль). На всей территории колонии, кроме г. Цзюлун, где оставались гражданские китайские чиновники, за которыми сохранялась китайская юрисдикция, было установлено британское законодательство [67, с. 539]. Столь значительное расширение Гонконга послужило предпосылкой серьезного увеличения его роли.

Меры, предпринятые Лондоном в 1895—1898 гг., несомненно,

способствовали укреплению позиций Великобритании в Китае. Поэтому при заключении с пекинским правительством соглашения о должности генерального инспектора китайской таможни (13 февраля 1898 г.) Англия смогла добиться сохранения на этом посту своего представителя (см. [13, с. 115—116]).

Однако, несмотря на все эти частные успехи, в целом Лондону не удалось приостановить процесс падения роли Великобритании в китайских делах. Так, за 1894—1904 гг. во внешней торговле Китая доля США возросла с 8,8 до 9,6%, Японии — с 6,3 до 15,1%, тогда как удельный вес самой Англии сократился с 14,3 до 12,4%, а Гонконга — с 45,9 до 39% и Индии — с 7,7 до 5,9% [112, с. 73].

РОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В БОРЬБЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ МОНОПОЛИЙ ЗА «СФЕРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ИНТЕРЕСОВ» В КИТАЕ

В. И. Ленин отмечал, что в конце XIX — начале XX в. монополии империалистических держав при вывозе капитала в колонизальные и зависимые страны особое внимание уделяли железнодорожному строительству (см. [11, с. 395]). Ситуация, сложившаяся в Китае в данной сфере в указанный период, может служить классической иллюстрацией этого ленинского положения. В конце 90-х годов между банками Англии и ряда других развитых капиталистических стран было заключено несколько важных соглашений о разделении «сфер железнодорожных интересов» в Китае.

Первым и наиболее крупным из них стала договоренность между представителями английского (Гонконг-Шанхайский банк) и немецкого («Дойче-Азиатисхе банк») монополистического капитала (сентябрь 1898 г.) (см. [13, с. 134—135]).

Согласно этому соглашению, сформулированному в форме рекомендаций правительствам Великобритании и Германии, сферой английского влияния в строительстве железных дорог определялась долина Янцзы с выходом железных дорог этого района к Шаньдуну, провинциям к югу от Янцзы и к Шаньси; сферой германского влияния объявлялись Шаньдун, долина Хуанхэ с выходом к Пекин-Ханькоуской железной дороге, а также и район Нанкина в долине Янцзы; магистрали же от Тяньцзиня до Цзинаня и от южного пункта пров. Шаньдун до Чжэньцзяня предполагалось строить объединенным англо-германским синдикатом.

Правительство Германии осталось недовольным данной договоренностью, вследствие чего она не была подтверждена межправительственным англо-германским соглашением (см. [13, с. 138]). Тем не менее она определила основные направления и рамки сотрудничества между монополистическими объединениями обеих стран.

Сотрудничество между английским и американским монополистическим капиталом регулировалось соглашением, подписанным 1 февраля 1899 г. Британско-Китайской корпорацией и Американ-

ской корпорацией развития Китая, представлявшей торгово-финансовые круги штата Нью-Джерси [13, с. 135—137]. Стороны обещали друг другу предоставлять возможность соучастия «в раз мере половины ее собственной заинтересованности в каждом деле, какое она будет вести в китайской империи» [13, с. 135]. Соглашение распространялось на предварительный контракт на сооружение магистрали Ханькоу — Гуанчжоу, уже заключенный американцами, и на предварительный контракт на сооружение железной дороги от Гуанчжоу до Цзюлуна, подписанный английской корпорацией «Джардин, Мазисон энд К°» [13, с. 136]. Стороны, наконец, брали на себя обязательство приложить «все возможные усилия, чтобы получить поддержку своих правительств и действовать в будущем «в союзе и вместе во всех предприятиях», поскольку это будет «исполнимо и возможно» [13, с. 137].

На основе межправительственного соглашения было проведено разделение сфер железнодорожных интересов между Россией и Великобританией. Первая обязалась не домогаться каких-либо железнодорожных концессий в бассейне Янцзы, оставляя это право за Англией. Последняя, со своей стороны, обещала не добиваться железнодорожных концессий к северу от Великой китайской стены, признавая право на это за Россией [13, с. 137]. Желая оправдаться в глазах мировой общественности, оба правительства заверяли, что они, не имея «в виду какого-либо нарушения верховных прав Китая, а также существующих трактатов, не премнут довести до сведения китайского правительства о настоящем соглашении» [13, с. 138].

Стремление империалистических монополий «согласовать» распределение наиболее прибыльных сфер приложения капитала сводилось на мест нарастанием противоречий между ними.

Обладавшие мощным экономическим потенциалом США, «обделенные» при разделе Китая на «сферы влияния», активно выступили за устранение «особых» льгот и привилегий, создание режима «открытых дверей и равных возможностей». Так, в сентябре 1899 г. американский посланник в Лондоне Чоут по поручению государственного секретаря США призывал английское правительство отказаться от приобретенных Великобританией в Китае привилегий и поддержать там принцип «свободы торговли для всех» [13, с. 143]. Однако в ответе английского премьер-министра Солсбери были проявлены крайняя осторожность и сдержанность. Великобритания соглашалась отказаться от особых привилегий лишь в Вэйхайвэе (не имевшем никакого торгово-экономического значения) и на территориях, которые будут приобретены в будущем. Вопрос обо всех остальных английских концессиях и арендованных территориях Солсбери обошел молчанием. Отказ же Великобритании от своей «сферы влияния» в Китае он обусловил аналогичными действиями других держав (см. [13, с. 143—144]).

В таком же духе реагировали на американские предложения и другие империалистические государства. Доктрину «открытых две-

рей и равных возможностей» каждое из них истолковывало применительно к своим интересам, что на практике превращало ее в пустой звук.

ЭКСПОРТ БРИТАНСКОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИКУ КИТАЯ

Английские монополии приняли активное участие в иностранных инвестициях в народное хозяйство Китая, дорогу которым открыл Симоносекский договор. Ввоз в Китай британского капитала осуществлялся в двух основных формах: в виде займов, предоставляемых английскими банками китайскому правительству (как правило, при посредничестве правительства Великобритании), и в виде прямых инвестиций. Кроме того, британские банки широко кредитовали частные китайские фирмы на обычных условиях краткосрочного кредита.

До японо-китайской войны Британский банк дважды финансировал китайскую администрацию: в 1875 г. заем на сумму 540 тыс. ф. ст. был предоставлен властям пров. Фуцзянь, в 1877 г. 1,6 млн. ф. ст. были ссужены центральному правительству (эти средства пошли на организацию карательного похода для подавления национально-освободительного движения мусульманских народов (уйгуров, хуэй и др.) в Северо-Западном Китае.

После японо-китайской войны получение иностранных займов стало постоянной практикой Пекина, финансовые затруднения которого неуклонно возрастали. В 1894 г. китайское правительство получило в виде займа (7% годовых) 10 млн. таэлей от Гонконг-Шанхайского банка, в 1895 г. от него же — 3 млн. ф. ст. (6%) и от «Чартер бэнк оф Индия. Острэлна энд Чайна» — 1 млн. ф. ст. (6%). Для выплаты контрибуции Японии по Симоносекскому договору оно заняло у русских и французских финансистов 16 млн. ф. ст. (100 млн. таэлей) из 4% годовых. Это был первый крупный правительственный заем Китая.

Объединенное выступление русских и французских банков заставило британские финансовые круги искать союзников. Им оказался германский капитал. В 1896 г. Китаю был предоставлен первый англо-германский заем (на паритетных началах) Гонконг-Шанхайским банком и «Дойче-Азиатинше банком» в сумме 16 млн. ф. ст. (5% годовых). В 1898 г. указанные банки предоставили Китаю второй заем на 16 млн. ф. ст., но учетная ставка была уже снижена до 4,5%, а срок погашения удлиннен до 45 лет (первый заем — 36 лет) (см. [142, с. 345—346]). Погашение обоих этих займов производилось за счет доходов морских таможен.

Дальнейшая история иностранных займов Китаю в значительной мере связана со строительством железных дорог. Впервые возможность проникновения иностранного капитала в эту сферу была оговорена во Франко-китайском договоре 1885 г. В конце же 1897 г. специальным указом подобная практика была узаконена (см. [140, т. 3, с. 89]).

Англичане включились в железнодорожное строительство в Китае с некоторым опозданием, после заключения договора о создании КВЖД. До того длительное время — от неудачной попытки прямого участия британского капитала в сооружении ветки Шанхай — Усун⁴ до 1898 г. — их роль в железнодорожном строительстве в Китае ограничивалась лишь техническим содействием⁵.

В конце 1897 г. был издан императорский указ, разрешавший Железнодорожному ведомству, на которое было возложено строительство железной дороги Тяньцзинь — Цзинань — Чанцзян, привлечь иностранный капитал [140, т. 3, с. 89]. 24 мая 1899 г. после длительных переговоров с иностранными финансовыми синдикатами между правлением Ассоциации китайских железных дорог, с одной стороны, и Гонконг-Шанхайским банком и «Дойче-Азиатисхе банком» — с другой, было заключено соглашение о предоставлении последними Китаю займа на сумму 7,4 млн. ф. ст. из расчета 5% годовых с погашением его в течение 45 лет [140, т. 3, с. 19; 142, с. 346]. Вслед за этой сделкой, положившей начало широкому проникновению британского капитала в транспортное и промышленное строительство в Китае, англичане («Ист Телеграф компани») на паритетных началах с датским капиталом участвовали в финансировании создания систем связи. С данной целью китайцам было предоставлено два займа — на 1 млн. и на 230 тыс. ам. долл. (соглашения от 4 августа и 21 декабря 1900 г.) [142, с. 346]. В целом же к концу 1901 г. общая сумма британских займов, предоставленных цинской администрации, составила 110,3 млн. ам. долл. [142, с. 374]. Еще более значительными были непосредственные английские инвестиции, к 1902 г. достигшие 150 млн. ам. долл. [142, с. 347]. К началу XX в. на английские займы были продолжены железные дороги Тяньцзинь — Шаньхайгуань (1895 г.), Пекин — Тяньцзинь (1896 г.), Лугоуцяо — Баодин (1898 г.), Шаньхайгуань — Цзиньчжоу (1899 г.), Баодин — Чжэндин (1900 г.). В результате, несмотря на крайне обострившуюся конкуренцию, британские монополии к началу XX в. смогли обеспечить себе ведущую роль в капиталовложениях в китайскую экономику [142, с. 76]:

Страна	Объем инвестиций, млн. ам. долл.	Удельный вес, %	Страна	Объем инвестиций, млн. ам. долл.	Удельный вес, %
Великобритания	260,3	33,0	США	19,7	2,5
Россия	246,5	31,3	Бельгия	4,4	0,6
Германия	164,3	20,9	Япония	1,0	0,1
Франция	91,1	11,6	Другие страны	0,6	0,05
Всего				787,9	100

2. ИХЭТУАНЬСКИЙ КРИЗИС

Постоянные неудачи в столкновениях с западными державами, унижительная зависимость, в которую попала некогда могущественная империя, явная неспособность правительства изменить по-

ложение — все это вызывало острую реакцию в самых различных слоях китайского общества. Резко обострилось внутриполитическое положение. Брожение, получившее широкое распространение после поражения в войне с Японией, под воздействием начавшегося раздела страны на «сферы влияния» и нависшей угрозы полной утраты независимости неуклонно усиливалось и стало принимать организованные формы.

Предпринятая в 1898 г. группой реформаторов (лидером которых был Кан Ювэй) при поддержке молодого императора Гуансюя попытка провести некоторые (в принципе достаточно умеренные) прогрессивные преобразования («100 дней реформ») ⁶ окончилась неудачей. В результате государственного переворота, организованного крайними реакционерами во главе со вдовствующей императрицей Цыси, Гуансюй был фактически отстранен от власти (до своей смерти в 1907 г. он находился под домашним арестом). На реформаторов обрушились жесточайшие репрессии ⁷.

Реформаторскому, конституционно-монархическому течению Кан Ювэя противостояло революционно-демократическое движение, признанным вождем которого был Сунь Ятсен. Созданная им революционная организация «Союз возрождения Китая» дважды пыталась поднять широкие антицинские восстания на юге Китая (в 1895 и 1900 гг.). Однако эти выступления были жестоко подавлены правительственными войсками.

Параллельно с революционными выступлениями незначительных по численности группы интеллигентов, стремившихся найти опору в тайных антиманьчжурских обществах, на рубеже XIX и XX вв. в Китае (в первую очередь на Севере) поднялось мощное народное движение ихэтуаней — «отрядов в защиту мира и справедливости». Причиной этого взрыва послужили вторжение иностранного капитала во внутренние районы Китая, начало крупного железнодорожного строительства, сопровождавшегося отчуждением иностранными концессионерами исконных крестьянских земель, разрушением храмов, кумирен, мелких торгово-ремесленных предприятий и т. д. Особо чувствительно интересы местного населения были нарушены в такой густонаселенной провинции, как Шаньдун, где немецкие колонизаторы, получившие в аренду лучшие земли, проводили массовое изгнание крестьян из районов железнодорожного строительства. Ненависть навлекали на себя и христианские миссионеры, представлявшие простому китайцу некушителями, «заморскими дьяволами», нарушителями веками устоявшейся конфуцианской ритуальности.

Ихэтуань стремились «изгнать» из Китая все иностранное: они разрушали железные дороги, христианские церкви, убивали миссионеров, перешедших в христианство китайцев. Восстание ихэтуаней всколыхнуло народные массы и в других районах страны и вылилось в широкое антимпернистическое движение ⁸.

Цинские власти на первых порах старались использовать ихэтуаней, утвердив их движение в удобном для себя русле — под

лозунгом «Поддержим Цин, смерть иностранцам!»⁹. Однако нарастающая активность народа их пугала больше, чем угроза со стороны иностранцев. Это и определило их капитулянтскую перед империализмом политику.

В то время как Германия, Россия и Франция, понесшие основной материальный урон от разрушений ихэтуанями железнодорожного и другого имущества, решительно выступили с требованием подавления движения повстанцев, Англия заняла выжидательную позицию. Она первое время уклонилась от совместных дипломатических демаршей (см. [151, с. 113]).

Последующее развитие событий заставило Лондон изменить эту позицию. Антиимпериалистическое движение быстро распространялось по всему Китаю и начало непосредственно затрагивать интересы Великобритании. В феврале 1900 г. на китайско-бирманской границе произошло столкновение между английскими и китайскими отрядами, в ходе которого были убиты два британских офицера. Расширение движения ихэтуаней ставило под угрозу безопасность находившихся в Китае британских подданных, в том числе и дипломатического персонала. 21 мая английский посол Макдональд уже участвовал во вручении цинскому правительству совместной ультимативной ноты, содержавшей требование подавить движение ихэтуаней, арестовать его руководителей и осуществить другие репрессии по отношению ко всем причастным к движению лицам. 28 мая, следуя примеру послов других стран, Макдональд обратился к своему правительству с просьбой о срочной присылке в Пекин дополнительных воинских подразделений для охраны посольства (см. [151, с. 119]).

«Сдержанность» Лондона была отброшена, когда окончательно определилось, что интервенция других государств может начаться и без участия Великобритании. В связи с этим вице-адмирал Сеймур, командовавший английскими войсками в Китае, получил приказ участвовать в коллективных военных акциях держав.

30 мая в Дагу было сконцентрировано 15 иностранных кораблей (в том числе 8 британских). В течение двух дней на берег были высажены отряды английских, американских, японских, французских, русских, итальянских, немецких и австро-венгерских солдат. С этого времени инициатива и руководство военной интервенцией перешли в руки англичан. 10 июня в Дагу была сформирована объединенная более чем двухтысячная воинская часть (915 англичан, 540 немцев, 312 русских, 158 французов, 112 американцев, 54 японца, 40 итальянцев и 25 австрийцев) под командованием Сеймура, которая 12 июня выступила из Тяньцзиня в направлении Пекина (см. [140, т. 2, с. 202]). После первого успешного столкновения с повстанцами (на станции Ланфан) отряд Сеймура был заблокирован на станции Аньцы цинскими регулярными войсками, получившими 13 июня указание приостановить дальнейшее продвижение иностранцев к Пекину (см. [151, с. 121]). Повстанцы, разобрав рельсы, сделали невозможным его возвращение в Тяньцзинь.

Несмотря на фактически начавшуюся интервенцию, Пекин практически не принимал действенных мер по организации обороны. Военные действия реально вели только ихэтуани, иногда сталкивавшиеся с противодействием правительственных войск. Цыси и ее ближайшее окружение лишь раздували антииностранный фанатизм темных масс, не оказывая в то же время никакой реальной помощи ихэтуаням, повстанцы оставались без оружия и военного руководства.

11 июня на улицах Пекина был убит советник японского посольства Сугияма, а через несколько дней (20 июня) — германский посланник Кеттелер. Сообщения о нападениях населения на иностранцев и об отдельных убийствах поступали также и из других городов (в окрестностях Баодина 1 июня были убиты два английских миссионера — Ч. Робинсон и Х. Норман). 20 июня в Дагу было опубликовано уведомление командующих вооруженными силами держав о их намерении использовать силу против ихэтуаней, препятствующих продвижению иностранных войск к Пекину (см. [114, с. 540]). Этот документ по существу являлся не чем иным, как объявлением войны, но не цинскому правительству, а повстанцам.

Цыси, получив сообщение о занятии Дагу вооруженными силами интервентов и о предъявлении ими упомянутого выше ультиматума, после некоторых колебаний 21 июня дала указание объявить войну державам, участвовавшим в интервенции (см. [151, с. 160—161]). Официальное объявление войны обязывало все цинские войска выступить на стороне ихэтуаней. При надлежающей организованности и решимости в руках правительства могла оказаться внушительная сила, вполне достаточная для того, чтобы обезопасить Пекин.

Однако стоявшая у власти в Пекине клика реакционеров не могла и не хотела выступить в роли организатора общенародной освободительной борьбы. Ихэтуаней она стремилась использовать лишь для укрепления существовавшего режима, для увековечения отсталости Китая. Неудивительно поэтому, что в таких важнейших центрах империалистического засилья, как Шанхай, долина Янцзы, пров. Гуандун, принятые ихэтуанями лозунги поддержки политики правительства не находили отклика в народе. Кроме того, к ней была оппозиционно настроена часть высших сановников-китайцев, сторонников политики «самоусиления» путем использования западного опыта (генерал-губернаторы Ли Хунжан, Чжан Чжидун, Лю Кунь, главный инспектор железных дорог Шэн Сюаньхуэй и др.), видевших выход из создавшегося положения в компромиссном соглашении с иностранцами (см. [151, с. 161]).

Не считаясь с объявлением войны державам, руководители местной администрации Центрального и Юго-Восточного Китая с готовностью откликнулись на инициативу англичан предотвратить распространение военных действий на долину Янцзы и юго-восточные провинции. В ходе переговоров между английскими кон-

сулами в Шанхае и Нанкин с генерал-губернатором Лянцзяна Лю Куньн последний предложил проект соглашения о нейтрализации долины Янцзы, состоявший из девяти пунктов, среди которых главными были два: защиту Шанхая и иностранцев, проживающих там, должна взять на себя британская сторона (с привлечением других держав), и для этой цели в порту должны находиться иностранные военные суда; защиту долины Янцзы примет на себя китайская сторона, и поэтому иностранные военные суда не должны появляться на Янцзы (см. [151, с. 161]). Англичане не согласились с данным предложением, считая, что оно ограничивает их право плаванья по этой реке. В конце концов с учетом пожеланий сторон были выработаны «Правила совместной обороны юго-восточных провинций». В июле 1900 г. эту договоренность признали также генерал-губернатор Фуцзяни и Чжэньцзяна Сюй Инкуй и губернатор Шаньдуна Юань Шикай (см. [108, с. 353; 151, с. 164—166]).

Таким образом Великобритания и ее партнеры достигли главной цели — людские и материальные ресурсы богатейших юго-восточных провинций были исключены из войны, чем ее исход был во многом предопределен.

Цинский двор не поднял китайский народ на борьбу с интервентами. Война не приняла общенационального характера. Массовое антииностранное движение не вышло за рамки стихийного бунта, вылилось в погромы, разрушения иностранных учреждений. Правительственные войска смогли оказать интервентам лишь слабое сопротивление.

В результате война с державами оказалась весьма скоротечной. 24 июня войска держав заняли Дагу и начали быстрое продвижение к Тяньцзиню для соединения с гарнизоном осажденной повстанцами тяньцзиньской концессии и для выручки отряда Сеймура. Выполнив эти задачи, интервенты в течение июня накапливали силы в районе Дагу — Тяньцзинь.

3 августа армия восьми империалистических держав численностью свыше 20 тыс. человек под командованием немецкого фельдмаршала Вальдерзее начала наступление на Пекин. Преодолев плохо организованное сопротивление цинских войск и терпящих сражавшихся повстанцев, интервенты через 10 дней подошли к Пекину. Стойкость гарнизона и отрядов ихэтуаней не спасла столицу Китая, 14 августа она пала. Дворцы, музеи, магазины были разграблены. Цыси со свитой бежала в Сянь. 7 сентября 1900 г. был издан императорский указ, возлагавший всю ответственность за происшедшие события на ихэтуаней (см. [114, с. 550]).

Капитулировавшему цинскому правительству были предъявлены державами тяжелые и унижительные требования. Почти все они нашли отражение в подписанном 7 сентября 1901 г. «Заключительном протоколе», предусматривавшем моральные, военные и финансовые репрессии по отношению к Китаю, а также расширение привилегий иностранных посольств и подданных.

Китаю были навязаны оскорбительные для национального достоинства формы выражения соболезнования по поводу гибели иностранных дипломатов. Суровым репрессиям (как правило — смертной казни) была подвергнута большая группа сановников и чиновников, разделявших антииностранные настроения.

Чтобы предотвратить модернизацию китайской армии, возможную вследствие отсталости национальной промышленности только за счет импорта, ст. 5 запрещался ввоз в Китай оружия, боеприпасов и материалов, предназначенных для их производства. Кроме того, китайское правительство обязалось скрыть форты Дагу и прочие укрепления, которые могли помешать свободному сообщению для иностранцев между Пекином и морем (ст. 8).

Наиболее тяжелым последствием разгрома движения ихэтуаней была непомерная контрибуция, возложенная державами на плечи китайского народа. Размер ее был определен в одностороннем порядке без участия китайской стороны. Общая сумма претензий (462 538 116 таэлей) при подписании Протокола была сокращена лишь за счет округления цифры (до 450 млн. таэлей).

Китайскому правительству была предоставлена рассрочка в выплате контрибуции на 39 лет (с 1 января 1902 г. до 31 декабря 1940 г.) на условиях начисления 4% годовых. В результате таких «заимовых условий» фактические выплаты Китая должны были возрасти до 980 млн. таэлей.

Из общей суммы контрибуции на долю Великобритании приходилось 11,25% — 50 629 тыс. таэлей. Большую часть английских претензий (41 839 млн. таэлей) составляли чисто военные издержки. Потери, связанные с утратой имущества, у англичан были сравнительно невелики (9,8 млн. таэлей) — намного меньше, нежели у России, Германии и Франции [140, т. 2, с. 353].

Посольский квартал в Пекине был объявлен экстерриториальной зоной, в которой запрещалось проживание китайцев. Для его «защиты» державы получили право содержать отряд в 2100 человек, вооруженных пушками и пулеметами. Военские подразделения интервентов были размещены также в некоторых пунктах Северного Китая «для поддержания свободного сообщения между столицей и морем». Протокол предоставлял державам дополнительную возможность вторжения в экономику Китая и овладения его рынком.

Заключительный протокол, наконец, обязывал китайское правительство согласиться на пересмотр действовавших соглашений в плане облегчения экономической экспансии Запада.

Капитулировавшая перед державами цинская монархия вновь продемонстрировала свою антинациональную, реакционную сущность, вновь показала, что является главным препятствием на пути Китая к прогрессу. Для империалистических же государств расправа над стихийным движением ихэтуаней открыла новые возможности для натиска на Китай.

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX в.

После поражения восстания ихэтуаней ситуация для Великобритании, с точки зрения Лондона, сложилась неблагоприятной — ей не удалось помешать укреплению позиций России и других держав в Китае. Для исправления положения Англия, не располагавшая на Дальнем Востоке силами, достаточными для сдерживания России (не говоря уже о единоборстве с ней), вынуждена была искать союзников. Обращение с этой целью к Германии успеха не принесло (см. [151, с. 282, 294]). Тогда взоры британской дипломатии обратились на Японию, о росте военной мощи которой Лондон был хорошо информирован (английские инженеры принимали активное участие в создании японского военно-морского флота, в Англии проходили подготовку многочисленные группы японских морских офицеров).

Сближение с Японией являлось естественным продолжением антирусской политики Великобритании, уже достаточно проявившейся в ходе японо-китайской войны 1894—1895 гг. Переговоры между правительствами Великобритании и Японии активизировались в конце июля 1901 г. В их ходе японцы заверяли англичан, что их интересы не выходят за пределы Кореи. Британские дипломаты с особым удовлетворением восприняли заявление японского посла в Лондоне Хаяси (14 августа) о том, что «Япония будет придерживаться политики „открытых дверей“ в Китае» [151, с. 304]. Проект обсуждавшегося договора предусматривал сотрудничество двух стран на море: Великобритания брала на себя обязательство оказать поддержку Японии в Желтом море, Япония обещала свою помощь в защите морских подступов к бассейну Японского моря (предложение англичан распространить договоренность на район Южно-Китайского моря было японцами отвергнуто).

30 января 1902 г. в Лондоне было подписано соглашение, положившее начало военному союзу между Англией и Японией [13, с. 153—154]. Под прикрытием пышных фраз о стремлении поддерживать статус-кво и общий мир на Дальнем Востоке Великобритания в нем, оговорив свои «особые интересы» в Китае, подтвердила «особые интересы» Японии в Корее (что являлось фактическим нарушением сложившегося статус-кво, поскольку при этом игнорировались русско-японский протокол от 1896 г. и русско-корейское соглашение от 1900 г., закреплявшие позиции России в Корее).

Соглашение, таким образом, явно ориентировало Японию на конфликт с Россией. Великобритания принимала на себя обязательство в случае войны Японии с другой державой соблюдать строгий нейтралитет (ст. 2), а если третья держава «присоединится к враждебным действиям» против Японии, то «прійти на помощь» Японии и «вести войну сообща» (ст. 3).

Великобритания, а вслед за ней и США явились главными интendanтами японской армии, обеспечивавшими ее современным

восруженнем. Без их помощи успех Японии в войне с Россией (1904—1905 гг.) был бы невозможен. По условию Портсмутского договора, завершившего эту войну, к Японии перешли арендные права России на Ляодунский полуостров с первойклассной крепостью Порт-Артур, южная ветка КВЖД до станции Куанчэнцзы и южная часть Сахалина. Япония овладела важнейшими стратегическими плацдармами в Корее и Маньчжурии, позволившими ей стать ведущей силой в северных водах Китая. Ослабление позиций России обернулось, следовательно, усилением роли Японии в китайских делах. Усилила свою активность на Дальнем Востоке и кайзеровская Германия. Устранив одного соперника, Великобритания тут же сталкивалась с другим. Процесс упадка английского монопольного господства в Китае, обусловленного объективной закономерностью развития монополистической стадии капитализма, значительно ускорился в результате выхода на арену милитаристской Японии, возвращенной не без помощи британского империализма.

ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР ВЕЛИКОБРИТАНИИ С КИТАЕМ ОТ 5 СЕНТЯБРЯ 1902 г.

Борьба с западными конкурентами не помешала правящим кругам Великобритании добиваться новых льгот и уступок непосредственно у цинского двора.

Англо-китайский торговый договор, подписанный 5 сентября 1902 г. в Шанхае [67, т. 1, с. 543—644]¹⁰, представляет собой самый универсальный документ в истории торгово-экономических отношений Китая с западными странами. Он состоит из 16 статей, закрепляющих односторонние британские привилегии, шести приложений, разъясняющих содержание отдельных статей договора и уведомляющих о практических мерах, принятых в целях его выполнения, а также текста импортного тарифа и правил применения последнего. Содержание данного документа выходит далеко за пределы экономических межгосударственных отношений и является свидетельством полного игнорирования китайских интересов и суверенитета в торговых вопросах.

Китайское правительство, как и прежде, лишалось права самостоятельно устанавливать таможенные пошлины и использовать их в протекционистских целях. В приложенном к договору Импортном тарифе они были зафиксированы в размере 5% стоимости товара. Пересмотр тарифа — по согласованию сторон — допускался не ранее чем через 10 лет. Вновь подтверждалось освобождение иностранных товаров¹¹ от всех видов внутрикитайского таможенного обложения. «Иностранное происхождение» товара освобождало его от всякого обложения, задержки, остановки, после того как он прошел таможенную. В виде некоторой компенсации китайская сторона получила право повышать пошлины (до 7,5% от стоимости) на некоторые импортные и экспортные товары. В то

же время англичане добились, чтобы производимые в Китае машины, шерстяные ткани и машинная пряжа (непосредственные конкуренты основных видов британского экспорта в Китай) подлежали двойному обложению.

Дальнейшему ограничению подверглась таможенная автономия Китая в административном плане. Контроль иностранцев, ранее установленный в таможенных открытых портов, распространялся согласно договору 1902 г. и на внутренние таможни.

Наконец, для иностранной торговли было «открыто» еще пять портов: Чанша (в Хунани), Ваньсян (в Сычуани), Аньцин (в Аньхое), Хайчжоу и Гуньмынь (в Гуандуне). Поскольку число проживавших в этих городах иностранцев было невелико, в договоре отмечалось, что они могут создавать собственные муниципалитеты и полицию лишь с согласия местных властей, а до этого должны соблюдать китайские муниципальные и полицейские правила.

Одним из важнейших в договоре был пункт об изменении горного законодательства Китая. Добыча полезных ископаемых в Цинской империи традиционно относилась к сфере государственной монополии. По ст. 9 же рассматриваемого договора китайское правительство, «признавая выгоду для страны от развития ее минеральных ресурсов и желательность привлечения к участию в горных предприятиях не только китайского, но и иностранного капитала» [67, т. 1, с. 551], взяло на себя обязательство в течение года соответствующим образом пересмотреть действовавший горный устав.

Англо-китайский договор 1902 г. явился свидетельством прочности «китайских» позиций Великобритании, опиравшейся на свои военно-морские базы и концессии, сохранявшей мощные рычаги воздействия на политику цинского правительства (в первую очередь — контроль над китайской таможней через Р. Харта¹² и, следовательно, над таможенными доходами, составлявшими главный финансовый источник обеспечения контрибуции, наложенной на Китай «Заключительным протоколом»). Проводником влияния британского капитала была китайская комрадорская буржуазия.

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ В УСЛОВИЯХ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

После заключения военного союза с Японией (что, по расчетам Лондона, должно было обезопасить интересы Великобритании с севера) английское правительство направило свои усилия на ослабление позиций других соперников — Франции, Германии и США, стремившихся проникнуть в зону британских интересов в Центральном и Южном Китае. Первой такую попытку предприняла (в 1902—1904 гг.) Германия. Немецкие промышленники и банкиры начали активно домогаться права на сооружение железной дороги в пров. Чжэцзян. После того как в 1903 г. цинское прави-

тельство отклонило эти домогательства (не без участия Р. Харта), Берлин в начале 1904 г. ультимативно потребовал предоставления Германии концессий на северных берегах озер Дунтинху и Поянху. Для подкрепления этого требования из Циндао в Янцзы были направлены две канонерки с отрядом морской пехоты. Однако под давлением Англии, направившей в воды Янцзы военные корабли, а также Франции и США, пригрозивших сделать то же самое, немцы вынуждены были отказаться от своих планов.

Лондону удалось нейтрализовать и нарастающую активность США, потребовавших от цинского правительства предоставления им военных баз на побережье Фуцзяни. При этом англичане умело использовали развернувшийся в Китае бойкот американских товаров, охвативший все основные города страны в связи с расовой дискриминацией китайских эмигрантов в США.

Удачным ходом в указанном плане было заключение (13 мая 1904 г.) конвенции о китайской эмиграции в колонии Британской империи [67, т. 1, с. 643—651], хотя этот документ, основывавшийся на англо-китайской конвенции от 24 октября 1860 г., ставил своей целью лишь придание большей «законности» вывозу китайской рабочей силы и регламентировал порядок и условия эмиграции. Не внося каких-либо принципиальных изменений в существующий эмигрантский режим, конвенция 1904 г. тем не менее предоставляла китайским консулам на территории Британской империи право защиты китайских эмигрантов.

Францию Лондон считал основным после России конкурентом Англии в Китае. Совместное выступление Франции и России в связи с заключением англо-японского союзного соглашения (в их декларации выражалась готовность предпринять соответствующие меры в случае нарушения их интересов [13, с. 154]) было весьма болезненно воспринято британскими правящими кругами.

Конвенция о предоставлении Франции концессии в заливе Гуанчжоу, ратифицированная цинским правительством 19 февраля 1900 г. [67, т. 1, с. 946—949], позволила французам резко повысить свою активность на юге и юго-западе Китая. Проникновение французского капитала в Юньнань, лежащую на пути из Индии в Китай, ставило под угрозу британские интересы в этом районе. Проблема укрепления континентальных связей Индии с Китаем стала важнейшей задачей в «китайской» политике Великобритании в первом десятилетии XX в., а Тибет, расположенный между этими странами, — главным объектом английской экспансии.

Британское проникновение в Тибет началось сразу же после установления союзных отношений с Японией. К началу 1902 г. англичане закончили подготовительные мероприятия для вторжения в Тибет со стороны Индии (построили дорогу в Сиккиме, усилили военные гарнизоны на границе с Тибетом, осуществили засылку в Тибет агентов-разведчиков и т. д.).

Без каких-либо предварительных переговоров с цинским правительством и при явно отрицательной позиции далай-ламы¹³ в

июне 1903 г. английский военный отряд вторгся на тибетскую территорию и под предлогом поиска «удобного пункта для переговоров о пересмотре запрета на торговлю Индией с Тибетом» оккупировал г. Камба. Отказ цинско-тибетских властей вступить в переговоры с интервентами и противодействие тибетских войск не остановили агрессоров. Сосредоточив в районе Камбы 10-тысячный отряд, англичане начали продвижение к Лхасе и в августе 1904 г. заняли ее. Далай-лама покинул Тибет и выехал в Монголию. Оставшийся в Лхасе панчен-лама и некоторые другие члены феодально-теократического правительства, бывшие сторонниками разрыва отношений с Китаем, приняли требования Лондона.

7 сентября в Лхасе была подписана англо-тибетская конвенция. В ней подтверждалась граница между Тибетом и Сиккимом, хотя обусловленные англо-китайской конвенцией 1890 г. демаркационные работы не проводились. Под предлогом «улучшения» отменялись прежние правила торговли между Сиккимом и Тибетом. Британские подданные получили право свободной торговли в Джангдзе и Гартоке, их товары освобождались от всех видов обложения, кроме таможенных пошлин (при этом в отличие от договоренности с Пекином увеличение последних не предусматривалось). Лхаса обязывалась выплатить контрибуцию в 500 тыс. ф. ст. Важнейшим же пунктом рассматриваемого документа являлось обязательство тибетских властей не отчуждать (путем продажи, сдачи в аренду и т. п.) какой-либо части территории Тибета любому государству без согласования с Лондоном. Тибетские власти лишались даже права принимать представителей иных стран без согласия англичан.

7 сентября 1904 г. вице-король Индии Ампитл ратифицировал англо-тибетскую конвенцию, уменьшив контрибуцию в 3 раза (до полной ее выплаты английские войска оставались в долине Чумби) [67, т. 1, с. 659].

Заключение указанной конвенции представляло собой явное нарушение англо-китайских конвенций 1890 и 1893 гг. о границе и торговле между Сиккимом и Тибетом, по условиям которых тибетскую сторону должен был представлять уполномоченный Китай.

Проникновение в Тибет и овладение там монопольными позициями явилось одним из главных успехов британской политики на Дальнем Востоке в середине первого десятилетия XX в.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Внутреннее и внешнее положение Цинской империи в начале XX в. неуклонно ухудшалось. Появление на китайской почве буржуазных форм хозяйствования, ставшее объективным результатом экономической экспансии Запада, разрушило прежнюю однородность хозяйства страны. Трудный процесс становления капитали-

стического уклада сопровождался болезненным сломом привычных жизненных стереотипов. Огромный рост налогообложения, во многом связанный с необходимостью оплаты контрибуций и займов, навязанных Китаю империалистическими державами, существовало сказало на положении даже имущих слоев населения. Массовая эмиссия бумажных средств платежа, выкачка из Китая серебра (за счет неэквивалентности внешней торговли, оплаты займов и контрибуций) привели финансовую систему страны на грань хаоса. За первое десятилетие XX в. цены на потребительские товары выросли в несколько раз. Весьма важной составной частью кризисной ситуации стал общеэкономический спад 1909—1912 гг.

Во внешнеполитической сфере «лихунчжановская политика» — лавирование и стремление использовать противоречия между империалистическими государствами — не принесла Пекину особых лавров. Державы во все меньшей степени считались с цинским правительством, предпочитая решать «китайские дела» путем соглашений «в своем кругу»¹⁴. Потеря интереса мирового империализма к цинскому режиму лишила его последней опоры.

В условиях нараставшего социально-политического кризиса робкие «конституционные» маневры пекинского правительства лишь обострили обстановку. Всеобщее возмущение вызвало принятое Пекином в 1910 г. под давлением держав (при ведущей роли Англии) решение передать иностранному капиталу право на строительство Хугуанских железных дорог (Гуанчжоу — Ухань, Ухань — Чэнду), сооружение которых до этого было объявлено общенациональным делом.

Исторически изжившая себя цинская монархия, ставшая главным препятствием на пути политического, экономического и социального прогресса китайского народа, была сметена Синьхайской революцией, начавшейся восстанием в Ухане 10 октября 1911 г. Ее инициатором и руководителем было созданное Сунь Ятсеном общество Туимэнхой, к которому примкнул ряд революционных организаций. 29 декабря 1911 г. в Нанкине собрание делегатов, представлявших 17 южных и центральных провинций, приняло решение о создании республиканского строя. Первым временным президентом был избран Сунь Ятсен. 1 января 1912 г. была официально провозглашена Китайская Республика¹⁵.

Одной из важнейших задач революционного правительства стала борьба за признание империалистическими державами республиканского Китая в качестве суверенного, независимого государства. В опубликованном Сунь Ятсеном «Воззвании ко всем дружественным нациям» выражалась надежда на «всобщее официальное признание держав, что позволит Китаю не только пользоваться всеми правами и привилегиями, но и внести свой вклад совместно со всеми государствами в дело беспредельного расцвета мировой цивилизации» [119, с. 142]. Революционное правительство выражало готовность признать все договоры, заключенные маньчжурским правительством с другими государствами до начала революции; соблюдать обязательства по всем внешним зай-

мам, заключенным Циннами; уважать все права, предоставленные маньчжурским правительством до революции отдельным странам или отдельным гражданам иностранных государств; уважать и защищать жизнь и имущество граждан иностранных государств, находящихся на территории, на которую распространяется действие законов и власть республиканского правительства.

Ответа на «Воззвание» не последовало. Послы держав предпочитали иметь дело с Юань Шикаем. Так, посетивший последнего 1 января 1912 г. посол Великобритании Джордан рекомендовал ему «искать альтернативу гражданской войны», а Юань Шикай, в свою очередь, просил англичан воздействовать на революционеров на Юге в выгодном для него плане (см. [93, с. 228]).

Для укрепления позиций реакционных сил Юань Шикай пошел на ликвидацию монархии (на этот шаг его подталкивали, в частности, английские торговые круги в Шанхае (см. [93, с. 228])). Указ об отречении от престола последнего маньчжурского императора Пу И был опубликован 12 февраля 1912 г. Уведомляя об этом 13 февраля руководителей революционеров, Юань Шикай одновременно сообщал о формировании им республиканского правительства.

В создавшихся условиях Сунь Ятсен, чтобы избежать гражданской войны, сложил свои полномочия. 14 февраля Национальная ассамблея (в Нанкине) избрала Юань Шикая временным президентом республики.

Новый глава страны, выражавший интересы феодально-бюрократических слоев, сразу же нашел общий язык с представителями держав. Дипломатический корпус единодушно поддержал отказ Юань Шикая от перенесения столицы в Нанкин из Пекина¹⁶, где иностранные дипломаты пользовались особыми льготами и привилегиями, оговоренными «Заключительным протоколом». В столицах держав Юань Шикай расценивался как «сильный человек», способный обуздать «стихию» революции. Особенно активно поддерживали нового президента американцы, официально приветствовавшие его приход к власти и выразившие готовность вмешаться в гражданскую войну в случае выступления против него республиканцев Юга.

«Дружественные связи» американцев с Юань Шикаем подтверждали Японию, отнюдь не заинтересованную в установлении в Китае твердой власти. Поэтому Токио проявляло довольно откровенный интерес к Сунь Ятсену, оказывая ему официальные почести даже после его отказа от поста президента.

Лондон длительное время занимал выжидательную позицию. Симпатии к Юань Шикаю, как «сильной личности», способной навести «порядок» в Китае, сочетались с крайне осторожной позицией в отношении революционеров, контролировавших южные и центральные районы страны, т. е. британскую «сферу влияния». Лишь после провозглашения Юань Шикая президентом английское правительство рекомендовало своему послу Джордану оказать ему поддержку (см. [93, с. 228]), Юань Шикай также стре-

мился к укреплению связей с Англией (без чего невозможна была бы стабилизация его режима). В переговорах с Джорданом он рисовал положение на Юге как крайне опасное и заверял собеседника, что затраты на «умиротворение» окупятся сторицей.

Начавшиеся еще в феврале 1912 г. переговоры с консорциумом, в который входили банки Великобритании, США, Франции и Германии, были форсированы. 26 апреля 1913 г. пекинское правительство, вопреки возражению членов парламента от гоминьдана и Сунь Ятсена¹⁷, подписало с консорциумом (место американцев к тому времени в нем заняли представители Японии и России) соглашение о Реорганизационном займе на сумму 25 млн. ф. ст. на крайне обременительных условиях. Заем предоставлялся из расчета 5% по курсу 84:100, т. е. реальный его объем не превышал 21 млн. ф. ст. Из них около половины пошло на погашение прежней задолженности, а 2 млн. ф. ст. было резервировано для реорганизации администрации, ведавшей сбором соляного налога (за счет которого обеспечивалась оплата иностранных займов). В результате в распоряжение пекинского правительства поступило только 8,5 млн. ф. ст., которые пошли на переформирование армии и на текущие государственные нужды (см. [142, с. 130]).

Реорганизационный заем, писал В. И. Ленин, был «заключен против китайской демократии». Буржуазия империалистических стран предпочла союз «со всеми силами реакции и средневековья в Китае», поддержала Юань Шикая, «готовящего военную диктатуру» [10, с. 167]. Эта помощь держав во многом предопределила успех Юань Шикая, сумевшего довольно легко подавить вооруженное выступление против него демократов Юга («вторую революцию»).

Британский капитал в истории с Реорганизационным займом как по долевному участию (29,7%), так и по руководящему положению в банковском консорциуме сыграл ведущую роль. Следует добавить, что политическим советником Юань Шикая стал в это время корреспондент газеты «Таймс» в Пекине Моррисон. «Сдержанность» «нейтральной» позиции Англии в период бурных революционных событий в Китае в 1911—1913 гг. вылилась, таким образом, в политику последовательного укрепления реакционного диктаторского режима Юань Шикая.

АНГЛО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ В 1895—1914 гг.

В указанный период под давлением империалистических государств были «открыты» для иностранной торговли все важнейшие морские и речные порты Китая, сухопутные приграничные и глубинные узловые торговые пункты. Внешнеторговые связи Китая были поставлены под иностранный контроль. Китай превратился в «открытый» рынок и арену жесточайшей конкурентной борьбы между ведущими державами мира, в ходе которой Англия все

больше теряла свои главенствующие позиции [134, с. 102; 142, с. 245].

Год	Внешнеторговый оборот Китая, тыс. таможенных тазелей	Объем англо-ки- тайской торговли, тыс. таможенных тазелей	Удельный вес Англии во внеш- ней торговле Китая, %
1894	290 207	41 444	14,3
1904	583 547	72 490	12,4
1913	973 468	113 257	11,6

В эти годы британские правящие круги убедились в недалекости своей политики — поддержки Японии. Именно она (а не Россия¹⁸, как было раньше) стала накануне первой мировой войны основным торговым конкурентом Англии в Китае. Доля Японии во внешней торговле Китая в рассматриваемый период увеличилась в 3 раза — с 6,3% в 1894 г. до 18,9% в 1913 г., когда она по объему товарооборота с Китаем (184,9 млн. тазелей) намного (на 63%) обошла Англию (без Гонконга и других колоний). Политика правительства Японии в контролируемой ею Южной Маньчжурии была направлена на полное отчуждение этого края от Китая и, по существу, закрывала доступ туда товарам западных стран¹⁹.

Экономическая экспансия Японии распространялась и на английскую «сферу влияния» — Центральный и Южный Китай, где японские хлопчатобумажные ткани и пряжа успешно конкурировали с британскими изделиями, вытесняя их с традиционных рынков не только в Тяньцзинь, но и в Шанхае. Еще более болезненно английские монополии реагировали на переход в руки японцев в 1908 г. Ханьпинского металлургического комбината (в Центральном Китае).

Неудивительно поэтому, что в политике Великобритании в последние годы перед первой мировой войной наметился явный отход от союзных отношений с Японией. При пролонгировании в 1911 г. англо-японского союзного соглашения в него была внесена оговорка, ограничивающая обязательства сторон в оказании военной помощи (см. [13, с. 177]). Правящие круги Великобритании активно поддержали инициативу государственного секретаря США Нокса, который в своем меморандуме от 6 ноября 1909 г. предлагал в порядке воплощения в жизнь политики «открытых дверей» в Китае предоставить Пекину крупный международный заем для выкупа ЮМЖД и КВЖД, что, как хорошо понимали в Лондоне, должно было привести к ликвидации «сфер влияния» России и Японии, не затрагивая интересов других государств, прежде всего Англии.

Американская политика «открытых дверей» была направлена не на восстановление «территориальной целостности Китая», о чем пышно разглагольствовал Нокс, а на передел сфер влияния, на сколачивание блока против России и Японии. Британские дипломаты понимали демагогичность этой политики, но поддерживали ее, потому что она вела к обострению отношений между основ-

ными конкурентами Англии, порождала в их среде атмосферу неустойчивости и неопределенности, затрудняла их деловую активность.

В условиях обострявшейся конкурентной борьбы в Китае Великобритания стремилась отстоять там свою ведущую роль, приспособить торговую политику к реальной обстановке. Утрата монополии на импорт хлопчатобумажных и шерстяных изделий и других товаров потребительского спроса побудила английские фирмы перейти к форсированному завозу в Китай машин, оборудования и материалов для железнодорожного строительства и промышленных предприятий, что в значительной степени компенсировало сокращение традиционных статей английского экспорта.

Неуклонно возрастала роль Гонконга, где английский капитал широко использовал дешевую рабочую силу достаточно значительной китайской общины и многочисленных китайских торговцев-компрадоров. Англичане создали там первоклассную судоремонтную базу, различные предприятия по переработке вывозимых из Китая товаров, склады, страховые, транспортные и торговые компании, банки (включая могущественную корпорацию — Гонконг-Шанхайский банк). Все это (плюс гарантия стабильности в «неспокойное время», обеспечиваемая британскими колониальными войсками) делало Гонконг весьма привлекательным для иностранных коммерсантов, и он превратился в крупный торгово-распределительный центр на юге Китая. За 45-летний период — с 1868 г. (когда колония окончательно обособилась от Китая) и до первой мировой войны — торговля Гонконга с Китаем возросла более чем в 13 раз, приобретя самостоятельное значение (табл. 11).

Таблица 11

ТОРГОВЛЯ ГОНКОНГА С КИТАЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX — НАЧАЛЕ XX в. *

Год	Ввоз в Китай, тыс. таможен- ных таэлей	Вывоз из Китая, тыс. таможен- ных таэлей	Товарооборот		
			Объем, тыс. тамо- женных таэлей	Индекс	Доля во внешней торговле Китая, %
1869	13 946	8 027	21 973	100,0	—
1894	82 424	50 794	133 218	606,3	45,9
1904	141 085	68 858	209 943	955,5	35,9
1913	171 636	117 128	288 764	1314,2	29,7

* [134, с. 626—627].

В англо-китайском товарообороте Гонконгу принадлежала ведущая роль, и именно благодаря ему Великобритания сохраняла первое место среди иностранных государств в торговле с Китаем.

Развитие гонконгской торговли несколько замедлилось после 1905 г. в связи с усилением конкуренции со стороны Дальнего и Шанхая, превратившихся в международные порты.

На протяжении всей своей колониальной истории Гонконг постоянно имел активный баланс в торговле с Китаем и являлся важным источником валютных поступлений Великобритании. В период между японо-китайской и первой мировой войнами активное торговое сальдо Гонконга составило около 1 млрд. таможенных таэлей: в 1894—1913 гг. — 949 828 млн. таможенных таэлей и в 1914 г. — 73 565 млн. таможенных таэлей [134, с. 632—633]. Во многом это объясняется тем, что преобладавшая часть экспортировавшихся в Англию китайских товаров (шелк, чай, шетина, тунговое масло и др.) вывозились через Шанхай. Устойчивым и неуклонно возрастающим был экспорт в Гонконг продовольственных товаров (мясо, живой скот, птица, яйца, фрукты, табак) и сырья для легкой промышленности (кожи, хлопчатобумажная пряжа, шелк и др.), в весьма значительной степени использовавшихся в самом Гонконге.

Значительное место в китайской внешней торговле (особенно в импорте) занимала остававшаяся английской колонией Индия (табл. 12).

Таблица 12
КИТАЙСКО-ИНДИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ В КОНЦЕ XIX —
НАЧАЛЕ XX в. *

Год	Ввоз в Китай, тыс. тамо- женных таэлей	Вывоз из Китая, тыс. таможен- ных таэлей	Товарооборот	
			Объем, тыс. таможен- ных таэлей	Доля во внеш- ней торговле Китая, %
1894	19 929	2 542	22 471	7,7
1904	32 220	2 387	34 607	5,9
1913	48 292	6 190	54 482	5,6

* [134, с. 431—432].

В структуре индийского экспорта в Китай произошли определенные сдвиги. Заметно (особенно после 1905 г.) сократился завоз опиума, хотя и в 1913 г. из ввезенных в Китай 1813 пикулей этого наркотика большая часть приходилась на долю Индии [125, с. 301]. В то же время вырос экспорт хлопка-сырца (в 1913 г. его объем составил 83 169 пикулей, или около 5 тыс. т), риса (146 572 пикуля, или около 9 тыс. т), а также хлопчатобумажных тканей и пряжи, угля и др. Активное сальдо Индии в торговле с Китаем в 1894—1913 гг. составило 529 млн. таможенных таэлей. Наименьшим (14 млн.) оно было в 1900 г., наибольшим (42 млн.) — в 1913 г.

Торговлю с Китаем вели также и другие британские колонии (Британская Малайя) и доминионы — Австралия и Канада (в 1913 г. их товарооборот с Китаем равнялся 16,5 млн., 1,24 млн. и 2,5 млн. таможенных таэлей соответственно). Накануне первой мировой войны на долю Британской империи приходилось около половины стоимости внешнеторгового оборота Китая. Это давало

ей возможность удерживать в своих руках основные рычаги управления китайской таможней, оказывать определенное воздействие на торговлю и финансы страны, хотя наличие в Китае «сфер влияния» других держав территориально ограничивало британские устремления.

АНГЛИЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В КИТАЕ В НАЧАЛЕ XX в.

На рубеже XIX и XX вв. началось усиленное проникновение британского капитала в наиболее прибыльные отрасли народного хозяйства Китая, прежде всего в железнодорожный транспорт и средства связи. С 1899 по 1914 г. британские банки самостоятельно предоставили китайскому правительству для сооружения железных дорог 11 займов на сумму 48,5 млн. ам. долл. и совместно с банками других стран — 4 займа на сумму 33,9 млн. ам. долл. Английский капитал принимал участие в железнодорожном строительстве по всей территории страны, исключая «сферы влияния» Германии (Шаньдун), Франции (Юньнань), Японии (Южная Маньчжурия) и России (Северная Маньчжурия).

Кроме того, Великобритания предоставила китайскому правительству три займа с участием банков других стран для строительства телеграфных линий (табл. 13).

Большая же часть британских капиталовложений состояла из так называемых деловых инвестиций, направляемых непосредственно в китайскую экономику (иногда совместно с фирмами других стран). Такая форма инвестиций позволяла иностранцам прибегать к рукам целые отрасли народного хозяйства, усиливать свое влияние на экономическую жизнь страны. На долю деловых приходилось 65,8% всей суммы британских инвестиций в Китае [142, с. 361], и они охватывали важнейшие отрасли промышленности, транспорта, торговли.

Землевладение являлось одной из самых выгодных сфер приложения капитала. Подобные вложения британских подданных (как правило, в открытых портах) к концу рассматриваемого периода составляли 130 млн. таэлей (87 млн. ам. долл.).

В области транспорта британскому капиталу принадлежали: Гуанчжоу-Цзюлунская железная дорога, выстроенная гонконгскими властями (стоимость затрат на конец 1913 г. — 13 521 231 гонк. долл., или 6,7 млн. ам. долл.), а также около 100 судов общим тоннажем 170 тыс. т.

Британским компаниям («Гонконг энд Вампу Док К^о», «Шанхай энд Гонконг Варф К^о» и др.) принадлежала ведущая роль в судоремонтной промышленности. Общая сумма английских инвестиций в судоходство и судостроительные (и ремонтные) предприятия (без Гонконга) оценивалась примерно в 40 млн. ам. долл.

Британским фирмам принадлежали важнейшие предприятия городского коммунального хозяйства (Шанхайские газовая, те-

Таблица 13

УЧАСТИЕ АНГЛИИ В ЗАЙМАХ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ КАПИТАЛОМ
ПРАВИТЕЛЬСТВУ КИТАЯ ДО 1914 г. *

	Общая сумма зай- ма, тыс. ам. долл.	Доля Великобритании	
		тыс. ам. долл.	%
<i>На военно-административные и финансовые нужды</i>			
Золотой заем 1895 г. (6%) **	973	973	100,0
Золотой заем 1895 г. (6%)	649	649	100,0
Золотой заем 1896 г. (5%)	56 870	28 435	50,0
Золотой заем 1898 г. (4,5%)	66 208	33 104	50,0
Золотой заем 1912 г. (5%)	24 332	24 332	100,0
Реорганизационный золотой заем 1913 г. (5%)	121 662	36 093	29,7
Итого . . .	270 694	123 586	45,7
<i>На железнодорожное строительство</i>			
Имперский заем 1899 г. (для линий в Север- ном Китае) (5%)	8 674	8 674	100,0
Заем 1903 г. для линии Шанхай — Нанкин . .	14 113	14 113	100,0
Заем 1905 г. для линий в Хэнань (5%)	3 893	3 893	100,0
Заем 1905 г. для линии Гуанчжоу — Ханькоу .	1 070	1 070	100,0
Заем 1907 г. для линии Гуанчжоу — Цзюлун (5%)	7 300	7 300	100,0
Заем 1908 г. для линии Тяньцзинь — Пукоу (5%)	24 332	9 003	37,0
Заем 1908 г. для линии Шанхай — Ханьчжоу — Нинбо	7 300	7 300	100,0
Выкупной заем 1908 г. для линии Пекин — Ханькоу (7%)	2 190	2 190	100,0
Золотой заем 1908 г. (5%)	24 332	12 166	50,0
Дополнительный заем для линии Тяньцзинь — Пукоу 1910 г. (5%)	14 600	5 401	37,0
Хугуанский золотой заем 1911 г. (5%)	29 190	7 300	25,0
Заем для линии Тяньцзинь — Пукоу 1912 г. (аванс)	1 460	1 460	100,0
Заем для линии Шанхай — Нанкин 1913 г. (6%)	730	730	100,0
Заем для линии Пукоу — Сипьян 1913 г. (аванс)	1 008	1 008	100,0
Итого . . .	140 192	82 340	58,7
<i>На развитие связи</i>			
Заем для прокладки кабеля Шанхай — Дагу 1900 г.	751	375,5	50,0
Заем для прокладки кабеля Дагу — Инфу 1900 г.	174	87,0	50,0
Аванс на телеграфные расходы 1911 г.	2 324	1 162,0	50,0
Итого . . .	3 249	1 624,5	50,0
Всего . . .	414 135	207 402,5	50,0

* [142, с. 357].

** В скобках — размер годового процента.

Таблица 14

ДИНАМИКА АНГЛИЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В КИТАЕ В НАЧАЛЕ XX в. *

Вид капиталовложений	1902 г.		1914 г.		Прирост	
	Общий объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %	Общий объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %	Абсолют- ный, млн. ам. долл.	Относи- тельный, %
Деловые инвестиции	150,0	57,6	400,0	65,8	250,0	166,7
Займы китайскому правительству . .	110,3	42,4	207,5	34,2	97,2	88,1
Итого . . .	260,3	100,0	607,5	100,0	347,2	133,4

* [231, с. 361].

лефонная, электростроительная компании и др.). Их собствен-
ность оценивалась в 20 млн. ам. долл. [142, с. 359].

Английский капитал (Компания Кайлуаньских угольных ко-
пей, «Пекин Синдикат», занятый добычей сурьмы, вольфрама, рту-
ти, угольная компания «Тунсин» и др.) принял активное участие
в развитии горнорудного производства в Китае. Общая сумма ин-
вестиций в эту отрасль составила не менее 15 млн. ам. долл.
[142, с. 359—360].

Наиболее значительные британские инвестиции (около
100 млн. ам. долл.) приходились на долю перерабатывающей про-
мышленности. Английским компаниям принадлежали: в хлопчато-
бумажной промышленности — три фабрики в Шанхае (107 тыс.
верстен) и одна в Гонконге (45 тыс. верстен); в сахарной промыш-
ленности — три завода в Гонконге и один в Сватоу; в табачной
промышленности — четыре фабрики (в Ханькоу, Инькоу, Муждене
и Шанхае); в шелковой промышленности — по одной фабрике в
Шанхае и Гуанчжоу; в маслостроительной промышленности — два заво-
да (в Инькоу и Шанхае), а также ряд других предприятий.

Британские инвестиции в торговлю трудно поддаются учету.
По приблизительным подсчетам К. Ремера, склады, предприятия
по переработке экспорта, конторские помещения и т. д. британ-
ских подданных, находившиеся по крайней мере в 15 портах и
пунктах, оцениваются примерно в 100 млн. ам. долл.

На китайской почве выросли такие английские монополии,
как «Джардин, Мэзисон энд К°» («Ихэ») и «Баттерфилд, Суайр
энд К°» («Тайгу»), контролировавшие многочисленные пароход-
ства, судоремонтные, торговые, текстильные и прочие предприятия
и игравшие значительную роль в финансовой сфере.

С начала столетия и до первой мировой войны британские
«деловые инвестиции» возросли более чем в 2,5 раза, несколько
увеличился их удельный вес в общей сумме английских капита-
ловложений в Китае (табл. 14).

В более быстром росте английских «деловых инвестиций» по
сравнению с общей суммой официальных займов нашел отраже-

ние процессы обособления иностранного капитала и превращения его в самостоятельную силу в Китае.

Некоторое ослабление позиций в сфере товарного обмена Великобритании с лихвой восполнила опережением своих основных конкурентов в вывозе капитала в Китай (табл. 15).

Таблица 15
ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В КИТАЕ В НАЧАЛЕ XX в. *

Страна	1902 г.		1914 г.	
	Объем, млн. ам. долл.	Доля, %	Объем, млн. ам. долл.	Доля, %
Великобритания	260,3	33,0	607,5	37,7
Россия	246,5	31,3	269,3	16,7
Германия	164,3	20,9	263,6	16,4
Япония	1,0	0,1	219,6	13,6
Франция	91,1	11,6	171,4	10,7
США	19,7	2,5	49,3	3,1
Бельгия	4,4	0,5	22,9	1,4
Прочие страны	0,6	0,1	6,7	0,4

* [142, с. 76].

В этой сфере Англия накануне первой мировой войны более чем вдвое опережала своих ближайших соперников — Россию и Германию.

Накануне первой мировой войны конкурентная борьба между основными империалистическими державами за захват командных высот в китайской экономике крайне обострилась. Резко усилила, в частности, свои позиции Япония. Великобритания, однако, сумела сохранить ведущую роль в китайских делах.

* * *

Период между японо-китайской и первой мировой войнами ознаменовался крупными историческими событиями на Дальнем Востоке, существенно повлиявшими на внутреннее и внешнее положение Китая и в той или другой степени отразившимися на китайско-английских отношениях.

Китай превратился в арену ожесточенной конкурентной борьбы ведущих государств мира, политика которых обуславливалась закономерностями последней стадии капитализма — империализма. В конце 90-х годов XIX в. их соперничество привело к установлению «сфер влияния» в экономически наиболее значимых частях Китая.

Глубокие противоречия между империалистическими державами не мешали, однако, им быть союзниками в деле подавления сопротивления китайского народа. Их совместными усилиями в 1901 г. было разгромлено движение икхуаней. После Синьхайской революции они сообща помешали приходу к власти демокра-

тических сил во главе с Сунь Ятсеном и способствовали утверждению реакционной диктатуры Юань Шикая, сввергнув тем самым Китай в пучину гражданских войн, что дало им возможность сохранить там свои позиции. Дирижером империалистических акций в отношении Китая неизменно оставалась британская дипломатия.

В сложных и быстро изменявшихся условиях Лондону приходилось постоянно лавировать, менять союзников, прибегать к маневрам, чтобы сохранить свою ведущую роль в китайских делах.

Несмотря на относительное ослабление позиций в масштабе всего Китая, Великобритания сохранила свою «сферу влияния» в его центральных и южных районах, где на ее долю приходилась значительная часть внешней торговли Китая и иностранных инвестиций в китайской экономике.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1914—1927 гг.

(от начала первой мировой войны до прихода к власти
правогоминьдановского правительства)

КИТАИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Открытая борьба империалистических хищников за передел мира (каковой была первая мировая война) не могла не затронуть Китая, давно уже ставшего ареной острой конкуренции держав.

Начало войны резко изменило соотношение их сил на Дальнем Востоке. Германия быстро потеряла свои приобретения в Китае и надолго «вышла из игры». Англия, Франция, Россия, в несколько меньшей степени США, занятые военной схваткой в Европе, заботились лишь о сохранении предвоенного статус-кво. Иной была позиция Японии. Используя благоприятно сложившуюся обстановку, ее правящие круги предприняли попытку полностью вытеснить из Китая другие державы или хотя бы утвердить там свое преобладающее влияние, поставив под свой контроль пекинское правительство.

Пренебрегая дипломатическим противодействием Лондона, старавшегося снизить активность своего официального союзника (с полным основанием видя в ней угрозу британским интересам в Китае), японские милитаристы поспешили включиться в военные действия на Дальнем Востоке.

При чисто символическом участии англичан¹ японские войска, сломив сравнительно слабое сопротивление немцев, к 19 ноября 1914 г. фактически оккупировали Шаньдунский полуостров, захватив все арендные территории Германии. Протесты пекинского правительства против вторжения японцев на китайскую территорию, его официальное заявление о нейтралитете Китая и обращение к правительствам США и Японии с предложением призвать воюющие стороны воздержаться от военных действий на Дальнем Востоке не произвели на Токио никакого впечатления.

18 января 1915 г. японское правительство предъявило Пекину «21 требование»², осуществление которых поставило бы Китай в политическую и военную зависимость от Японии.

Державы, входившие в антигерманскую коалицию, отнеслись к подобным японским притязаниям с понятным неодобрением. Од-

нако открытое противодействие им оказали только США, еще не вступившие к тому времени в войну, да и то лишь в форме дипломатических демаршей (официально обосновываемых тем, что «21 требование» противоречит принципу «открытых дверей и равных возможностей»). Лондон предпочел занять выжидательную позицию. Обосновывая ее, английский посол в Пекине Джордан писал, что многое в японских требованиях носит чисто декларативный характер, что притязания Японии в северных частях Китая не затрагивают британских интересов, что японцы не посягают на позиции Англии в области контроля над сбором таможенных пошлин и соляного налога и т. д.

Подлинно решительный протест японские домогательства встретили лишь у китайской общественности, активно выступившей в защиту национального суверенитета.

Опасаясь вспышки народного негодования в Китае и усиления противодействия США и европейских держав, Япония предпочла снять пятый раздел «21 требования», в то же время ультимативно потребовав от Пекина принятия остальных условий.

Юань Шикай и его окружение не могли рассчитывать на успех в случае вооруженного столкновения с Японией. Не приходилось ожидать и действенной помощи со стороны держав. Лондон, опасаясь новых захватов со стороны Японии в случае начала военных действий и — в еще большей степени — подъема общенационального патриотического движения в Китае (что поставило бы под угрозу империалистическое господство в этой стране), стремился склонить Китай к компромиссу. Японское правительство использовало английских дипломатов в качестве посредников, оказавших давление на Юань Шикая и Вашингтон (занимавший более отчужденную антияпонскую позицию). Джордан обратился к Юань Шикаю со специальным посланием, настоятельно рекомендуя безоговорочно принять японские требования.

В результате правительство Юань Шикая оказалось неспособным к какому-либо действенному сопротивлению. Не рискуя призвать китайский народ к решительному противодействию агрессии (опасаясь, что подобный оборот событий приведет к усилению позиций демократических сил, возглавляемых Сунь Ятсеном), оно пошло на унижительную капитуляцию, приняв 9 мая 1915 г. японский ультиматум³. Народ Китая ответил на это мощным движением бойкота всего японского (товаров, денег, фирм и т. д.).

В китайском обществе в этот период не было достаточно организованных и политически зрелых социальных сил для решения коренных политических и экономических проблем страны. Реакционные круги, представители которых составляли большую часть пекинского, формально официального правительства Китая, внешнюю политическую слабость и внутреннюю раздробленность государства рассчитывали возместить установленным диктаторской властью «сильного человека» — Юань Шикаю, объявив его монархом.

Решение пекинского Государственного совета о восстановле-

нии монархии вызвало широкое возмущение в народе. В конце декабря 1915 г. вспыхнуло восстание в пров. Юньнань, а затем и в шести других — Гуйчжоу, Гуанси, Гуандун, Сычуань, Хунань и Фуцзянь, заявивших о непризнании решений Пекина и о своей автономии.

Создание централизованного, стабильного Китая не входило в расчеты правящих кругов Великобритании. Слабость пекинского правительства, рыхлость и раздробленность государства создавали благоприятные условия для хозяйничанья английских колонизаторов. Это предопределило их отрицательное отношение к монархическим поползновениям Юань Шикая.

Революционно-республиканские власти Южного Китая, возглавляемые Сунь Ятсеном, в данный период не вызывали особых опасений у англичан, поскольку они не располагали реальными силами.

Для Великобритании было важно и то обстоятельство, что Сунь Ятсен не выдвигал антианглийских требований, сосредоточивая усилия гоминьдана на борьбе за республиканский строй. Британская администрация Гонконга даже оказывала услуги китайским республиканцам в транзите оружия, расквартировании революционных организаций и т. д.

Английские дипломаты в то же время не упускали позиций лидеров и в дипломатическом корпусе в Пекине, демонстрируя, тем самым явную заинтересованность Англии в поддержании в Китае политической неустойчивости, сепаратизма.

Империалистические государства, среди которых неизменно ведущая роль принадлежала Англии, способствовали расчленению Китая. Власть в отдельных частях страны фактически переходила в руки военных губернаторов (*дуцзюней*), создававших собственные армии, полицейские, налоговые и административные органы. В истории Китая началась многолетняя полоса господства милитаристов (что являлось объективным отражением экономической раздробленности страны, преобладания феодальных — натуральных и полунатуральных — форм хозяйства).

Система дуцзюната вполне устраивала империалистические державы. «Подкармливая» милитаристов в своих «сферах влияния», они превращали их в марионеток, послушных исполнителей воли зарубежных хозяев.

Реальный политический раскол страны, противоборство Севера и Юга (несколько раз выливавшееся в военные столкновения) приводили к неустойчивости официального правительства Китая — пекинского, к нарастанию борьбы между сторонниками диктаторской власти, представляемыми премьер-министром Дуань Цижунем, ставленником Японии и северных милитаристов («бэйянской клики»), и президентом Ли Юаньхуном, умеренным республиканцем, ориентировавшимся на США и пользовавшимся поддержкой дуцзюней Юга.

Решимость Китая воспользоваться преимуществами союзника держав Антанты обеспокоило правительство Японии, которая пы-

талась воспротивиться вступлению Китая в войну. Она обратилась к союзной Англии с просьбой поддержать ее в вопросе передачи ей германских концессий в Шаньдуне и принадлежавших Германии островов в Тихом океане к северу от экватора. Британское правительство с готовностью согласилось с японскими притязаниями и в свою очередь 16 февраля выдвинуло перед Токио требование поддержать британские притязания на германские острова в Тихом океане южнее экватора. 19 февраля Япония согласилась с встречными британскими предложениями. На основе достигнутой договоренности английские дипломаты приняли на себя адвокатские обязанности по защите японских притязаний в отношении Шаньдуна перед Францией и Россией, с условием, что Япония поддержит их позицию в отношении быстрого вовлечения Китая в войну с Германией.

Сговор держав о послевоенном делении германских владений на Дальнем Востоке не был известен даже пекинскому правительству. В кругах либеральной китайской буржуазии, среди интеллигенции сложились представления, что участие Китая в войне принесет признание за ним прав равноправного союзника и тем самым облегчит в послевоенное время восстановление государственного суверенитета и позволит избавиться от унижительных неравноправных договоров. Что касается пекинского правительства, то, по его расчетам, война должна была дать возможность получить дополнительную военно-экономическую помощь от союзников, которая даст ему возможность расправиться с революционно-республиканским движением на Юге. 14 марта 1917 г. правительство Дуань Цижуня объявило о разрыве дипломатических отношений с Германией и 10 мая внесло в парламент предложение об объявлении ей войны. Это предложение, однако, было отклонено большинством голосов, одновременно Дуань Цижунь был подвергнут суровой критике как военный диктатор.

С разоблачением корыстных целей Дуань Цижуня выступил и Сунь Ятсен, хотя и он, питая необоснованные иллюзии по отношению демагогических заверений США, допускал возможность использования участия Китая в войне для восстановления национального суверенитета.

Попытка Ли Юаньхуна устранить от власти Дуань Цижуня и вопрос об участии в войне решить только с согласия парламента закончилась неудачей. По требованию дучжоней северных и центральных провинций Дуань Цижунь остался у власти, а Ли Юаньхун вынужден был отойти от дел.

В эти критические для китайской демократии дни в Китае неожиданно развернулось движение за восстановление цинской монархии во главе с отрекшимся от власти в 1912 г. императором Пу И. 1 июля 1917 г. генерал Чжан Сюн поднял в Пекине мятеж, разогнал парламент и провозгласил восшествие на престол Пу И. Мятеж, однако, не был поддержан ни провинциальными дучжонями, ни политическими деятелями страны.

Выступление Чжан Сюна после 8-дневного пребывания Пу И

на троне было подавлено объединенными войсками северных дучжонов под командованием Дуань Цижую. Утвердившийся у власти Дуань Цижуй добился формального устранения Ли Юаньхуна с президентского поста (его заменил бывший вице-президент Фэн Гочжан, сторонник Дуаня). Разгон парламента (большая часть которого направилась на Юг) и уход Ли Юаньхуна позволили Дуань Цижую выполнить наказ держав Антанты. 14 августа 1917 г. Дуань Цижуй объявил о вступлении Китая в войну с Германией.

Вступая в войну, пекинское правительство ставило очень скромные и ограниченные условия. Оно, как явствовало из заявления Дуань Цижую, связывало свои дальнейшие шаги в плане участия в военных действиях с предоставлением Китаю определенных финансовых льгот, в частности отсрочки выплаты Боксерской контрибуции до конца войны и возможности увеличить таможенные пошлины.

Однако надежды китайской общественности на то, что вступление в войну принесет Китаю положение равноправного союзника и позволит избавиться от унижительных договоров, не оправдались.

Участие Китая в первой мировой войне практически вылилось в обеспечение союзников даровой рабочей силой (150 тыс. кули были переданы Великобритании, 40 тыс. — Франции) и в интернирование подданных Германии и Австро-Венгрии на своей территории.

Не принесло оно успеха и Дуань Цижую, пытавшемуся силой объединить Китай. В противовес пекинскому в Гуанчжоу осенью 1917 г. было сформировано Военное правительство Юга Китая во главе с Сунь Ятсеном, и военные столкновения между северным и южным правительствами не затихали в течение всего 1918 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, ставшая мощным стимулом развертывания национально-освободительной борьбы народов Востока, существенно повлияла на политику держав. Ведущим направлением в ней стала «борьба с большевизмом».

Ставка на Японию, как на главного гаранта «стабильности» на Дальнем Востоке, и основную силу антисоветской интервенции в этом регионе во многом определила позицию Англии по китайскому вопросу на Парижской мирной конференции, вырабатывавшей мирный договор с побежденной Германией.

Находясь под впечатлением изложенной президентом США В. Вильсоном в «14 пунктах» программы «послевоенных демократических преобразований в мире» (оказавшейся на практике насквозь демагогической), китайская общественность (Сунь Ятсен в том числе) возлагала большие надежды на эту конференцию и на помощь держав в переустройстве Китая.

Созданная после долгих и трудных переговоров совместная делегация северного и южного правительств Китая привезла в Париж широкую программу восстановления национальной независи-

мости и государственного суверенитета Китая. Помимо требования о возвращении Китаю владений Германии в Шаньдуне в нее входили предложения об отмене экстерриториальности, ликвидации концессий, восстановлении таможенной автономии и т. п.

Все эти пункты прямо затрагивали британские интересы в Китае. Неудивительно поэтому, что на конференции английская делегация (наряду с японской) стала основным противником китайских предложений. Под ее давлением все перечисленные выше китайские требования, носившие общий характер, были сняты с обсуждения конференцией, как выходящие за рамки ее задач. В поисках компромиссов в спорах между собой империалистические державы беззащитно приносили в жертву интересы Китая.

В результате по Версальскому мирному договору в пользу Китая были решены лишь самые мелкие, второстепенные вопросы. Китай освобождался от обязанностей перед Германией по «Заключительному протоколу» 1901 г. и получал часть зданий, сооружений и имущества, находившихся на территории немецких концессий в Тяньцзине и Ханькоу (ст. 128, 130). Сами же эти концессии, формально возвращаемые под китайский суверенитет, объявлялись открытыми для проживания и торговли иностранцев с сохранением ими прав экстерриториальности (ст. 132). Прочие же германские концессии просто передавались другим империалистическим государствам (в Гуанчжоу — Англии, в Шанхае — Франции).

Остро стоял на конференции вопрос об основной в Китае арендной территории Германии — в Шаньдуне. Китайская делегация требовала возвращения всех прав на нее Китаю, напоминая, что Япония перед оккупацией Шаньдуна в 1914 г. взяла на себя соответствующее обязательство. Япония, ссылаясь на соглашения, связанные с «21 требованием», категорически настаивала на сохранении своих позиций в Шаньдуне. Делегация Великобритании, возглавляемая премьер-министром Ллойд Джорджем, выступила в защиту японских притязаний. На заключительной стадии дискуссии по шаньдунскому вопросу Ллойд Джордж заявил: «Великобритания придерживается той же позиции, что и Япония и Италия. Она имеет определенную договоренность с Японией, изложенную в ноте британского посла в Токио от 16 февраля 1917 г.» (цит. по [135, с. 215]). Позиция делегации Великобритании оказала решающее воздействие на окончательное решение⁴. Согласно Версальскому договору (ст. 156, 157) движимая и недвижимая собственность Германии, ее права и привилегии в Шаньдуне передавались Японии (см. [19, с. 200]).

Мощные демонстрации протеста против попрания Версальским договором суверенитета Китая, состоявшиеся 4—5 мая 1919 г., положили начало широкому патриотическому движению «4 мая» — одному из первых проявлений влияния Октябрьской революции на Китай. Это движение стало важной исторической вехой в ходе развития китайской революции.

На фоне версальской несправедливости для передовых людей Китая особенно привлекательно звучал выраженный в обращении

Совета Народных Комиссаров РСФСР к южному и северному правительствам (от 25 июля 1919 г.) призыв построить советско-китайские отношения на основе полного равноправия и уважения государственного суверенитета. У китайского народа появилась возможность в его борьбе за свободу и независимость опереться на братскую помощь первого в мире социалистического государства. За этот путь, за использование «опыта русских» выступали участники первых марксистских кружков, возникших в Китае.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Связанное с войной серьезное ослабление экономической экспансии европейских держав (в том числе и Англии) позволило китайской национальной промышленности — и машинной, и дофабричного типа (мастерские, рассеянные и централизованные мануфактуры) — преодолеть спад 1909—1913 гг. и сделать в 1914—1919 гг. большой шаг вперед в своем развитии.

С 1913 по конец 1919 г. число национальных фабрично-заводских предприятий (с количеством рабочих свыше 30 человек) увеличилось с 245 до 673, а промышленных рабочих — со 150 тыс. до 500 тыс. Еще более значительным был рост дофабричной промышленности, на которую приходилась значительная или преобладающая часть в национальном производстве хлопчатобумажной и шелковой пряжи и ткани, муки, масла, чая, обуви, бумаги, фарфора, добыче угля и соли. Развитие национальной промышленности Китая в указанный период характеризуется следующими данными [101, с. 175]:

	1913 г.	1920 г.
Количество хлопчатобумажных фабрик	28	54
Число веретен на текстильных фабриках, тыс.	1 210	1 650
Количество мукомольных предприятий	57	141
Добыча железной руды, тыс. т	959	1 865
Производство чугуна, тыс. т	150	258
Добыча каменного угля, млн. т	14	21
Протяженность железных дорог, км	8 688	10 440

Однако основные предприятия металлургической, угольной, судостроительной и многих отраслей горнодобывающей и перерабатывающей промышленности продолжали оставаться в руках иностранного капитала, на них сосредоточивались и основные контингенты промышленных рабочих (к концу войны их численность

составила около 2,5 млн.). Несколько улучшилось финансовое положение страны.

К концу войны в результате завоза из США около 2 млн. унций серебра китайскому правительству удалось стабилизировать и несколько повысить курс серебряного таэля по отношению к американскому доллару (в 1914 г. 1 таэль=0,67 долл. а в 1918 г. — 1,26 долл.).

Сдвиги в экономическом развитии Китая во многом определялись изменением его роли на международном рынке. Из страны, по преимуществу импортирующей товары, он превратился в поставщика воюющим странам многих видов сырья (табл. 16).

Таблица 16

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КИТАЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Год	Импорт		Экспорт		Товарооборот	
	Объем, млн. ам. долл.	Соотноше- ние с 1913 г., %	Объем, млн. ам. долл.	Соотноше- ние с 1913 г., %	Объем, млн. ам. долл.	Соотноше- ние с 1913 г., %
1913	416,2	100,0	294,4	100,0	710,6	100,0
1914	381,4	91,6	238,7	81,0	620,1	87,3
1915	281,8	67,7	259,7	88,2	541,5	76,2
1916	408,0	98,0	380,6	129,3	788,6	111,2
1917	566,0	135,8	476,8	161,9	1042,8	146,7
1918	699,2	167,9	612,2	207,9	1311,4	184,5

* [60, с. 286].

Дефицит, который постоянно сопутствовал китайской внешней торговле, к концу войны резко сократился—с 121,8 млн. ам. долл. в 1913 г. (что составляло 16% стоимости товарооборота) до 87 млн. ам. долл.— в 1918 г. За 1913—1917 гг. увеличился экспорт хлопка-сырца (с 738 тыс. до 832 тыс. пикулей), мяса (с 183 тыс. до 396 тыс. пикулей), сурьмы рафинированной (с 215 тыс. до 245 тыс. пикулей, в денежном выражении — с 943 тыс. до 3,7 млн. таэлей), соевого масла (с 492 тыс. до 1,89 млн. пикулей, с 3,7 млн. до 18,2 млн. таэлей), овечьей шерсти (с 280 тыс. до 339 тыс. пикулей, с 5,5 млн. до 10,5 млн. таэлей) (см. [59, с. 178—192]).

Рост национальной промышленности повлек за собой увеличение импорта машинного оборудования, станков, металлов и т. д. Значительно сократился, хотя и продолжался, ввоз опиума, преимущественно из Индии (в 1913 г. — 18 тыс. пикулей стоимостью 41 млн. таэлей, в 1917 г. — 700 пикулей на сумму более 5 млн. таэлей) [59, с. 146—147].

В годы войны произошли существенные изменения в географической направленности китайской внешней торговли. В ней существенно возросла доля Японии и США и уменьшился удельный вес европейских стран и Британской империи (%) [59, с. 144]:

Страна, регион, территория	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Британская империя	48,0	49,0	47,2	40,9	39,7
Доминионы	2,0	1,9	2,1	1,9	2,7
Великобритания . . .	11,4	13,8	11,5	10,3	7,5
Гонконг	29,1	28,3	28,2	26,8	26,3
Индия	5,5	5,0	5,4	3,8	3,2
Япония и Корея . . .	19,7	21,1	23,4	28,3	33,4
США и Филиппины . .	7,6	9,1	11,4	12,7	15,2
Германия	4,5	2,6	—	—	—
Бельгия	2,2	2,4	0,3	—	—
Италия	0,9	0,6	1,0	0,6	0,4

Весьма значительно — на $\frac{1}{3}$ — сократился за 1913—1918 гг. объем англо-китайской торговли (табл. 17).

Т а б л и ц а 17
ТОРГОВЛЯ КИТАЯ С АНГЛИЕЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Год	Импорт		Экспорт		Товарооборот	
	тыс. таэлей	тыс. ф. ст.**	тыс. таэлей	тыс. ф. ст.**	тыс. таэлей	тыс. ф. ст.**
1913	96 910	14 641	16 346	2 469	113 257	17 107
1914	105 207	14 356	22 576	3 081	127 784	17 437
1915	71 558	9 280	31 934	4 141	103 493	13 422
1916	70 353	11 671	34 918	5 792	105 271	17 463
1917	51 989	11 224	26 089	5 632	78 078	16 856
1918	49 890	13 187	25 264	6 677	75 154	19 865

* [134, с. 106].

** Оценка внешнеторгового оборота Китая в английских фунтах стерлингов из-за резкого колебания курса китайского таэля не отражает реальной его стоимости.

Общее уменьшение масштабов англо-китайской торговли определялось стремительным падением импорта британских товаров в Китай: в 1918 г. его индекс составлял лишь 47,4 (1914 г. = 100). Практически полностью прекратился завоз большинства видов хлопчатобумажных тканей, принесший в 1913 г. английским ком-мерсантам около 40 млн. таэлей.

Обратный процесс — значительный рост (на 54,5% за 1913—1918 гг.) наблюдался в экспорте китайских товаров в Великобританию. Особенно резко увеличился завоз в Англию китайских продовольственных товаров (мороженое мясо, яйцепродукты, растительные масла) и промышленного сырья (цветные металлы, шерсть, щетина).

Заметно ослабели позиции Великобритании не только в китайской внешней торговле, но и, как явствует из табл. 18, в связанном с ней морском судоходстве (48,2% в 1905 г., 40,84% в 1913 г. и 38,64% в 1917 г. [59, с. 427]). За рассматриваемый период в

Таблица 18

УЧАСТИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ В ПЕРЕВОЗКАХ ТОРГОВЫХ ГРУЗОВ
ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ КИТАЯ *

Флаг	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.	
	Число судов	Тоннаж, тыс.	Число судов	Тоннаж, тыс.	Число судов	Тоннаж, тыс.	Число судов	Тоннаж, тыс.	Число судов	Тоннаж, тыс.
Британский	32 186	38 120	32 951	39 267	33 339	37 676	34 132	35 841	34 902	33 576
Японский	22 716	23 422	22 407	23 997	20 141	23 873	21 598	24 234	22 454	24 582
Американский	2 458	899	3 133	1 047	3 148	804	3 082	779	3 609	1 255
Французский	1 020	1 233	520	899	537	562	409	596	328	585
Русский	3 265	1 688	4 035	1 955	4 873	1 922	3 790	1 545	3 276	1 429
Всего	68 970	73 430	69 834	72 984	64 890	66 463	65 416	66 620	66 475	62 900

* [59, с. 426].

Китае не размещались английские займы и не осуществлялись сколько-нибудь значительные капиталовложения.

Очень значительно (почти на $\frac{3}{4}$) сократилась за годы войны торговля с Китаем Индии (тыс. таэлей) [134, с. 432]:

Год	Импорт	Экспорт	Товарооборот
1913	48 292	6 190	54 482
1914	39 149	6 777	45 926
1915	40 753	7 943	48 696
1916	32 755	6 590	39 345
1917	26 989	6 950	33 939
1918	7 989	6 038	14 027

Это падение, как и в англо-китайской торговле, произошло за счет катастрофического (почти в 7 раз) уменьшения импорта индийских товаров в Китай (в первую очередь опиума) при сохранении на почти неизменном уровне объема китайского вывоза в Индию (13—16 тыс. пикблей шелка-сырца, 17—18 тыс. пикблей чая, 500—600 тыс. пикблей хлопчатобумажной пряжи ежегодно).

Объем торговли с Китаем Гонконга, на которую условия войны оказали наименьшее влияние, тем не менее в 1914—1915 гг. несколько уменьшился и только в 1918 г. приблизился к довоенному уровню (тыс. таэлей) [134, с. 627—628]:

Год	Импорт	Экспорт	Товарооборот
1913	171 636	117 129	288 765
1914	169 993	94 429	264 422
1915	148 436	104 170	252 606
1916	153 348	119 485	272 833
1917	158 602	115 843	274 445
1918	162 192	116 988	279 180

Стабильность политической ситуации в Гонконге давала ему известные преимущества перед северокитайскими портами и позволяла поддерживать на достаточно стабильном уровне экспорт в Китай. В нем преобладали промышленные товары и оборудование (правда, в большинстве небританского происхождения). Китайский ввоз в Гонконг преимущественно состоял из продовольственных товаров и промышленного сырья, значительная часть которых переотправлялась в Великобританию. К концу войны на долю Гонконга приходилось более $\frac{2}{3}$ всей торговли (70% импорта и 62% экспорта) Британской империи с Китаем. Именно благодаря ему Великобритания сохранила первое место в китайской внешней торговле.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1919—1921)

С окончанием первой мировой войны Китай, фактически разорванный на части милитаристскими кликами, ослабленный бесконечными гражданскими войнами, вновь стал объектом экспансии ведущих империалистических держав, в рядах которых наметилась новая перегруппировка сил.

Лондон, продолжавший рассматривать Японию как главную силу, обеспечивающую изоляцию Китая от Советской России — очага «красной опасности», в то же время был обеспокоен растущей активностью своего недавнего союзника в центральных и юго-восточных районах Китая — «сфере влияния» Англии. В стремлении ограничить японскую экспансию британские правящие круги блокировались с США.

Эта позиция явственно проявилась при обсуждении вопроса о международном банковском консорциуме, решение о создании которого по инициативе США было принято на Парижской мирной конференции. Консорциум, первую скрипку в котором играли американские монополии (наряду с ними в нем приняли участие банки Англии, Франции и Японии), по мысли его организаторов, призван был ликвидировать финансовое преобладание Японии в Пекине. Попытка Токіо исключить из сферы действия консорциума «зону особых интересов» Японии (Маньчжурию и Внутреннюю Монголию) встретила отпор Вашингтона, сославшегося на принцип «открытых дверей» и проявлявшего демагогическую озабоченность по поводу сохранения территориальной целостности Китая. Лондон принял на себя защиту предложенных американцами принципов консорциума. В меморандуме, врученном японскому правительству 11 августа 1919 г., английское правительство поддержало главное требование Вашингтона — предоставить консорциуму в Китае неограниченное поле деятельности, не стесненное рамками «сфер влияния» отдельных держав.

После многократных настоячивых возражений Япония все же

не рискнула выступить против объединенного англо-американского альянса и в конце концов согласилась «заключить договор о консорциуме совместно с американской, английской и французской банковскими группировками и на одинаковых с ними условиях» [120, с. 399—400] ⁵.

Антияпонская направленность британской политики проявилась и в упорном нежелании Англии расстаться с Вэйхайвэем ⁶, служившим, по мнению правящих кругов Лондона, противовесом японским владениям на Шаньдунском и Ляодунском полуостровах.

Поддерживая в Китае Японию в начале 20-х годов американскую доктрину «открытых дверей и равных возможностей», Великобритания в то же время всячески стремилась усилить свои позиции в Китае, опираясь на принадлежащие ей концессии и базы, ведущая роль среди которых принадлежала Гонконгу. С 1911 по 1921 г. его население выросло на 36% и составило 626 166 человек [60, с. 990].

Судя по приводимым ниже бюджетным данным (в тыс. гонк. долл.) укрепилось и финансовое положение колонии [60а, с. 990]:

Год	Доход	Расход	Сальдо
1917	15 058	14 091	+967
1918	18 665	16 252	+2413
1919	16 525	17 916	—1391
1920	14 690	14 490	+200
1921	17 728	15 740	+1988

Общий чистый доход ее администрации составил за указанное пятилетие 4,1 млн. гонк. долл.

В Гонконге в начале 20-х годов функционировали имевшие отделения во многих крупных городах Китая три крупных британских кредитных учреждения: «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн», «Чартерд бэнк оф Индия, Острэлла энд Чайна» и «Трэд бэнк оф Индия», которые обладали правом денежной эмиссии. По состоянию на 31 декабря 1921 г. в обращении находились выпущенные ими банкноты на сумму 50 791 тыс. гонк. долл.

Росла роль Гонконга как международного торгово-транзитного центра. В 1921 г. его порт посетили 672 680 различных судов (включая джонки), которые перевезли 43,4 млн. транзитных грузов [60а, с. 990].

Оставался Гонконг и важнейшим центром торговли опиумом (размах которой, правда, сильно уменьшился, после того как возглавляемое Сунь Ятсеном южное правительство предприняло меры по ее прекращению).

О масштабах этой торговли дают представление следующие данные (в ящиках) [60а, с. 990]:

	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Складские запасы на 1 января	1303	977	799	253	329	329
Импорт	1706	1657	1259	1290	1525	658
Использовано в Гонконге	365	366	540	277	228	212
Экспорт	1667	1469	1265	837	1297	548
Складские запасы на 31 декабря	977	799	253	329	329	227

30—40% ввозимого из Индии, Ирана и Турции наркотика оседало в самой колонии и поступало в многочисленные опиекурильни, свободно функционировавшие с разрешения британских властей.

Заботясь прежде всего о сохранении и укреплении позиций Англии в Китае, британские правящие круги по вопросам внутриполитического положения в Китае в рассматриваемый период заняли более определенную (нежели в предшествовавшие годы) антиреволюционную позицию. Блокирование южного правительства, поддержка контрреволюционных групп, помощь активно борющейся с Югом чжунлийской клике милитаристов (возглавлявшейся генералами У Пэйфу и Сун Чуаньфаном), превращение Гонконга и концессии в Шанхае в антиреволюционные плацдармы и другие формы вмешательства во внутрикитайские дела стали неперемненными атрибутами британской политики. Среди империалистических держав Англия взяла на себя роль ведущей силы в деле подавления китайской революции.

Что касается пекинского правительства, то Лондон, не имевший особых иллюзий по поводу его способности остановить революционное движение в Китае, заботился в первую очередь о том, чтобы не допустить его полного подчинения Японии.

КИТАЙСКИЙ ВОПРОС НА ВАШИНГТОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Открывшаяся 12 ноября 1921 г. Вашингтонская конференция, призванная закрепить соотношение сил, сложившееся в Тихоокеанском регионе, в то же время представляла собой попытку смягчить обострившиеся там межимпериалистические противоречия (в первую очередь между США, Англией, с одной стороны, и Японией — с другой). В ней приняли участие США, Великобритания, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия и китайское пекинское правительство. Представители южного правительства Китая, РСФСР и ДВР на конференцию допущены не были⁷.

Решение проблем, рассматривавшихся на Вашингтонской конференции, для Лондона тесно увязывалось с вопросом о дальнейшей судьбе англо-японского союзного договора, срок действия которого истекал в 1921 г. Британские правящие круги, несмотря на усиленный нажим США, Канады и Австралии, резко выступавших

против продления этого договора, стремились избежать излишнего обострения отношений с Японией и не торопились отказываться от «японской карты» в игре с США. В то же время сохранение союзнических обязательств в определенной степени связывало руки Лондона, тем более что Япония не оправдала возлагавшихся на нее надежд в борьбе с «красной опасностью» (японская интервенция на советском Дальнем Востоке близилась к своему бесславному завершению) и революционным движением в Китае (где японцы и их ставленники — милитаристы бэйянской клики и генерал Чжан Цзолин в Маньчжурии — заботились в первую очередь об усилении своих позиций).

На Вашингтонской конференции, блокируясь по всем основным вопросам с США, Англия пошла наконец на формальный отказ от союза с Японией (прекращение его действия было оговорено в соглашении США, Англии, Франции и Японии о взаимной гарантии их островных владений в Тихом океане).

Открыто антияпонскую позицию заняла британская делегация при решении вопроса об ограничении морских вооружений. Под давлением США и Англии Япония вынуждена была отказаться от своего предложения установить между линейными флотами США, Англии и Японии соотношение 10:10:7 и принять американский проект (соответственно 5:5:3) ⁸.

Единым фронтом с японцами англичане выступили лишь при рассмотрении представленных конференции предложений китайского правительства, сведенных в 10 пунктов. Наиболее важными для Китая были пункты 1—5 и 8:

1. Державы обязуются уважать и сохранять территориальную целостность Китая и политическую и административную независимость Китайской Республики. Китай, в свою очередь, готов дать обязательства не отчуждать и не сдавать в аренду какой-либо части своей территории.

2. Китай готов принять принцип «открытых дверей и равных возможностей» в торговле и в промышленности для всех без исключения частей страны.

3. В целях укрепления взаимного доверия и сохранения мира на Тихом океане и на Дальнем Востоке державы обязуются не заключать между собой договоров или соглашений, непосредственно касающихся Китая или общего мира на Тихом океане без предварительного уведомления и предоставления Китаю возможности участия в нем.

4. Все специальные права и привилегии, ранее предоставленные китайским правительством, аннулируются.

5. Немедленно (или по возможности скорее) снимаются ограничения в юридической, политической, экономической и административной жизни Китая.

8. При неучастии Китая в будущих войнах должны полностью соблюдаться его права как нейтральной державы (см. [120, с. 439]).

Указанные предложения охватывали важнейшие требования

китайской общественности, направленные на ликвидацию всех особых прав и привилегий, приобретенных империалистическими государствами по условиям неравноправных договоров (хотя прямого требования отмены этих договоров не выдвигалось). В то же время в них содержались и существенные уступки державам, прежде всего Соединенным Штатам (в надежде на их поддержку по другим пунктам) — в первую очередь согласие принять американскую доктрину «открытых дверей и равных возможностей».

При обсуждении на конференции китайского вопроса ведущую роль сыграла делегация Великобритании, сделавшая все возможное для сохранения прав и привилегий держав в Китае. Не отвергая с порога китайских предложений, английские дипломаты организовывали по ним длительные дискуссии, после которых они со ссылкой на «неподготовленность» Китая к радикальным изменениям, к обеспечению для иностранцев «цивилизованных» условий отправлялись для «изучения» в различные комиссии и комитеты (что фактически означало их отклонение). Японцы действовали прямолинейнее, открыто отстаивая свои «интересы» в Китае. Отнюдь не склонна была поддерживать китайскую программу и делегация США.

Практически полное единодушие ведущих держав по отношению к китайским предложениям предопределило позицию конференции. Подписанный 6 февраля 1922 г. США, Бельгией, Британской империей, Китаем, Италией, Японией, Францией, Нидерландами и Португалией договор о принципах и политике в отношении Китая исходным моментом имел фактическое сохранение статус-кво.

Включенные в него широковещательные декларации — обещания держав «уважать суверенитет, независимость и территориальную и административную неприкосновенность Китая», «предоставить Китаю полнейшую и ничем не стесненную возможность развиваться и поддерживать у себя жизнеспособное и прочное правительство» (ст. 1), а также «не заключать договоров, конвенций, соглашений, которые могли бы нарушить или поставить под опасность принципы, установленные в статье 1» (ст. 2) [13, с. 204], — носили чисто демагогический характер.

Нетрудно заметить, что речь шла лишь о будущих договорах и соглашениях, об изменении же действовавших неравноправных договоров не говорилось ни слова.

Китай, согласно рассматриваемому документу, и далее должен был оставаться объектом «свободной» эксплуатации со стороны мирового империализма, осуществляемой в соответствии с принципом «открытых дверей». Ст. 3 договора лишала Китай права ставить преграды приобретению на его территории собственности иностранцами и деятельности их частных коммерческих, промышленных и финансовых учреждений.

Весьма важная для Китая проблема восстановления таможенной автономии усилиями британской и других делегаций была сведена к вопросу о таможенном тарифе. Система иностранного

контроля над китайскими таможенными (представитель Великобритании занимал в ней ключевую пост — генерального инспектора) была, таким образом, сохранена без изменений. Китайское правительство было вынуждено в специальной декларации дать заверения, что оно «не имеет намерения осуществлять какие-либо перемены, которые могли бы нарушить управление китайскими морскими таможенными в его настоящем виде» [13, с. 207].

Права самостоятельно устанавливать размер таможенных пошлин Китай тоже не получил. Более того, державам была предоставлена возможность вмешиваться в дела внутреннего таможенного обложения. Размер лицензионных пошлин был установлен в 2,5% (в некоторых случаях — до 5%), пересмотр же их должен был производиться с согласия иностранных государств путем условленной англо-китайским договором 1902 г. процедуры.

Наибольшую тревогу у представителей империалистических государств вызвало требование Китая об отмене экстерриториальности — юридической основы всей системы его эксплуатации Западом. Наиболее непримиримую позицию при обсуждении этого вопроса заняла британская делегация, поддержанная японцами, американцами, французами и др. Ссылаясь на договоры Китая с Великобританией (от 5 сентября 1902 г.), с США (от 8 октября 1903 г.) и с Японией (от 8 октября 1903 г.), в которых наряду с согласием «отказаться от своих экстерриториальных прав» выражалась готовность оказать Китаю «всяческое содействие в преобразовании судебной системы» [13, с. 164], представители держав (в частности, британский делегат Бальфур) утверждали, что предложение об отмене экстерриториальности является преждевременным, так как никаких изменений в юридической сфере в Китае не произошло. В резолюции конференции по данному вопросу отмечалось, что решение его «зависит от изучения и оценки сложного фактического положения вещей в области законодательной, судебной и в области судопроизводственных методов, чего настоящая конференция не в состоянии осуществить» [13, с. 207—208]. На указанном основании вопрос передавался на рассмотрение специальной комиссии. Нарочито усложненная процедура ее формирования и отсутствие конкретного срока начала работы свидетельствовали, что руководители империалистических держав всерьез рассматривать данный вопрос не намерены.

Проблема бывшей германской арендной территории в Шаньдуне по настоянию японской стороны рассматривалась в двухстороннем порядке Японией и Китаем при посредничестве США и Великобритании. Давление последних (их поддерживали и представители ряда европейских государств), ссылавшихся на принцип «открытых дверей», вынудило Токно пойти на уступки. Подписанный 4 февраля 1922 г. японо-китайский договор предусматривал возвращение Китаю всех территорий Шаньдуна, ранее арендованных Германией, и вывод оттуда японских войск (в течение полугода). Китай брал обязательство возместить японцам стоимость железной дороги Циндао — Цзинянь. Предусматривалось также

создание японо-китайских компаний для разработки горных богатств в указанной провинции и финансирование Японией там железнодорожного строительства. Вынужденное прекращение оккупации Шаньдуна японцы, таким образом, компенсировали усилением в нем своих экономических позиций.

В то же время Япония категорически отказалась аннулировать японо-китайский договор от 25 мая 1915 г. (составленный на основе «21 требования»), пойдя лишь на незначительные уступки в области финансирования строительства железных дорог.

После подписания японо-китайского договора от 4 февраля 1922 г. естественно возник вопрос об отказе Великобритании от арендных прав на Вэйхайвэй, так как единственным доводом для их сохранения была японская оккупация Шаньдуна. Однако английской делегации путем дипломатического маневрирования удалось отложить решение данной проблемы на неопределенный срок. В конце концов Пекин принял предложение Бальфура учредить англо-китайскую комиссию для изучения вопроса и подготовки необходимых рекомендаций.

Вашингтонская конференция, таким образом, практически ничего не изменила в зависимом, полукOLONиальном положении Китая. Словесные заверения относительно «уважения национального суверенитета и территориальной целостности» Китая ни в коей мере не возмещали сохранения в неприкосновенности режима неравноправных договоров, концессий и селтльментов, контроля над китайской таможней и т. п., т. е. всего того, что служило основой британского влияния в Китае. В результате и на данном этапе Англии удалось сохранить свою роль ведущей силы среди империалистических держав в китайских делах.

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИТАЕ В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Усилия империалистических хозяев Китая и внутренней реакции не могли остановить развития революционного процесса, протекавшего в новых условиях — под воздействием Октябрьской революции в России.

Переломным в этом плане стало движение «4 мая», в ходе которого впервые на политическую арену Китая вышел пролетариат.

Летом 1921 г. на базе марксистских кружков была создана Коммунистическая партия Китая. Ее образование способствовало возникновению профсоюзов.

Первое в мире государство трудящихся привлекло к себе пристальный интерес вождя китайской революционной демократии — Сунь Ятсена. В августе 1921 г. он обратился к правительству РСФСР с письмом, в котором выражал желание ознакомиться с организацией в ней власти, армии, системы образования и т. п. С 1923 г. между южным правительством и СССР были установлены регулярные связи. В Гуанчжоу по просьбе Сунь Ятсена была

направлена группа советских политических и военных советников (М. М. Бородин, П. А. Павлов, В. К. Блюхер).

В 1922 г. началась полоса массовых выступлений китайских рабочих, охвативших многие крупные города Китая — центры иностранного влияния. Первым из них стала стачка докеров и моряков в Гонконге. Кампания солидарности со стачечниками Гонконга вылилась в массовые антиимпериалистические демонстрации и митинги в ряде городов. Правительство Сунь Ятсена оказывало бастующим помощь и разрешило стачечному комитету перебраться из Гонконга в Гуанчжоу, после чего забастовка перекинулась на английские предприятия в Гуанчжоу, вызвала брожение в Шанхае и даже в Сингапуре. Эти выступления имели явно выраженную антиимпериалистическую, антианглийскую направленность. Гонконгская забастовка патолкнулась на открытую враждебность британской администрации. Резко ухудшилось отношение Лондона и к южному правительству.

Гонконг был превращен в гнездо контрреволюции. При прямом участии местных властей там плелись заговоры против демократов Юга, создавались диверсионные группы. Фактически англичанами было организовано в декабре 1924 г. быстро подавленное открытое выступление против правительства Сунь Ятсена вооруженных отрядов, созданных гонконгским и гуанчжоуским купечеством (восстание «бумажных тигров»⁹). Под воздействием британских агентов изменилась и позиция южнокитайского милитариста Чэнь Цзюньмина, ранее поддерживавшего Сунь Ятсена.

Таким же контрреволюционным центром стал контролируемый англичанами международный селтльмент в Шанхае, власти которого широко использовали для охранных функций русских белоэмигрантов. «Для устрашения китайцев» в Шанхайский порт была введена эскадра военно-морских судов (самым крупным из них был английский линкор) ряда империалистических государств.

Агрессивные действия держав, стремившихся к усилению своих позиций в Китае (например, отказ Японии вернуть Китаю Порт-Артур и Дальний, несмотря на истечение срока их «аренды» в марте 1923 г., попытка Лондона вынудить согласие пекинского правительства на сохранение английского контроля над Вэйхай-вэем в мае 1923 г.), встречали растущий отпор китайского народа (демонстрации, митинги протеста, бойкот иностранных товаров и т. п.). Большую роль в усилении антиимпериалистического движения в Китае сыграл «линьчэнский инцидент». 6 мая 1923 г. на станции Линьчэн Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги бандитами, нападшими на пассажирский поезд, были взяты заложниками 26 иностранцев. Несмотря на то что они вскоре были освобождены, державы (при активной роли Англии) поспешили предъявить Пекину ультиматум с требованием установления иностранного контроля над китайскими железными дорогами и полицией. В империалистической печати раздавались призывы оккупировать важнейшие центры страны и разоружить китайскую армию. В связи с «беспорядками» была отложена на неопреде-

ленный срок таможенная конференция (проведение которой было обещано Китаю на Вашингтонской конференции), официально было отклонено требование об отмене экстерриториальности. Все эти действия правительств империалистических государств вызвали глубокое возмущение прогрессивной китайской общественности.

Огромное значение для дальнейшего развития национально-освободительного движения в Китае имели сдвиги, происшедшие в лагере китайской революционной демократии в 1923—1924 гг.

Принятый Сунь Ятсеном курс на сближение с Советским Союзом стал особенно популярным после заключения 31 мая 1924 г. Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой — первого в новейшей истории Китая подлинно равноправного договора.

Советская военная и экономическая помощь дала возможность южному правительству создать свои вооруженные силы (разгромившие мятеж «бумажных тигров» и нанесшие тяжелое поражение генералу Чэнь Цзюньмину — креатуре англичан).

Союз Сунь Ятсена с китайскими коммунистами знаменовал собой создание национального революционного фронта. Вступление коммунистов (по решению III съезда КПК) в созданный Сунь Ятсеном гоминьдан, реорганизация последнего (при их самом активном участии), превращение его в подлинно массовую революционную организацию — все эти моменты стали важнейшими субъективными предпосылками надвигавшейся революции.

Общее брожение в стране сказалось и на стане северных милитаристов. Во время очередной войны между чжилийской (во главе с проанглийски настроенным генералом У Пэйфу) и фэнтянской (возглавляемой японским ставленником Чжан Цзолинем) кликами генерал Фэн Юйсян, войска которого заняли Пекин, порвав с чжилийцами, объявил себя сторонником антиимпериалистической, демократической платформы Сунь Ятсена, установил контакты с гоминьданом и КПК и обратился за военной помощью к Советскому Союзу (помощь эта была ему оказана).

Созданное из сторонников Фэн Юйсяна и Чжан Цзолия пекинское правительство объявило о созыве конференции по объединению страны и пригласило на нее Сунь Ятсена¹⁰.

Революционные выступления в различных частях страны слились в единый поток. Началась революция 1925—1927 гг.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1925—1927 гг.

Начало революции положило мощное выступление пролетариата Шанхая, поддержанное рабочими других городов и широкими народными массами всей страны. 30 мая 1925 г. массовая антиимпериалистическая демонстрация шанхайских студентов и рабочих была расстреляна английской муниципальной полицией. С первого же шага китайской революции британский империализм

занял ведущее место в рядах ее душителей. Всеобщая политическая забастовка рабочих, студентов, учащихся, торговцев, служащих в Шанхае¹¹, носившая преимущественно антианглийскую направленность, стала началом охватившего весь Китай антиимпериалистического движения «30 мая».

Забастовщики требовали вывода из Шанхая английской и японской морской пехоты, разоружения полиции сэтльмента, наказания виновников кровопролития, предоставления китайцам на территории сэтльмента демократических свобод, в частности права на организацию профсоюзов и проведение стачек, передачи смешанного суда в руки китайцев, включения китайцев в состав муниципалитета и полиции сэтльмента, аннулирования консульской юрисдикции и т. п. С более умеренной программой (с которой солидаризировалось пекинское правительство) выступила крупная шанхайская буржуазия.

Другим крупнейшим событием движения «30 мая» была гонконг-гуанчжоуская антиимпериалистическая забастовка, начавшаяся 19 июня 1925 г. В ней приняли участие до 250 тыс. рабочих Гонконга и англо-французской концессии в Гуанчжоу. Особого размаха забастовка достигла после 23 июня, когда по приказу английского консула мирная демонстрация китайцев, направлявшаяся к концессии, была встречена огнем пулеметов и орудий. Благодаря широкой поддержке южного правительства забастовщики продержались 16 месяцев. Все их требования англичанами систематически отвергались.

Попытка империалистов ответить на движение «30 мая» одним насилием — расстрелами, арестами, концентрацией своих войск в Шанхае (особенно непримиримую позицию занимала Англия) — не принесла им успеха.

Значительно усилились позиции южного правительства, которое 1 июля 1925 г. провозгласило себя Национальным правительством Китайской Республики (во главе его встал Ван Цзинвэй, возглавлявший после смерти Сунь Ятсена гоминьдан). Его вооруженные силы, реорганизованные при содействии советских военных советников в Национально-революционную армию (НРА), в октябре—декабре 1925 г. нанесли окончательное поражение поддерживаемому британскими властями Гонконга генералу Чэнь Цзюньмину, что серьезно ослабило позиции англичан на Юге Китая.

Неблагоприятная обстановка для Великобритании и других империалистических государств складывалась и на севере Китая. Заявивший Пекин генерал Фэн Юйсян к концу 1925 г. объявил себя сторонником антиимпериалистического движения и явно склонился к установлению контактов с Национальным правительством в Гуанчжоу.

В этих условиях империалистические державы предпочли пойти на известное лавирование, США и Франция отмежевались от действий английской полиции в Шанхае. Для расследования обстоятельств шанхайских расстрелов была создана комиссия из

представителей Англии, США, Японии, Франции, Италии и Китая. Стремясь вернуть Пекин на позиции, обусловленные решениями Вашингтонской конференции, правительства западных держав (при особой активности Лондона, взявшего на себя инициативу по наведению «порядка» на Севере) в срочном порядке созвали в августе 1925 г. до этого бесконечно откладываемую¹² специальную конференцию по таможенному тарифу Китая. Ее работа четко продемонстрировала полное нежелание держав идти на какие-либо существенные уступки Китаю.

Перед конференцией, согласно Вашингтонскому договору, ставилась ограниченная задача — определить условия отмены лицензий и размеры компенсационного повышения таможенных пошлин. Тем не менее при ее открытии (26 октября 1925 г.) китайская делегация, возглавлявшаяся министром иностранных дел Шэн Жуймином, вновь выдвинула требование о возвращении Китаю таможенной автономии. Представители США, Франции и других западноевропейских стран отрицательно отнеслись к этому предложению, делегация же Англии, ранее всегда резко возражавшая против отмены иностранного контроля над китайскими таможнями, заявила о своей готовности обсуждать поднятый китайцами вопрос. «Мы убеждены, — утверждал глава английской делегации, чрезвычайный посол в Китае Р. Маклей, — что британские и китайские интересы по существу тождественны. Мы не сомневаемся, что британские интересы не менее чем китайские состоят в том, чтобы достигнуть положения, когда Китай будет объединенным, независимым, упорядоченным, процветающим» [61, с. 1117]. Вся эта патетика носила чисто показной, пропагандистский характер. Не сомневаясь, что вследствие возражений США и Франции требование Китая будет отвергнуто конференцией (так оно и произошло), британские дипломаты своими пышными фразами стремились смягчить антианглийские настроения в китайском обществе, особенно сильные после кровавых событий 30 мая.

Подлинная политика Великобритании (как, впрочем, и других держав) делалась вдалеке от зала заседаний конференции. Уже во время ее работы для противодействия Фэн Юйсяну спешно был сколочен союз из ранее враждовавших фэнтянской и чжиллийской милитаристских клик. Лидер первой из них — Чжан Цзолинь, терпевший поражения в войне с Фэн Юйсяном, был спасен благодаря прямому вмешательству иностранных войск (восставший против него генерал-фэнтянец Го Сунлинь был разбит японцами). В марте 1926 г. по инициативе Англии и Японии державы предъявили Фэн Юйсяну ультиматум (поддержанный огнем корабельной артиллерии) с требованием вывести свои войска из района Пекин—Тяньцзинь. Фэн Юйсян вынужден был отойти на запад — во Внутреннюю Монголию и пров. Чахар. В Пекине занявшие его войска Чжан Цзолиня и У Пэйфу расстреляли демонстрацию студентов, протестовавших против иностранного вмешательства во внутренние дела Китая.

После ухода армии Фэн Юйсяна из Пекина китайская деле-

гация на тарифной конференции распалась. Попытки держав возобновить работу этой конференции (и тем самым оказать дипломатическую поддержку реакционному пекинскому правительству) встретили решительный протест со стороны гуанчжоуского Национального правительства и командования армии Фэн Юйсяна, заявившими, что любые решения конференции и соглашения о займах, заключенные северными милитаристами, не будут ими признаны.

Таким образом, Таможенная конференция не принесла каких-либо результатов. Аналогичным образом окончилась работа и комиссии по расследованию обстоятельств шанхайских событий 30 мая 1925 г. Империалистическим державам путем подобного маневрирования удалось выиграть время и повлечь на позицию крупной китайской буржуазии.

Наступление реакции весной 1926 г. коснулось и Гуанчжоу. 20 марта в результате организованного правыми гоминьдановцами в расчете на получение поддержки от империалистических стран переворота правительство Ван Цзинвэя было заменено слабозамаскированной военной диктатурой Чан Кайши, получившего посты председателя ЦИК гоминьдана, главнокомандующего НРА и т. д. Однако революционный накал в народе был настолько силен, что буржуазно-помещичье крыло гоминьдана не рискнуло пойти на разрыв единого фронта с коммунистами. 1 июля 1926 г. был опубликован манифест Национального правительства о начале Северного похода НРА. Целью его были провозглашены объединение, демократизация и национальное освобождение Китая (конкретных задач по ликвидации империалистического господства в стране, отмене неравноправных договоров и т. п. в манифесте не ставилось).

Северный поход, осуществлявшийся по планам, разработанным под руководством главного военного советника Национального правительства В. К. Блюхера, развивался с большим успехом. В течение июля—октября 1926 г. в Хунани и Хубэе были разгромлены основные силы У Пэйфу. НРА вышла в долину Янцзы и заняла Ухань (что поставило в крайне затруднительное положение власти находившейся там британской концессии).

В освобожденных от милитаристов городах создавались революционные комитеты, росла политическая активность рабочих и других слоев трудового народа, нарастали требования ликвидации концессий и неравноправных договоров. Британский империализм оказался перед угрозой утраты своего господства в долине Янцзы, одной из основных своих «сфер влияния».

В этих условиях англичане направили усилия на поиски компромисса с новой национально-революционной администрацией, в то же время наращивая военно-морские силы в китайских водах и используя их в отдельных случаях¹³.

Запугивая с Национальным правительством, Лондон 18 декабря 1926 г. обратился к странам — участникам Вашингтонского договора с меморандумом, в котором выражалось сомнение в це-

лесообразности возобновления тарифной конференции в связи с тем, что гуанчжоуское правительство оспаривает полномочия правительства в Пекине. В сложившихся условиях предлагалось обратиться к Китаю (т. е. к обоим правительствам) с декларацией, содержащей признание правомерности китайских требований о пересмотре договоров. Подобное заявление, по мысли британских дипломатов, должно было сопровождаться оговоркой, что при существующем положении «трудно договариваться о новых договорах вместо старых», и обещанием принять меры к быстрейшему завершению работ комиссий по экстерриториальности и таможенному тарифу, что создаст условия для последующего пересмотра договоров.

Британский меморандум был встречен в столицах империалистических государств без всякого энтузиазма. Япония была явно не заинтересована в ослаблении позиций пекинского правительства, которое фактически находилось под ее полным контролем. Помогать же англичанам, «сфера интересов» которых оказалась в зоне, контролируемой Национальным правительством, японцы не собирались. Возражения США против предложения британского правительства основывались на том, что в условиях политической нестабильности Китая затевать с ним новые переговоры не целесообразно.

Между тем решительность китайского народа в защите своих национальных прав стремительно нарастала. В Ханькоу, куда в начале декабря 1926 г. переехало Национальное правительство, на митингах и демонстрациях китайские трудящиеся требовали передачи английских концессий под управление национальной администрации и установления для китайского населения, проживающего на их территории, полных демократических прав. Во время одной из таких демонстраций у границ концессии английская морская пехота и полиция открыла по ней ружейный огонь, в результате чего было убито и ранено свыше 30 человек. День спустя возбужденные толпы людей разрушили баррикады и ворвались на территорию концессии. Англичане на этот раз не решились применить оружие и вступили в переговоры с представителями Национального правительства. На основе достигнутой договоренности английская морская пехота и полиция были выведены с территории концессии, и охрану ее приняли на себя войска НРА.

Примеру Ханькоу последовало трудовое население Цзюцзяна, занявшее 6—7 января 1927 г. расположенную там британскую концессию.

События в Ханькоу и Цзюцзяне явились неожиданностью для Лондона. Рассчитывать на успех вооруженного вмешательства в этом районе, удаленном от основной британской военно-морской базы в Шанхае, не приходилось. Поэтому английское правительство поручило своему послу в Пекине О'Малли вступить в переговоры с Национальным правительством по данному вопросу и одновременно принять меры по эвакуации британских подданных из портов, расположенных по Янцзы, в Шанхай. Переговоры меж-

ду О'Малли и министром иностранных дел Национального правительства Е. Чэном начались 12 января 1927 г. в Ханькоу.

В опубликованном в ходе переговоров манифесте Национального правительства (22 января 1927 г.) выражалась готовность урегулировать все вопросы, касающиеся «китайской территории, известной как британская концессия в Ханькоу», а также статуса международного поселения в Шанхае, но на принципиально новой основе. Речь идет, подчеркивалось в манифесте, «не о том, чтобы державы пошли навстречу законным устремлениям китайского народа», а о правах, которые «Национальное правительство сочтет возможным предоставить Англии и другим державам вместо осужденного историей режима иностранного контроля над Китаем» [62, с. 738—739].

В условиях подъема в Китае революционной волны и резкого осуждения кровавых инцидентов в Шанхае, Гуанчжоу и Ваньсяне английскими трудящимися, развернувшими широкую кампанию под лозунгом «Руки прочь от Китая» (см. [113, с. 158]), британские правящие круги, стремясь выиграть время, предпочли от традиционных методов лобового давления путем демонстрации силы перейти к лавированию. Отдав 24 января командующему военно-морскими силами в Шанхае приказ подготовиться к вооруженной защите британских интересов, английское правительство 27 января устами своего премьер-министра консерватора О. Чемберлена высказалось за необходимость урегулирования отношений в Китае на новой основе в связи с радикальным изменением там ситуации. Прежнюю систему отношений Англии и других держав с Китаем О. Чемберлен в своем выступлении в палате общин назвал «анахронизмом» (см. [62, с. 740]).

19 февраля 1927 г. Е. Чэн и О. О'Малли подписали соглашение о передаче британской концессии в Ханькоу под управление китайской администрации. Согласно достигнутой договоренности, английский муниципалитет упразднялся, а правила по управлению концессией, выработанные китайской стороной, должны были быть сообщены британской стороне. 20 февраля на аналогичных условиях был решен вопрос и о концессии в Цзюцзяне (см. [62, с. 741]). Эти соглашения, хотя и не затрагивавшие имущественных прав английских концессионеров, т. е. оставлявшие в их владении средства эксплуатации китайского народа — банки, заводы, торговые учреждения и т. п., тем не менее вносили значительные коррективы в существовавшую систему колониального господства империалистических государств.

Учитывая ограниченный характер указанных документов, Национальное правительство подчеркнуло, что не считает их окончательными и при дальнейшем определении статуса концессий будет руководствоваться общими принципами, изложенными в манифесте от 22 января 1927 г.

Наступление контрреволюции. Однако дальнейший ход политических событий прервал начавшийся процесс ликвидации империалистического господства в Китае.

Крупные военные успехи НРА¹⁴ и связанный с ними бурный рост массового рабоче-крестьянского движения привели к активизации буржуазно-помещичьей реакции и размежеванию сил внутри национального фронта и гоминьдана. К началу 1927 г. оно привело к образованию двух политических центров: революционного — в Ухане, где находилось Национальное правительство во главе с Ван Цзинвэем, и правого гоминьдановского — в Нанчане, ставке главкома НРА Чан Кайши.

Усилили свои позиции в Китае и империалистические державы. Они действовали по всем возможным линиям: способствовали сплочению сил северных милитаристов (которые на конференции в Тяньцзине в ноябре 1926 г. объявили о создании «Армии умиротворения государства» во главе с Чжан Цзолинем), шли на сближение с Чан Кайши, обещая ему поддержку в противоборстве с Уханем, наращивали на территории Китая и в китайских водах свои вооруженные силы. Войска империалистов (включая английские) приняли непосредственное участие в боях во время неудачного восстания шанхайского пролетариата в феврале 1927 г.

Новое восстание (21—22 марта) привело к освобождению города; в него вступили части НРА, подчинявшиеся Чан Кайши. 23 марта его войска заняли Нанкин.

В этих условиях державы (особой активностью среди них выделялась Великобритания, «интересы» которой вследствие перехода долины Янцзы и Юга Китая под контроль национально-революционных сил особенно страдали) перешли к решительным действиям.

24 марта Нанкин был подвергнут массированному артиллерийскому обстрелу кораблями держав (поводом послужило убийство нескольких иностранцев в ходе его занятия частями НРА). Этой акцией империалисты стремились продемонстрировать решимость воспрепятствовать дальнейшему развитию революции и готовность силой оружия защищать свои «интересы».

26 марта Чан Кайши прибыл в Шанхай и вступил в непосредственный контакт с английскими властями. Он обещал им обеспечить защиту международного селтльмента, а также «подавить рабочее движение и реорганизовать местные военные отряды, поддерживаемые коммунистами» [62, с. 1004]. Англичане, в свою очередь, согласились оказать ему содействие в расправе с рабочими дружинами.

Предъявленный революционным властям в Ухане и Шанхае 11 апреля 1927 г. ультиматум Англии, США, Японии, Франции и Италии (с требованием наказать виновных за инцидент в Нанкине, прекратить антииностранные выступления, принести извинения и заплатить компенсацию) послужил сигналом к контрреволюционному перевороту Чан Кайши.

11 апреля английские власти международного селтльмента в Шанхае арестовали более 1000 коммунистов и революционно настроенных рабочих и передали их в руки чанкайшистов. На следующий день в городе начался массовый разгром рабочих и рево-

люционных организаций. Одновременно реакционная военщина произвела переворот в Гуандуне, Гуанси, Фуцзяни, Чжэцзяне, Аньхое. 18 марта Чан Кайши в Нанкине сформировал в противовес Уханю свое национальное правительство. В начавшейся борьбе между Уханем и Нанкином английские правящие круги открыто приняли сторону последнего¹⁵.

Уханьский революционный центр, не располагавший собственными достаточно крупными вооруженными силами, заблокированный державами и китайской реакцией, продержался еще несколько месяцев. 15 июля 1927 г. уханьские гоминьдановцы приняли решение о разрыве с КПК и присоединении к Чан Кайши. Китайская революция 1925—1927 гг. потерпела поражение.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И КИТАЕМ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ

Окончание войны позволило Англии принять меры для восстановления своих экономических позиций в Китае, значительно ослабевших за военные годы. Возможность использовать военно-экономические базы и ведущая роль в перевозках китайских внешнеторговых грузов (в начале 20-х годов около 50% их приходилось на британский, 30—35% — на японский, 5—6% — на американский

Таблица 19

ТОРГОВЛЯ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ С КИТАЕМ В 1918—1927 гг. *

	1918 г.		1919 г.		1925 г.		1927 г.	
	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %
Весь внешнеторговый то- варооборот Китая	1040,8	100,0	1277,8	100,0	1724,2	100,0	1931,6	100,0
Торговля с Британской империей	385,1	37,0	464,5	36,4	526,7	30,5	612,5	31,7
В том числе:								
с Англией	75,2	7,2	121,5	9,5	140,8	8,2	133,1	6,9
с Гонконгом	279,2	26,8	285,1	22,3	291,0	16,8	382,3	19,8
с Индией	14,0	1,3	36,6	2,9	61,6	3,6	64,6	3,3
с Малайей	16,7	1,6	21,3	1,7	33,3	1,9	32,5	1,7

* [131, с. 17, 103—105, 432, 521, 628].

флот) создавала для английских коммерсантов благоприятные условия. Однако полностью воспользоваться ими мешала возросшая конкуренция со стороны других империалистических государств. Взаимодействие указанных факторов и определило динамику англо-китайской торговли в 1918—1927 гг. (табл. 19).

При довольно солидном увеличении объема британско-китай-

ской торговли в указанный период (на 227,4 млн. таэлей, или на 59,1%) он рос медленнее, нежели весь внешнеторговый товарооборот Китая (на 890,8 млн. таэлей, или на 85,5%). Доля же Британской империи во внешней торговле Китая существенно понизилась (с 37 до 31,7%). Таким образом, к середине 20-х годов Англия уже бесповоротно утратила свое монопольное положение во внешнеторговом товарообороте Китая (в 1925 г. удельный вес в нем Великобритании и ее колоний составил 30,4%, а Японии — 30,5%). Впрочем, это не повлекло за собой общего ослабления позиций Англии на китайском рынке, поскольку недостаточный рост экспорта восполнялся товарной продукцией британских предприятий, расположенных на территории Китая.

Для торговли Англии с Китаем за 1918—1927 гг. было характерно не только уменьшение ее доли в общем китайском товарообороте, но и падение (начиная с 1923 г.) ее объема (млн. таможенных таэлей) [134, с. 106—107, 112]:

Год	Импорт	Экспорт	Товарооборот	Торговое сальдо для Китая
1918	25 264	49 890	75 154	—24 624
1919	57 186	64 292	121 478	—7 106
1920	45 804	132 719	177 524	—85 915
1921	30 913	149 935	180 849	—119 022
1922	38 507	145 292	183 800	—106 785
1923	43 207	120 397	163 604	—77 190
1924	50 250	126 011	176 261	—75 160
1925	47 643	93 137	140 780	—45 494
1926	55 835	116 269	172 104	—60 434
1927	57 991	75 072	133 063	—17 081

В товарной номенклатуре английского экспорта произошли существенные изменения. В течение военных и послевоенных лет значительно сократился ввоз в Китай хлопчатобумажных тканей (вследствие увеличившегося производства их внутри Китая, а также конкуренции дешевых японских тканей): с 716,5 тыс. кв. ярдов (на сумму 7,1 млн. таможенных таэлей, что составляло 10,1% общей стоимости экспорта) в 1913 г. до 186,5 тыс. кв. ярдов (3,9 млн. таможенных таэлей, 3%) в 1928 г.

В то же время серьезно возрос завоз в Китай английских машин и оборудования, в первую очередь для текстильной промышленности. Особенно резким был скачок в первые послевоенные годы: стоимость оборудования возросла более чем в десять раз — с 2,1 млн. таможенных таэлей в 1919 г. до 22,5 млн. в 1922 г. В последующий период экспорт английского оборудования несколько сократился (в 1925 г. — 5,1 млн. таэлей, в 1927 г. — 5,9 млн. таэлей), но тем не менее оставался самой значительной статьей в английском ввозе в Китай.

Годовой объем английского импорта из Китая в рассматриваемый период испытывал довольно значительные колебания и в конечном итоге в 1927 г. оставался на уровне 1919 г. Китайский чай, традиционно являвшийся главной статьей экспорта в Англию, вы-

теснялся с ее рынка индийским и цейлонским. В 1927 г. на Великобританию пришлось лишь немногим более 10% вывезенного из Китая чая (88,6 тыс. из 872 тыс. пикулей). В то же время резко возросло значение ранее второстепенных статей китайского экспорта. В Англию шло около 50% китайского вывоза яйцепродуктов (на сумму 15—17 млн. таможенных таэлей), 30—40% щетинны (2,5—2,9 млн. таможенных таэлей), около 30% сосевых бобов и т. д.

Постоянная дефицитность для Китая торговли с Англией (начиная с 1885 г.) в данный период не оказывала существенного влияния на национальный платежный баланс, поскольку значительная часть ввозимых товаров предназначалась для британских предприятий, действовавших на китайской территории, или для проживавших в Китае иностранцев и ими оплачивалась.

Гонконг продолжал занимать ведущее место в торговле Британской империи с Китаем. Снижение его удельного веса во внешней торговле Китая (с 26,8% в 1918 г. до 19,8% в 1927 г.) во многом было вызвано политическими событиями: бойкотом Гонконга во время забастовок 1922 и 1925—1926 гг. и усилением напряженности во взаимоотношениях Англии и южного правительства Китая. Динамика китайско-гонконгской торговли в рассматриваемый период характеризуется следующими данными (в млн. таможенных таэлей) [134, с. 628]:

Год	Экспорт	Импорт	Товарооборот	Торговое сальдо для Китая
1918	117,0	162,2	279,2	—45,2
1919	131,5	153,6	285,1	—22,1
1920	136,5	159,3	295,8	—22,8
1921	152,9	231,1	384,0	—78,2
1922	170,0	239,3	409,3	—69,3
1923	175,8	248,0	423,9	—72,2
1924	173,2	243,9	417,1	—70,7
1925	114,7	176,3	291,0	—61,6
1926	93,8	124,5	218,3	—30,7
1927	169,7	212,6	382,3	—42,9

В гонконгском экспорте в Китай были представлены как местная продукция, производимая из собственного или завозного сырья, так и реэкспортные товары (английские и др.). Первая группа охватывала сахар, рыбу, морепродукты, галантерейные и трикотажные изделия, вторая — нефтепродукты, шерстяные ткани, вина, металлические изделия и др.

Китай ввозил в Гонконг продовольственные товары (живой скот, растительные масла, овощи, фрукты), сырье и топливо для гонконгских предприятий, работавших на экспорт. Гонконг, таким образом, являлся крупным товарораспределительным центром, не только обслуживавшим китайско-британскую торговлю, но и выступавшим как самостоятельная единица в регионе Юго-Восточной Азии. К этому времени он приобрел и славу мирового центра по контрабандной торговле опиумом¹⁶.

Торговля с Китаем Британской Индии, сильно сократившаяся

к концу войны, в последующие годы довольно быстро возростала (в млн. таможенных таэлей) [134, с. 432, 437]:

Год	Экспорт	Импорт	Товаро-оборот	Торговое саль-до для Китая
1918	6,0	8,0	14,0	—2,0
1919	9,6	27,0	36,6	—17,4
1920	8,8	32,5	41,3	—23,7
1921	9,7	35,4	45,1	—25,7
1922	9,8	43,1	52,9	—33,3
1923	12,3	55,2	67,5	—42,9
1924	11,4	38,8	50,2	—27,4
1925	12,8	48,8	61,6	—36,0
1926	15,9	79,2	95,1	—63,3
1927	22,2	42,4	64,6	—20,2

В се товарной структуре также произошли существенные изменения. Главным из них было резкое сокращение завоза в Китай опиума (на который ранее приходилось до 85% индийского экспорта). Решающую роль в этом сыграло не установление британскими колониальными властями контроля над вывозом опиума из Индии, а запрет на торговлю этим наркотиком, введенный национально-революционной администрацией Южного Китая, куда поступала большая часть индийского опиума. Что касается центральных и северных районов Китая, то их «потребности» удовлетворялись преимущественно опиумом китайского производства, рост масштабов которого превратил Китай в середине 20-х годов в одного из основных поставщиков контрабандного опиума на мировой рынок¹⁷.

В то же время с начала 20-х годов значительно возрос вывоз из Индии в Китай хлопка-сырца. К концу 20-х годов в стоимостном выражении он приблизился к 50 млн. таможенных таэлей, что составляло около 60% импорта из Индии и почти 50% всего ввоза хлопка в Китай. Увеличился также завоз из Индии риса, хлопчатобумажной пряжи, джута, льна и других видов текстильного сырья и фабрикатов. Индийский хлопок и хлопчатобумажные ткани закупались преимущественно иностранными текстильными фабриками (прежде всего английскими) Шанхая, Тяньцзиня, Циндао и других городов.

Торговля Китая с Британской Малайей в послевоенный период также получила заметное развитие (в млн. таможенных таэлей) [134, с. 521]:

Год	Экспорт	Импорт	Товаро-оборот	Торговое саль-до для Китая
1918	6,4	10,3	16,7	—3,9
1919	11,2	10,1	21,3	+1,1
1920	16,5	7,8	24,3	+8,7
1921	19,5	8,0	27,5	+11,5
1922	15,3	8,2	23,5	+7,1
1923	17,9	9,2	27,1	+8,7
1924	19,6	9,3	28,9	+10,3
1925	23,8	9,5	33,3	+14,3
1926	30,0	11,3	41,4	+18,7
1927	22,3	10,3	32,6	+12,0

В отличие от торговли с другими частями Британской империи она начиная с 1919 г. имела положительный для Китая баланс. Китайский экспорт в эту страну к концу рассматриваемого периода в два с лишним раза превышал импорт из нее.

Китай являлся основным поставщиком в Сингапур и другие города Малайи продовольствия (овощи, яйца, рыба и морепродукты, растительное масло и др.), табака, хлопчатобумажных и шелковых тканей. В импорте Китая из Малайи ведущее место принадлежало каучуку, твердой древесине, олову, кокосовому маслу и др.

В целом же, несмотря на сокращение удельного веса Великобритании (с колониями) в китайской внешней торговле, она продолжала занимать в ней первое место, что давало ей право сохранять контроль над китайскими таможнями, генеральным инспектором которых оставался ее подданный.

БРИТАНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ И ИНВЕСТИЦИИ В КИТАЕ

Если во внешней торговле Китая Великобритания с конца XIX в. последовательно теряла свое абсолютное превосходство, то в сфере инвестирования капитала, создания промышленных, транспортных, торговых, финансовых предприятий и организаций британский капитал сохранил свои ведущие позиции во всех важнейших районах Китая, за исключением Маньчжурии, монополизированной Японией. Огромные преимущества перед конкурентами ему давала возможность в своей деятельности опираться на военно-экономические базы, которыми владела Англия на территории Китая.

Важнейшей из них оставался Гонконг, дававший возможность Великобритании вне зависимости от изменений в политической ситуации в Китае удерживать в своих руках финансовые и торговые рычаги воздействия на внутреннюю жизнь этой страны. На территории Гонконга в 1925 г. проживало 875 тыс. человек (без военных), из них 858 тыс. китайцев. Гонконгский порт, один из крупнейших в регионе, располагал судоремонтными заводами и обслуживал британские и иностранные корабли. В 1925 г. его посетили свыше 375 тыс. судов всех типов (включая джонки) общей грузоподъемностью около 41 млн. т.

Гонконг располагал значительной перерабатывающей промышленностью. Наибольших успехов к 1926 г. достигло производство сахара, базировавшееся на рафинации кубинского сахара-сырца, судовых канатов (из манильского сырья), а также переработка морепродуктов.

Гонконг являлся главным финансовым центром Великобритании на Дальнем Востоке. Здесь располагалось Главное управление Гонконг-Шанхайского банка (учрежден в 1867 г.), имевшего отделения в Гуанчжоу, Сямыне, Чифу, Дальнем, Фучжоу, Ханькоу, Харбине, Мукдене, Пекине, Тяньцзини и Шанхае. Эксплуата-

ция труда китайского населения приносила колонии в 1921—1925 гг. ежегодно свыше 22 млн. долл., что позволяло британским властям обеспечивать быстрое развитие Гонконга без привлечения средств из метрополии.

Арендная территория порта Вэйхайвэй (площадь около 288 кв. миль) имела для Великобритании преимущественно военное значение, обеспечивая стоянку для английского флота в северных водах Китая.

Кроме того, определенную роль играла развитая там (как и по всему северному побережью Шаньдуна) добыча соли (в 1926 г. на арендной территории Вэйхайвэй действовал 361 соляной промысел). В 1926 г. порт Вэйхайвэй, называвшийся англичанами порт Эдуард, посетили 838 судов (в том числе 485 британских, 6 американских, 144 китайских, 15 немецких и 187 японских) общей грузоподъемностью 948 тыс. т. Внешнеторговый оборот порта в этом году составил 15,8 млн. долл. (импорт — 10,4 млн. и экспорт — 5,4 млн.).

Помимо Гонконга и Вэйхайвэя, полностью находившихся под управлением английских властей, Великобритания располагала концессиями во всех основных открытых портах.

Шанхайский международный сэттльмент, фактически являющийся английской концессией, представлял собой главную цитадель британского империализма в Китае. Он являлся центром полуторамиллионного торгово-промышленного Шанхая. На его территории располагались все важнейшие банки города, торговые компании, универсальные магазины, биржи, таможня, рестораны, парки, первоклассные жилые строения. Сэттльмент охранялся муниципальной полицией и вооруженными силами империалистических держав.

Ключевые позиции в Шанхае, британские концессии в Гуанчжоу, Сямьне, Фучжоу, Ханькоу, Цзюцзяне и Тяньцзиньне вместе с владениями в Гонконге и Вэйхайвэе позволяли англичанам контролировать важнейшие районы Внутреннего Китая, что создавало благоприятные условия для функционирования британского капитала в этой стране.

Инвестиции британского капитала с начала первой мировой войны до конца 20-х годов возросли почти в два раза (в млн. ам. долл.) [142, с. 361, 403]:

	1914 г.	1930 г.
Обязательства китайского правительства . . .	207,5	225,81
займы	123,5	79,58
облигации (ценные бумаги)	84,0	146,23
Прямые (деловые) вложения в экономику . .	400,0	963,38
Всего	607,5	1189,19

В послевоенное время британская сторона новых займов китайскому правительству не предоставляла, а обязательства по ста-

рым займам сократились на 44 млн. ам. долл. (путем выплаты). На конец 1930 г. китайская задолженность английским банкам составляла (в тыс. ам. долл.) [142, с. 364]:

по 5-процентному золотому займу 1896 г.	4 375
по 4,5-процентному золотому займу 1898 г.	19 652
по 5-процентному золотому займу 1912 г.	22 309
по 5-процентному Реорганизационному займу 1913 г.	33 239
Всего	79 575

Платежные обязательства китайского правительства по погашению облигаций и ценных бумаг, находившихся в руках британских банков и фирм, в течение рассматриваемого периода увеличились на 62,23 млн. ам. долл., т. е. на 73,7%. Основная сумма из этой статьи обязательств относилась прежде всего к задолженности по железным дорогам. На конец 1929 г. британские банки и фирмы располагали китайскими ценными бумагами в виде облигаций по различным иностранным займам, банковским авансам, по оплате железнодорожных материалов на общую сумму 67 948 613 ам. долл., относившихся к 10 китайским железным дорогам: Пекин — Ханькоу, Пекин — Мукден, Тяньцзинь — Пукоу, Пекин — Суйюань, Шанхай — Нанкин, Шанхай — Ханчжоу — Нинбо, Таочжоу — Цинхуа, Ханькоу — Гуанчжоу, Гуанчжоу — Цзэблун, Пукоу — Суйюань.

Подобное положение давало возможность Англии фактически контролировать все основные китайские железные дороги, кроме маньчжурских (КВЖД, ЮМЖД и др.).

Кроме того, в распоряжении британских банков находились китайские платежные обязательства по четырем займам, связанным сооружением телеграфно-телефонных линий (в тыс. ам. долл., на 31 декабря 1930 г.) [142, с. 382]:

по займу 1900 г. на прокладку кабеля на линии Шанхай—Дагу	302,1
по займу 1900 г. на прокладку кабеля на линии Дагу—Чифу	70,1
по авансу 1911 г. для сооружения телеграфных линий	250,0
по авансу 1918 г. для налаживания радиосвязи	1338,6
Всего	1960,8

Прямые инвестиции составляли главную сумму английских капиталовложений в Китае. К концу 20-х годов по сравнению с 1914 г. они возросли на 533,38 млн. ам. долл., т. е. на 133%.

В плане географического распределения британских деловых инвестиций в Китае в 1929 г. картина была следующей [142, с. 383]:

	Тыс. ф. ст.	Тыс. ам. долл.	Удельный вес, %
Шанхай	151 527,5	737 408	76,6
Гонконг	18 455,3	89 812	9,3
Остальные районы			
Китай	27 979,0	136 160	14,1
Всего	197 961,8	963 380	100,0

Из приведенных выше данных явствует, что более $\frac{3}{4}$ прямых английских капиталовложений приходилось на Шанхай. В прочих районах Китая они концентрировались в концессиях и открытых портах.

Поотраслевое распределение британских деловых инвестиций (на 1929—1930 гг.) характеризуется следующими данными [142, с. 397]:

Отрасль	Млн. ф. ст.	Млн. ам. долл.	Удельный вес, %
Торговля	49,5	240,8	25
Недвижимое имущество .	41,6	202,3	21
Обрабатывающая промышленность	35,6	173,4	18
Транспорт	27,7	134,9	14
Банки, финансы	23,7	115,6	12
Коммунальные предприятия	9,9	48,2	5
Горная промышленность .	4,0	19,3	2
Прочие отрасли	5,9	28,9	3
Итого	197,9	963,4	100

Вложения в жилищно-коммунальное строительство, сферу обслуживания и торговли являлись ведущими: на их долю приходилось около половины общей суммы инвестиций. Большое внимание британские предприниматели уделяли транспорту — наиболее рентабельной области приложения капитала. Предпочтение отдавалось морскому каботажу и речному судоходству. Англичанам в Китае к концу 20-х годов принадлежало 148 судов общим водоизмещением 284,9 тыс. т, 87 из которых (161,4 тыс. т) приходилось на долю фирмы «Баттерфилд энд Суайр» [142, с. 395].

Капиталовложения в промышленность составляли около 20% всех прямых британских инвестиций. Важнейшими горнодобывающими предприятиями — объектами приложения английского капитала были Кайлаунские угольные копи (британская доля вложений — 1 млн. ф. ст., годовые дивиденды равнялись 6%, что дало владельцам к 1930 г. 792 тыс. ф. ст. прибыли) и «Пекин Синдикат», занимавшийся добычей цветных и редких металлов в Хэнане и других провинциях (его оплаченный капитал оценивался в 1 242 822 ф. ст.).

В сфере обрабатывающей промышленности британские инвестиции приходились преимущественно на текстильное производство. В этой отрасли ведущее положение занимала контролируемая мощным концерном «Джардин, Мезисон энд К°» английская ком-

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В КИТАЕ В 1902—1930 гг. *

Страна	1902 г.		1914 г.		1929—1930 гг.	
	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %
Великобритания . . .	260,3	33,0	607,5	37,7	1189,2	36,7
Япония	1,0	0,1	219,6	13,6	1136,9	35,1
Россия (1929— 1930 гг.— СССР) . .	246,5	31,3	269,3	16,7	273,2	8,4
США	19,7	2,5	49,3	3,1	196,8	6,1
Франция	91,1	11,6	171,4	10,7	192,4	5,9
Германия	164,3	20,9	263,6	16,4	87,0	2,7
Бельгия	4,4	0,6	22,9	1,4	89,0	2,7
Нидерланды	—	—	—	—	28,7	0,9
Италия	—	—	—	—	46,4	1,4
Скандинавские стра- ны	—	—	—	—	2,9	0,1
Прочие страны . .	0,6	—	6,7	0,4	—	—
Всего . . .	787,9	100	1610,3	100	3242,5	100

* [142, с. 76].

пания «Эво коттон милс», которая владела тремя крупными хлопчатобумажными фабриками, оснащенными высокопроизводительными машинами. Ее оплаченный капитал составлял 5,4 млн. таможенных таэлей, годовые дивиденды достигали 12—15%. Высокорентабельным было и участие британского капитала в «Англо-американской табачной компании», главная контора и ведущая фабрика которой находились в Шанхае, а отделения и фабрики — в Ханькоу, Тяньцзинь, Мукдене и Харбине.

Британские фирмы также владели предприятиями либо участвовали в компаниях по производству цемента, химических, соевого масла, муки, печатных изданий, канатов, мыла, свечей, льда, изделий из дерева.

К концу 20-х годов Великобритания прочно удерживала господствующие позиции в сфере иностранных капиталовложений в Китае (табл. 20). Ее инвестиции в конце 20-х годов превышали сумму всех прочих иностранных капиталовложений в Китае¹⁸.

Анализ платежного баланса Китая за 1902—1930 гг. (табл. 21) показывает, что высокие прибыли на инвестированный капитал (в среднем около 15% годовых) давали возможность не только оплачивать инвестированный капитал, но и вывозить из Китая около 50% прибыли (в 1914—1930 гг.).

Таким образом, одна только чистая прибыль, вывезенная из Китая, полностью возмещала как фактические вложения, так и обычные прибыли, которые были бы получены при функционировании данного капитала в Англии или США (средняя норма при-

Таблица 21

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ И ПЛАТЕЖИ КИТАЯ*,
млн. ам. долл.

	1902—1913 гг.	1914—1930 гг.	1902—1930 гг.
Поступления	626,4	861,9	1488,3
Деловые капиталовложения	290,7	651,3	942,0
Займы	335,7	210,6	546,3
Платежи	872,5	1857,0	2729,5
Прибыли на капиталовложения	381,5	1229,0	1610,5
Проценты на займы	491,0	628,0	1119,0
Превышение платежей над поступлениями	246,1	995,1	1241,2

* [90, с. 13].

были — 5—9%). Следовательно, требования китайского народа экспроприировать имущественные владения, приобретенные британскими монополиями в Китае в результате колониальной эксплуатации, имели бесспорное моральное основание.

* * *

В 1914—1927 гг. англо-китайские отношения юридически и фактически продолжали сохранять неравноправный для Китая характер.

Попытки Китая дипломатическим путем, апеллируя к демагогически провозглашенным президентом США В. Вильсоном демократическим принципам («14 пунктов»), добиться равноправия и уважения своего суверенитета (на Версальской и Вашингтонской конференциях) были пресечены империалистическими державами при ведущей роли Англии. Китай пошел на дальнейшие уступки, официально признав американскую доктрину «открытых дверей». Подобная позиция во многом объясняется тем, что почти весь рассматриваемый период в официальных межгосударственных отношениях (в частности с Великобританией) китайская сторона была представлена пекинским правительством, которое в условиях фактического раскола страны, находясь под контролем реакционных сил (северных милитаристских клики) и постоянно конфронтируя с революционно-демократическим Югом, представленным гуанчжоуским правительством, не выражало общенациональных интересов Китая.

В межимпериалистических отношениях по китайскому вопросу в рассматриваемые годы произошли существенные сдвиги: неуклонное нарастание англо-японских противоречий (несколько смягченных началом первой мировой войны) привело в конечном

счете к аннулированию союзного договора и к блокированию Великобритании с США — основным соперником Японии на Тихом океане.

Бурные события внутривосточной жизни Китая не раз заставляли Лондон лавировать, занимать выжидательную позицию. Но при всех зигзагах (например, временная поддержка возглавлявшихся Сунь Ятсеном революционно-демократических сил, действовавших на Юге Китая — «зоне интересов» Англии) основой китайской политики Великобритании постоянно оставался курс на поддержку сил махровой реакции (от Юань Шикая до У Пэйфу и объединения северных милитаристов в 1926 г.) и раскол национально-революционного движения, обусловленный стремлением сохранить свои привилегии и завоеванные позиции в Китае.

Реакционность и агрессивность политики Лондона в Китае возрастали по мере развития китайской революции, испытывавшей на себе благотворное воздействие Великого Октября. В китайской политике Англии нашла отражение глобальная антикоммунистическая, антисоветская стратегия британского империализма.

Англия, «сфера интересов» которой оказалась зоной наибольшего развития революционного движения, вступила в открытую конфронтацию с китайской революцией (расстрелы в Шанхае и Гуанчжоу, артиллерийские обстрелы Ваньсяня и Нанкина и т. п.). Она продолжала играть ведущую роль в империалистическом закабалении Китая.

Вынужденное согласие Лондона на передачу управления британскими концессиями в Ханькоу и Цзюцзяне в руки китайских властей явилось первым отступлением мирового империализма перед китайской революцией и положило начало крушению системы его господства в Китае.

Оказав поддержку реакционному буржуазно-помещичьему крылу гоминьдана и фактически дав сигнал (обстрелом Нанкина и ультиматумом 11 апреля 1927 г.) для проведения им контрреволюционного переворота, Англия (совместно с другими империалистическими государствами) сыграла весьма значительную роль в подавлении китайской революции. Однако для Великобритании это была пиррова победа. Ее плодами воспользовались в первую очередь ее основные конкуренты — США и Япония. А главное — поражение революции 1925—1927 гг. не остановило борьбы китайского народа за полную ликвидацию системы империалистического господства в стране.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1928—1949 гг.

(в период от образования правогоминьдановского национального правительства до победы народной революции в Китае)

НАНКИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Созданное 18 апреля 1927 г. в Нанкине в результате контрреволюционного переворота Чан Кайши, совершенного при содействии Англии и США и финансовой поддержке крупной банковской, промышленной и торговой буржуазии Шанхая, правогоминьдановское правительство было объявлено национальным. Однако под его властью в первые годы находились лишь Шанхай, Нанкин и часть провинций Цзянсу, Фуцзянь, Чжэцзян и Аньхой. На остальной территории страны по-прежнему хозяйничали милитаристские клики, ведущие кровопролитные войны между собой и с центральным правительством за реальную власть на местах.

Становление правогоминьдановского режима сопровождалось террором против коммунистической партии, рабочих профсоюзов и всех других революционно-демократических организаций. Краеугольным камнем внешней политики чанкайшистов стал отказ от сотрудничества с СССР и присоединение к антисоветской политике империалистических государств.

Несмотря на тяжелый урон, понесенный революционными силами в основных промышленных центрах (Шанхае, Гуанчжоу, Ханькоу), и спад политической активности трудящихся в результате поражения революции 1925—1927 гг. и мирового экономического кризиса 1929 г., нанкинскому правительству не удалось подавить борьбу китайского народа за полную ликвидацию феодализма и империалистического гнета. Хронический кризис сельского хозяйства, милитаристские войны, усиление налогового гнета обострили противоречия в китайской деревне и создали благоприятные условия для собирания и укрепления революционных сил.

Вынужденный уход коммунистов и других революционеров из больших городов в сельские районы и их непосредственное участие в руководстве крестьянским движением придали ему организованный антифеодальный характер, что привело к возникновению китайских советов. На базе некоторых из находившихся под их контролем районов (на стыке провинций Цзянсу и Фуцзянь) в конце 1931 г. была создана Китайская Советская Республика (на

первом съезде представителей советских районов, состоявшемся в Жуйцзине 7—24 ноября 1931 г.).

Китайские советские районы, изолированные от внешнего мира (от помощи СССР и международных революционных сил), успешно отразили четыре карательных похода гоминьдановских армий, но в 1935 г. под давлением превосходящих сил противника китайская Красная армия была вынуждена оставить территорию Советской республики и ряда других советских районов (подробнее см. [98, с. 70—83]).

Происходившее одновременно оформление нового режима проводилось на антидемократической основе, на принципах утверждения военной диктатуры. 4 октября 1928 г. были опубликованы «Органический закон» и «Программа политической опеки» [63, с. 1185—1186]. Основное содержание этих документов, формально основывавшихся на учении Сунь Ятсена, в действительности в корне противоречило его духу¹. Реакционные гоминьдановцы на неопределенный срок объявили китайский народ «неподготовленным» для участия на демократических началах в политической жизни страны, тогда как Сунь Ятсен имел в виду лишь начальный период после революций, когда народ должен был находиться под «политической опекой» гоминьдана.

Сам гоминьдан превращался в антидемократическую военизированную организацию. Совмещение Чан Кайши постов главнокомандующего НРА, президента республики и председателя Военного совета гоминьдана привело к тому, что в его руках сосредоточилась практически вся полнота власти.

Объединившиеся в нанкинском гоминьдане на антикоммунистической платформе различные группировки продолжали вести между собой непримиримую борьбу. Складывание гоминьдановского режима сопровождалось острыми столкновениями между ними и кровопролитными войнами между милитаристскими кликами. Гуанси-гуандунская² (на Юге) и фэньтянская — лидером которой после гибели Чжан Цзюлиня стал его сын Чжан Сюэлинь (на Северо-Востоке) — клики, группы Фэн Юйсяна³ и Янь Сишаня (на Северо-Западе), формально признавая (а иногда и не признавая)⁴ власть Нанкина, фактически во многом сохраняли самостоятельность.

Во внешнеполитической сфере гоминьдановский режим, стремясь завоевать симпатии империалистических государств, встал на путь обострения советско-китайских отношений. С разрешения и под непосредственным руководством британских властей шанхайского международного селтльмента гоминьдановская полиция в конце 1927 г. совершила налет на советское консульство и запретила китайским коммерсантам поддерживать контакты с торговым представительством СССР. По указанию Чан Кайши в мае 1929 г. было совершено нападение на советское консульство в Харбине, в июле была захвачена КВЖД, начались провокации на советско-китайской границе. В соответствии с решением четвертой сессии пленума ЦИК гоминьдана «об аннулировании всех прош-

лых решений и соглашений о сотрудничестве с Советской Россией» [63, с. 1169] правительство Чан Кайши взяло курс на полный разрыв отношений с СССР.

В то же время Нанкин с большой настойчивостью демонстрировал свои симпатии США и Великобритании. В состав правительственных и муниципальных органов были включены американские (большая часть) и английские советники (в 1929 г. 31 человек). Ведущими советниками правительства стали Ф. Вайт и Т. Миллард, законодательного и юридического юаней (палат) — Г. Подукс. 17 советников были привлечены к работе в финансовых органах (Э. Фили был назначен главным секретарем министерства финансов, Ф. Фобер — его помощником), 5 — в министерстве железных дорог и т. п.

Сохранялись также иностранные советники и в китайском таможенном управлении, общее руководство которым по-прежнему находилось в руках английского генерального инспектора (в 1929 г. — Ф. Мазэ).

Бесспорный приоритет во внешней политике чанкайшистского режима получила ориентация на США. Великобритания, несмотря на значение ее помощи в становлении правогоминьдановского режима и сохранение преобладающих экономических позиций в Китае, вынуждена была уступить своему конкуренту ведущую роль в китайских делах.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТАРИФНОЙ АВТОНОМИИ КИТАЯ

В целях упрочения своего положения нанкинское правительство стремилось добиться поддержки и уступок со стороны империалистических государств. Последние, напуганные размахом антиимпериалистических выступлений в период революции 1925—1927 гг., также осознавали необходимость пойти навстречу чанкайшистскому режиму, чтобы помочь ему подавить революционное движение и сохранить основы своего господства в Китае. Поэтому в 1928—1930 гг. державы согласились на пересмотр ряда старых договоров. Главным моментом в новых соглашениях было признание права Китая на таможенную автономию, т. е. на пересмотр таможенных тарифов без санкций империалистических государств.

7 июля 1928 г. министерство иностранных дел Китая опубликовало декларацию относительно заключения новых договоров, в которой говорилось: «Национальное правительство... имея в виду поддержание благополучия и дружественных отношений между Китаем и различными странами, всегда считало, что отмена всех неравноправных договоров и заключение новых договоров на основе равенства и взаимного уважения суверенитета являются неотложной проблемой в настоящее время» [63, с. 824]. Для осуществления этой цели китайское правительство предлагало: отменить все договоры, срок действия которых истек, и заменить их

новыми; определить время действия тех неравноправных договоров, сроки которых еще не истекли, и немедленно предпринять меры для заключения новых соглашений. В соответствии с этой декларацией китайский МИД объявлял об истечении сроков действия договоров с Францией, Японией, Бельгией, Испанией, Португалией, Италией и Данией.

Американское правительство, рассчитывая подорвать позиции своих основных конкурентов — Англии и Японии, первым откликнулось на декларацию и изъявило желание заключить новый договор, несмотря на то, что предыдущее американо-китайское соглашение еще оставалось в силе. Пользуясь своим влиянием в китайских правительственных органах, американцы вынудили китайскую сторону весь пересмотр неравноправного договора свести к вопросам тарифной автономии. Им удалось таким образом отвести главное требование нанкинской декларации — восстановление равноправия и уважения суверенитета. После поспешного заключения китайско-американского договора о регулировании тарифных отношений (25 июля 1928 г. в Пекине) другие страны получили возможность также ограничить переговоры лишь вопросами установления таможенных тарифов.

30 августа 1928 г. китайский министр иностранных дел Ван Чжэнтин направил ноту британскому посланнику в Китае М. Лимпсону, в которой предлагал заключить китайско-английский договор о тарифной автономии Китая на условиях, ранее предложенных Норвегии, Нидерландам и Швеции (см. [63, с. 845]). 1 октября британский генеральный консул в Нанкине В. Хевлет сообщил Ван Чжэнтину, что британское правительство в соответствии с декларацией стран — участниц Вашингтонской конференции (от 18 декабря 1926 г.) подтверждает право Китая на тарифную автономию и готово вступить в переговоры по заключению соответствующего соглашения. При этом британская сторона высказала пожелание, чтобы к договору были приложены типовые условия тарифа, и оговорила себе право и впредь назначать генерального инспектора морских таможен Китая (см. [63, с. 845—846]). 12 декабря 1928 г. в Нанкине между Китаем и Великобританией был подписан договор о тарифной автономии, по которому аннулировались все постановления, ограничивавшие его тарифную автономию, в действовавших договорах между Великобританией и Китаем и признавался принцип полной тарифной автономии последнего; отменялись все постановления договоров, ограничивавшие права Китая в отношении взимания устанавливаемых им таможенных сборов; подтверждалось действие принципа наибольшего благоприятствования (см. [63, с. 846—847]).

В письме, приложенном к договору, М. Лимпсон заверил китайское правительство, что новый договор распространяется также на Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Индию, Южно-Африканский Союз, Ирландию, Ньюфаундленд, Южную Родезию и другие «несамоуправляемые или полусамоуправляемые колонии и протектораты» Великобритании [63, с. 848—849].

Договор о тарифной автономии, вступивший в силу во время мирового экономического кризиса 1929 г., не имел для Китая сколько-нибудь существенного фискального значения. В условиях резкого падения цен на китайские экспортные товары (больше, чем на импортные) повышение таможенных пошлин не могло перекрыть потери от последствий кризиса.

27 апреля 1929 г. нанкинское правительство направило США, Великобритании, Франции и другим государствам, пользовавшимся правом экстерриториальности, ноты, призывая их «выразить готовность принять меры по устранению ограничений суверенитета Китая». В нотах отмечалось, что в Китае уже осуществлены мероприятия по «усвоению западных юридических концепций... в финальной стадии находится подготовка гражданского и торгового кодексов, которые будут готовы и введены до 1 января 1930 г.» [63, с. 904—905]. В ноте британскому правительству выражалась уверенность, что оно «примет пожелание Китая и безотлагательно и благожелательно рассмотрит его и даст по возможности быстрый ответ» [63, с. 905].

Не имея возможности (после юридического признания в документах Вашингтонской конференции исторической неизбежности такого акта) прямо отвергнуть это требование, державы прибегли к тактике проволочек.

В ответной английской ноте наряду с выражением «полного сочувствия и уважения к требованию китайского правительства об отмене экстерриториальной юрисдикции» и удовлетворения по поводу признания «принципов западной юрисдикции» отмечалось, что «принятие кодексов, основанных на принципах западного законодательства, является лишь частью задачи, которая должна быть выполнена до отмены специальных правил, которые регулируют проживание иностранцев в Китае» [63, с. 908—909]. Ссылаясь на несовершенство китайского законодательства, Лондон делал вывод, что «нет практической альтернативы... системе, обеспечивавшей почти сто лет регулирование взаимоотношений между подданными Китая и Британии» [63, с. 909]. Данное заявление означало практически отклонение китайского обращения и фактическое сохранение основы системы неравноправных договоров. Пользуясь капитулянтской позицией нанкинского правительства, правящим кругам Великобритании удалось приостановить начавшийся в Ханькоу и Цзюцзяне процесс революционного упразднения данной системы.

ВТОРЖЕНИЕ ЯПОНИИ В МАНЬЧЖУРИЮ И ПОЗИЦИЯ АНГЛИИ

Отношение Японии (в отличие от США и Англии) к режиму Чан Кайши было явно враждебным. Эта позиция японского правительства еще более ужесточилась после измены Чжан Цзюлиня⁵ и признания в декабре 1928 г. власти нанкинского правитель-

ства его сыном Чжан Сюэляном. В данном акте (носившем по преимуществу формальный характер) Токно увидело угрозу позиции Японии в Маньчжурии, на приобретение которых она потратила четверть века. Спровоцировав несколько инцидентов в Маньчжурии и Корее, послуживших формальным поводом для агрессии, японские войска в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. вторглись в Южную Маньчжурию и в течение 18 часов захватили там все основные города (Шэньян, Аньдун, Чаньчунь, Нючжуан) и узловые пункты на Южно-Маньчжурской железной дороге.

Момент для вторжения был выбран удачно. Китай в эти критические дни находился в состоянии гражданской войны. 300-тысячная правительственная армия, возглавляемая самим Чан Кайши, вела третий поход⁶ против Центрального советского района (расположенного в южной Цзянси — западной Фуцзяни). Не решившись оказать сопротивление агрессору, Чан Кайши приказал 300-тысячной армии Чжан Сюэляна отойти в район Цзинчжоу и обратился за помощью к Лиге Наций (см. [64, с. 614]). Однако это обращение Китая не встретило поддержки держав. Под воздействием Великобритании, Франции и США Совет Лиги Наций занял «осторожную», по существу, антикитайскую позицию. Он удовлетворился заверением Токно, что Япония не имеет никаких территориальных притязаний в Маньчжурии, не предпринял никаких действенных мер для обуздания агрессии и даже не установил конкретных сроков вывода японских войск с китайской территории.

Воспользовавшись столь благоприятной ситуацией, японцы повели решительное наступление на армию Чжан Сюэляна в районе Цзинчжоу, намереваясь оккупировать всю территорию Маньчжурии и отделить ее от Китая. Время, требовавшееся для подготовки соответствующих завершающих мероприятий, им любезно предоставила Лига Наций. 10 декабря 1931 г. она приняла решение направить в Маньчжурию для «изучения положения и выработки рекомендаций» комиссию во главе с представителем Великобритании лордом Литтоном. Этот шаг, по существу, на несколько месяцев снял «маньчжурский инцидент» с повестки дня Совета Лиги.

Тем временем за кулисами Совета Лиги шло формирование политики и английского правительства, и правительств других империалистических государств по «маньчжурскому вопросу». Перед британской дипломатией встали кардинальные вопросы: как отразится на позициях Англии победа или поражение Японии; сможет ли Китай самостоятельно установить у себя внутренний порядок, гарантирующий сохранение британских «интересов»; нельзя ли примирить Японию с Китаем и японскую агрессию направить против главного очага «красной опасности» — Советского Союза.

Информация, получаемая Лондоном, была достаточно разнообразной. По мнению английского посланника в Пекине Лимпсона, составленному на основе его разговоров с японским посланником

и своих размышлений, Япония ставила себе задачу добиться в Маньчжурии полного превосходства над Россией. В то же время сообщения от британского посла в Токио сэра Ф. Линдсея о появившихся в японских газетах статьях, посвященных переговорам Японии с СССР о заключении японо-советского договора о ненападении, вызвали значительное беспокойство — как бы Япония не отказалась от «антибольшевистской позиции». Британские дипломаты поэтому настойчиво требовали от своего правительства понимания интересов Японии, признания ее «особой роли» в Китае.

Наиболее полно и «доказательно» необходимость для Великобритании проводить дружественную политику в отношении Японии обосновывалась в подписанном сэром В. Виллсли меморандуме Форин-офис от 1 февраля 1932 г. В нем в качестве центральной проблемы дальневосточного кризиса выделялась Маньчжурия и делался вывод, что от определения позиции держав по этому вопросу зависит исход самого кризиса. В пространном историческом экскурсе отмечалось, что Маньчжурия не является исконно китайской территорией, что ее положение в составе Китая можно сравнивать с положением Египта в составе Османской империи и что она фактически в течение последних 15 лет была независимой от Китая. Излагая историю проникновения России и Японии в Маньчжурию, авторы рассматриваемого документа отмечали наличие в ее пределах двух сфер влияния: СССР (России) с центром в Харбине и Японии в Южной Маньчжурии, и подчеркивали, что Япония ставит своей целью установить контроль над всей Маньчжурией, где она имеет «жизненные интересы». Для достижения данной цели, отмечалось в меморандуме, Япония имеет в виду на территории Маньчжурии создать «буферное» государство, независимое от Китая. «Это новое государство будет иметь соглашение с Японией на ее условиях и урегулирует вопросы железных дорог и другие удовлетворительным путем». В меморандуме утверждалось, что Япония, связав себя конфликтом в Маньчжурии, не сможет осуществить свои намерения «в других частях Китая». На этом основании удовлетворение притязаний Японии на отторжение Маньчжурии от Китая и создание там «буферного» государства авторы меморандума считали «наиболее благоприятным решением».

В другой части меморандума подробно анализировались состояние и перспективы отношений Англии с Китаем и Японией и излагались соображения о целесообразной для Британской империи политики в отношении этих стран.

«В условиях упорной китайско-японской борьбы, — говорилось в этом документе, — британская политика колеблется между традиционной дружбой с Японией и потенциальной привлекательностью китайского рынка». В нем отмечался значительный масштаб английских капиталовложений в Китае (судоходство, железные дороги, акции и другие ценные бумаги), только в Шанхае оценивавшихся в 250 млн. ф. ст. Значение для Великобритании

торговли с Китаем и Японией иллюстрировалось следующими данными (в тыс. ф. ст.):

	1929 г.	1930 г.
Торговля с Японией		
Экспорт	13 435	8 229
Резэкспорт	207	168
Импорт	9 132	8 064
Общий товарооборот	22 774	16 461
Торговля с Китаем		
Экспорт	14 029	8 572
Резэкспорт	117	86
Импорт	12 157	9 914
Общий товарооборот	26 303	18 572

Таким образом, британский товарооборот с Китаем лишь на 11—13% превышал товарооборот с Японией, хотя, как отмечалось в меморандуме, «Китай является одним из крупнейших неразвитых рынков и можно предполагать, что наши интересы в Китае потенциально намного значительнее».

При оценке военных возможностей Китая авторы меморандума утверждали, что он не в состоянии противостоять Японии и что страны Лиги Наций «не имеют эффективных средств для вмешательства». Основываясь на такой оценке дальневосточной ситуации, английские дипломаты делали общий вывод: «Успех нашей политики на Дальнем Востоке и процветание наших экономических интересов зависят от наших хороших отношений с Японией... Нынешняя ситуация в Маньчжурии мало затрагивает наши коренные интересы». Они выражали надежду, что Япония выполнит свое обещание проводить политику «открытых дверей» в Маньчжурии, находящейся «под ее контролем» (см. [28, с. 283—291]).

Комиссия лорда Литтона отправлялась в Маньчжурию, когда Великобритания уже окончательно сформулировала свою прояпонскую политику. Япония же, встретив «дружественное понимание» со стороны дирижеров Совета Лиги Наций, безнаказанно продолжала агрессию против Китая, демонстративно игнорируя решения и рекомендации этой международной организации. Уже к моменту прибытия комиссии в Маньчжурию (середина марта 1932 г.) японские оккупационные власти провели «всеманьчжурское совещание», на котором последний цинский император Пу И был «избран» (3 марта) «главой» нового маньчжурского государства — Маньчжоу-го, и таким образом «юридически» оформили оккупацию Маньчжурии и отчуждение ее от Китая.

Япония провела и другую крупную акцию до начала работы комиссии Литтона. Стремясь заставить шанхайское правительство признать захваты в Маньчжурии и устроить население Шанхая, активно включившееся в бойкот японских товаров, японская военщина, использовав в качестве повода отдельные столкновения между китайцами и японцами, в конце января 1932 г. высадила в

Шанхае десант. Несмотря на героическое сопротивление частей 19-й армии под командованием генерала Цай Тинкая, не только не поддержанных другими китайскими соединениями, но и блокированных ими по приказу Чан Кайши с тыла, японские войска заняли всю китайскую часть города.

Вторжение японцев в Шанхай явилось хорошо рассчитанным отвлекающим маневром. Оно встревожило западные страны, прежде всего Великобританию, и Маньчжурия была оставлена ими на произвол японским оккупантам. Шанхай на время стал главной их заботой на Дальнем Востоке. 3 марта на специальной ассамблее Лиги Наций было принято решение, требовавшее прекращения военных действий в Шанхае и проведения мирных переговоров между Японией и Китаем при участии представителей Англии, США, Франции и Италии. Япония, будучи не готовой для военных действий в Центральном Китае, должна была отступить. По условиям заключенного 5 мая 1932 г. соглашения она обязалась вывести свои войска из Шанхая, получив там отдельную концессию и не платя никакой компенсации за нанесенный Китаю ущерб. В Маньчжурии, вопреки всем обращениям и решениям Лиги Наций, Япония форсированно завершала создание колониального режима.

«Уступки» Японии, связанные с «шанхайским инцидентом», были с удовлетворением встречены в Лондоне. К этому времени британские правящие круги после активного обсуждения и взвешивания всех «за» и «против» приняли решение в вопросе о Маньчжурии придерживаться прояпонской позиции. Решающее значение при этом сыграло стремление направить дальнейшую экспансию Японии в сторону СССР (в указанных целях Маньчжурия представлялась весьма удобным для японцев плацдармом⁷). Интересы Китая, таким образом, приносились Лондоном в жертву своей глобальной антисоветской стратегии.

Позиция Англии (вместе с Францией, оказывавшей решающее воздействие на деятельность Лиги Наций) определила и характер отношения последней к событиям в Маньчжурии. Не имея возможности, как «миротворческая» организация, прямо оправдать японскую агрессию, Лига Наций реагировала на нее с крайней медлительностью и беззубостью.

Комиссия Литтона, начавшая свою работу в апреле 1932 г., могла получать информацию лишь от созданного японскими оккупационными властями «правительства» Маньчжоу-го. Тем не менее и в этих стесненных условиях комиссия не могла не констатировать, что Япония нарушила принятые на себя обязательства по предшествующим договорам и соглашениям и произвела насильственное отчуждение Маньчжурии. Уже в первом, предварительном докладе, направленном Совету Лиги в конце апреля, Литтон сообщал: «Японские штабные офицеры были назначены в правительство Маньчжоу-го... маньчжурская армия создана японскими войсками» [64, с. 682], т. е. опровергал японскую версию о создании Маньчжоу-го на основе «волеизъявления» местного населения.

Комиссия, ссылаясь на необходимость выезда во многие пункты Маньчжурии, рассчитывала проводить свою «исследовательскую» деятельность в течение многих месяцев, что вполне устраивало японских оккупантов.

Продолжая политику «свершившихся фактов», 15 сентября 1932 г. правительство Японии подписало с «правительством» Маньчжоу-го протокол. В нем Япония «признавала» «факт, что Маньчжоу-го, в соответствии со свободным пожеланием ее жителей, организовало и утвердило себя как независимое государство», а «Правительство» Маньчжоу-го подтверждало «все права и интересы, приобретенные Японией или ее подданными на территории Маньчжоу-го по условиям японо-китайских договоров, соглашений или на основе другой договоренности, а также по японо-китайским контактам, как частным, так и общественным» [65, с. 599]. Согласно протоколу в случае какой-либо опасности для Маньчжоу-го японские войска, если возникнет необходимость, «будут размещаться в Маньчжоу-го» [65, с. 599]. Япония, таким образом, создав и «признав» Маньчжоу-го приняла на себя обязательство и защищать его «в случае угрозы территории, миру и порядку» военной силой.

Завершив свою работу к концу 1932 г., комиссия Литтона высказалась за ликвидацию Маньчжоу-го и выдвинула следующие предложения: 1) китайское правительство должно декларировать предоставление трем восточным провинциям Маньчжурии автономии с особой администрацией; 2) в японо-китайском соглашении должны быть учтены интересы Японии; 3) необходимо создать японо-китайскую арбитражную комиссию для решения споров мирным путем. Согласно рекомендациям комиссии Литтона, японо-китайские переговоры по указанным вопросам должны были проводиться при содействии Совета Лиги, а автономия Маньчжурии — обеспечиваться иностранными государствами (см. [65, с. 611—615]).

6 декабря доклад комиссии Литтона был поставлен на обсуждение специальной ассамблеи Лиги Наций, в ходе которого представители ведущих государств заняли либо примирительную, либо явно прояпонскую позицию. Глава британской делегации министр иностранных дел Дж. Саймон в своей речи 9 декабря старался оправдать агрессию Японии ссылками на внутренние беспорядки в Китае и необходимость в данной связи прибегнуть к военной силе. Его речь вызвала глубокое возмущение в правительственных кругах Китая. Британский советник посольства в Нанкине Инграм сообщал в Лондон, что 10 декабря он был вызван министром иностранных дел Китая, который выразил глубокое разочарование содержанием речи Саймона на Ассамблее и выразил удивление, что в ней «не нашлось слов для осуждения Японии как нарушителя договоров и обязательств, а позиция Китая представлена как провокаторская... антииностранная, плохоуправляемая и т. д.» [28, с. 121—122].

Британской делегации удалось увести ассамблею Лиги Наций

от принятия осуждающих японскую агрессивную решений и обресть дело на дальнейшую проволочку — оно было передано на рассмотрение «комитета 19», созданного ассамблеей.

Прояпонская позиция Англии во время «маньчжурского инцидента» не отражала долговременных британских торгово-экономических интересов. Она основывалась на общем крайне реакционном, политическом курсе британского империализма, рассчитывавшего, что захваченная японцами Маньчжурия станет плацдармом для нападения Японии на СССР.

КРИЗИС БРИТАНСКОГО «ПОЛИТИКИ УМИРОВОЕНИЯ» ЯПОНИИ

Британская политика сдерживания Лиги Наций от принятия санкций против Японии поощряла японский империализм и позволяла ему безнаказанно расширять сферу агрессии.

Перейдя 1 января 1933 г. Великую китайскую стену и заняв Шаньхайгуань, японские войска открыто готовились к дальнейшему продвижению в глубь Китая. Ориентированность японской экспансии на юг, в районы, где Великобритания имела крупные капиталовложения (в то время как Япония не решалась начать агрессию против СССР, не идя дальше отдельных провокаций⁸), несколько отрезвило британских дипломатов. На мартовской (1933 г.) ассамблее Лиги Наций при рассмотрении рекомендаций «комитета 19» английская делегация проголосовала за предложение о непризнании Маньчжоу-го. Однако данный шаг не означал изменения британской дальневосточной политики. Даже после публикации (17 апреля 1934 г.) японским министерством иностранных дел так называемой декларации Амо, в которой содержались призывы к монопольному господству в Китае и выражался протест против военной и экономической помощи Нанкину со стороны США и Англии, британский министр иностранных дел Саймон продолжал называть Японию «стабилизирующей силой» на Дальнем Востоке, а его сторонники пытались убедить общественность, что политика компромисса сдерживает Японию и предотвращает развязывание ею войны (см.: [103, с. 103])⁹.

Политический курс нанкинского правительства, сосредоточившего свои силы на борьбе с китайскими коммунистами, а в отношении японской агрессии проводившего антинациональную, капитулянтскую политику, пользовался полной поддержкой Лондона. Зато большую озабоченность британских правящих кругов вызвали сообщения о восстановлении дипломатических отношений между Китаем и СССР и о нарастании в Нанкине настроений в пользу сближения с Советским Союзом.

В условиях практически полной безнаказанности Япония интенсивно расширяла масштабы своей агрессии против Китая. Выйдя в марте 1933 г. из Лиги Наций, она тут же оккупировала пров. Жэхэ и объявила об ее присоединении к Маньчжоу-го.

Сосредоточив в течение 1934 г. крупные военные силы, Япония перешла в новое наступление в Северном Китае. В январе 1935 г. японцы вторглись в пров. Чахар и потребовали установления своего полного контроля над пров. Хэбэй. Нанкин пошел на новую капитуляцию. 2 июля 1935 г. военный министр нанкинское правительства Хэ Инцинь подписал секретное соглашение с командующим японскими войсками в Северном Китае генералом Умэдзу, по условиям которого китайские войска подлежали выводу из Хэбэя, гоминьдановские организации на территории этой провинции распускались и нанкинское правительство обязалось препятствовать распространению антияпонской пропаганды. Осенью 1935 г. японцы инспирировали «движение за автономию северных провинций» и приступили к реализации плана создания марионеточного «Северо-китайского государства».

В 1934—1936 гг. Япония лишила британских японофилов последних аргументов. На переговорах с Великобританией и США, проходивших в течение 1934 г., японцы вопреки условиям договоров потребовали установления полного паритета военно-морских флотов. На созванной по этому вопросу в декабре 1935 г. конференции в Лондоне японская делегация облекла свои требования в форму ультиматума и после отклонения его делегациями Великобритании и США покинула конференцию. Политика «умиротворения» Японии потерпела крушение. Оценивая дальневосточную британскую политику, К. Зиллиакус с полным основанием констатировал, что она «оказалась не только преступной, но и глупой» [147, с. 43—44].

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

В правящих британских кругах все настойчивее стали раздаваться голоса за пересмотр дальневосточной политики. Уход Японии с лондонской военно-морской конференции вызвал беспокойство британского адмиралтейства. В распоряжении главнокомандующего британским флотом в китайских водах адмирала Ч. Литтла находилось около 100 кораблей, но многие из них были устаревших типов, с вооружением, не отвечавшим требованию времени. По свидетельству военного историка М. Бритса, некоторые из них были построены еще в конце прошлого столетия либо перед первой мировой войной. Понимая, что такая эскадра не может противостоять модернизированному японскому флоту, английское правительство приняло меры по усилению военно-морской базы в Сингапуре, а также пополнило базировавшийся в Гонконге флот для патрулирования южнокитайских вод и района Вэйхайвэя (см. [124, с. 27—29, 111—119]). Великобритания склонялась и к оказанию некоторой материальной помощи гоминьдановскому правительству, чтобы оно могло поднять боеспособность своей армии и оказать противодействие Японии. Активизации политики в от-

ношении Китая требовали и британские торгово-промышленные круги, позиции которых в этой стране после перехода Маньчжурии и Северного Китая под контроль Японии и усиления американского влияния в Шанхае и Нанкине заметно ослабли.

Воспользовавшись осложнениями в экономических отношениях между США и Китаем, возникшими в связи с широкой закупкой американским казначейством по повышенным ценам серебра, что повлекло за собой массовую его утечку из Китая и обесценивание китайской валюты, британские власти сумели добиться приглашения (в начале 1935 г.) китайским правительством видного английского ученого-финансиста Лейт-Росса на пост советника министерства финансов. Он возглавил проведение реформы китайской денежной системы, осуществление которой подготавливалось с 1929 г. американским профессором Кемерером. По рекомендации Лейт-Росса было отменено обращение серебряной валюты и введен бумажный доллар («золотого стандарта»), курс которого обеспечивался запасами золота и иностранной валюты (английскими фунтами стерлингов). Миссия Лейт-Росса была подкреплена займом китайскому правительству на сумму 10 млн. ф. ст. (фактически использовано 1738 тыс. ф. ст.) [86, с. 172], ставшим главным валютным резервом китайского казначейства. Англичане оказали также весьма существенное содействие китайским финансовым органам в осуществлении денежной реформы, затронувшей всю систему банковско-финансовых операций.

Чрезвычайный декрет, изданный 3 ноября 1935 г., предусматривал централизацию и сосредоточение в руках правительства денежной эмиссии и национальных валютных резервов. Право эмиссии было предоставлено только трем правительственным банкам: Центральному, созданному в 1928 г. и являвшемуся ведущим банком, Банку Китая и Банку коммуникаций (два последних были созданы при цинской монархии). Все другие банки, в том числе и иностранные, должны были обменять имевшиеся у них старые банкноты на новые, а также продать правительственным банкам серебряную монету и слитки, изъятые из обращения.

Такое радикальное изменение банковско-финансовой системы существенно затронуло интересы иностранного банковского капитала и вызвало противодействие, прежде всего со стороны Японии. Великобритания помогла нанкинскому правительству преодолеть это сопротивление. По поручению британского кабинета английский посол в Китае Кадоган требовал от английских банков строгого выполнения финансовых предписаний китайского правительства (см. [106, с. 90]).

Денежная реформа оказала большое оздоравливающее влияние на экономику и в два последних предвоенных года (1935—1936) в ряде отраслей китайской промышленности (особенно текстильной), торговле и транспорте, несмотря на потерю Маньчжурии и многих районов Северного Китая, были достигнуты наивысшие за историю страны экономические показатели. Развитию промышленности способствовала и радикально изменившаяся внешнеэкономическая

ческая политика нанкинского правительства. После закрепления таможенной автономии были введены протекционистские пошлины на импорт текстильных изделий и многих других товаров легкой промышленности, что привело к резкому снижению их ввоза (в 1936 г. — почти в 10 раз по сравнению с 1930 г.), тогда как импорт машин и оборудования пользовался покровительственными пошлинами и заметно возрастал (за те же годы — на 13%).

В развернувшемся промышленном и транспортном строительстве поспешили принять участие британские фирмы и банки. До начала японо-китайской войны в 1937 г. Англия предоставила гоминьдановскому правительству три займа на строительство железных дорог и девять займов общеэкономического назначения на общую сумму 118,5 млн. ф. ст. [90, с. 40]. Британский капитал принял участие в окончании сооружения Гуанчжоу-Ханькоуской магистрали, а также в строительстве и реконструкции Нанкин-Цзянсинской и Шанхай-Ханчжоу-Нинбооской железных дорог. Японо-китайская война прервала осуществление широких финансово-экономических планов Великобритании в Центральном и Южном Китае.

В середине 30-х годов в экономике Китая Англия продолжала удерживать первое место среди империалистических держав (потеряв, правда, свой абсолютный перевес над ними). Помимо Гонконга она имела (или контролировала) концессии во всех крупных портах страны: в Шанхае (международный селтльмент), Тяньцзине (концессия), Гуанчжоу (концессия), Сямыне (международный селтльмент). Из своих прежних владений такого рода Великобритания лишилась лишь концессии в Ханькоу. В 1936 г. на ее долю приходилось 28,73% всех иностранных инвестиций в Китае (включая Маньчжурию) — 1272,5 млн. из 4428,9 млн. ам. долл. [90, с. 27—29] — и 24,1% общекитайского (без Маньчжурии) внешнеторгового товарооборота — 408 млн. из 1647 млн. кит. долл. [90, с. 57—58]. Некоторое потепление, наступившее в китайско-британских отношениях, не устранило глубоких противоречий между империалистической Великобританией и еще не обретшим национальной независимости Китаем. В то же время китайской общественности было хорошо известно, что именно британские правящие круги помешали Лиге Наций принять эффективные меры по обузданию японской агрессии, что именно они, рассчитывая использовать Японию как ударную антисоветскую силу, по существу поощряли и вдохновляли японский экспансионизм. В Китае не могли не видеть, что и после подписания японо-китайского соглашения 1935 г., британское правительство, проявляя «заботу» о Китае, вовсе не собирается вести борьбу против Японии за восстановление национальной независимости Китая, что оно поддерживает гоминьдановское правительство лишь ради ограничения дальнейшего продвижения японцев в глубь страны, в «сферу интересов» Англии.

Для китайского народа и прогрессивной мировой общественности было ясно, что японский империализм добивается полной

колонизации Китая, что империалистические круги Великобритании и США готовы дальше ограждать свои интересы за счет Китая, что китайскому народу предстоит длительная и упорная борьба с японскими интервентами.

АНТИЯПОНСКАЯ ВОЙНА КИТАЙСКОГО НАРОДА И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В 1936 г. Япония, готовясь к новому наступлению на Китай и понимая, что рано или поздно ей придется столкнуться с ведущими мировыми державами, стала на путь союза с фашистской Германией. 25 ноября после продолжительных (начавшихся еще в 1933 г.) переговоров между Германией и Японией был подписан «антикоминтерновский пакт», оформивший блок этих государств в целях борьбы за мировое господство.

Реакцией на нависающую угрозу миру явилось широко развернувшееся в капиталистических странах движение прогрессивной общественности по созданию народного фронта, противостоящего фашизму и угрозе войны, активная миролюбивая политика Советского Союза, вступившего в 1934 г. в Лигу Наций и неизменно призывавшего к решительному противодействию силам войны.

В Китае во всех слоях общества крепла решимость оказать действенный отпор японской агрессии. В октябре 1933 г. против Чан Кайши выступила армия патриотически настроенного генерала Цой Тинкая, требовавшая прекращения гражданской войны с коммунистами и сосредоточения всех сил страны на борьбе с японцами¹⁰. Опубликовав «Обращение к народу об отпоре Японии и спасении Родины», ЦК КПК в мае, а затем в августе 1936 г. предлагал гоминьдану объединить все вооруженные силы для отпора захватчикам. В декабре 1936 г. против чанкайшистской политики открыто выступила северо-западная группировка правительственных войск, возглавляемая Чжан Сюэляном и генералом Ян Хучэном, ранее достигшим соглашения с КПК о прекращении военных действий и о подготовке к совместной борьбе с Японией. В конечном счете в апреле 1937 г. Нанкин, отвергнув предложение КПК о создании единого фронта, пошел на прекращение гражданской войны и налаживание сотрудничества с коммунистами.

Важную роль в укреплении антияпонской позиции китайского народа, в поднятии его боевого духа сыграло решительное выступление Советского Союза в защиту национальной независимости и безопасности Монголии. На основе Протокола о взаимопомощи между СССР и МНР, заключенного 12 марта 1936 г., Советский Союз принял обязательство оказать МНР всяческую, в том числе военную, помощь.

Иной была позиция правящих кругов Англии. Стоявших у власти британских консерваторов больше пугали успехи народного фронта во Франции и Испании¹¹ и выступления общественности за активное противодействие японским интервентам в Китае, чем

вмешательство Германии в гражданскую войну в Испании, захват фашистской Италией Эфиопии и расчленение Японией Китая. Политика «невмешательства», провозглашенная правительством Болдуина, на деле сводилась к тому, что Великобритания «не мешала» агрессорам развязывать войну. «Правительство Англии, — писал журнал „Лейбор мансли“ в январе 1937 г., — проводило... политику, которая под прикрытием предположительно мирных целей — „нейтралитета“, „беспристрастности“, „невмешательства“ и т. п. — защищала каждый акт фашистской агрессии и в то же время душила сопротивление демократических сил» (цит. по [113, с. 281]).

Сменивший кабинет Болдуина правительство Н. Чемберлена от «невмешательства» перешло к политике «умиротворения» агрессоров, наиболее трагическим результатом которой был мюнхенский сговор.

Политика «умиротворения» развязывала руки не только гитлеровской Германии, но и милитаристской Японии¹². К середине 1937 г. японский Генеральный штаб закончил подготовку и сосредоточение вооруженных сил для начала широких наступательных операций в Китае. 7 июля японские войска в районе Пекина (у моста Лугоуцяо) внезапно напали на китайский гарнизон, положив начало затяжной, восьмилетней японо-китайской войне. Китайский народ в этот грозный час оказался неподготовленным к организованному общенациональному сопротивлению с врагом. Несмотря на принципиальное согласие Чан Кайши на совместные действия с КПК, практически никаких шагов по созданию единого антияпонского фронта сделано не было. Не встречая стойкого сопротивления, японские войска в конце июля вступили в Пекин и Тяньцзинь, а в начале августа заняли Нанькоу и Чжан-цзякоу (Калган) — важные стратегические пункты на пути в северо-западные провинции и во Внутреннюю Монголию; 13 августа японский флот начал бои за Шанхай. Его падение 12 ноября 1937 г. серьезно дезорганизовало гоминьдановские войска. Правительство Китая из Нанкина эвакуировалось в Чунци. В условиях всенародного патриотического подъема Чан Кайши вынужден был (23 сентября) заявить о готовности установить сотрудничество с КПК.

Советский Союз и мировая прогрессивная общественность выступили с резким осуждением японской агрессии. Огромное политическое и моральное значение для китайского народа имел Договор о ненападении между СССР и Китаем, подписанный 21 августа 1937 г., т. е. в те дни, когда японцы или уже захватили, или находились на подступах к главнейшим городам страны, а токийская пропаганда и реакционная буржуазная пресса Запада безапелляционно утверждали о полной деморализации китайской армии и распаде китайского государства. Вслед за тем в Москву прибыла китайская правительственная делегация, возглавляемая маршалом Ян Цзэ, для переговоров о военной и экономической помощи. Предоставление Советским Союзом Китаю займа в раз-

мере 500 млн. ам. долл. и многочисленные контракты на поставку транспортных средств, материалов и горючего, а также направление военных советников для подготовки китайских армейских кадров сыграли огромную роль в антияпонской войне.

Создание единого национального антияпонского фронта на базе союза гоминьдана и КПК и получение советской военно-политической помощи оказали благотворное воздействие на развитие внутриполитической жизни в стране. В апреле 1938 г. съезд гоминьдана принял Манифест и Программу ведения войны сопротивления и строительства страны, поддержанные КПК. На основе этих документов при гоминьдановском правительстве был создан Национально-политический совет, в состав которого от КПК вошли Ван Мин, Дун Бинь, Дэн Инчао, Мао Цзэдун, Цинь Бансян (Бо Гу) и др. [109, с. 183].

По-иному к японскому вторжению отнеслись Великобритания, США и другие западные державы, особенно после установления сотрудничества между гоминьданом и КПК и принятием Китаем советской помощи. На конференции стран — участниц Вашингтонского договора, созванной в ноябре 1937 г. в Брюсселе по просьбе правительства Китая (на конференцию был приглашен и СССР, хотя он не подписывал Вашингтонского договора), представители Великобритании выступили против предложения Китая, поддержанного советской делегацией, о применении против Японии экономических санкций.

По вине Великобритании и США Брюссельская конференция, в которой Япония отказалась принять участие, закончилась безрезультатно. Более того, эти страны продолжали поставлять Японии стратегическое сырье и промышленные изделия. Так, в 1938 г. около 80% важнейшего стратегического сырья, военных материалов и промышленного оборудования Япония получала из США (56%) и Британской империи (свыше 20%). Выражая на словах сочувствие Китаю и высказывая пожелание мирного урегулирования японо-китайского конфликта, британские консерваторы на деле более всего боялись такого поворота событий. Министр иностранных дел Галифакс писал английскому послу в Токио Крейги: «Если бы мы склонили воюющие стороны (Японию и Китай. — М. С.) к заключению мира, то мы могли бы приблизиться к тому, что может стать величайшей опасностью для всех британских интересов, так как китайско-японский договор будет ударом по всем иностранным интересам и торговле» [26]. Галифакс считал, что взаимное ослабление Китая и Японии в ходе военных действий отвечает британским интересам на Дальнем Востоке. Главным же, почему, по его мнению, не следовало торопиться с помощью Китаю, была боязнь, что последний во все большей степени будет подпадать под влияние СССР.

Исходя из подобных соображений, английские правящие круги позволяли японскому правительству вести настойчивое и планомерное наступление на позиции Великобритании и других западных держав. В апреле 1938 г. японские оккупационные власти с

согласия Англии установили контроль над китайскими таможенными (что почти 100 лет было привилегией Великобритании), в результате чего предоставленные Китаю иностранные займы, в том числе и английские, утратили надежное обеспечение.

Еще более чувствительный удар Великобритании был нанесен в сфере экономики. В 1938 г. японцы создали на оккупированной территории Компанию по развитию Северного Китая и Компанию по развитию Центрального Китая, придав им монопольный характер. 30 апреля 1938 г. от имени марионеточных властей был издан «закон», предоставивший этим компаниям широкие полномочия по контролю над транспортом, портами, связью, производством и передачей электроэнергии, горнодобывающей промышленностью и предприятиями ряда других отраслей. На севере Китая японскими оккупационными властями был основан Федеральный банк, начавший эмиссию нового вида банкнотов, обязательных для внутренних и внешних расчетов всех фирм, в том числе и иностранных. Японцы таким образом получили полную возможность не только контролировать иностранные предприятия, но и «выкупать» их под вывеской марионеточных властей за оккупационные деньги.

Фактическое поощрение японской агрессии со стороны Англии и США (заявивших позицию чисто декларативного ее осуждения) позволило оккупантам к осени 1938 г. захватить обширные территории в Северном, Центральном и Южном Китае, почти все железные дороги и главные экономические центры страны. Успехи Японии и «нейтралитет» западных держав породили смятение в гоминьдановском руководстве. В декабре 1938 г. на сторону японцев перебежал Ван Цзиньвэй, примеру которого последовал ряд видных гоминьдановских деятелей.

С начала 1939 г. японцы приступили к разрушению правовой основы господства Великобритании и других западных стран в Китае, демонстративно нарушая экстерриториальность британских подданных, отказываясь признавать статус британских концессий и т. д. С приходом в Токио к власти кабинета Хиранума (с января 1939 г.) был взят курс на более решительное наступление на позиции соперников Японии. В мае 1939 г. Токио потребовало от Великобритании и США признания за Японией права управлять иностранными селтльментами в Шанхае и на о-ве Гулансюй. Вслед за тем, воспользовавшись инцидентом в Тяньцзине¹³, японские войска (июнь 1939 г.) блокировали английскую концессию в этом городе и предъявили требование передать им хранившееся там китайское серебро на сумму 57 млн. кит. долл. 24 июля 1939 г. по поручению правительства Чемберлена британский посол в Токио Крейги подписал с японским министром иностранных дел Арита капитулянтское соглашение, названное в мировой литературе «восточным Мюнхеном». По его условиям британская сторона признала, что «японские вооруженные силы, обеспечивая свою безопасность и порядок на оккупированных территориях, имеют специальные задачи, вызывающие необходимость подавлять или

устранять всякого рода действия, мешающие им и помогающие китайцам» [27, с. 313—314].

Подобные замысловатые формулировки не могли скрыть истинный смысл соглашения Крейги—Арита, сводившийся к тому, что британское правительство санкционировало установление контроля японской армии над британской концессией. Такая политическая близорукость и беспринципность вызывали возмущение в торгово-промышленных кругах Лондона. «Манчестер Гардиан» 12 июня 1939 г. писала: «С конца прошлого года мы, так же как и американцы и французы, привыкли к тому, что наши торговые права и интересы в Китае нарушаются японцами, наши граждане избиваются и арестовываются японскими солдатами, наши военные суда подвергаются бомбардировке с воздуха и обстрелу» (цит. по [104, с. 141]). Однако, несмотря на очевидную пагубность политики «умиротворения» и осуждение ее британской общественностью, консервативные лидеры оставались неумолимыми. Они надеялись, что военные столкновения между крупными японскими соединениями, вторгшимися на территорию МНР у р. Халхин-Гол, и советско-монгольскими войсками перерастут в большую войну¹⁴ и это оправдает все «издержки выжидания».

К началу 1939 г. все морское побережье Китая оказалось блокированным Японией, а на материке остались лишь две малоэффективные сухопутные дороги, связывающие страну с внешним миром: из пров. Юньнань через Бирму к Индийскому океану и из Ганьсу через Синьцзян в Советский Союз. Шосейный путь из Ланьчжоу (главный город пров. Ганьсу) до границы с Советским Союзом (пункт Хоргос) протяженностью 2925 км с начала китайско-японской войны стал использоваться для предоставления советской помощи, однако в 1937 г. и первые месяцы 1938 г. он имел подсобное значение, поскольку свыше 2 тыс. км восточного участка этого пути практически были пригодны лишь для вьючного транспорта. Поэтому основные поставки советского вооружения производились морским путем — из черноморских портов в порты Южно-Китайского моря. Блокада морского побережья лишила Китай связей с важнейшими источниками военного снаряжения. В эти трудные для Китая дни на помощь ему вновь пришел Советский Союз. В течение 1939 г. советские организации в основном завершили реконструкцию шоссе Хоргос — Ланьчжоу, превратив его в современный автомобильный тракт, ставший основной артерией снабжения сражавшегося Китая. СССР был почти единственным реальным источником обеспечения китайского народа вооружением, военными материалами и различными жизненно необходимыми товарами. Советские военные советники и инструкторы сыграли важнейшую роль в подготовке китайской армии и овладении ею современной боевой техникой¹⁵.

Новую позицию заняла Великобритания, контролировавшая дорогу Юньнань — Бирма. По требованию Японии британское правительство согласилось на летний сезон 1940 г. (с 18 июля) закрыть ее, что привело к приостановке перевозок до весны 1941 г.

скопившихся в Бирме военных грузов для Китая, поскольку в зимние месяцы данная дорога фактически не функционировала. Эти явно враждебные Китаю меры британские правящие круги старались оправдать все теми же обанкротившимися доводами — необходимостью умиротворения Японии уступками. Новый английский премьер-министр У. Черчилль, объясняя временное прекращение военных поставок через Бирму, демагогически утверждал: «Время, полученное таким образом, может привести Японию и Китай к справедливому беспристрастному решению, свободно принятому обеими сторонами» (цит. по [122, с. 108]). Британских консерваторов явно страшило усилившееся в Китае влияние Советского Союза и «полевение» некоторых видных деятелей гоминьдана. Они с тревогой следили за дискуссией в гоминьдановских кругах по вопросам войны с Японией, во время которой Сунь Фо (сын Сунь Ятсена) и Фэн Юйсян доказывали необходимость установления военного союза с СССР, чтобы добиться победы над Японией (см. [104, с. 152—153]). Японское правительство, со своей стороны, не без успеха подогревало антикоммунистические настроения правящей британской верхушки, ни на шаг не отступая от своих стратегических замыслов превращения Китая в свою колонию. В марте 1940 г. японцам удалось из числа китайских изменников образовать марионеточное «Центральное правительство» в Нанкине во главе с Ван Цзинвэем, согласившимся безоговорочно принять все японские требования.

Близорукая политика «умиротворения» японской военщины не только способствовала росту прояпонских настроений в определенных кругах гоминьдановского руководства, но и поощряла японцев к дальнейшему расширению агрессии, мишенью которой вскоре стали Великобритания и США. Недалековидность английской дипломатии привела к тому, что время было упущено и Великобритания оказалась неподготовленной к неизбежному военному столкновению с Японией.

КИТАЙСКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ТИХООКЕАНСКОЙ ВОЙНЫ (1941—1945)

27 сентября 1940 г. в Берлине между Германией, Японией и Италией был подписан «тройственный пакт», в котором провозглашалась «историческая обусловленность» руководящей роли Японии в Восточной Азии. Союзники Японии санкционировали ее притязания на Восточную Азию и обязались уважать создаваемый под ее руководством «новый порядок в великом восточноазиатском пространстве». В соответствии с этим договором, направленным прежде всего против Англии и США, Япония должна была отвлечь на себя силы указанных держав на Тихом океане.

В сентябре — начале октября 1941 г. японский генеральный штаб закончил разработку военных операций против Великобритании и США. Стратегические планы Японии были рассчитаны на

молниеносную войну, которая должна была начаться внезапным мощным ударом по военно-морским базам противника. В ночь с 7 на 8 декабря японская эскадра, включавшая более 30 кораблей, на борту которых находилось около 430 самолетов, скрытно приблизилась к военно-морской базе США в Пёрл-Харборе. Утром 8 декабря японские самолеты, взлетевшие с кораблей, произвели два массированных налета, нанесящих тяжелый урон американскому тихоокеанскому флоту¹⁶.

Одновременно японцы развернули наступление против основных британских баз на Малаккском полуострове и в китайских водах. Утром 8 декабря началась высадка десанта в районе Кота-Бару и Сингора, что сразу же создало угрозу Сингапуру. 10 декабря японская морская авиация потопила два крупнейших английских линкора — «Принц Уэльский» (35 тыс. т) и «Рипалс» (33 250 т), в результате чего британский флот в Юго-Восточной Азии лишился главной ударной силы.

В критическом положении оказался и Гонконг. В распоряжении командующего его гарнизоном генерал-майора К. М. Молтби было шесть пехотных батальонов, шесть отрядов волонтеров Гонконга, две горные и три средние батареи с 28 орудиями; береговая оборона состояла из 29 орудий. На море он располагал одним эскадренным миноносцем, восемью торпедными катерами, четырьмя канонерками и несколькими сторожевыми кораблями. На аэродромах Гонконга и Цзюлуна находились три торпедоносца, две амфибии и несколько транспортных самолетов (см. [127, с. 148]). Оккупация японскими войсками прилегающих к Гонконгу китайских территорий лишила британский гарнизон основных источников воды и продовольствия. Беспрерывными бомбардировками с воздуха и артиллерийским огнем японские войска к 17 декабря уничтожили большую часть оборонительных сооружений и их защитников, 18 декабря начался штурм, 25 декабря губернатор колонии М. Янг объявил о безоговорочной капитуляции (см. [127, с. 152—155])¹⁷. Главнейший британский форпост в Китае после 99 лет английского господства оказался в руках японцев.

В течение 24—25 декабря японцы заняли Британское Борнео, 15 февраля 1942 г. — Сингапур, в начале марта — большую часть Индокитайского полуострова, в апреле — Филиппины. В результате этих побед они уничтожили опорные базы Великобритании и США в западной части Тихого океана и овладели источниками важнейшего стратегического сырья и продовольствия.

Разгромив основные англо-американские силы в Юго-Восточной Азии, японцы получили возможность продолжать укреплять оккупационный режим на территории Китая и добиваться капитуляции чунцинского правительства. Выход Чунцина из войны значительно усилил бы военно-экономический потенциал Японии и крайне осложнил ситуацию для США и Великобритании. Привлечение Китая к активным военным операциям против японцев стало весьма важной задачей американского и английского правительств. Опасность японо-китайского примирения была устранена

после того, как 8 декабря китайское правительство объявило войну Японии и выразило солидарность с целями союзников. В опубликованной им декларации говорилось, что Китай ведет борьбу с Японией, чтобы «не только сохранить свою независимость и свободу, но и поддерживать международные законы и справедливость, защитить мир во всем мире и человеческое счастье» [24, с. 143].

22 декабря из Рангуна в Чунцин для обсуждения с Чан Кайши плана совместных действий против Японии прибыли генерал А. Уэйвелл — главнокомандующий британскими силами в Индии и американский генерал Г. Бресс. 23 декабря в Чунцине был создан Военный совет во главе с Чан Кайши. 1 января 1942 г. в Вашингтоне Китай поставил свою подпись под декларацией 26 стран, обязавшихся «использовать все свои ресурсы против государств оси» и не заключать с ними сепаратного перемирия или мира [24, с. 144].

Правящие круги США и Великобритании понимали, что при существующем в Китае положении, когда марионеточное правительство Ван Цзинвэя и многочисленные гоминьдановские перебежчики активно содействовали укреплению японского оккупационного режима, ослабляя сопротивление китайского народа, правительство Чан Кайши может осуществить свой союзный долг лишь при условии незамедлительного предоставления ему военно-экономической помощи.

В условиях когда в Европе продолжались ожесточенные сражения с фашистской Германией, лишь США располагали реальной возможностью поставлять Китаю в крупных масштабах вооружение, материалы и различное военное имущество. Президент Ф. Рузвельт, в полной мере осознававший ответственность момента, с необычайной для американского конгресса быстротой (в течение 2 дней) провел закон о предоставлении Китаю займа в 500 млн. ам. долл. и 8 апреля 1942 г. уведомил об этом Чан Кайши [24, с. 148]. Наряду с поставками вооружения американское командование пыталось поддержать боевой дух гоминьдановских армий и прямым участием в боях американской авиации.

Великобритания (при всей сложности своего положения в Европе) также считала необходимым активно участвовать в анти-японской войне. Однако главная задача британского командования в первые месяцы войны состояла в том, чтобы приостановить продвижение японских войск в направлении Индии. В целях реализации общесоюзного плана ведения тихоокеанской войны британское командование приняло на себя обязательство оказать содействие в формировании на индийской территории китайских воинских частей, которые вместе с английской армией в Индии должны были обеспечивать бирманский фронт. В 1942 г. Великобритания предоставила Китаю заем в 50 млн. ф. ст., предназначенный преимущественно для финансирования этих китайских армий (см. [24, с. 159]). Посетивший в конце марта 1942 г. Чунцин главнокомандующий британскими вооруженными силами в

Бирме генерал-лейтенант Александер с похвалой отзывался о действовавших под его командованием китайских частях: «Я видел многие соединения китайской армии в Бирме, и на меня произвела большое впечатление их хорошая подготовка и решимость. Они выглядят счастливыми, они трудятся упорно, их поведение и дисциплина прекрасны» [24, с. 146]. В то же время, встревоженные контактами китайских солдат с индийскими патриотами, боровшимися против английских колонизаторов, английские власти настоятельно требовали от Чунцин запретить китайским военным принимать какое-либо участие в политической жизни Индии. Удовлетворяя это пожелание, Чан Кайши дал указание китайским солдатам, «временно находящимся на земле дружественных соседей для военной подготовки», «тщательно избегать вовлечения себя в безосновательную критику и обсуждения индийской политики» [24, с. 146—147].

Японское правительство, со своей стороны, принимало активные меры по деморализации борющихся китайских армий, разложению руководящего гоминьдановского состава, пытаясь дедомогической пропагандой об «общности расовых интересов» японцев и китайцев приглушить ненависть китайского народа к японским оккупантам и направить ее против «белых империалистов».

После первого налета американской авиации на Японские острова (18 апреля 1942 г.) японцы начали решительное наступление на прибрежные районы Юго-Восточного Китая, чтобы лишить американцев возможности использовать их для создания аэродромов. После завершения этих операций японское командование 10 декабря 1942 г. отдало распоряжение об отмене планировавшегося наступления на Чунцин и сделало новую попытку «мирным путем» склонить Китай к «союзу» с Японией и использовать его в войне против США и Англии.

9 января 1943 г. японские власти объявили о заключении соглашения с «правительством» Ван Цзинвэя об «отказе» Японии от экстерриториальности и «передаче» ему японских и других иностранных концессий, находившихся в руках оккупационной администрации (см. [94, с. 300—301]).

Подобный маневр не мог ввести в заблуждение китайскую и мировую общественность. Слишком очевидны были колонизаторские замыслы интервентов, слишком вероломны и бесцеремонны были их методы установления «нового порядка», лишившего китайский народ элементарных прав. Тем не менее он вынудил Лондон и Вашингтон сделать аналогичный жест: 11 января они подписали с чунцинским правительством договоры об отказе от экстерриториальных прав в Китае (см. [24, с. 181—184, 185—190]).

Два десятилетия (с Вашингтонской конференции 1922 г.) откладывавшийся вопрос об отмене права экстерриториальности иностранцев в Китае наконец был решен. «Настоящим аннулируются, — говорилось в ст. 2 англо-китайского соглашения, — все те положения действующих договоров и соглашений, заключенных между Его Превосходительством Президентом Национального пра-

вительства Китайской Республики и Его Величеством Королем, или уполномоченными Его Величества Короля представителями, которые относились к юрисдикции подданных или компаний Его Величества... на территории Китайской Республики. Подданные и компании Его Величества Короля подлежат на территории Китайской Республики юрисдикции правительства Китайской Республики в соответствии с принципами международного права и практикой» [24, с. 186].

Правительство Великобритании согласилось передать под управление правительства Китайской Республики международные селтльменты в Шанхае и Сямыне (и обещало сотрудничать с ним в достижении договоренности с другими государствами, имевшими «права» на эти селтльменты), а также английские концессии в Тяньцзине и Гуанчжоу (ст. 4) [24, с. 186].

В то же время, несмотря на вынужденное отступление Англии в ряде вопросов, относящихся к правовой основе отношений с Китаем, в имущественной сфере британские интересы данным соглашением, по существу, не были затронуты. Самое же главное — англичане сохранили свои «права» на Гонконг и Цзюлун.

Китайское правительство на основе взаимности признавало права и статусы собственности британских подданных и фирм на территории Китая, осуществляемые «по законам и постановлениям Китайской Республики» [24, с. 187]. Особое значение для британских подданных и компаний имело сохранение их положения в упраздняемых открытых портах. «Понимается, — говорилось в обменных нотах, — что упразднение системы открытых портов не скажется на существующих правах собственности и что подданные каждой Высокой договаривающейся стороны будут иметь право приобретать недвижимое имущество и владеть им в любом месте на территории другой Высокой договаривающейся стороны в соответствии с условиями и требованиями, предписываемыми законами и постановлениями этой Высокой договаривающейся стороны» [24, с. 189].

Таким образом, в условиях еще далеко не закончившейся войны с Японией английское правительство получило максимально возможные в сложившейся ситуации льготы и, что еще важнее, добилось закрепления за ним колониальных владений на территории Китая.

В 1943 г. военно-стратегическое положение Японии значительно ухудшилось. Будучи не в состоянии удерживать растянувшиеся морские коммуникации и отступая под натиском превосходящих сил США на море, она приступила к подготовке массированного наступления с целью овладения Китаем и превращения его в прочную базу для ведения затяжной войны.

На Каирской конференции США, Великобритании и Китая, состоявшейся в ноябре 1943 г., были провозглашены лишь общие цели войны против Японии¹⁸, поскольку серьезные расхождения, главным образом между английской и американской делегациями, не позволили выработать согласованных решений по вопросам

дальневосточной стратегии. Более того англичане даже подвергли сомнению целесообразность предоставления Китаю военной помощи¹⁹. Резко относясь к усилению активности американцев в Юго-Восточной Азии, они противились осуществлению антияпонского наступления даже на подступах к Китаю — в Бирме²⁰. У американского же командования складывалось твердое убеждение, что Китай является «самым эффективным плацдармом для воздушных операций против Японии» [146, с. 242], и адмирал Нимитц, основываясь на этом, настаивал на высадке крупного десанта на китайскую территорию и создании там авиационных баз.

Япония, однако, постаралась сорвать эти расчеты американских штабов. К весне 1944 г. японское командование сосредоточило крупные ударные группировки против гоминьдановских войск и повело массированное наступление в центральных и юго-западных провинциях с целью разгромить главные гоминьдановские силы в указанных районах, уничтожить созданные там американские авиационные базы и овладеть богатейшими сельскохозяйственными и горнорудными ресурсами Китая и транскитайской магистралью, соединяющей Северный и Южный Китай. С марта по декабрь 1944 г. японские войска захватили главные города провинций Хэнань, Хунань, Гуанси и продвинулись далеко на запад в сторону Гуйчжоу и Чунцина. Гоминьдановские потери за это время составили около 1 млн. солдат, 10 крупных авиабаз и 36 аэродромов (см. [109, с. 202—203]). Китайские войска были полностью деморализованными и не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления японским оккупантам.

Несмотря на катастрофическое состояние гоминьдановской армии, Чан Кайши продолжал проводить антидемократический курс, разжигал распри с КПК и препятствовал воссозданию общенационального антияпонского фронта. Руководство КПК в этот период также оказалось неспособным возглавить борьбу за национальную независимость. Группа Мао Цзэдуна все шире развертывала начатую в 1941 г. кампанию против Коминтерна и коммунистов-интернационалистов, за полное подчинение ей партии и армии и, уподобляясь Чан Кайши, больше помышляла о союзе с США для получения американской помощи, чем о борьбе с японцами.

Ознакомившись с положением в гоминьдановском Китае после японского наступления 1944 г. и с настроениями Мао Цзэдуна, американско-английское командование пришло к выводу, что рассчитывать на эффективное участие китайских армий в борьбе с Японией бессмысленно, а вторжение американско-английских сил на территорию Китая бесперспективно и, более того, опасно. Китайский плацдарм таким образом остался за Японией, что открывало перед ней возможность затянуть войну на длительный срок.

Подобная перспектива была сорвана вступлением в войну СССР. Верный союзническому долгу, Советский Союз 8 августа 1945 г. — через три месяца после капитуляции Германии — объявил войну Японии. В результате молниеносного удара его вооруженных сил были наголову разбиты миллионная Квантунская ар-

мния и японские военно-морские части в районах Сахалина, Курильских островов и у берегов Северной Кореи. 14 августа 1945 г. император Хирохито принял требование союзных держав о безоговорочной капитуляции. 2 сентября на борту американского линкора «Миссури» в Токийской бухте состоялось подписание соответствующего акта.

С завершением Тихоокеанской войны Великобритания на основе китайско-английского договора 1943 г. получила возможность восстановить свои имущественные права на территории Китая. Так, уже 16 августа, т. е. всего через два дня после капитуляции Японии, Гонконгу был возвращен его прежний статус английской колонии (см. [150, с. 233]).

КИТАЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КИТАЕ (1946--1949)

Изгнание японских интервентов с территории Китая не привело к примирению враждующих политических группировок. К моменту окончания второй мировой войны в стране фактически сложилось два государственных образования: территории, контролируемые официальным гоминьдановским правительством, и обширные освобожденные районы на Севере и Северо-Востоке с народно-демократической администрацией, возглавляемой КПК.

Отсутствие национального единства ослабляло международные позиции Китая. Стремление Чан Кайши при помощи США и Великобритании укрепить однопартийный диктаторский режим вызывало тревогу китайской прогрессивной общественности за судьбы страны. Широкие слои населения требовали передачи власти коалиционному демократическому правительству, созыва Национального собрания, мирного объединения страны и полного восстановления национального суверенитета. В поддержку демократического движения в Китае выступила мировая прогрессивная общественность и (по линии межгосударственных отношений) Правительство СССР.

На Московских совещаниях министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. по настоянию Советского правительства было принято решение о необходимости мирного объединения Китая на демократической основе. Официально была подтверждена «верность политике невмешательства во внутренние дела Китая» [87, с. 161]. СССР и США выразили «полное согласие в отношении желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок, совместимый с выполнением ими их обязательств и с их ответственностью» [87, с. 162].

Эти решения благотворно сказались на внутриполитической обстановке в Китае. 10 января 1946 г. между гоминьданом и КПК было подписано соглашение о мирном урегулировании политических разногласий. В тот же день состоялось открытие Политиче-

ской консультативной конференции (ПКК) представителей четырех партий: гоминьдана, КПК, Демократической лиги и младокитайской партии. Комиссия ПКК обсудила важнейшие вопросы, от осуществления которых зависело будущее Китая: о реорганизации правительства, о послевоенной политической программе, о реорганизации армии и о созыве Национального собрания для принятия конституции.

Гоминьдановские власти, однако, не собирались выполнять решений ПКК. Они развернули по всей стране террористическую кампанию против КПК и демократических организаций и нарушили договоренность о прекращении огня. Пленум ЦИК гоминьдана, состоявшийся в начале марта 1946 г., фактически отклонил решения ПКК и взял курс на развертывание гражданской войны (см. [109, с. 219—220])²¹.

Антикоммунистическая позиция Чан Кайши в полной мере отвечала общему курсу империалистических кругов США и Великобритании в послевоенные годы. Нельзя считать случайным, что решение ЦИК гоминьдана о форсировании подготовки к гражданской войне по времени совпало с «фултонской речью» экс-премьера, духовного отца британских консерваторов У. Черчилля (5 марта 1946 г.), ставшей своего рода программой «холодной войны».

«Фултонская речь» Черчилля послужила основанием антикоммунистической «доктрины Трумэна» и оказала определяющее воздействие на конкретную политику правящих кругов США и Великобритании на Дальнем Востоке. Оснащенная современным американским оружием армия Чан Кайши с конца июня 1946 г. перешла в общее наступление против районов, контролировавшихся коммунистами, и к осени заняла более 100 крупных городов и территорию приблизительно в 200 тыс. кв. км (см. [109, с. 222]). Эти успехи были обеспечены прямым вмешательством в войну на стороне гоминьдановцев американских войск, которые, вопреки решению Московского совещания министров иностранных дел, не были выведены с территории Китая. Они укрепляли свои военно-морские и воздушные базы, обеспечивали продвижение гоминьдановских войск в Маньчжурию²².

Правительство Англии в этот период не решалось, да и не имело реальной возможности вмешаться в гражданскую войну в Китае, хотя оно неизменно солидаризировалось с позицией США, оказывавших широкую военную помощь гоминьдановскому режиму. Британский кабинет искал союза с правительством Чан Кайши и старался максимально использовать возможности, предоставляемые китайско-британским договором 1943 г. Он расширял связи с гоминьдановскими районами, способствовал восстановлению английских торгово-промышленных организаций, банков, консульств.

Вместе с тем к началу 1948 г., когда обнаружился явный перевес руководимой коммунистами Народно-освободительной армии (НОА) в гражданской войне, английские торгово-промышленные круги стали высказываться за установление связей с админи-

страцией КПК. В январе 1948 г. Комитет британских компаний, осуществлявший деловые связи с Китаем, принял резолюцию с требованием к правительству «установить экономические и культурные отношения с северо-китайским режимом» (т. е. народно-демократической администрацией. — М. С.)» [136, с. 65].

Эти трезвые призывы делового мира заглушались сторонниками «фултонской» программы Черчилля, антикоммунизм продолжал оставаться краеугольным камнем британской политики в Китае. В Лондоне еще надеялись, что принятая 3 апреля 1948 г. конгрессом США дополнительная программа помощи гоминьдановскому правительству в сумме 400 млн. ам. долл. (сверх уже предоставленной в 1946 и 1947 гг. военной помощи в 2,1 млрд. ам. долл. [85, с. 426, 433]) стабилизирует ее положение.

Уже после того, как НОА освободила всю территорию Маньчжурии и Северного Китая, министр иностранных дел Великобритании Бевин 9 декабря 1948 г. вновь подтвердил неизменность британской политики признания национального правительства (см. [136, с. 67]).

Между тем и американское вмешательство не могло предотвратить крушения гоминьдановского режима. Народно-демократическая власть под руководством КПК при содействии Советского Союза создала прочную военно-экономическую базу в Маньчжурии; сформированная там, оснащенная современным оружием, армия неудержимо продвигалась в Центральный Китай, а деморализованные гоминьдановцы панически отступали на юг.

В эти критические для гоминьдановского правительства дни Чан Кайши попытался еще раз прибегнуть к «миролюбивому» маневрированию, чтобы выиграть время и закрепиться в Южном Китае. В новогоднем послании он заявил о желании вступить в мирные переговоры с КПК при условии сохранения гоминьдановской конституции, государственной системы и армии. 14 января 1949 г. КПК выразила готовность вести мирные переговоры при условии выполнения выдвинутых ею восьми требований²³.

В сложившихся условиях у Чан Кайши оставалась последняя надежда — на вмешательство ведущих держав, в первую очередь США и Великобритании. 19 января 1949 г. его правительство обратилось к СССР, США, Англии и Франции с просьбой выступить посредниками в переговорах с КПК «о прекращении огня». Лондон, однако, вынужден был «с сожалением отклонить» это предложение (см. [136, с. 68]), так как в послевоенные годы левые, демократические тенденции заметно преобладали среди британской общественности и поддержка обанкротившегося гоминьдановского режима не встречала сочувствия.

Британское правительство тем не менее до последних дней существования гоминьдановского режима оставалось лояльным по отношению к нему и оказывало гоминьдановцам содействие при эвакуации в Гонконг, Сингапур и т. п.

Англия не согласилась с предложением гоминьдановского правительства перевести британское посольство из Нанкина в Гуан-

чжоу, который с 5 февраля 1949 г. стал новой резиденцией гоминьдановских властей (см. [136, с. 68]). Но, оставшись в Нанкине, британский посол Р. Стевенсон не входил в контакты с народно-демократической администрацией и допустил ряд враждебных действий по отношению к НОА, подошедшей к Нанкину. Еще более вызывающе вело себя британское военно-морское командование в зоне военных действий на Янцзы. К началу 1949 г. в Шанхае и Нанкине оставались английские военные суда «для защиты британских интересов». В тот момент, когда оба берега Янцзы в районе Нанкина уже находились в руках частей НОА, командующий британскими военно-морскими силами Шанхая по согласованию с Р. Стевенсоном и без какого-либо уведомления командования НОА направил 19 апреля из Шанхая в Нанкин фрегат «Аметист». На пути к Нанкину (в 60 км) он оказался в зоне расположения частей НОА и получил от них сигнал остановиться. Командование фрегата не посчиталось с сигналом и в ответ на предупредительные выстрелы береговых батарей начало артиллерийский обстрел позиций НОА. Ответным огнем «Аметист» был поврежден и вынужден был остановиться. Конфликт особенно обострился, когда на выручку «Аметисту» британское командование направило из Нанкина крейсер «Конкорд» и два корабля из Шанхая. В многократных столкновениях, в которых участвовало четыре английских корабля, британская сторона потеряла 42 человека убитыми (в их числе был капитан «Аметиста») и 53 человека ранеными; с китайской стороны пострадало 252 человека (см. [136, с. 69—71]).

Переговоры британского и китайского командования, продолжавшиеся в течение нескольких недель, не дали результатов. 30 июля под покровом ночной темноты англичанам удалось вывести «Аметист» в открытое море. Правящие круги Великобритании не только не осудили провокационного вояжа «Аметиста» в фронтовую зону, явно осложнявшего маневры английской дипломатии в дни окончательного краха гоминьдановского режима, но и объявили офицеров фрегата «героями», наградив их орденами.

КИТАЙСКО-БРИТАНСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ЧАН КАЙШИ

С конца 1927 до октября 1949 г. (до образования КНР) англо-китайские торгово-экономические отношения подвергались сильному воздействию внутрикитайских (гражданская война) и внешнеполитических факторов (вторжение Японии в Китай и Тихоокеанская война) и носили крайне неустойчивый характер.

Китайско-британская торговля. С приходом к власти правительства Чан Кайши Великобритания, при решающей помощи которой утвердился правогоминьдановский режим, оказалась в благоприятном положении.

Даже в условиях катастрофического мирового экономического

кризиса 1929 г., в результате которого внешняя торговля Китая сократилась с 2187 млн. таможенных таэлей в 1928 г. до 509 млн. таможенных таэлей в 1933 г. [134, с. 17], Британской империи удалось удержать свои позиции в китайском внешнеторговом товарообороте, где ее доля колебалась незначительно (табл. 22). Общий спад коснулся прежде всего Гонконга, удельный вес которого во внешней торговле Китая снизился за 1927—1933 гг. почти в 2,5 раза. Объяснялось это утратой Гонконгом транзитных функций в китайском импорте промышленных товаров из Великобритании и других западноевропейских стран, в результате чего его доля в китайском импорте упала с 20,56% в 1927 г. до 3,55% в 1933 г. [134, с. 629]. Что касается участия Гонконга в китайском экспорте, состоявшем наполовину из продовольствия и промышленного сырья, то в данной сфере его удельный вес сократился незначительно (1928 г. — 18,37%, 1932 г. — 15,35% [134, с. 629]), а в 1933 г. даже несколько возрос (19,75%), в то время как стоимость общеазиатского экспорта за указанный период упала почти в 2,4 раза (с 182 млн. таможенных таэлей в 1928 г. до 78 млн. в 1933 г. [134, с. 628]) и большую часть продовольствия Гонконг стал получать из британских владений, ограничив свои закупки в Китае лишь живым скотом, птицей, фруктами, овощами.

Утрату ведущей роли Гонконга британские торговцы постарались компенсировать возросшим участием в торговле с Китаем других частей империи, особенно Австралии и Канады. Эти доминионы вели с Китаем в основном одностороннюю торговлю, и его пассивное сальдо в торговле с ними достигало крупных размеров (с Австралией — в 1931 г. 60 млн., в 1933 г. — 54 млн. таможенных таэлей, с Канадой — в 1929 г. 33 млн., в 1933 г. — 13 млн. таможенных таэлей) [134, с. 629]. Импорт Китая из Австралии возрос с 2,7 млн. таможенных таэлей в 1928 г. до 55 млн. в 1933 г., тогда как экспорт в эту страну колебался лишь в пределах 739 тыс. (1928 г.) — 1,4 млн. таможенных таэлей (1936 г.). Увеличение австралийских поставок происходило главным образом за счет пшеницы, составлявшей в стоимостном выражении в 1933 г. 79% ввоза Австралии в Китай; среди других товаров выделялись мука, животное масло, шерсть. В китайском импорте из Канады ведущее место также принадлежало пшенице (в 1928 г. — 87%), хотя в отдельные годы первое место занимал свинцовый лист (в 1931 г. — 50%). В целом же ввоз из Канады обнаруживал неустойчивость — увеличившись в 1929 г. по сравнению с предшествующим годом в 2,3 раза, он в 1933 г. сократился (15,3 млн. таможенных таэлей) ниже уровня 1928 г. (16,4 млн. таможенных таэлей) [134, с. 659].

Возрастание в китайской внешней торговле удельного веса британских доминионов и колоний (Индия, Малайя) влекло за собой изменение и товарной структуры торговли Китая со странами Британской империи — они становятся крупными поставщиками промышленного сырья, значительная часть которого (шерсть, цветные металлы) поступала на английские и другие иностран-

ТОРГОВЛЯ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ С КИТАЕМ В 1927—1933 гг. *

Страна, территория	1927 г.		1928 г.		1929 г.		1930 г.		1931 г.		1932 г.		1933 г.	
	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %	Объем, млн. тамо- женных тазелей	Удель- ный вес, %
Великобритания	133,1	6,90	174,8	8,0	193,5	8,5	170,9	7,75	184,5	7,88	156,8	10,1	130,2	10,3
Гонконг	382,3	20,10	408,2	18,7	388,1	16,8	376,4	17,0	370,4	15,6	136,1	8,8	108,6	8,6
Индия	64,6	3,30	66,7	3,0	72,3	3,2	149,1	6,8	103,3	4,4	86,9	5,6	64,8	5,0
Малайя	32,5	1,10	32,0	1,0	35,4	1,6	28,8	1,3	24,8	1,0	19,1	1,9	18,1	1,6
Австралия	1,9	0,05	3,5	0,1	7,1	0,3	8,9	0,4	62,6	2,9	41,8	2,8	56,0	4,8
Канада	14,2	0,40	17,8	0,6	40,6	1,7	17,0	0,7	26,3	1,1	19,0	1,3	17,9	1,5
Всего	628,6	31,85	703,0	31,4	737,0	32,1	751,1	34,0	771,9	32,9	459,7	30,5	395,6	31,8

* [134, с. 102, 103, 432, 521—522, 628, 659, 685].

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КИТАЯ В 1934—1937 гг. *,
млн. ам. долл.

Год	Импорт			Экспорт			Общий товарооборот		
	Китай без Маньчжурии	Маньчжурия	Весь импорт	Китай без Маньчжурии	Маньчжурия	Весь экспорт	Китай без Маньчжурии	Маньчжурия	Весь товарооборот
1934	347,9	193,4	541,3	180,8	146,1	326,9	528,7	339,5	868,2
1935	333,2	180,7	513,8	208,7	125,9	334,6	541,9	306,6	848,4
1936	279,8	197,6	477,4	209,7	172,1	381,8	489,5	369,7	859,2
1937	279,4	255,5	534,9	245,7	185,8	431,5	525,1	441,3	966,4

* [112, с. 204].

ные предприятия, действовавшие на китайской территории. К середине 30-х годов Британская империя продолжала занимать прочные позиции в торговле Китая, и активное торговое сальдо в ней (в 1933 г. 116,4 млн. таможенных таэлей) являлось важным источником ее валютных накоплений.

После отчуждения японцами Маньчжурии и начавшегося в 1933 г. их вторжения в Северный Китай положение стало меняться. С 1934 по 1937 г., т. е. до начала японо-китайской войны, рост внешней торговли собственно Китая прекратился, тогда как контролируемая японцами торговля Маньчжурии возросла почти в полтора раза (табл. 23). Емкий рынок Маньчжурии, где японцы форсировали военно-промышленное и транспортное строительство, практически оставался недоступным для Великобритании и Гонконга. Лишь поставлявшие сырье Австралия и Индия представляли интерес для японцев, контролировавших Маньчжурию (табл. 24). Из общей суммы товарооборота Маньчжурии в 1937 г. (441,3 млн. ам. долл.) на долю Японии приходилось 284 млн. ам. долл. (64,5%).

Сфера прямой торговли Англии с Китаем еще более сузилась после вторжения Японии во Внутренний Китай и оккупации всех основных портов и городов страны. С 1938 г. торговля через Шанхай, Тяньцзинь, Гуанчжоу и другие порты шла не с китайцами, а с японской оккупационной администрацией, и Япония, зависевшая в обеспечении армии продовольствием, нефтепродуктами, военными материалами и машинами от США и Великобритании, всемерно поощряла эту торговлю (табл. 25).

После занятия японцами Шанхая, Тяньцзиня и Гуанчжоу заметно возросла роль Гонконга, который под защитой Великобритании оставался единственным «спокойным» портом в китайских водах и принял на себя функции перевалочной, транзитной базы для китайских экспортных товаров, поступавших туда из как оккупированных, так и неоккупированных районов страны, иногда в виде сырья или полуфабрикатов, нуждавшихся в дополнитель-

Таблица 24

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КИТАЯ
(ВКЛЮЧАЯ МАНЬЧЖУРИЮ) *,
млн. ам. долл.

Страна, территория	1934 г.			1936 г.			1937 г.		
	Китай без Маньчжурии	Маньчжурия	Весь Китай	Китай без Маньчжурии	Маньчжурия	Весь Китай	Китай без Маньчжурии	Маньчжурия	Весь Китай
Китайская внешняя торговля									
Импорт	347,9	193,4	541,3	279,8	197,6	477,4	279,4	255,5	534,9
Экспорт	180,8	146,1	326,9	209,7	172,1	381,8	245,7	185,8	431,5
Товарооборот .	528,7	339,5	868,2	489,5	369,7	859,2	525,1	441,3	966,4
В том числе:									
с Англией									
импорт	40,3	2,7	43,0	32,7	2,1	34,8	32,7	3,2	35,9
экспорт	12,8	5,3	18,1	18,8	7,9	26,7	23,6	2,7	26,3
оборот	53,1	8,0	61,1	51,5	10,0	61,5	56,3	5,9	62,2
с Гонконгом									
импорт	19,6	1,2	20,8	5,1	1,4	6,5	5,1	0,1	5,2
экспорт	25,6	2,2	27,8	31,5	2,5	34,0	47,6	0,2	47,8
оборот	45,2	3,4	48,6	36,6	3,9	40,5	52,7	0,3	53,0
с Индией									
импорт	22,1	7,8	29,9	5,5	8,1	13,6	6,1	10,0	16,1
экспорт	7,4	0,2	7,6	7,3	0,5	7,8	4,8	—	4,8
оборот	29,5	8,0	37,5	12,8	8,6	21,4	10,9	10,0	20,9
с Австралией									
импорт	3,7	7,0	10,7	4,8	3,0	7,8	4,9	1,0	5,9
экспорт	0,5	—	0,5	1,8	—	1,8	1,6	—	1,6
оборот	4,2	7,0	11,2	6,6	3,0	9,6	6,5	1,0	7,5
с Канадой									
импорт	6,5	—	6,5	5,9	—	5,9	5,0	—	5,0
экспорт	1,2	—	1,2	1,6	—	1,6	2,1	—	2,1
оборот	7,7	—	7,7	7,5	—	7,5	7,1	—	7,1
Всего со странами Британской империи	279,4	52,8	332,0	230,0	51,0	281,0	267,0	34,3	301,4

* [112, с. 209—210].

ной обработке. Гонконг в эти годы стал крупным реэкспортером китайского чая, шелка-сырца, щетины, тунгового масла и многих других товаров. В то же время его значение как импортера резко упало — объем гонконгского ввоза из Китая сократился с 19,6 млн. ам. долл. в 1934 г. до 3,6 млн. в 1939 г., т. е. почти в 6 раз.

В противоположность Гонконгу в последние годы перед Тихоокеанской войной Индия, Австралия и Канада были крупными поставщиками товаров Китаю, направлявшихся преимущественно в оккупированные китайские порты. Наряду с Японией, занявшей ведущее место в торговле с оккупированной территорией Китая, они также играли заметную роль в этой торговле, особенно в им-

ТОРГОВЛЯ ОККУПИРОВАННОГО КИТАЯ С БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ *.
млн. ам. долл.

Страна, территория	1938 г.			1939 г.		
	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот
Великобритания . .	11,9	14,8	26,7	10,2	8,8	19,0
Гонконг	51,0	4,5	55,5	24,7	3,6	28,3
Индия	5,1	6,1	11,2	4,1	14,2	18,3
Австралия	0,8	5,9	6,7	0,7	7,7	8,4
Канада	0,8	1,7	2,5	1,2	1,2	2,4
Всего . . .	69,6	33,0	102,6	40,9	35,5	76,4

* [17, с. 33].

Таблица 26

БРИТАНСКИЙ ВВОЗ В ОККУПИРОВАННЫЕ ПОРТЫ КИТАЯ *

Порт	1939 г.		1940 г.	
	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес в импорте в порт, %	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес в импорте в порт, %
Шанхай . . .	100,5	25,1	161,8	26,6
Гуанчжоу . . .	0,2	16,4	0,5	14,2
Тяньцзинь . .	17,9	18,9	27,2	26,6

* [112, с. 223].

порте важнейших видов оборудования, сырья и продовольствия (табл. 26).

Из общего объема ввоза пшеницы и пшеничной муки, составлявшего в 1939—1940 гг. 615 тыс. и 690 тыс. т, Австралия поставила соответственно 405 тыс. и 284 тыс. т. Импорт хлопка из Индии за эти же два года составил 260 тыс. т из общего ввоза в 393 тыс. т [112, с. 222].

Британская империя, несмотря на явно выявившуюся враждебность Японии, готовившейся к решительной схватке с англо-американскими соперниками, продолжала выполнять роль интенданта японской оккупационной армии; британские барышники продолжали вести выгодную торговлю с японцами вопреки национальным интересам Великобритании.

Тихоокеанская война почти полностью приостановила британские торгово-экономические связи с Китаем. По данным официальной английской статистики, в годы войны (1942—1945) Великобритания имела лишь случайные экспортно-импортные сделки с чунцинским правительством через Индию (в тыс. ф. ст.) [56, с. 50; 57, с. 90; 58, с. 106]:

Год	Экспорт	Импорт
1942	556	671
1943	1154	185
1944	1140	641
1945 (первое полугодие)	490	933

Изгнание японских оккупантов из Китая и Гонконга позволяло Англии восстановить торговлю с Китаем на основе договора 1943 г. Однако вновь вспыхнувшая гражданская война привела к раздвоению страны на территории, контролируемые Чан Кайши и народно-демократической администрацией, установившей дружественные торгово-экономические связи с Советским Союзом, МНР и странами народной демократии.

Курс британского правительства на поддержку гоминьдановского режима и оказания ему помощи в борьбе с народно-демократической властью находил соответствующее отражение и в области торгово-экономических отношений — британские фирмы старались бойкотировать Северо-Восток и другие территории, управляемые народно-демократической администрацией, и вели торговлю лишь с гоминьдановскими районами.

Гражданская война наложила отпечаток и на внешнюю торговлю последних. Эта зона, где находились крупнейшие промышленные центры страны (Шанхай, Тяньцзинь, Нанкин, Гуанчжоу и др.), оказалась отрезанной линией фронта от важнейших внутренних источников сырья (хлопка, шерсти, кожи и т. п.) и продовольствия, вследствие чего их ввоз из-за границы значительно возрос. Кроме того, острая необходимость в обновлении основных фондов иностранных предприятий, до окончания Тихоокеанской войны принадлежавших японцам или ими захваченных, могла быть удовлетворена также лишь за счет импорта. Великобритания, как крупнейший иностранный собственник, более других была заинтересована в форсировании ввоза оборудования и сырья. Эти объективные факторы, стимулировавшие внешнюю торговлю гоминьдановских районов, имели определяющее значение особенно в течение 1946—1947 гг., когда чанкайшистская армия при поддержке США одерживала победы, а иностранные и китайские фабриканты и торговцы рассчитывали на стабилизацию нанкинского режима (табл. 27).

В условиях гражданской войны внешняя торговля контролировавшихся Нанкином районов Китая находилась в прямой зависимости от политической ситуации в стране. Она достигла максимального подъема в 1947 г. (почти 1,5 млрд. ам. долл.), когда гоминьдановским войскам удалось даже захватить столицу Особого района — Яньань (март 1947 г.). В 1948 г., после решающих побед НОА, имело место ее резкое падение — более чем на 80%. Последний год гражданской войны (1949) характеризовался новым подъемом внешнеторгового оборота гоминьдановских районов, особенно экспорта. Однако на этот раз торговый бум опре-

Таблица 27

ТОРГОВЛЯ СТРАН БРИТАНСКОГО СОДРУЖЕСТВА С ТЕРРИТОРИЯМИ КИТАЯ,
КОНТРОЛИРУЕМЫМИ ГОМИНЬДАНОВСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ
ПЕРИОД (1946—1949) *,
млн. ам. долл.

Страна, территория	1946 г.			1947 г.		
	Импорт	Экспорт	Оборот	Импорт	Экспорт	Оборот
Внешняя торговля гоминьдановских районов	178,7	650,9	829,6	537,4	900,2	1437,6
В том числе:						
Великобритания	7,8	29,9	37,7	35,3	61,7	97,0
Гонконг	50,5	29,1	79,6	183,7	16,5	200,2
Индия	9,7	57,6	67,3	18,5	91,4	109,9
Австралия	0,6	9,0	9,6	3,1	11,7	14,8
Канада	1,1	11,8	12,9	1,9	34,2	36,1
Всего британские страны . .	69,7 (38,9)**	137,4 (21,1)	207,1 (25,0)	242,5 (45,1)	205,5 (22,8)	458,0 (31,8)

* [17, с. 34].

** В скобках — доля во всей внешней торговле гоминьдановских районов, в %.

делялся не успехами, а крахом гоминьдановского режима — массовым вывозом имущества и материалов бежавшими из страны чанкайшистами, китайскими и иностранными капиталистами.

Под влиянием внутривойсковых факторов происходили довольно значительные колебания как в объеме торговли гоминьдановской части Китая с различными странами, так и в их долевом участии во внешнеторговом обороте контролировавшихся Нанкинском районов. Так же как и в последнем, в китайско-британской торговле пик приходился на 1947 г. В последующие два года объем ее существенно сократился, однако из-за более быстрого падения общего товарооборота ее доля в нем возросла.

В послевоенной торговле Гонконг вновь занял ведущее место, особенно в китайском экспорте. Он прельщал китайских торговцев и предпринимателей своей политической и экономической стабильностью. Из года в год по мере обострения гражданской войны и нарастания угроз крупному предпринимательству в Китае туда отправлялись из китайских городов имущество, товары, оборудование, суда, перемещались торговые фирмы, банки и т. д. В 1949 г. на Гонконг приходилось около 45% общего вывоза из Китая. Правительство Великобритании, неизменно оставаясь на антикоммунистических позициях, в конце гражданской войны раскрыло двери Гонконга контрреволюционным китайским беженцам, приняв их в надежде на «лучшее будущее».

Инвестиции британского капитала. Уже в первые годы гоминьдановского правления Китай оказался под воздействием разрушительных внешних и внутренних экономических и политических фак-

Страна, территория	1948 г.			1949 г.		
	Импорт	Экспорт	Оборот	Импорт	Экспорт	Оборот
Внешняя торговля гоминьдановских районов	141,7	117,5	259,2	162,6	170,6	333,2
В том числе:						
Великобритания	5,5	9,5	15,0	8,3	15,4	23,7
Гонконг	44,5	1,7	46,2	77,8	18,2	96,0
Индия	8,1	13,9	22,0	3,5	17,5	21,0
Австралия	1,0	1,7	2,7	0,4	2,2	2,6
Канада	1,0	5,4	6,4	0,8	4,7	5,5
Всего британ- ские страны	60,1 (42,3)	32,2 (27,5)	92,3 (35,5)	90,8 (55,8)	58,0 (34,0)	148,8 (44,6)

* [17, с. 34].

** В скобках — доля во всей внешней торговле гоминьдановских районов, в %.

торов (мировой кризис 1929 г., японское вторжение, гражданская война). В этих условиях империалистические монополии (за исключением японских, освободивших оккупированные территории), не имея достаточных гарантий своим инвестициям в Китае, проявляли осторожность в отношении дополнительного вложения капитала в китайскую экономику и крайнюю сдержанность в предоставлении крупных займов китайскому правительству.

Следует заметить, что британский торгово-промышленный капитал находился в более благоприятном положении, нежели капитал других западных стран; располагая крупными вложениями в китайскую экономику, приносящими ему большие прибыли, он имел возможность наращивать капиталовложения за счет местных, китайских средств. Более того, с начала 30-х годов английские монополии большую часть своих прибылей вывозили из Китая, а новый незначительный приток британского капитала по большей части носил не коммерческий характер. В 1934—1938 гг. среднегодовая прибыль, получаемая британскими предпринимателями в Китае, равнялась 15,3% [117, с. 23]:

Вид предприятия	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	В среднем
Банки	23,2	21,6	24,8	24,1	22,9	23,3
Промышленное производство	5,9	7,0	9,3	30,4	15,2	13,6
Коммунальное хозяйство	15,2	10,0	8,4	11,9	16,1	12,3
Судоходство	7,1	7,2	5,6	10,8	32,9	12,7
Почтово-телеграфная связь	14,8	15,2	14,1	15,0	15,0	14,3
В среднем	13,2	12,2	12,4	18,4	20,0	15,3

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ БРИТАНСКИХ ДЕЛОВЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КИТАЕ
НАКАНУНЕ ЯПОНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ ВО ВНУТРЕННИЙ КИТАЙ

Отрасль	1931 г.		1936 г.	
	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %
Банковско-финансовые предприятия .	115,6	12,0	404,2	35,4
Торговля	240,8	25,0	260,8	22,9
Транспорт	134,9	14,0	61,6	5,4
Земельная и жилищная собственность	202,3	21,0	202,3	17,7
Горнодобывающая промышленность .	19,3	2,0	19,5	1,7
Обрабатывающая промышленность . .	173,4	18,0	151,1	13,2
Коммунальные предприятия	48,2	5,0	41,7	3,7
Всего	963,4	100,0	1 141,2	100,0

* [117, с. 20; 142, с. 397].

В приведенных выше данных нет сведений о размерах прибыли британских торговых предприятий в Китае, однако, согласно многим другим источникам, она, как правило, превышала 10%. Накануне японского вторжения во Внутренний Китай главной сферой функционирования английского капитала были банки и финансовые учреждения, на долю которых в 1936 г. приходилось 35,4% инвестиций, затем следовали торговля и земельно-жилищная собственность. По сравнению с 1931 г. наблюдался значительный рост капиталовложений в эти наиболее прибыльные отрасли, тогда как в промышленность и транспорт они сокращались. Участие британского капитала в китайской экономике принимало явно ростовщическое, паразитическое направление. Оно, ограничиваясь использованием уже созданных предприятий, во все меньшей степени способствовало развитию производительных сил страны. Общая сумма английского капитала в банковско-финансовой сфере возросла в 1936 г. по сравнению с 1931 г. в 3,5 раза, тогда как в промышленности (добывающей и обрабатывающей) и транспорте сократилась (табл. 28).

Прирост британских деловых инвестиций в рассматриваемый период (178,4 млн. ам. долл.) был ниже увеличения капиталовложений в банковско-финансовые предприятия более чем на 100 млн. ам. долл. Другими словами, ростовщическая банковско-финансовая деятельность была не только источником дополнительных инвестиций, но и возмещала утечку британского капитала из производственной сферы. Если исходить из того, что средняя прибыль от английских деловых инвестиций составляла около 10% в год, а средний размер функционирующего капитала в течение 5 лет (с 1 января 1932 г. по 1 января 1936 г.) принять за 1 млрд. ам. долл., то в этом случае общая пятилетняя прибыль британ-

ОБЩАЯ СУММА БРИТАНСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В КИТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
30-х ГОДОВ *

Вид инвестиций	1931 г.		1936 г.	
	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %
Деловые капиталовложения	963,4	80,9	1141,2	88,7
Правительственные займы	225,8	19,1	147,7	11,3
Всего	1189,2	100	1288,9	100

* [17, с. 27].

ских владельцев составила около 500 млн. ам. долл., из которых было вывезено 321,6 млн.

В течение 1931—1936 гг. значительно сократилась и задолженность китайского правительства Великобритании по займам, предоставленным до образования гоминьдановского правительства (с 225,8 млн. до 147,7 млн. ам. долл.). В этот период английское правительство предоставило Китаю один небольшой заем в 1936 г. в 2403,2 тыс. ф. ст. (11,7 млн. ам. долл.) [90, с. 123], тогда как сумма кредитного погашения, полученная им от Китая, составила 89,8 млн. ам. долл. В результате общий объем британских капиталовложений в Китае за 1931—1936 гг. вырос всего на 100 млн. ам. долл., т. е. на 8% (табл. 29).

Накануне Тихоокеанской войны Англия предоставила Китаю на правительственной и коммерческой основе семь займов: в 1937 г. три — на сумму 5,656 млн. ф. ст. для финансирования Хунань-Гуандунской железной дороги, 1,2 млн. ф. ст. (5,5 млн. долл.) и 1 млн. ф. ст. (4,9 млн. долл.) [17, с. 123]; в 1938 г. один — на сумму 3,5 млн. ф. ст. (для финансирования экспорта); в 1939 г. — один на сумму 5 млн. ф. ст. (для стабилизации валюты); в 1941 г. два — на сумму 5 млн. ф. ст. (на те же цели) и еще 5 млн. ф. ст. (для финансирования торговли) [24, с. 159].

Уже в первые месяцы войны вся британская собственность на территории Китая и Гонконга как «вражеская» перешла в руки японской оккупационной администрации. 9 февраля 1943 г. последняя разыграла фарс «передачи» «правительству» Ван Цзинвэя свыше тысячи объектов «вражеской собственности», в том числе 18 фабрик, принадлежавших английским и другим иностранным владельцам. В течение марта—июля состоялось торжественное вступление марionеточных властей в «управление» международными селльментами в Шанхае и Сямыне. Этими актами японцы лишили Великобританию и другие государства прав собственности на огромное имущество. Япония стала фактическим распорядителем всех иностранных инвестиций в Китае, оценивавшихся к кон-

БРИТАНСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В КИТАЕ К КОНЦУ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Вид инвестиций	1936 г.		1945 г.	
	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %	Объем, млн. ам. долл.	Удельный вес, %
Деловые капиталовложения	1141,2	88,7	1067,0	80,8
Правительственные займы	147,7	11,3	255,1	19,2
Всего	1288,9	100	1322,1	100

* [17, с. 13].

цу Тихоокеанской войны в 9754 млн. ам. долл. (из них 8320,3 млн. — прямых) [90, с. 29].

Британские владения в Китае после окончания второй мировой войны. Безоговорочная капитуляция Японии повлекла за собой ликвидацию всей оккупационной системы управления иностранной собственностью и восстановление имущественных прав бывших владельцев, в том числе и английских подданных. Вместе с тем согласно англо-китайскому договору 1943 г. подданные Великобритании лишились экстерриториальности и их пребывание и деятельность на территории Китая стали определяться китайскими законами. Британская администрация концессий в Тяньцзине и Гуанчжоу, а также международные муниципалитеты селтльментов в Шанхае и Амое были упразднены, и управление этими территориями стало осуществляться китайскими властями. Однако с согласия чанкайшистского правительства при китайской администрации бывших иностранных концессий и селтльментов были созданы консультативные советы из представителей торгово-промышленных иностранных кругов, большую часть которых составляли англичане (см. [150, с. 234]).

Англичане — владельцы фабрик, заводов, торговых контор, складов, магазинов, ресторанов и другого имущества — получили полные права на управление своей собственностью, в результате чего объем британских прямых капиталовложений в экономику Китая восстановился практически на довоенном уровне (табл. 30). «Казалось, — отмечает американский экономист Д. Вудкок, — что британская торговая империя в Китае поднялась во всей своей прежней силе» [150, с. 234]. Английских фабрикантов и торговцев не покидала надежда на то, что и после утраты прав экстерриториальности сила их капитала в условиях экономически слабого Китая позволит им сохранить систему колониальной эксплуатации китайского народа.

Несколько выросла (за счет займов, полученных в военное время) правительственная задолженность Китая Англии (табл. 30).

Эти надежды, разумеется, связывались с сохранением антиде-

мократического правительства Чан Кайши. Однако реально складывавшаяся неблагоприятная для Англии международная обстановка, особенно после предоставления в 1947 г. независимости Индии и фактического распада Британской империи, решительные победы народно-освободительной армии и явное приближение краха чанкайшистского режима охладили разгоряченное воображение британских колонизаторов.

С середины 1947 г. началось массовое бегство иностранного капитала из Китая. В течение 1947—1948 гг. денежные переводы китайских банков за границу, составившие 775 млн. ам. долл. (в 1947 г. — 486 млн.; в 1948 г. — 289 млн.) [17, с. 13], превышали поступления, а в 1949 г. размеры вывоза ценностей уже не поддавались учету.

Китайский экономист Вэй Цычу, исследовавший проблему иностранных инвестиций в экономику Китая, свидетельствует, что за период с начала XX в. до антияпонской войны сумма капиталов, ввезенных иностранцами в Китай, составила лишь немногим более 1 млрд. ам. долл., а вывезенные прибыли достигли 2 млрд. ам. долл. [90, с. 13]. Учитывая, что к этому времени общая стоимость иностранных деловых инвестиций (без Японии) в Китае оценивалась в сумму немногим более 2 млрд. ам. долл., Вэй Цычу с полным основанием сделал вывод, что «весь инвестированный иностранцами капитал принадлежит Китаю» [90, с. 13]²⁴.

* * *

В рассматриваемый период под влиянием мировых событий, прежде всего разгрома Японии, внутреннее и международное положение Китая радикально изменилось; перестала существовать и могущественная Британская империя. На протяжении всех лет тяжелой и упорной борьбы китайского народа за национальную независимость и создание народно-демократической республики правящие круги Великобритании, ослепленные классовой ненавистью к коммунизму, неизменно принимали сторону врагов китайской революции, видя главную опасность английским интересам в Китае в нарастающем революционном движении народа этой страны. В годы вооруженного вторжения Японии, когда создавалась угроза не только независимости Китая, но и интересам японских империалистических конкурентов, в том числе Великобритании, английские правящие круги были прямыми пособниками японской экспансии. Они шли на неоправданные и даже уничтожительные компромиссы с японской военщиной, пытаясь использовать ее для подавления революционного движения.

После разгрома и изгнания японских интервентов Великобритания, утратившая свое колониальное могущество и оказавшаяся во втором эшелоне мирового империализма, продолжала солидаризироваться с китайской контрреволюцией и поддерживать реакционную клику Чан Кайши. Вместе с США правящие круги Англии противодействовали утверждению нового, народно-демократического строя в Китае.

ОТНОШЕНИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ (1949—1978 гг.)

ОБРАЗОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

21 сентября 1949 г., когда Народно-освободительная армия завершала изгнание разгромленных гоминьдановских войск из окранных провинций (Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу и Синьцзян), в Пекине открылась сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), созданного еще в начале 1946 г. (на Политической консультативной конференции), но не осуществлявшего свои функции из-за развязанной гоминьдановцами гражданской войны.

На сессии было образовано Центральное народное правительство Китайской Народной Республики и принята Общая программа НПКСК, определившая характер и цели КНР.

«Великие победы народно-освободительной войны и народной революции в Китае, — говорилось во Введении Общей программы, — положили конец периоду господства в стране империализма, феодализма и бюрократического капитала» [15, с. 30].

1 октября было провозглашено создание Китайской Народной Республики, которая, как говорилось в Общей программе, «осуществляет находящуюся под руководством рабочих и крестьян диктатуру народной демократии, основанную на союзе рабочих и крестьян и объединяющую все демократические классы и все национальности Китая, и ведет борьбу против империализма, феодализма, бюрократического капитала — за независимость, демократию, мир, единство и создание процветающего и сильного Китая» [15, с. 31].

В условиях сохранения в стране многоукладности «все предприятия, имеющие важное значение для экономической жизни страны и занимающие монопольное положение в национальной экономике», передавались под единый государственный контроль. В Общей программе была поставлена задача разработки генерального плана восстановления и развития народного хозяйства, т. е. перевода страны на рельсы плановой экономики, в которой государственному сектору, являющемуся «социалистическим по своему характеру», отводилось ведущее место [15, с. 40].

Во внешнеполитической сфере основной задачей объявлялось обеспечение «независимости, свободы, целостности территории и суверенитета» страны [15, с. 48]. Правительство КНР заявило о своей готовности поддерживать дружественные отношения со всеми странами и «изучить договоры и соглашения, заключенные правительством гоминьдана с иностранными правительствами, и в зависимости от их содержания признать, аннулировать, пересмотреть или перезаключить их» [15, с. 49]. В качестве непременного условия правительство КНР требовало, чтобы вступающее в переговоры с ним иностранное государство порвало «отношения с гоминьдановскими реакционерами» и заняло дружественную позицию в отношении Китайской Народной Республики [15, с. 50].

Образование КНР и декларированные народным правительством принципы внутренней и внешней политики были весьма дружелюбно встречены прогрессивными и миролюбивыми народами мира, социалистическими и народно-демократическими государствами.

Советский Союз был первым государством, признавшим КНР (2 октября) и установившим с ней дипломатические отношения¹.

Вслед за тем дипломатические отношения с КНР установили Болгария (3 октября), Польша (4 октября), Румыния (4 октября), Венгрия (4 октября), Чехословакия (4 октября), КНДР (5 октября), МНР (7 октября), ГДР и Албания (21 ноября). Установление дипломатических отношений с этими странами положило начало тесному сотрудничеству КНР с социалистическим содружеством. Особое значение для упрочения КНР имел Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, подписанный в Москве 14 февраля 1950 г., а также советско-китайские соглашения о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем и о предоставлении кредита Китаю. КНР, обретшая друзей в лице социалистических стран, получила возможность утвердиться как народно-демократическая республика и приступить к осуществлению социально-экономических преобразований для перехода на социалистический путь развития.

УСТАНОВЛЕНИЕ КИТАЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В Англии «твердолобый» черчиллевский, антикоммунистический и колониальный курс (нашедший свое воплощение в уже упоминавшемся эпизоде с «Аметистом») встречал все более растущее противодействие со стороны прогрессивной общественности.

Лондонская пресса, выражавшая интересы торгово-экономических кругов, активно выступала в пользу установления отношений с «коммунистическим Китаем». Уже в мае 1949 г. «Таймс», напомним в редакционной статье о «древности связей Великобритании с Китаем», писала: «Если китайские коммунисты осознают, какой выигрыш их страна может получить от торговли и дружбы с западными государствами, то двери для них не будут закрыты» [163, 5.V.1949].

Нарастала оппозиция курсу ослепленных антикоммунизмом консерваторов и среди государственных деятелей либерального направления, осознававших ее нереальность в условиях начавшегося распада мировой колониальной системы. Накануне образования КНР некоторые влиятельные деятели Великобритании, убеждаясь в неспособности США сохранить реакционный, гоминьдановский режим в Китае и беспокоясь за судьбу Гонконга и британских инвестиций в Китае, склонялись к мысли об установлении официальных отношений с «коммунистической администрацией». Так, 10 июня 1949 г. первый лорд адмиралтейства Александер во время краткого пребывания в Гонконге заявил, что Великобритания желает установить и поддерживать отношения с китайским народом и «с любым правительством, которое может избрать китайский народ» (цит. по [136, с. 74—75]). Высказавшись в таком же плане в палате общин 22 июня (по возвращении из Гонконга), он добавил, что правительство Англии резервирует за собой возможность «оградить население Гонконга и Малайи от опасности подвергнуться давлению из-за неурегулированных обстоятельств в Китае» (цит. по [136, с. 75]).

Одновременно британский консул в Шанхае информировал Лондон о единодушном требовании местных английских торговцев безотлагательно установить официальные отношения с новым режимом и немедленно признать (после его создания) Центральное народное правительство. Он сообщал, что народно-демократическая администрация Шанхая (занятого частями НОА 27 мая 1949 г.) проявляет «выдержанность, умеренность и реализм» и заверяет иностранные торговые круги, что они могут рассчитывать на продолжение торговых связей с Китаем «так долго, как это возможно» (цит. по [136, с. 75]).

В то же время влиятельные силы в правящих британских кругах, в принципе ориентировавшихся на США², правительство которых заняло бескомпромиссную позицию борьбы против китайских народно-демократических сил, крайне враждебно относились к «коммунистическому» Китаю. Лондонская «Таймс» пугала общественность «агрессивностью китайских коммунистов», которые, по ее утверждению, овладев Тибетом, создадут угрозу британским интересам в Южной Азии (см. [136, с. 77]).

Провозглашение КНР, установление власти народного правительства на всей континентальной территории страны и признание ее Советским Союзом и другими социалистическими странами ставили британское правительство перед необходимостью четко определить свое отношение к новому строю в Китае. Следовать американскому курсу поддержки эмигрантской администрации Чан Кайши, в возвращение которой на материк не верили даже консерваторы, значило поставить под угрозу все британские интересы в Китае.

18 октября посол Англии Р. Стевенсон отбыл из Китая для «консультаций» в Лондон. В ноябре он принял участие в конференции британских дипломатов и колониальных администраторов

(губернаторов Гонконга и Сингапура), созванной для определения позиции по отношению к новому режиму в Китае и проходившей в Малайе под руководством генерального комиссара Соединенного королевства в Юго-Восточной Азии М. Макдональда. Эта конференция рекомендовала Лондону безотлагательно признать «коммунистическое правительство» Китая [136, с. 78].

Склоняясь к признанию КНР, министр иностранных дел лейборист Бевин в то же время считал необходимым проведение консультаций со странами британского содружества, с тем чтобы о признании правительства КНР заявили одновременно несколько государств.

Консультации, однако, показали, что достигнуть согласия между членами содружества по этому вопросу невозможно: Австралия требовала, чтобы признанию правительства КНР предшествовало его заверение о территориальной неприкосновенности соседних с Китаем стран, в частности и Гонконга; Индия возражала против выдвижения каких-либо предварительных условий и настаивала на безотлагательном признании народного Китая (см. [136, с. 78]). В связи с полной невозможностью согласовать свои точки зрения страны содружества (как и другие не социалистические государства) проблему взаимоотношений с Китаем начали решать самостоятельно. Первым из государств бывшей Британской империи, признавшим КНР, стала Бирма, правительство которой заявило об этом и о согласии установить с ней дипломатические отношения 19 декабря 1949 г. (см. [15, с. 99]). Примеру Бирмы последовала Индия. 30 декабря от имени ее правительства Дж. Неру уведомил Чжоу Эньлая о признании правительства КНР и о желании установить дипломатические отношения. Подобное решение Индии, крупнейшей (после Китая) страны Азии, имело для КНР весьма важное политическое значение (см. [15, с. 102—103]).

Не могла надолго откладывать решение вопроса о признании КНР и Великобритания, интересы которой в Китае были весьма велики. Торговые круги Лондона и Шанхая, испытывавшие серьезные затруднения из-за отсутствия официальных связей с властями КНР, оказывали в указанном плане сильный нажим на правительство.

5 января 1950 г. Лондон (через чанкайшистского посла в Англии Чжэн Тяньси) известил тайваньское правительство о прекращении с ним дипломатических отношений. 6 января генеральный консул Великобритании в Пекине Грэхэм вручил Чжоу Эньлаю официальное письмо Бевина, в котором говорилось: «Я имею честь уведомить Ваше превосходительство, что Правительство Соединенного Королевства Великобритании, изучив ситуацию, возникшую вследствие образования Центрального Народного Правительства КНР, и учитывая, что оно в настоящее время эффективно контролирует подавляющую часть территории Китая, с сего дня признает названное Правительство законным Правительством Китая. В соответствии с этим Правительство Соединенного Ко-

ролевства в ответ на обращение председателя Мао Цзэдуна от 1 октября 1949 г. готово установить дипломатические отношения на основе равенства, взаимной выгоды, взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета и выражает готовность обменяться дипломатическими представителями с Центральным Народным Правительством» [15, с. 101—102].

Пекин уведомлялся также о разрыве дипломатических отношений Англии с Тайванем (где был оставлен генеральный консул) и о назначении поверенным в делах Соединенного Королевства в КНР бывшего торгового советника британского посольства в Нанкине Хатчисона (см. [136, с. 79]).

9 января Чжоу Энлай в ответ на письмо Бевина сообщил о согласии правительства КНР на установление дипломатических отношений с Великобританией и на пребывание в Пекине Хатчисона в качестве поверенного в делах.

Обмен нотами между министерствами иностранных дел КНР и Великобритании, положил начало установлению официальных дипломатических отношений между обеими странами. При отсутствии нового договора взаимоотношения между ними фактически строились на основе китайско-британского договора от 11 января 1943 г., т. е. английские подданные лишались права экстерриториальности, британские концессии на территории Китая упразднялись. Однако сохранялся колоннальный статус Гонконга, поскольку о нем не было заключено какого-либо нового соглашения.

СУДЬБА БРИТАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ В КИТАЕ

Размеры британской собственности в Китае к моменту образования КНР в китайской и английской исторической литературе оцениваются лишь приблизительно, на основе разрозненных данных по отдельным городам и ведущим отраслям промышленности. В ходе Тихоокеанской и гражданской войн позиции английского капитала в китайской экономике существенно ослабли. Так, по данным китайского экономиста Вэй Цычу, в 1936 г. в Шанхае было зарегистрировано 266 английских экспортных фирм, в Тяньцзине — 185, в Ханькоу — 14; в 1946 г. возобновили свою деятельность 98 фирм в Шанхае и 47 — в Тяньцзине, а в 1950 г. число их сократилось до 60 в Шанхае, 41 — в Тяньцзине и 9 — в Ханькоу. В целом в 1950 г. на всей территории Китая имелось около 200 английских компаний приблизительно со 100 филиалами, что составляло менее $\frac{1}{3}$ их довоенной численности [117, с. 31—32].

Все эти фирмы контролировались или находились в той или иной степени зависимости от двух могущественных британских концернов: «Джардин, Мэзисон энд К^о» и «Баттерфилд энд Суайр». Английский историк Э. Луард не без оснований замечает, что «королем» в иностранных торговых кругах Шанхая был директор-распорядитель концерна «Джардин, Мэзисон энд К^о» и что он, а не британский генеральный консул, поддерживал отношения с новыми китайскими властями (см. [136, с. 132]).

В английских фирмах было занято около 100 тыс. рабочих и служащих, из которых на Кайлуаньские угольные копи³ приходилось около 60 тыс. и на предприятия Шанхая около 30 тыс. человек [117, с. 32].

Неустойчивость политической ситуации вызвала в 1948—1949 гг. отлив британского капитала из Китая в Гонконг, Сингапур и Англию. В результате к 1950 г. общая стоимость британских деловых инвестиций составляла около 800 млн. ам. долл. (200 млн. ф. ст.) [117, с. 31], то есть уменьшилась на 325 млн. ам. долл. против 1936 г. Одновременно резко сократился завоз оборудования и сырьевых товаров (австралийская шерсть, американский хлопок и др.) для обеспечения английских предприятий.

К 1950 г. производственная деятельность британских предприятий в Китае заметно пошла на убыль. Так, прядильные фабрики компании «Эво Коттен Миллс» из имевшихся 170 тыс. веретен использовали лишь около 50 тыс. и выпускали примерно $\frac{1}{5}$ прежнего объема продукции; Кайлуаньские угольные копи, занимавшие до войны в Китае монопольное положение (свыше 50%) в добыче каменного угля механизированным способом (в 1936 г. общая добыча составила 34 млн. т), фактически лишились материального обеспечения, поскольку английские акционеры перевели свои денежные средства в лондонские банки. В результате удельный вес кайлуаньского угля упал до 12% общей добычи в стране [117, с. 33].

Оставшиеся на территории Китая британские предприятия должны были функционировать в новых условиях, на основе трудового, торгового и общезаконодательного законодательства, введенного правительством КНР. Китайско-британский договор 1943 г., формально остававшийся в силе, не содержал постановлений, регулирующих административную и коммерческую деятельность предприятий, а поэтому не мог обеспечить их нормальное функционирование в условиях складывавшейся централизованной экономики КНР. Иностранные предприятия подпадали под действие «Временного положения о частных предприятиях», изданного Государственным административным советом (ГАС) 29 декабря 1950 г. на основе Общей программы НПКСК, которая декларировала поощрение и поддержку полезных для благосостояния государства и народа частных предприятий при руководящей роли государственного сектора [14, с. 246]. «Временное положение» предусматривало регламентирование распределения прибылей (максимальные дивиденды — 8% годовых; ассигнования на улучшение техники безопасности и санитарии — 15%; на улучшение быта рабочих и служащих и на поощрение их труда — 15% и др.) [14, с. 254]. Деятельность частных предприятий определялась общей экономической политикой правительства КНР и народнохозяйственными планами. «В целях преодоления анархии производства, регулирования производства и сбыта и постепенного перехода к плановой экономике, — говорилось в ст. 6 „Временного положения“, — правительство в необходимых случаях может уста-

навливать планы производства и сбыта некоторых важнейших видов продукции, которые должны соответственно выполняться общественными и частными предприятиями» [14, с. 248].

Законодательство КНР устраняло возможность валютных спекуляций иностранных банкиров и торговцев и ограничивало вывоз ими прибылей из Китая. С 1 апреля 1951 г. на всей территории КНР было установлено единое денежное обращение выпускаемой китайским Народным банком национальной валюты (*жэньминь би* — народные деньги), вывоз которой за границу был запрещен. Иностранные фирмы должны были разменивать валюту своих стран на жэньминь би, а для вывоза за границу полученных прибылей — конвертировать жэньминь би в иностранную валюту по официальному курсу Народного банка Китая. Еще более радикальной мерой по ликвидации односторонних привилегий иностранцев, и прежде всего англичан, в торгово-экономических отношениях с Китаем явилось постановление ГАС о реорганизации китайской таможни и удалении иностранного персонала из Главного таможенного управления. Из ведения таможни были исключены не свойственные ей функции (управление портами, постройка сооружений для мореходства, расчистка русел рек, патрулирование морских границ портов и др.), а таможенные доходы стали поступать непосредственно в казну КНР. «Главное таможенное управление, — говорилось в постановлении, — несет ответственность за осуществление практического руководства и надзора над ввозимыми и вывозимыми товарами и валютой, за уплату таможенной пошлины, за осуществление борьбы с контрабандой, с тем чтобы оградить нашу страну от экономической агрессии капиталистических стран» [14, с. 242].

Восстановление полного суверенитета Китая в отношениях с Западом, несомненно, существенно ограничило предпринимательскую инициативу иностранного капитала, лишало его спекулятивной маневренности. Вместе с тем оно создало условия стабильности, твердой законности для нормальных отношений капиталистических стран с Китаем, чего не было при гоминьдановском режиме. К середине 1950 г. среди британских торговцев предпринимателей, связанных с «китайскими делами», превалировал оптимизм. Ведущие представители торгово-промышленных кругов Англии, посетившие Пекин в октябре 1950 г., пришли к выводу, что при благоприятной международной обстановке КНР с большим желанием будет торговать с Британским содружеством (см. [136, с. 134]). Их не смущала и начавшаяся война в Корее. Первые месяцы ее даже вызвали «торговый бум», и товарооборот Гонконга с Китаем в 1950 г. поднялся до 100 млн. ф. ст. [136, с. 135]. Однако вскоре оптимизм британских торговцев резко пошел на убыль.

Строя свои расчеты только на емкости китайского рынка, они в то же время выражали крайнее недовольство государственным регулированием экономики, валютно-финансовыми ограничениями, участием органов народной власти в определении режима пред-

приятий, плановым обеспечением сырьем и распределением готовой продукции и т. п. Возмущенные барышники сравнивали новый торгово-экономический режим «с существовавшим в Гуанчжоу 200 лет тому назад» [136, с. 136] (т. е. с системой гунхан).

Осознав, что дальнейшее использование желательных им форм и методов хозяйственной деятельности невозможно, владельцы британских предприятий начали терять к ним интерес. Политика английских компаний в тот период сводилась к тому, чтобы полностью прекратить финансирование предприятий за счет ввоза капитала (денежных переводов, материалов), максимально вывезти вложенный капитал за границу (конвертированием китайской валюты в иностранную, вывозом товаров), а финансирование производить за счет местных средств, в том числе путем кредитования в местных банках (китайских и английских). В результате такой политики на счетах британских и англо-китайских компаний в зарубежных банках накапливались крупные резервные суммы, а внутри Китая росла их задолженность государственным органам КНР и местным банкам. Примером этого может служить англо-китайская Кайлуаньская угольная компания. В начале 1950 г. на ее счетах в Лондоне находилось 600 тыс. ф. ст. резервного фонда и свыше 1 млн. ф. ст. оборотного капитала [117, с. 45]. В связи с нарастающей крупной задолженностью компании правительство КНР в апреле 1950 г. потребовало от нее перевести из Лондона в КНР 500 тыс. ф. ст. для расчетов с китайскими кредиторами [136, с. 138]. Находившееся в Лондоне правление отказалось выполнить указанное требование и приняло решение о прекращении участия английских акционеров в делах компании. Весь британский персонал компании был отозван из Китая. На последующих переговорах было достигнуто соглашение, по условиям которого правительство КНР приняло на себя все обязательства по оплате долгов компании в Китае, в компенсацию чего британская сторона уступила ему свою долю собственности в компании (см. [136, с. 138]).

Неустойчивость и бесперспективность коммерческой деятельности английских фирм в Китае стали еще более очевидными после присоединения Великобритании к американскому курсу блокады КНР в связи с участием китайских добровольцев в корейской войне на стороне КНДР. В марте 1952 г. «Гонконг энд Шанхай Бэнкнинг корпорейшн» объявила о закрытии своих филиалов в Пекине, Тяньцзине, Циндао и Шаньтоу; в апреле 1952 г. «Англо-Америкэн Табакко К°» заключила с китайской администрацией соглашение, по условиям которого она передала китайским правительственным органам КНР все свои активы в сумме 10 млн. ф. ст. в качестве компенсации за обязательства оплатить всю ее задолженность на территории Китая (см. [136, с. 139]). 19 мая 1952 г. поверенный в делах Великобритании в Пекине передал правительству КНР ноту, в которой говорилось, что большая часть английских компаний в силу создавшихся трудностей пре-

крашает свою деятельность в Китае и будет закрывать, передавать или сдавать в аренду свои предприятия. Британская сторона просила китайское правительство оказать компаниям в этом содействие. В своем ответе (июль 1952 г.) правительство КНР обещало обеспечить защиту интересов британских фирм. Вопросы, относящиеся к прекращению их деятельности, должны были решаться местной китайской администрацией, которой поручалось рассматривать дела «быстро и благоразумно» [136, с. 139]. Большая часть английских фирм последовала примеру Кайлуаньской и табачной компаний и передала свои активы китайским правительственным органам на таких же условиях. Некоторым из них удалось часть активов, конвертировав их в иностранную валюту либо вложив в экспортные товары, вывезти из Китая. Незначительное число британских предпринимателей сумело прикрыться «китайским флагом» и войти в смешанные государственно-частные предприятия, создаваемые на основе законов КНР.

Переход в руки китайского государства британской собственности (в виде заводов, фабрик, копей, транспортных средств, служебных и жилых строений) был совершен на частноправовой основе, без формального участия правительств обоих государств.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В ФАРВАТЕРЕ ВРАЖДЕБНОЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ПОЛИТИКИ США

Признание Великобританией правительства КНР и установление с ним дипломатических отношений вовсе не означали отказа английских правящих кругов от враждебного отношения к народно-демократическому строю в Китае. Особенно отчетливо оно проявилось при обсуждении кардинального для КНР вопроса о предоставлении ей места в ООН. Накануне обмена посланиями об установлении дипломатических отношений представитель Великобритании не согласился поддержать требование китайского правительства, изложенное в телеграмме Чжоу Эньлая от 15 ноября 1949 г. в адрес генерального секретаря ООН и председателя IV сессии Генеральной Ассамблеи, о лишении тайваньских властей права представлять Китай в этой международной организации (см. [152а, с. 110]). Эта позиция не изменилась и после установления дипломатических отношений с КНР. При рассмотрении повторного обращения Чжоу Эньлая к Совету Безопасности⁴ делегат Великобритании воздержался при голосовании советского предложения о восстановлении законных прав КНР в ООН, сославшись на необходимость признания правительства КНР большинством членов ООН.

В то же время вопреки своим заявлениям английское правительство продолжало поддерживать отношения с чанкайшистским режимом на Тайване на том основании, что он официально представляет Китай в ООН. Сохранение Англией дипломатических связей одновременно с КНР и Тайванем положило начало созданию

концепции «двух Китаев» (см. [102, с. 127]). Такая политика, естественно, не могла удовлетворить китайское правительство, 2 марта 1950 г. на переговорах между заместителем министра иностранных дел КНР Чжан Ханьфу и поверенным в делах Великобритании в Пекине Хатчисоном относительно процедуры установления дипломатических отношений китайская сторона высказалась против британской позиции в ООН и нахождения гоминьдановских организаций в Гонконге и самой Англии. Британская сторона уклонилась от обсуждения данных вопросов. Вслед за тем последовал ряд откровенно недружественных действий.

27 апреля Хатчисон от имени своего правительства вручил китайским представителям ноту, оповещающую об отмене свободно-го проезда граждан КНР на территорию Гонконга и установлении для них системы въездных разрешений, как это практиковалось для подданных других стран. Данное решение являлось явным нарушением Англо-китайской конвенции о расширении Гонконга от 9 июня 1898 г. (см. [67, т. 1, с. 539]), предусматривавшей обеспечение «удобного передвижения» китайских подданных по Новой территории колонии, противоречило существовавшей более ста лет практике свободного въезда в Гонконг китайских граждан. В ответной ноте, переданной Чжан Ханьфу 8 мая 1950 г. Хатчисону, отмечалось, что «в течение ста лет въезд и выезд китайцев в Гонконг и из Гонконга никогда не рассматривался как иммиграция или эмиграция», а решение английского правительства называлось «несправедливым и недружелюбным актом в отношении КНР и ее народа» [152, 9.V.1950]. В указанном документе подчеркивалось также, что правительство КНР считает объяснения Лондона по поводу продолжающейся поддержки тайваньского режима неудовлетворительными.

Враждебность Великобритании к КНР не менее определенно проявлялась и в других сферах. Готовясь к установлению дипломатических отношений с КНР английское правительство в то же время в сентябре 1949 г. присоединилось к американскому курсу экономической блокады КНР и ввело запрет на экспорт в Китай машин и станков, тяжелых грузовых автомашин, авиационных запасных частей, телефонного и сигнального оборудования и других товаров (см. [136, с. 141]). В мае 1950 г. гонконгские власти отказались передать КНР 70 самолетов китайских авиакомпаний, угнанных гоминьдановцами в Гонконг, не скрывая при этом, что британское правительство не желает, чтобы эти самолеты были использованы против Тайваня; при явном попустительстве англичан значительная часть их была выведена из строя гоминьдановскими диверсантами на гонконгском аэродроме.

22 мая МИД КНР выступил с протестом против недружелюбных действий британских властей, фактического пособничества чанкайшистскому режиму и потребовал, чтобы правительство Англии объяснило расхождение между своими словами и делами (см. [152, 28.V.1950]).

Усиление в этот период в английском правительстве влияния

сторонников проамериканской ориентации привело к присоединению Великобритании к интервенции США в Корею, которая фактически переросла в необъявленную войну против КНР. Английские правящие круги активно поддерживали и другие антикитайские акции, направляемые США: 1 февраля 1951 г. при отсутствии представителя СССР Совет Безопасности принял незаконное решение, объявившее КНР «агрессором», 18 мая британская делегация проголосовала за американскую резолюцию о введении эмбарго на экспорт в Китайскую Народную Республику. В январе 1952 г. в Париже по линии НАТО был создан специальный «китайский комитет» (Чинком) для наблюдения за осуществлением эмбарго, который разработал список товаров, не разрешаемых к экспорту в КНР.

Политика эмбарго выражала общую крайне враждебную линию империалистического лагеря во главе с США по отношению ко всем социалистическим странам, среди которых наиболее слабым звеном антикоммунистические круги считали Китай, длительное время находившийся в зависимости от мирового капиталистического рынка. Надежды США и их союзников путем экономической блокады вынудить КНР пойти на политическое отступление не оправдались. С помощью Советского Союза ей удалось в короткий срок преодолеть зависимость от капиталистического мира и переключиться на торговлю с СССР и странами народной демократии (в %) [112, с. 275]:

	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Торговля КНР с СССР и другими странами социалистического содружества	26,0	53,4	72,0
Торговля КНР со странами капиталистического мира	74,0	46,6	28,0

Столь радикальные изменения во внешней торговле Китая не могли не встревожить капиталистические страны, и в первую очередь Великобританию. Многочисленные английские фирмы Гонконга, сохранившие свои филиалы в Шанхае и других китайских городах, различные торговые организации в Лондоне, веками поддерживавшие связи с Китаем, оказались «не у дел». На их пути встали два основных препятствия: эмбарго Чинкома и государственная внешнеторговая система КНР. Несмотря на очевидный ущерб, наносимый проамериканской политикой «блокады и эмбарго» торговым интересам Великобритании, английское правительство не решалось идти на открытый разрыв с нею. К тому же британские правящие круги, не удовлетворенные состоянием отношений с КНР, рассчитывали, что для улучшения их мог пригодиться и Чинком в качестве рычага нажима на китайское правительство.

Изыскание путей расширения связей с КНР, которые с нача-

лом войны в Корее были фактически заморожены, и использование их преимуществ составляли главные элементы британской дальневосточной политики после окончания корейской войны. Учитывая проявление интереса к британской торговле, особенно через Гонконг, со стороны КНР, Лондон попытался использовать его в целях смягчения англо-китайских отношений. В феврале 1954 г. министр иностранных дел А. Иден в своем выступлении в палате общин отмечал, что положение британских бизнесменов в Китае остается «во всех отношениях несправедливым и неудовлетворительным». «Если китайское правительство, — продолжал он, — пожелало бы улучшить отношения с Англией, то лучшее, что оно могло бы сделать, — это относиться к британским интересам в Китае с общепринятой корректностью и справедливостью» (цит. по [136, с. 140]).

Более конкретные соображения о путях улучшения англо-китайских отношений высказывались торгово-промышленными кругами. В марте 1954 г. старейшая английская организация по торговле с Китаем — Китайская ассоциация — совместно с Федерацией британских промышленников и Лондонской торговой палатой направила министерству внешней торговли КНР обращение с предложением разрешить британским фирмам прямой и неограниченный выход на китайский рынок без посредства «некомпетентных» государственных органов, якобы сдерживавших англо-китайские торгово-экономические связи (см. [136, с. 145]).

Летом 1954 г. в Женеве во время проходившей там конференции по Индокитаю состоялись беседы между Чжоу Энляем, возглавлявшим китайскую делегацию, и А. Иденом. Наряду с обсуждением общих вопросов улучшения двусторонних отношений А. Иден обратился к Чжоу Энляю с просьбой оказать содействие в урегулировании имущественных прав британских фирм на их собственность, остававшуюся в Китае, которая оценивалась британским МИД к моменту образования КНР в 200—250 млн. ан. ф. ст., в том числе 30 млн. ф. ст. — фирмы «Джардин, Мэзисон энд К°». Чжоу Энлай от имени китайского правительства обещал по возможности быстро урегулировать имущественные интересы английских фирм и, в свою очередь, выдвинул требование об отмене эмбарго на торговлю с КНР.

Женевские переговоры двух министров иностранных дел активизировали выступления британских торгово-промышленных кругов за выход Великобритании из Чинкома и ликвидацию ограничений на торговлю с КНР. В ноябре 1954 г. отмены или хотя бы смягчения ограничений в торговле с КНР потребовал губернатор Гонконга, мотивируя это тем, что помехи, чинимые системой Чинкома, наносят большой урон жизненным интересам колонии (см. [136, с. 141]). Участие в Чинкоме резко осуждалось и левым крылом лейбористской оппозиции в парламенте.

В 1956 г., вопреки возражениям США, британские власти были вынуждены пойти на некоторое ослабление режима ограничений и установили «процедуру исключений». В июне 1956 г. в виде

«исключения» было разрешено экспортировать в КНР «в разумных количествах» каучук из Малайи и Сингапура (см. [136, с. 142]). Этот шаг имел важное принципиальное значение — отход Великобритании от системы «эмбарго и блокады» положил начало ее распаду.

К этому времени радикально изменилось внутреннее и международное положение КНР. VIII съезд КПК, состоявшийся в сентябре 1956 г., констатировал успешное выполнение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. В стране строилось около 800 различных объектов, в том числе 694 крупных промышленных предприятия, из которых около 500 должно было быть введено в строй к концу 1957 г. Программа индустриализации, выполнявшаяся при содействии Советского Союза, позволила в течение пяти лет (1953—1957) почти в два раза увеличить промышленное производство. Принятая VIII съездом программа народнохозяйственного развития КНР на второе пятилетие (1958—1962) предусматривала повторное удвоение промышленного производства. Английские деловые круги соблазняла перспектива участия в осуществлении этих планов. С начала 1957 г. в Великобритании развернулось широкое движение за выход из Чинкома и нормализацию отношений с КНР. В парламенте ширилась оппозиция «чинкомовскому» курсу, возглавляемая левыми лейбористами; в деловом мире активную роль играл Китайско-британский торговый комитет, направивший министерству торговли письмо с осуждением политики дискриминации КНР.

Новый консервативный кабинет, возглавляемый Г. Макмилланом (1957—1963 гг.), попытался в марте 1957 г. склонить правительство США к смягчению ограничений, введенных «китайским комитетом». Не добившись согласия американцев, он в одностороннем порядке в июле 1958 г. объявил о существенном сокращении списка товаров, запрещенных к вывозу в КНР. Британские фирмы получили право экспортировать в Китай гражданские самолеты и машины, станки и тракторы, электротехническое и большую часть судового оборудования, нефтепродукты и химикаты, железо и сталь, т. е. все те товары, которые, по интерпретации британских властей, «не имели военного значения» [136, с. 142].

Вслед за Англией на путь отказа от соблюдения эмбарго встали и другие западноевропейские страны. Это был серьезный удар по американской политике изоляции и блокады народного Китая. Несмотря, однако, на наличие определенных сдвигов в англо-китайских отношениях, особенно в области торговли, после окончания корейской войны британское правительство продолжало в основном поддерживать антикитайский курс Вашингтона. Оно осталось активным участником агрессивного военного блока СЕАТО (Организация договора стран Юго-Восточной Азии)⁵, хотя под давлением некоторых стран Содружества (Индии, Цейлона, Бирмы) английской дипломатии и приходилось несколько отступать от жесткой американской позиции⁶. При решении вопроса о член-

стве КНР в ООН правительство Великобритании также придерживалось по существу явно проамериканской ориентации. Демонстрируя показную готовность признать права КНР в ООН, британские представители в то же время поддерживали предложение США о том, чтобы решение по этому вопросу было принято $\frac{2}{3}$ голосов членов ООН, что в условиях американского засилья в данной организации не давало возможности добиться благоприятного для КНР исхода голосования. Проводя такую двойственную игру, правительство Великобритании ставило своей целью, с одной стороны, не упустить выгоды на рынке КНР и по возможности расширять связи с ней, а с другой — сохранить с американской помощью в резерве гоминьдановский Тайвань и опорные пункты (Сингапур, Малайзия) своего влияния на Дальнем Востоке. Интерес, проявленный КНР к установлению более тесных связей с Гонконгом, являлся для английских правящих кругов важным свидетельством того, что возможны и необходимы поиски новых путей для нормализации отношений с Пекином.

АНГЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ОТХОДА ПРАВИТЕЛЬСТВА КНР ОТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ КПК

Изменение внешнеполитического курса. В 1958 г. в политике китайского правительства произошли коренные, принципиальные изменения — руководство КПК, возглавляемое Мао Цзэдуном, отошло от социалистической генеральной линии и провозгласило «особый» путь развития Китая, рассчитанный на создание милитаристского государства, построенного на принципах «казарменного коммунизма» и призванного осуществить великоханьские, гегемонистские цели, утвердить шовинистическую идеологию и культ «вождя» — Мао Цзэдуна. Отход от социалистического курса сопровождался отрывом Китая прежде всего от Советского Союза, на сотрудничестве с которым основывалось строительство социализма, от международного коммунистического движения.

Прекращение сотрудничества с Советским Союзом и социалистическими странами Европы, нарушение договоров с ними о научно-технической помощи маоистская пропаганда старалась оправдать тем, что эта помощь очень «сложна» и «сдерживает» темпы развития народного хозяйства, что она глушит «инициативу масс» и «удорожает» производство. В стране нагнеталась атмосфера безрассудного фанатизма, крайнего национализма, нетерпимости ко всему иностранному⁷.

Сорвав дальнейший поступательный ход строительства основ социализма, маоисты навязали стране курс «большого скачка» и «народных коммун». Разрушению подверглась вся система планового руководства народным хозяйством. Социалистическому закону планомерного и пропорционального развития был противопоставлен «открытый» Мао Цзэдуном «закон скачкообразного» (или

«седлообразного») развития, якобы отражающий объективные потребности Китая⁸.

«Большой скачок» в области промышленности осуществлялся путем упрощения технологии, отказа от иностранных «шаблонов и норм» и вовлечения в производство десятков миллионов необученных крестьян. Подобное направление в развитии промышленного производства вкупе с повсеместным насаждением «народных коммун» призвано было, по мысли маоистов, изменить весь социальный облик страны, опровергнуть основы научной теории исторического материализма, отводящей революционно-преобразующую роль в обществе рабочему классу. В Китае, по замыслам Мао, такая руководящая историческая роль должна была быть выполнена крестьянством.

Перед промышленностью страны он выдвинул задачу: «За 15 лет догнать и перегнать Англию по производству стали, чугуна и других важнейших видов промышленной продукции» [12а, с. 37], причем в дальнейшем эти сроки сокращались и выдвигались призывы в основном выполнить указанные задачи за 2—3 года.

Провал «большого скачка» означал крах маоистских планов ускоренным путем создать мощную материальную базу и на ее основе добиться идеологической гегемонии в международном рабочем движении и социалистическом содружестве. В данных условиях Мао Цзэдун и его сторонники в конце 1959 г. — начале 1960 г. встали на путь отхода от согласованной линии международного коммунистического движения, развернули раскольническую деятельность, направленную на подрыв влияния СССР и КПСС в социалистическом содружестве и международном рабочем движении, начали свертывать межпартийные и межгосударственные отношения с социалистическими странами.

Этот курс неизбежно вел к принципиальным изменениям характера политики Пекина в отношении капиталистических стран. Под свое сближение с ними маоисты подвели особую «теоретическую базу», разделив мир по признаку политической активности того или иного государства, вне зависимости от социально-экономического строя, характера политики и роли на международной арене. Выделив американский империализм как единственную реакционную силу, пытающуюся «создать в мире небывало крупную империю», маоисты все остальные капиталистические страны, даже те, где господствует монополистический капитал, относили к промежуточной зоне, лежащей между социализмом и американским империализмом. Таким образом, они игнорировали классовую борьбу пролетариата в странах монополистического капитала — в Великобритании, Франции, Японии и др. — и рассматривали их в качестве своих потенциальных союзников.

Левые лозунги, заверения в «верности» марксизму-ленинизму, которыми маоцзэдуновское руководство пыталось замаскировать свои истинные националистические устремления, уже не смущали правящие круги капиталистических стран. Для них важнее

была реальная политика китайского правительства, взятый им курс на отход от мировой социалистической системы, на аннулирование договоров и соглашений с Советским Союзом и другими социалистическими странами и свертывание торгово-экономических связей с ними.

Страх перед коммунизмом, обуславливавший политику британских консерваторов и предопределявший их непреклонную враждебность к народному Китаю, постепенно рассевался, и перед их глазами вырисовывался силуэт иного Китая, хотя еще не достаточно определившегося, но, несомненно, удалявшегося от социализма.

Поиски путей сближения. Весьма существенным препятствием на пути поисков взаимопонимания между Лондоном и Пекином была политика «двух Китаев», проводимая Великобританией в рассматриваемые годы. Так, в интервью, данном в январе 1958 г. корреспонденту агентства Рейтер, Чжоу Эньлай заявил, что подобный курс серьезно вредит англо-китайским отношениям (см. [136, с. 212]).

В то же время рост великодержавно-националистических тенденций во внешней политике маоистской группировки имел далеко идущие последствия для развития отношений КНР с капиталистическими странами, в частности с Великобританией. В поисках путей сближения с Западом маоисты в числе прочих мер поставились использовать личные контакты китайских руководителей с государственными и политическими деятелями капиталистических стран.

Определенное благожелательное для КНР воздействие на позицию британских правящих кругов оказал визит в Пекин фельдмаршала Монтгомери в начале июня 1960 г. На страницах «Таймс» (12 и 19 июня 1960 г.) были помещены его статьи о встрече с Мао Цзэдуном, призывавшие к пересмотру политики в отношении КНР. «Я обсуждал с Мао Цзэдуном, — писал Монтгомери, — вопрос о создании европейско-азиатского объединения. Он отнесся к этому с большим энтузиазмом и не возражал против лидерства Англии в этой группировке. Таким образом, Китайская Народная Республика могла бы быть включена в сообщество наций под английским руководством» [162, 19.VI.1960]. Касаясь проблемы представительства КНР в ООН, Монтгомери заявил: «Нелепо пытаться продолжать вести дела с двумя Китаями. Я предлагаю, чтобы Соединенные Штаты вывели свои вооруженные силы с Формозы и из Формозского пролива и чтобы слияние националистического Китая и Народной Республики было осуществлено путем мирных переговоров между двумя правительствами» [162, 19.VI.1960]. Английская печать широко комментировала результаты поездки Монтгомери и поддерживала его взгляды о необходимости улучшения отношений с КНР. Даже такая консервативная газета, как «Дейли экспресс», соглашалась, что сближение Великобритании с КНР имеет жизненно важное значение, и сурово критиковала Лондон за слепое следование

в фарватере американской политики. «Абсурдно, — утверждала газета, — считать правительство Чан Кайши на Формозе законным правительством 650 миллионов китайцев» [154, 18.VI.1960].

В мае 1961 г. по инициативе Пекина были возобновлены переговоры министров иностранных дел КНР и Англии в Женеве. Китайская сторона добивалась нормализации дипломатических отношений между обеими странами на основе ранее выдвинутых ею условий: отказа Англии от концепции «двух Китаев» и изменения ее позиции по поводу допуска КНР в ООН.

Однако усиления китайской дипломатии и кампания за улучшение отношений с КНР, развернувшаяся в английской прессе после поездок Монтгомери (он посетил Китай второй раз в октябре 1961 г.), не увенчались успехом. Лондон не спешил с перестройкой своих отношений с Пекином. Британское правительство продолжало, по существу, придерживаться политики «двух Китаев»: английская делегация в ООН регулярно, начиная с 1961 г., голосуя за восстановление законных прав КНР в этой организации, в то же время поддерживала предложение США о решении данного вопроса $\frac{2}{3}$ голосов. Затянулись переговоры об обмене послами — представителями обеих сторон оставались поверенные в делах.

Убедившись в невозможности достижения соглашения с английским правительством по политическим вопросам, китайское руководство, следуя курсу переориентации экономических связей КНР с социалистическими странами на капиталистические, начало форсировать расширение торговли с британскими фирмами.

В октябре 1962 г. по приглашению заместителя премьера Госсовета КНР, министра иностранных дел Чэнь И в Пекин прибыл исполняющий обязанности главы британской делегации на совещании в Женеве по Лаосу М. Макдональд. Ему был оказан подчеркнуто внимательный прием. В выступлении на банкете в его честь Чэнь И подчеркнул тесные контакты Макдональда с делегацией КНР в Женеве и его личные заслуги по мирному урегулированию лаосской проблемы. Макдональд в ответном слове отметил «огромные успехи, достигнутые КНР за 13 лет», и выразил пожелание «всесторонне изучить обстановку и успехи нового Китая» [152, 8.X.1962]. За время своего трехнедельного пребывания в Китае он получил возможность ознакомиться со многими городами (Шанхай, Тяньцзинь, Шэньян, Нанкин, Ханькоу) и предприятиями (Аньшаньский металлургический комбинат, Мукденский завод тяжелого машиностроения, промышленный комплекс в Фушуне, ковровые и суконные фабрики в Тяньцзине и др.), а также с музеями и выставками. Визит Макдональда проходил во время интенсивного восстановления народного хозяйства КНР, потрясенного «большим скачком», и гость не мог не прийти к заключению о реальной возможности значительного расширения торгово-экономических связей с Китаем, в частности увеличения экспорта английского оборудования и технологии.

Среди многочисленных посещений КНР представителями бри-

танских торговых фирм и ассоциаций особое значение имел визит делегации английского Королевского физического общества, во главе с его вице-президентом, директором национальной физической лаборатории Сазерлендом. Делегация ознакомилась с китайскими физическими лабораториями, с состоянием биологической и химической наук, с исследованиями отдельных ученых. На пресс-конференции Сазерленд заявил, что в некоторых областях неядерной физики Китай почти догнал Англию и что через 5—10 лет он достигнет уровня Запада.

Идя навстречу пожеланиям КНР, деловые круги Великобритании в 1963—1964 гг. организовали индустриальную выставку в Пекине и научно-индустриальную выставку в Тяньцзине. Это были крупнейшие экспозиции западных машин и оборудования со времени образования КНР. В 1964 г. выставку посетил президент британского Торгового совета и вел многообещающие переговоры с министерством внешней торговли КНР (см. [123, с. 156]).

Вновь заметную роль начал играть Гонконг, причем не только в торговле, но и как финансовый центр и источник валютных поступлений КНР, а также как канал научно-технических связей с Западом. К началу 60-х годов там стал осуществлять широкие финансовые операции филиал Народного банка КНР — Банк Китая, через который производились все валютные расчеты по внебартерной торговле КНР. В Гонконге были открыты туристические и транспортные агентства КНР, обслуживавшие посетителей Гуанчжоуской торговой ярмарки⁹ и являвшиеся посредниками в торговых операциях последней. Наконец, в Гонконге функционировало обладавшее большим штатом сотрудников отделение агентства Синьхуа — пропагандистского органа правительства КНР. В быстро увеличивавшейся китайской общине Гонконга (численность его населения с 1950 по 1962 г. возросла с 2360 тыс. до 3133 тыс. человек, из которых 98,2% были китайцами) [41, с. 33, 347]¹⁰, в том числе за счет легальных и нелегальных эмигрантов из КНР, усиливалось влияние Пекина, сумевшего поставить под свой контроль многие профсоюзные и прочие общественные организации колонии, а также многочисленные промышленные, транспортные, коммунальные и торговые предприятия. Усиливалась зависимость Гонконга от КНР и в снабжении основными продовольственными продуктами, а также пресной водой. Несмотря на тяжелое продовольственное положение внутри страны, правительство КНР создало в Гуандуне специализированные сельскохозяйственные организации для экспорта в Гонконг свиней, домашней птицы, мяса, яиц, фруктов, овощей и других продуктов. На основе коммерческих контрактов гуандунские власти поставляли Гонконгу пресную воду из р. Чжуцзян.

Английское правительство было вынуждено смириться с нарастающей зависимостью колонии от КНР и, в свою очередь, с успехом пользовалось (и пользуется) заинтересованностью КНР в Гонконге. Британские власти добились определенной политиче-

ской стабильности в Гонконге, стимулировали бурный приток в колонию иностранного капитала, обеспечившего высокие темпы ее экономического развития.

Торговля КНР с Великобританией в первой половине 60-х годов заметно возросла, особенно с Гонконгом. Причиной этого было не столько улучшение англо-китайских отношений, сколько политический курс пекинского руководства, направленный на свертывание торгово-экономических связей с социалистическими странами и поиск путей сближения с капиталистическим Западом. В китайской торговле с Гонконгом произошли существенные структурные изменения. В начале 50-х годов, когда КНР подвергалась блокаде со стороны капиталистического Запада, Гонконг служил каналом получения многих дефицитных товаров, в результате чего в отдельные годы его экспорт в Китай значительно превышал импорт. С конца же 50-х годов, после смягчения Великобританией цинкововских ограничений, торговля между КНР и Гонконгом приобрела односторонний характер — последний превратился в объект китайского экспорта, источник получения иностранной валюты (в млн. ф. ст.) [35; 36; 38; 39; 41—45]:

Год	Товаро- оборот	Экспорт из КНР	Импорт в КНР	Торговый баланс КНР
1950	145,9	54,3	91,6	—37,3
1951	154,2	53,9	100,3	—46,4
1956	73,4	64,9	8,5	+56,4
1957	78,4	70,7	7,7	+63,0
1961	70,5	64,3	6,2	+58,1
1962	81,1	75,8	5,3	+70,5
1963	97,3	92,9	4,4	+88,5
1964	126,9	123,1	3,8	+119,3
1965	149,6	145,1	4,5	+140,6

Среди китайских экспортных товаров первое место занимали продовольствие, текстильные изделия, сырье животного и растительного происхождения (табл. 31). Некоторое сдерживающее влияние на торговлю КНР с Гонконгом оказывала Гуанчжоуская ярмарка, «отвлекавшая» определенную часть китайского внешне-торгового оборота. Однако значение Гонконга, сыгравшего важную роль в стимулировании торговли на Гуанчжоуской ярмарке, от этого не умалялось.

Торговля непосредственно с Великобританией развивалась более медленно. Английские фирмы, утратившие опору (банки, транспортные компании и др.) на территории Китая, предпочитали идти на риск и действовать через Гонконг. В начале 50-х годов (в отличие от китайско-гонконгской торговли) КНР в торговле с Англией имела положительное сальдо, в 1958—1960 гг. — отрицательное, а начиная с 1962 г. китайский экспорт вновь превзошел импорт (в млн. ф. ст.) [68—74]:

Год	Товаро- оборот	Экспорт из КНР	Импорт в КНР	Торговый баланс КНР
1950	13,9	10,3	3,6	+6,7
1951	10,4	7,7	2,7	+5,0
1956	23,3	12,6	10,7	+1,9
1957	26,3	14,2	12,1	+2,1
1961	43,8	30,9	12,9	+18,0
1962	31,6	23,2	8,4	+14,8
1963	31,7	18,5	13,2	+5,3
1964	42,3	24,6	17,7	+6,9
1965	54,6	29,7	24,9	+4,8

В целом за 16 лет (1950—1965) китайский вывоз в Великобританию составил 171,7 млн. ф. ст., а ввоз — 106,2 млн. ф. ст. (положительное сальдо — 65,6 млн. ф. ст.).

За указанный период экспорт КНР в Англию возрос в 2,9 раза, причем важнейшими статьями его являлись такие традиционные товары, как шерсть, щетина, шелк-сырец, хлопчатобумажные ткани (табл. 32). Возобновился, хотя и в незначительных количествах, вывоз и китайского чая.

После серьезного спада во внешней торговле, вызванного дезорганизацией народного хозяйства в период «большого скачка»,

Таблица 31

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ТОРГОВЛИ КНР С ГОНКОНГОМ В 50-х —
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х ГОДОВ *

Статья	1952 г.	1956 г.	1962 г.	1965 г.
Весь экспорт, млн. ф. ст.	51,9	64,9	75,8	145,1
В том числе:				
Свиньи, тыс. голов	747	525	727	1,795
Мясо и мясопродукты, тыс. т	8,9	31,0
Рис, тыс. т	6,0	52,6	143,8	110,6
Фрукты и овощи, тыс. т	166	182	240	500
Сырье растительного и животного происхождения, млн. ф. ст. . . .	4,5	2,0	3,6	5,9
Пряжа, ткани, текстильные изделия, млн. ф. ст.	2,2	10,1	17,1	26,3
Химические товары, млн. ф. ст. .	4,1**	3,0	1,4	2,4
Бумага и бумажные изделия, млн. ф. ст.	1,1	1,4	1,8	3,2
Весь импорт, млн. ф. ст.	32,5	8,5	5,3	4,5
В том числе:				
Пряжа и текстильные изделия, млн. ф. ст.	3,1	1,0
Машины и оборудование, млн. ф. ст.	6,6	1,1	0,1	0,3
Сырье растительного и животного происхождения, млн. ф. ст. . . .	0,2	0,2	1,5	1,0
Химические товары, млн. ф. ст. .	22,1	1,4	1,6	0,4

* [37; 38; 42; 45].

** Включая нефтепродукты.

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ТОРГОВЛИ КНР С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ
В 50-х — СЕРЕДИНЕ 60-х ГОДОВ *

Статья	1950 г.	1952 г.	1956 г.	1962 г.	1965 г.
Весь экспорт, млн. ф. ст. .	10,3	3,0	12,6	23,2	29,7
В том числе:					
Чай, тыс. т.	2,1	1,6	3,3
Шерсть и волос, тыс. т.	0,1	2,0	3,3	13,6
Шелк-сырец, т.	2,0	12,0	36,0	151,0
Щетина, т.	—	217	462	941
Тунговое масло, т.	100	690	1085	4077
Ткани хлопчатобумажные, млн. кв. м.	20,7	18,3	29,2
Весь импорт, млн. ф. ст.	3,6	4,5	10,7	8,4	24,9
В том числе:					
Химические волокна, млн. ф. ст.	0,3	0,8	0,3	2,2	1,5
Химические товары, млн. ф. ст.	0,2	2,8	8,7	1,2	1,2
Прокат черных металлов, тыс. т.	0,1	29,3	10,1	32,2
Медь, тыс. т.	—	—	5,2	5,6
Машины и оборудование, млн. ф. ст.	1,0	0,6	0,2	1,3	11,5

* [30—34].

китайские внешнеторговые организации возобновили в 1961—1962 гг. коммерческие операции с Англией.

В результате серии переговоров в 1963—1966 гг. КНР разместила в Англии заказы на поставку комплектного оборудования для семи предприятий по производству химических удобрений, синтетических волокон и другой продукции.

В британско-китайской торговле в этот период произошли существенные, качественные сдвиги. В результате переговоров, проведенных в 1961 г., английская сторона запрдала КНР 6 самолетов «Вайкаунт» стоимостью 8,4 млн. долл. Великобритания была первой из стран Запада, согласившейся, вопреки прежним ограничениям Чинкома, поставлять КНР самолеты военно-транспортного назначения.

К середине 60-х годов в импорте КНР явно обозначилось новое, индустриальное направление. В 1965 г. на долю машин приходилась почти половина его стоимости. Сдержанность в закупках британского оборудования (табл. 32) объяснялась исключительными валютными соображениями, кризисным состоянием экономики КНР и, как следствие, недостаточностью экспортных ресурсов, тогда как получение иностранных кредитов, в соответствии с маоцзедуновским постулатом «опоры на собственные силы», за-прещалось.

КИТАЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КНР

«Культурная революция», как были названы в Китае политические потрясения, сопровождавшиеся массовым террором и уничтожением общественно-политической надстройки, созданной на основе Конституции 1954 г., хотя Мао Цзэдун ставил перед ней преимущественно внутренние задачи, нарушила и внешние связи КНР, в том числе и с Великобританией.

Поощряемый маоистами разгул насилий и террора распространился и на иностранные посольства в Пекине. В 1967 г. в КНР развернулась антибританская кампания с обвинениями Англии в сговоре с Советским Союзом против Китая, якобы состоявшемся во время посещения Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным Лондона в феврале 1967 г. (см. [123, с. 136—137]). В мае на большом антибританском собрании появился Чжоу Эньлай, что, видимо, должно было продемонстрировать солидарность правительства с «настроениями масс». В том же месяце на одной из столичных улиц два английских дипломата были избиты, вывалены в грязь и вымазаны клеем, а китайская прислуга британской миссии забастовала и оставила работу. В июне в июле хунвэйбины совершали неоднократные налеты на здание миссии и изолировали ее штат от внешнего мира. Хунвэйбиновский шабаш закончился тем, что 22 августа миссия была разграблена, сотрудники насильственно эвакуированы и деятельность миссии приостановлена (см. [123, с. 137]).

Правительство Великобритании приняло ответные меры. Хотя премьер-министр Г. Вильсон и отметил в своем письме правительству КНР, что его страна не прибегает к какому-либо возмездию в отношении китайских официальных лиц в Лондоне, тем не менее передвижение китайских дипломатов по территории британских островов было ограничено (см. [123, с. 137]).

Разгул хунвэйбинов докатился и до Гонконга. Первые их бунты, разразившиеся весной и летом 1966 г., носили чисто пропагандистский характер, ставя задачу распространения «учения Мао» и разжигания великоханьского фанатизма. Они ограничивались небольшими погромами, уличными скандалами и разграблениями магазинов. Основные проблемы Гонконга — освобождение трудящихся от ига чужеземных и национальных эксплуататоров — не затрагивались. Однако по мере нарастания политической активности трудящихся колонии началось выдвижение антикапиталистических требований, вспыхнули забастовки рабочих фабрики искусственных цветов, текстильных предприятий, цементного завода и др. Гонконгский союз моряков потребовал улучшения условий труда, увеличения зарплаты и объявил бойкот правительственному бюро по найму моряков (см. [47, с. 2]).

В борьбе с рабочим движением гонконгские власти приняли решительные меры. 6 мая 1967 г. полиция открыла огонь по пикетировавшим фабрику искусственных цветов уволенным рабочим,

требовавшим восстановления их на работе. Многие рабочие были ранены, 201 человек арестованы (см. [47, с. 3]). Эта расправа всколыхнула трудящихся колоний, выступления охватили многие заводы и фабрики.

Полиция, в свою очередь, продолжала массовые аресты, прежде всего руководителей рабочих профессиональных союзов. Союз рабочих заводов резиновой и пластиковой промышленности, председатель которого был среди арестованных, потребовал от гонконгских властей «немедленно прекратить репрессии и гарантировать, что они не повторятся, освободить арестованных, выплатить компенсацию всем раненым, наказать виновных и принять участие в разрешении трудовых споров» [47, с. 3].

Эти требования были поддержаны Федерацией профсоюзов Коулуна и о-ва Гонконг, одобрены на массовых митингах на предприятиях. 11 мая в результате нового взрыва возмущения трудового народа террористическими действиями гонконгских властей многие фабрики оказались под контролем рабочих пикетов. «Толпы бунтовщиков, — писала гонконгская пресса, — от фабрик двинулись на улицы, сражаясь с полицией, нападали и сжигали автобусы и другие транспортные машины, разрушали и грабили правительственные учреждения и жилища чиновников» (цит. по [47, с. 4]).

В сложившихся условиях придание стихийному народному выступлению целенаправленного организационного начала могло бы, возможно, поставить под вопрос сохранение в Гонконге власти британских колонизаторов. Однако подобный оборот явно не устраивал маоистских лидеров Китая, для которых Гонконг был ценен в первую очередь как источник поступления конвертируемой валюты, необходимой для претворения в жизнь их великодержавных замыслов. Поэтому Пекин ограничился лишь формальным протестом (от 15 мая), хотя агентство Синьхуа и сообщало о кровавопролитных столкновениях в Гонконге, в ходе которых было убито и ранено более 200 человек (см. [47, с. 4]). Расплодившиеся же в Гонконге организации промаоистского толка сделали все возможное, чтобы взрыв возмущения гонконгских трудящихся направить в русло терроризма, явного бандитизма, желая лишь поугатать британские власти, сделать их более податливыми во взаимоотношениях с Пекином. Оценивая позицию правительства КНР и его агентов в Гонконге, местная пресса констатировала: «Нехватка финансов у коммунистов заставляла их быть более осмотрительными в отношении сохранения весьма реальных экономических преимуществ, которые стабильный и процветающий Гонконг давал Китаю» (цит. по [47, с. 4]).

В самом Китае «культурная революция» проходила под выброшенным Мао Цзэдуном лозунгом «Огонь по штабам!». Для слова партийного и государственного аппарата, сложившихся на основе Устава КПК и Конституции КНР, маоисты пустили в ход свой главный козырь — армию. В течение 1967 и 1968 гг. группе Мао Цзэдуна удалось полностью разрушить народно-демократи-

ческую общественную надстройку и заменить ее военно-бюрократическими «ревкомками», состав которых формировался по признаку личной преданности «великому кормчему».

Развертывание «культурной революции» сопровождалось усилением раскольнической деятельности маоистов в международном коммунистическом и национально-освободительном движении, активизацией антисоветских кампаний. Антисоветские акции достигли особого накала в начале 1969 г., в период острой внутриполитической борьбы накануне IX съезда КПК. Стремясь сплотить различные силы в партии и стране на националистической основе, протащить в программные документы антисоветские установки и запугать народ якобы надвигающимся военным конфликтом, маоисты организовали в марте 1969 г. вооруженные провокации на советско-китайской границе в районе о-ва Даманский. Эти действия должны были показать Западу, что антисоветский курс принят в Пекине всерьез и надолго.

Одновременно с разжиганием антисоветизма внутри страны и на международной арене пекинские лидеры постарались урегулировать конфликты с капиталистическими странами, возникшие в ходе «культурной революции». Уже в конце 1967 г. пекинские власти выразили «сожаление» по поводу происшедших инцидентов, британской миссии было предоставлено новое здание и были сняты всякие ограничения в передвижении английских дипломатов. Британское правительство в апреле 1968 г. ответило такой же мерой в отношении миссии КНР в Лондоне, выразив при этом надежду на быструю выдачу выездных виз английским подданным, задержанным китайскими властями по подозрению в шпионаже (в 1967 г. были арестованы корреспондент агентства Рейтер А. Грей в Пекине и представитель фирмы «Виккерс-Зиммер» Г. Ватт в Ланьчжоу; последний в марте 1968 г. был приговорен к 3-летнему тюремному заключению (см. [123, с. 137—138])).

Аресты китайскими властями британских подданных вызвали бурные дебаты в Англии. Представители консервативной оппозиции требовали применения санкций против КНР и критиковали правительство за поспешную отмену ограничений в деятельности китайской миссии. Консервативная «Дейли Телеграф» считала, что репутация Форин оффис «подмочена» и заявляла, что «только ужесточение эмбарго на торговлю с Китаем может быть эффективной мерой» [цит. по [123, с. 140]]).

Английское правительство, однако, считало нецелесообразным переходить на жесткий курс, надеясь на конечную податливость руководства КНР. В июне 1968 г., отвечая на выпады консервативной оппозиции, министр иностранных дел В. Роджерс возражал против применения «эффективных мер», поскольку «ударная позиция» не принесет желаемых результатов. «Мы должны помнить, — говорил он, — что Китай сегодня представляет уникальный образец страны, где нет нормального правления, к которому представилась бы возможность апеллировать» (цит. по [123, с. 140])).

И действительно — и бурные митинги Союза британских журналистов в защиту Грея, и язвительная статья о «китайском беззаконии» ни к чему не привели. Пути решения спорных вопросов и нормализации отношений были найдены в сфере взаимных политических и экономических уступок. Последствия «культурной революции» в отношениях между КНР и Великобританией были успешно преодолены к концу 1969 г. В октябре была достигнута межправительственная договоренность о взаимной отмене всех ограничений, введенных сторонами в годы «культурной революции». Были освобождены из под ареста А. Грей и два британских коммерсанта, задержанных в Шанхае за несоблюдение китайских законов, снят арест с английского судна, нарушившего портовые правила. Правительство КНР перестало делать представления по поводу использования американскими военными судами Гонконга для стоянки и снабжения горючим, продовольствием, водой. Начался новый период в китайско-британских отношениях, описание которого английский синолог Р. Бордман назвал «В направлении к нормализации» [123, с. 136].

СОГЛАШЕНИЕ ОБ ОБМЕНЕ ПОСЛАМИ. РАСШИРЕНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1970—1976 гг.)

Курс на форсированную милитаризацию страны и полный разрыв с научным социализмом и международным коммунистическим движением создавал благоприятные условия для сближения КНР с Великобританией (иными капиталистическими странами). Активно демонстрировавшаяся маоистами враждебность к СССР и другим социалистическим странам определила перелом в политике правящих кругов крупнейших империалистических держав в отношении Пекина, усилила их интерес к установлению более широких экономических и межгосударственных связей с КНР.

В поисках выхода из экономических трудностей, вызванных «культурной революцией», руководство КНР приняло линию на развитие более тесного сотрудничества с промышленно развитыми капиталистическими странами.

В конце 1970 г. китайское правительство направило в Лондон нового поверенного в делах. Пекин дал понять, что он готов к обсуждению условий нормализации отношений между обеими странами. Китайская сторона настаивала на отказе Англии от двойственной позиции при голосовании вопроса о восстановлении законных прав КНР в ООН и упразднении английского консульства на Тайване. Поскольку обе указанные проблемы затрагивали отношения Лондона с Вашингтоном, в конце 1971 г. переговоры зашли в тупик.

Повышение интереса к КНР со стороны Франции¹¹ и внезапный визит в Пекин помощника президента США по государственной безопасности Г. Киссинджера (июль 1971 г.) обескуражили

британские правящие круги, вынудили их проявить большую самостоятельность и отказаться от поддержки позиции США по вопросу приема КНР в ООН. На XXV сессии Генеральной Ассамблеи 25 октября 1971 г. делегация Великобритании голосовала за внесенную 23 странами резолюцию о немедленном восстановлении прав КНР в ООН и удалении представителей тайваньского режима, которая была принята 76 голосами при 17 воздержавшихся и 35 против (в том числе США и Япония).

Признание правительства КНР в качестве единственного представителя Китая означало отказ от концепции «двух Китаев». Следствием этого поворота явилось достижение соглашения об установлении полных дипломатических отношений, т. е. обмене послами между Великобританией и КНР¹². 13 марта 1972 г. заместителем министра иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа и поверенным в делах Великобритании в Пекине А. Адисом было подписано соответствующее коммюнике:

«1. Правительство Китайской Народной Республики и правительство Соединенного Королевства, единодушно подтверждая принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, решили с 13 марта 1972 г., повысив ранг своих дипломатических представителей в столице другой страны, возвести своих поверенных в делах в ранг послов.

2. Правительство Соединенного Королевства признает позицию правительства Китая относительно того, что Тайвань является одной из провинций Китайской Народной Республики, и решило с 13 марта 1972 г. упразднить свое официальное представительство на Тайване.

3. Правительство Соединенного Королевства признает правительство Китайской Народной Республики как единственно законное правительство Китая.

Правительство Китайской Народной Республики положительно оценивает вышеуказанную позицию правительства Соединенного Королевства» [152, 14.III.1972].

Выступая в день подписания коммюнике в палате общин, министр иностранных дел Д. Хьюм оправдывал изменение британской позиции в отношении тайваньского режима тем, что последний сам не отделяет Тайвань от материкового Китая, а единый Китай представлен в ООН Китайской Народной Республикой. «Мы придерживаемся взгляда зафиксированного в Каире и в Потсдаме положения о возвращении Тайваня Китаю. Мы думаем поэтому, что тайваньский вопрос является внутренним делом Китая и будет урегулирован самим китайским народом» (цит. по [123, с. 150]).

После установления посольских отношений серьезно активизировались дипломатические контакты между Лондоном и Пекином. В июне 1972 г. во время посещения КНР секретарем по иностранным делам А. Ройлом обсуждались вопросы расширения культурных связей (в частности, в сфере искусства и спорта). С этой

целью, а также для дальнейшего развития торговли в штатах посольств были выделены специальные лица. В октябре того же года состоялся визит в Пекин Д. Хьюма, темой переговоров которого с правительством КНР были важнейшие общеполитические вопросы, в том числе о сотрудничестве в Европейском сообществе («Общий рынок»), во многом сводившийся к обсуждению позиций по отношению к СССР (см. [123, с. 151]), проблемы Вьетнама и Индийского субконтинента. Была достигнута договоренность о взаимном введении в штаты посольств военных атташе, а также о поддержании постоянных связей и проведении регулярных встреч на уровне министров иностранных дел.

В середине 1973 г. состоялся ответный визит министра иностранных дел КНР. В Лондоне к его приезду была организована выставка китайских антикварных изделий. Стремление китайской стороны придать этому визиту особую значимость и увязать переговоры с западноевропейскими проблемами отразилось в публикации в «Жэньминь жибао» обширной передовой статьи — «Англия после вступления в „Общий рынок“». Она носила явно подстрекательский, антисоветский характер, ставила задачу укрепить реакционные позиции британских консерваторов, подтолкнуть Англию на путь активной конфронтации с социалистическими странами Восточной Европы. Вопреки мнению британской общественности, активно выступавшей против участия Англии в «Общем рынке» и требовавшей проведения общенародного референдума по данному вопросу, «Жэньминь жибао» восторженно приветствовала инициативу кабинета консерваторов, утверждая, что этот шаг «стимулировал и расширил объединение западноевропейских государств, придал динамизм обстановке в Европе» [152, 15.V.1973].

На последующих встречах государственных деятелей обеих стран на первый план также выдвигались политические вопросы, причем инициатива принадлежала Пекину, который настойчиво добивался подключения Великобритании к открытой антисоветской, антисоциалистической борьбе. Консервативное правительство Англии, находившееся в то время у власти (1970—1974 гг.), с удовлетворением относилось к антисоциалистической активности маоистского руководства, не скрывая своей солидарности со многими постулатами маоизма.

Особые симпатии маоистского руководства КНР к британским консерваторам были наглядно продемонстрированы приглашением в Пекин только что ушедшего с поста премьер-министра (после поражения консерваторов на выборах в феврале 1974 г.) Э. Хита.

Во время этого визита (в мае 1974 г.) лидера консервативной партии приветствовали как поборника интеграции и вооружения Западной Европы против СССР. На приеме в его честь заместитель премьера Госсовета Дэн Сяопин говорил: «Господин Хит всегда выступал за сплочение западноевропейских стран и усиление их независимости и суверенитета. Он решительно вернул Анг-

лию в Европу. Это важное событие, благоприятное для борьбы народов Европы против гегемонизма» [152, 26.V.1974]. Э. Хит, со своей стороны, заверил китайское руководство в приверженности его партии вооружению Западной Европы. «Я также считаю, — заявил он, — что Европа должна все теснее спланиваться и говорить общим языком. Это соответствует интересам всего мира и особенно важно в наших сношениях с двумя сверхдержавами» [152, 26.V.1974].

Э. Хит заложил основу постоянных связей консервативной партии с правящими кругами КНР, минуя правительство Великобритании. В сентябре 1975 г. он вторично побывал в КНР и имел «дружескую встречу» с Мао Цзэдуном. Китайская пресса широко рекламировала его как «наиболее достойного руководителя британского политического мира» [152, 18.IX.1975]. Ему была предоставлена возможность ознакомиться с некоторыми районами страны и с ходом «подготовки к войне» против «северного соседа». После возвращения из Китая Э. Хит опубликовал в «Дейли экспресс» обширную статью, озаглавленную «Мысли Мао Цзэдуна... Нам следует прислушаться к предупреждению этого принципиального деятеля относительно катастрофы, грозящей миру» [154, 4.X.1975]. В ней он выражал восхищение Мао Цзэдуном, его гегемонистскими «идеями», и страстно отстаивал требование консерваторов о вооружении Западной Европы. Заявления Э. Хита, Дэн Сяопина и других руководителей КНР свидетельствовали о достижении соглашения между консервативной партией и маоистами по политическим, военным и, в известной степени, идеологическим вопросам.

Что касается официальных деятелей лейбористского правительства, то их выступления по вопросам отношений с Китаем были более сдержанными. Газета «Гардиан» отмечала, что лейбористское правительство относится к Китаю «без особого интереса» [159, 16.IV.1974]. Маоцзэдуновское руководство было явно не удовлетворено такой позицией и не преминуло подчеркнуть это при посещении КНР в мае 1976 г. министром иностранных дел Великобритании А. Крослендом. Ему был оказан весьма скромный и сдержанный прием. В отличие от Э. Хита он не был принят ни Мао Цзэдуном, ни новым премьером Хуа Гофэнгом. На банкете в честь А. Кросленда министр иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа категорически отрицал возможность обеспечения «необратимого процесса разрядки», а мирную инициативу Советского Союза и других стран характеризовал как «разглагольствование о мире» с целью «вызывать ветер и волны, чтобы ловить рыбу в мутной воде», он настойчиво призывал западноевропейские страны к укреплению НАТО и заверял, что они могут рассчитывать в этом на поддержку Китая [152, 5.V.1976].

В ответном выступлении А. Кросленд согласился с необходимостью укрепления военного союза западноевропейских стран, однако отклонил услуги КНР в данном вопросе (см. [152, 5.V.1976]). В его речи не содержалось ни прямых, ни косвенных

выпадов против Советского Союза, так же как и против курса международной разрядки, проводимого всеми миролюбивыми странами и народами.

СОСТОЯНИЕ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ КНР И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ

В 1965—1975 гг.

Несовпадение позиций лейбористов и консерваторов при определении общеполитического курса в отношении КНР не отражалось существенно на торговой политике страны, поскольку развитие торговли с Китаем отвечало общенациональным интересам и не встречало какой-либо оппозиции в британском обществе. Относительная стабильность английской торговой политики объясняется и тем, что торгово-экономические отношения с КНР контролировались несколькими крупными монополиями, неизменно сохранявшими влияние при любых сменах британских кабинетов.

В течение трех лет, предшествовавших «культурной революции» (1964—1966), между КНР и Англией сложились прочные торговые связи, на территории обоих государств существовали постоянные представительства торговых фирм и организаций, функционировала финансово-расчетная система через национальные банки. Объем торговли КНР с Великобританией и с Гонконгом неуклонно возрастал. Однако хунвэйбиновские антииностранные погромы и события 1967 г. в Гонконге нарушили нормальный ход торговых связей. Представители британских фирм в Китае были либо арестованы, либо вынуждены выехать в Гонконг. В качестве ответной меры в Лондоне в 1967 г. было закрыто представительство торговых организаций КНР. Британские власти ужесточили ограничения на экспорт «стратегических» товаров, в результате контракт на поставку Китаю компьютеров на сумму 500 тыс. ф. ст. был аннулирован. В 1967 г., в год наибольшего разгула «культурной революции», общий объем англо-китайского и китайско-гонконгского товарооборота сократился по сравнению с 1966 г. на 41,2 млн. ф. ст., т. е. на 16,3%.

С 1968 г. масштабы торговли с Гонконгом начали неуклонно увеличиваться и к концу рассматриваемого десятилетия возросли более чем в 3,5 раза. Развитие торговли с Великобританией до 1972 г. протекало неравномерно, в отдельные годы наблюдалось снижение товарооборота в результате недостаточности экспортных ресурсов и свободной валюты у КНР. С 1972 г. (после посещения КНР британским министром иностранных дел, когда была достигнута договоренность по многим конкретным вопросам стимулирования торговли) китайско-британский товарооборот стал заметно возрастать (табл. 33).

Падение в отдельные годы объема англо-китайского товарооборота с лихвой перекрывалось (за исключением 1970 г.) быстро возрастающей торговлей КНР с Гонконгом. Как и в конце 50-х — начале 60-х годов, она носила односторонний характер вследствие явного превышения китайского экспорта над импортом. Лишь в

1973—1975 гг., когда Китай расширил закупки в западных государствах, не имевших нормальных отношений с ним, импорт из Гонконга несколько увеличился. Это, впрочем, не изменило характера китайско-гонконгской торговли, по-прежнему остававшейся для Пекина источником накопления иностранной валюты.

КНР стала важнейшим поставщиком для Гонконга не только продовольственных и сырьевых товаров, но и многих промышленных изделий: тканей, трикотажа, одежды, обуви и др. К концу 60-х годов в Гонконг начали экспортироваться товарными партиями китайские машины и оборудование, продукция переработки нерудных ископаемых (товарные партии, а не образцы или случайные заводы) и некоторые другие промышленные изделия (табл. 34).

Импорт КНР из Гонконга был незначительным не только по стоимости, но и по перечню товарной номенклатуры (в млн. ф. ст.) [52—55]:

	1966 г.	1969 г.	1972 г.	1975 г.
Весь ввоз	4,3	2,5	7,4	15,0
В том числе				
сырье растительного и животного происхождения	1,3	1,7	3,1	2,8
химические товары (краски, фото- и кино-материалы)	0,3	0,1	0,1	0,5
пряжа, ткани, текстильные изделия	1,1	0,2
машины и оборудование	0,2	0,1	0,4	1,7

Главной статьей его являлось сырье растительного и животного происхождения, предназначавшееся преимущественно для шанхайской промышленности, работавшей на экспорт. Текстильные изделия и ткани в Гонконге закупались главным образом для магазинов Пекина и Шанхая, обслуживающих дипломатический корпус и высших китайских руководителей. Статья «машины и оборудование» включала автомашины для служебных ведомств и бытовое оборудование.

В торговле КНР с Англией выявлялась противоположная тенденция — торговый дефицит, который в рассматриваемый период был еще незначительным. Однако начавшиеся переговоры о крупных авиационных закупках, о поставке английских компьютеров, счетных машин и т. п. предвещали значительный его рост. Особый интерес китайская сторона проявляла к закупкам английской авиационной техники. Однако, несмотря на китайскую заинтересованность и британские возможности, темпы роста английского ввоза в КНР были отнюдь не впечатляющими, а в отдельные годы объем его даже сокращался вследствие недостаточности платежных ресурсов (экспортных товаров и валюты) у китайской стороны (табл. 35). Некоторые затруднения возникали также и из-за со-

ТОРГОВЛЯ КНР С АНГЛИЕЙ И ГОНКОНГОМ В 1966—1975 гг. *,
млн. ф. ст.

Год	Великобритания			Гонконг			Всего		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
1966	65,8	33,8	32,0	177,4	173,1	4,3	243,2	206,9	36,3
1967	67,6	29,6	38,0	144,4	144,0	0,4	212,0	173,6	38,4
1968	62,8	34,3	28,5	167,6	167,0	0,6	230,4	201,3	29,1
1969	89,5	37,7	51,8	188,1	185,6	2,5	277,6	223,3	54,3
1970	72,0	29,7	42,3	199,0	194,6	4,4	271,0	224,3	46,7
1971	54,5	29,0	25,5	232,9	228,7	4,2	287,4	257,7	29,7
1972	62,4	33,1	29,3	283,1	275,7	7,4	345,5	308,8	36,7
1973	124,3	46,3	78,0	467,9	446,4	21,5	592,2	492,7	99,5
1974	125,2	64,1	61,1	527,8	503,0	24,8	653,0	567,1	85,9
1975	139,8	59,5	80,3	634,6	619,6	15,0	774,4	679,1	95,3

* [75—84; 126].

хранявшихся ограничений на вывоз в КНР сложного и уникального оборудования.

В китайском экспорте в Англию, развитие которого отставало от импорта, ведущую роль играли традиционные товары — чай, щетина, шелк-сырец, ткани, тунговое масло, ковры, кустарно-художественные изделия, яйца, яйцепродукты и др. (табл. 36). Однако экспортные ресурсы были крайне ограничены и качество многих из них (чай, ткани и др.) оставалось ниже мирового стандарта.

Несмотря на значительный абсолютный рост (в 3,2 раза) за десятилетие китайской торговли с Великобританией и Гонконгом, она в 1975 г. составляла лишь 0,3% внешнеторгового оборота Англии и 4,3% — КНР. Иными словами, к середине 70-х годов позиции Великобритании во внешней торговле Китая были весьма слабы: она отставала не только от Японии, США и ведущих западноевропейских государств, но и от Канады и Австралии (табл. 37).

КИТАЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛЕМАОЦЗЭДУНОВСКИЙ ПЕРИОД (1976—1979)

К концу 1976 г. в результате пагубного великоханьского милитаристского курса, проводившегося под руководством Мао Цзэдуна, КНР оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе. Новое руководство страны во главе с Хуа Гофэном, пришедшее к власти после смерти Мао (9 сентября 1976 г.), объявило себя наследником ушедшего «кормчего» и всю ответственность за развал народного хозяйства, за «два потерянных десятилетия» (как назвала китайская пресса период 1958—1977 гг.) возложило

Статья	1966 г.		1969 г.		1972 г.		1975 г.	
	Объем	Стоимость, млн. ф. ст.	Объем	Стоимость, млн. ф. ст.	Объем	Стоимость, млн. ф. ст.	Объем	Стоимость, млн. ф. ст.
Весь вывоз	—	173,1	—	185,6	—	275,7	—	619,6
В том числе:								
Свиньи	1858 тыс. голов	17,7	1713 тыс. голов	20,4	2506 тыс. голов	31,9	2611 тыс. голов	72,1
Мясо и мясопродукты	38,7 тыс. т	8,0	48,1 тыс. т	12,3	54,1 тыс. т	14,1	58,3 тыс. т	35,2
Яйца	750 млн. шт.	6,7	631 млн. шт.	7,9	...	9,3	...	21,1
Рыба и рыбопродукты	7,8	...	11,3	...	14,7	...	29,4
Зерно и зернопродукты	7,9	...	10,1	...	12,9	...	39,4
Рис	116,3 тыс. т	6,7	87,2 тыс. т	8,3	182,1 тыс. т	10,6	184,1 тыс. т	32,1
Фрукты и овощи	14 тыс. т	14,0	...	18,4	...	22,3	...	47,2
Сырье растительного и животного происхождения	7,3	...	6,0	...	8,6	...	21,8
Животные и растительные масла и жиры	2,3	...	2,9	...	3,2	...	6,2
Химические товары	3,2	...	3,5	...	8,0	...	21,6
Бумага, картон и изделия из них	4,9	...	4,9	...	5,8	...	12,3
Пряжа, ткани и текстильные изделия	38,8	...	29,6	...	40,5	...	85,7
Хлопчатобумажные ткани . . .	229 млн. м	13,8	1711 млн. м	13,6	226 млн. м	15,8	283 млн. м	37,1
Шелковые ткани	6 млн. м	1,0	2,2 млн. м	1,3	1,8 млн. м	1,1	1,5 млн. м	1,4
Изделия из нерудных ископаемых	8,6	...	5,5	...	14,2	...	24,2
Черные металлы	76,1	5,7 тыс. т	3,9	108,1 тыс. т	4,6	71,3 тыс. т	6,4
Машины и оборудование, включая бытовое	—	2,2	—	3,4	—	4,9	—	15,8
Мебель	1,0	...	13,2	...	3,4	...	6,7
Одежда	6,0	...	6,8	...	14,0	...	19,1
Обувь	1,8	...	1,4	...	2,2	...	3,6

* [46; 48—50].

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА КИТАЙСКОГО ВВОЗА ИЗ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В 1966—1975 гг. *

Статья	1966 г.		1969 г.		1972 г.		1975 г.	
	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. ф. ст.	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. ф. ст.	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. ф. ст.	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. ф. ст.
Весь импорт	—	32,0	—	51,8	—	29,3	—	80,3
В том числе:								
Химические волокна .	7,2	1,3	21,6	3,4	5,0
Прокат черных металлов	87,4	5,2	36,6	2,2	4, 5, 1	3,2	...	1,6
Химические товары . .	1,2	...	3,0	...	0,4	2,8
Медь	4,2	2,0	22,1	12,1	—	—	0,1	0,1
Машины и оборудование	17,9	...	3,6	...	10,4	...	54,1

* [52—55].

на «банду четырех» (Цзян Цин, Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань) — наиболее приближенных к Мао Цзэдуну руководителей КПК (хотя в действительности они занимались не экономикой, а культурой, идеологией, политической пропагандой). Отсталость народного хозяйства, массовое обнищание народа вынудили правительство КНР на первый план выдвинуть экономические задачи, отказаться от некоторых, особенно обанкротившихся маоцзедуновских «курсов». Путем осуществления «четырех модернизаций» (сельского хозяйства, промышленности, военного дела, науки и техники) оно поставило задачу вывести Китай к концу XX в. в ряды передовых стран мира.

Курс на модернизацию народного хозяйства руководство КНР связало с установлением тесных политических и экономических связей с ведущими капиталистическими странами, надеясь использовать их экономические, военные и научные достижения. Маоистское руководство КНР отдавало себе отчет в том, что монополистический капитал Запада, правящие круги империалистических стран пойдут на сближение с КНР лишь на открытой антисоциалистической, антисоветской основе.

«Теоретическим» обоснованием союза с капиталистическим Западом послужила заменившая концепцию «промежуточных зон» и обнародованная на XI съезде КПК (август 1977 г.) теория «трех миров», в соответствии с которой все промышленно развитые страны (ФРГ, Великобритания, Япония, Франция, Италия и др.) отнесены ко «второму миру» и объявлены естественными союзниками в борьбе с «гегемонизмом» составляющих по данной схеме «первый мир» сверхдержав—США и СССР. При этом прежняя маоистская схема деления мира была подновлена. Хуа Гофэн, поясняя съезду сущность «первого мира», утверждал, что хотя

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА КИТАЙСКОГО ВВОЗА В АНГЛИЮ В 1966—1975 гг.*

Статья	1966 г.		1969 г.		1972 г.		1975 г.	
	Объем	Стоимость, млн. ф. ст.	Объем	Стоимость, млн. ф. ст.	Объем	Стоимость, млн. ф. ст.	Объем	Стоимость, млн. ф. ст.
Весь экспорт	—	33,8	—	37,7	—	39,1	—	59,5
В том числе:								
Яйца и яйцепродукты	2,9 тыс. т	0,5	5,1 тыс. т	0,8	10,2 тыс. т	5,1
Чай	1,7 »	0,6	1,8 »	0,6	2,2 тыс. т	0,7	4,8 »	2,5
Рис	18,9 »	9,2	16,9 »	1,0	—	—
Соевые бобы	4,8 »	2,2	5,1 »	0,2	9,8 тыс. т	1,0	...	1,8
Шерсть и волос	13,4 »	4,9	9,4 »	5,2	5,8 »	3,1	5,8 тыс. т	3,8
Шелк-сырец	331 »	1,1	210 »	1,2	160 »	0,7	72 »	0,7
Шетина	900 »	3,0	1114 »	3,4	1241 »	3,3	900 »	2,7
Тунговое масло	2997 »	0,4	1171 »	0,2	—	—
Ткани хлопчатобумажные . . .	3,63 млн. кв. м	2,0	39,6 млн. кв. м	2,7	40,0 млн. кв. м	2,1	48,4 млн. кв. м	4,8
Ткани шелковые	0,4	...	0,4	1,7 » »	0,4	0,2 » »	0,3
Ковры и ковровые изделия	0,9	...	51,8	...	29,3	...	3,4

* [52—55].

ТОРГОВЛЯ КНР С ОСНОВНЫМИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ
СТРАНАМИ МИРА В 1975 г. *

Страна	Экспорт КНР		Импорт КНР		Товарооборот КНР	
	Объем, млн. руб.	Удельный вес, %	Объем, млн. руб.	Удельный вес, %	Объем, млн. руб.	Удельный вес, %
Всего	4900	100,0	4975	100,0	9875	100,0
Япония	1102	22,5	1629	32,8	2731	27,7
ФРГ	161	3,3	377	7,6	538	5,5
Франция	125	2,6	269	5,4	394	4,0
США	114	2,3	219	4,4	333	3,4
Канада	40	0,8	267	5,4	307	3,1
Австралия	62	1,3	235	4,7	297	3,0
Великобритания . .	96	2,0	130	2,6	226	2,3

* [97, с. 154].

США и относятся к нему, но занимают «оборонительную позицию» и главным врагом народов является только СССР.

Схема «трех миров», таким образом, открывает маоистскому руководству путь к заключению союза со всеми реакционными силами капиталистического мира, с реваншистскими крутами Западной Германии, Японии, с «твердолобыми» консерваторами Англии, солидаризируясь с ними в борьбе против международной разрядки и Хельсинкского акта, за укрепление антисоциалистического военного блока НАТО. Внешнеполитический курс маоистского руководства вызвал нескрываемые восторги и готовность оказать Пекину поддержку у реакционных сил мира. Заметно оживился интерес к политике китайского правительства даже среди некоторых умеренных кругов капиталистического мира, которые, не солидаризируясь полностью с антисоветской политикой Пекина, питали надежду найти в Китае чрезвычайно емкий рынок, так необходимый в условиях перманентного кризиса капиталистической экономики.

Правящие круги Великобритании, прежде всего представители консервативных сил, оказались наиболее настойчивыми сторонниками сближения с маоистским руководством КНР на антисоветской основе.

В апреле 1977 г. в Пекине было проявлено особое внимание к лидеру консервативной партии М. Тэтчер. Она была принята руководителями самого высшего ранга (Хуа Гофэном, Ли Сяньнянем и др.), ей была предоставлена возможность широко ознакомиться со страной. При обмене мнениями с заместителем премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянем по вопросу о необходимости военного усиления Западной Европы против «гегемонизма» СССР М. Тэтчер откровенно солидаризировалась с призывом китайского руко-

водства создать международный антисоветский фронт, их оценкой Хельсинкского совещания и договоров об устранении угрозы войны и повторяла маоистскую критику движения народов за мир и безопасность (см. [152, 8.IV.1977]).

В апреле—мае 1978 г. военное командование КНР дало возможность начальнику штаба обороны Великобритании, одному из старших офицеров НАТО, маршалу авиации Н. Камерону ознакомиться с техническими войсками НОАК и втянуло его в переговоры по общим вопросам стратегии обеих стран. На военных сборах 6-й танковой дивизии Н. Камерон следующим образом формулировал свои стратегические соображения: «У наших ворот стоит общий враг, столица которого Москва... У нас есть проблемы, нас разделяющие, но одна вещь абсолютно ясна — растущая советская мощь. Я полагаю, что мы должны делиться опытом, чтобы как можно тверже противостоять советским танковым силам, если в этом когда-нибудь возникнет необходимость» [158, 2.V.1978]. Это заявление, отражавшее взгляды руководства консервативной партии, явилось, по существу, призывом к установлению англо-китайского военного союза против СССР и свидетельствовало о готовности английского военного командования оснащать китайскую армию современным оружием.

Высказывания Н. Камерона вызвали возмущение прогрессивной британской общественности. Они явно противоречили официально декларируемой политике лейбористского правительства и, казалось, должны были быть категорически дезавуированы. Между тем соотношение конфронтирующих сил в правительственных кругах Англии сложилось таким образом, что сторонники разрядки и мирного сосуществования могли лишь «возмущаться и протестовать», тогда как реальная политика продолжала направляться правыми консерваторами.

Выступая в парламенте, премьер-министр Каллаген не отмежевывался от заявления Камерона, отметив лишь, что его «не следует рассматривать как какой-то перелом, расширение, модификацию или изменение нынешних отношений между Англией и Китаем или между Англией и Советским Союзом» [163, 4.V.1978]. Неопределенность занятой Каллагеном позиции отражала компромиссную линию правых лейбористов, по многим политическим аспектам смыкавшимися с консерваторами, и не соответствовала настроениям всей лейбористской партии, особенно ее прогрессивного левого крыла.

В ходе парламентских дебатов левые лейбористы (Дж. Мендельсон и др.) требовали удаления Камерона со всех постов и официального дезавуирования его провокационных высказываний. «Обеспечение мира на нашей планете, — заявил, например, М. Флэннери, — слишком важная задача, чтобы ее можно было оставлять на усмотрение генералов, подобных начальнику штаба обороны Великобритании» [158, 2.V.1978].

В то же время лидер консерваторов М. Тэтчер горячо вступилась за Н. Камерона и призвала «поддержать то, что он сказал»,

т. е. легализовать политику военного союза с Китаем против «советской угрозы» (см. [163, 4.V.1978]).

Резюмируя дебаты, Каллаген попытался преуменьшить значение «дела Камерона», поскольку-де «речь идет лишь о его „нескольких замечаниях“, „одно-два из которых, видимо, можно было бы сформулировать несколько иначе“» [163, 4.V.1978]. Он добавил при этом, что правительство действительно стремится к улучшению отношений с Китаем, но «не за счет отношений с другими крупными странами мира» [163, 4.V.1978].

Видимо, желая снять накал политических дебатов вокруг отношений с Китаем, британское правительство предприняло ряд мер к тому, чтобы переговоры с КНР проводились на конкретной коммерческой основе, а военные вопросы включались составной частью в общие торговые соглашения.

Р. Бордмен отмечает, что с середины 70-х годов в Великобритании был довольно четко отлажен механизм связей с КНР, направленный на стимулирование взаимного обмена делегациями: контакты между обеими странами поддерживались преимущественно по неофициальным каналам; предпочтение отдавалось встречам с представителями КНР в Лондоне; в честь прибывающих в Британию представителей КНР и возвращающихся из КНР британских визитеров устраивались небольшие приемы; организовывались лекции, семинары, беседы; оказывалось содействие индивидуальным и групповым поездкам в Китай; в английской прессе периодически публиковалась и распространялась среди коммерческих и деловых кругов информация о Китае (см. [123, с. 154]). Центром по стимулированию и коммерческому руководству торгово-экономическими отношениями с КНР стал Британско-Китайский комитет, получивший официальное поручение содействовать установлению различных видов контактов между двумя странами. Его возглавил М. Макдональд, заместителем которого был назначен лорд Тревилльян, — оба известные специалисты по дальневосточным делам (см. [123, с. 154]).

Подобное спокойное течение дел вызывало раздражение у консерваторов, неоднократно обрушивавшихся на лейбористское правительство с обвинениями в бездеятельности, особенно в связи с возросшей в Китае активностью Японии (подписавшей с КНР торговое соглашение об увеличении товарооборота между ними в 1977—1978 гг. до 20 млрд. долл.), ФРГ и Франции, что, по мнению консерваторов, ставило Великобританию перед угрозой потери китайского рынка. Одновременно торгово-промышленные круги требовали, чтобы Англия окончательно избавилась от ограничений «Китайского комитета», без чего «китайцы не пойдут на заключение конкретных контрактов» [25, с. 8].

С середины 1977 г. началось паломничество делегаций КНР в Лондон. После детального ознакомления китайских экспертов и руководителей внешнеторговых организаций с британской авиационной промышленностью был заключен (осенью 1977 г.) первый крупный контракт на поставку в КНР заводами «Ройлс Ройс»

авиационного оборудования, авиамоторов и оказание технической помощи в модернизации китайских авиационных заводов на общую сумму около 100 млн. ф. ст. [163, 2.XII.1977]. В ноябре—декабре того же года, при посещении Англии министром внешней торговли КНР Ли Цяном, велись переговоры о еще большей сделке, имевшей первостепенное военное значение — о поставке 100 сверхскоростных истребителей-бомбардировщиков с вертикальным взлетом «Харриер» (стоимостью свыше 300 млн. ф. ст.) (см. 157, 18.XI.1977; 163, 26.XI.1977).

В течение весны 1978 г. Великобританию посетили по крайней мере четыре китайские делегации: Госплана, министерства металлургии, министерства сельского хозяйства и «Северной промышленной корпорации»¹³ (см. [25, с. 8—9]), которые более всего интересовались получением промышленного оборудования и технологии для военных целей. Переговоры относительно других британских поставок, имеющих общеэкономическое значение, велись, по существу, к ознакомлению и выяснению конкурентных условий с целью определения их выгодности в сравнении с полученными предложениями от других стран (ФРГ, Японии и др.). Визиты этих делегаций закончились приглашениями британских представителей в КНР для продолжения конкретных переговоров и заключения контрактов, в частности о поставках металлургического оборудования. Договоренность о закупке китайцами последнего, а также электрооборудования и электроники была достигнута при посещении Пекина президентом Британской сталелитейной корпорации Ч. Виллесом, президентом «Дэви Интернейшнл К°» Дж. Вэркли и директором-распорядителем «Джэнерал Электрик К°» К. Дженсеном.

Руководство КНР, однако, явно не удовлетворяли переговоры лишь с фирмами, поскольку оно было заинтересовано прежде всего в получении новейшего вооружения, поставки которого требовали санкции Лондона. Осенью 1978 г. оно предприняло решительный шаг по достижению соглашений с английской стороной о закупке вооружения и по другим торгово-экономическим вопросам. В октябре в Лондон прибыл министр иностранных дел КНР Хуан Хуа, имевший задачу провести политический зондаж и подготовить приезд в британскую столицу заместителя премьера Госсовета КНР Ван Чжэня. На переговорах с английским министром иностранных дел Д. Оуэном Хуан Хуа старался согласовать общую политическую позицию на основе разделявшихся консерваторами принципов признания СССР общим врагом и на этой основе добиться оказания помощи Китаю современным вооружением (см. [159, 14.X.1978]). Британский министр, однако, по сообщению «Таймс», «не согласился с пессимистическим анализом Хуан Хуа в отношении Советского Союза» [163, 14.X.1978].

В ноябре 1978 г. в Лондон прибыл Ван Чжэнь. Центральной темой его переговоров с Дж. Каллагеном являлся вопрос о заключении соглашения на поставку «Харриеров», современной артиллерии, двигателей для подводных лодок, транспортных средств

и другого военного имущества (см. [164, с. 55]). Ван Чжэнь обсуждал также проект англо-китайского торгового соглашения, предусматривавшего доведения товарооборота между обеими странами к 1985 г. до 600—700 млн. ф. ст. в год (181,4 млн. ф. ст. в 1977). Дж. Каллаген, соглашаясь на продолжение переговоров о поставках испрашиваемого вооружения, уклонился от окончательного ответа, сославшись на необходимость согласовать подобное решение с союзниками по НАТО (см. [163, 17.X.1978]). Китайскую делегацию, резюмировала «Файнэншл Таймс», постигло разочарование, так как она не добилась контракта на закупку «Харриеров» [158, 17.X.1978].

Затяжка с достижением договоренности о военных поставках Китаю вызвала резкую критику со стороны английских консервативных кругов. Член парламента консерватор П. Блейкер призывал правительство не обращать внимания на возражения Советского Союза и поторопиться с продажей «Харриеров». «Через несколько недель, — предостерегал он, — американские бизнесмены будут разгуливать по Пекину не просто взводами, а целыми батальонами. К 1982 г. они смогут продавать усовершенствованный вариант самолета „Харриер“». К нему присоединились депутаты-консерваторы Р. Эдли, Ф. Пин и др. Отвечая им в палате общин, Д. Оуэн заявил: «Решение по этому вопросу будет принято в общем контексте политических, стратегических и экономических проблем. Это решение не будет принято под воздействием нажима со стороны какой бы то ни было части населения страны: ни под активным нажимом тех, кто считает в наших отношениях с Китаем важным только то, продали мы ему данный конкретный самолет или нет, ни под влиянием критиков, которые утверждают, что ни при каких обстоятельствах мы не должны никому продавать оружие» [163, 23.XI.1978].

Тем не менее в начале 1979 г. британское правительство стало проявлять торопливость в переговорах с КНР по торгово-экономическим проблемам, причем в вопросе о поставке самолетов «Харриер» старательно затушевывалось военно-политическое значение этого шага, и выдвигалось на первый план требование военно-промышленных кругов Англии не потерять китайский рынок, добиваясь того, чтобы продажа «Харриеров» и другого вооружения стала своеобразной приманкой для Китая — условием для размещения в Великобритании крупных китайских заказов.

Несмотря на заявление левого крыла своей партии, лейбористское правительство не удержалось на своей двойственной позиции. В момент, когда китайские войска уже совершили военное нападение на СРВ (17 февраля 1979 г.) и в полной мере обнажилась агрессивная сущность внешней политики нынешнего руководства КНР, в Китай была направлена торгово-экономическая делегация, возглавляемая министром промышленности Э. Вардли.

Правящие круги Великобритании не посчитались с гневным осуждением британскими трудящимися китайской агрессии против Вьетнама. 5 марта Э. Вардли подписал в Пекине соглашение об

экономическом сотрудничестве, предусматривавшее доведение англо-китайского товарооборота за 1979—1985 гг. до 7 млрд. ф. ст. (14 млрд. долл.). При этом британское правительство согласилось гарантировать предоставление Китаю английскими частными банками кредита на сумму 2,5 млрд. ф. ст. (5 млрд. долл.) (см. [158, 6.III.1979]). На пресс-конференции после подписания соглашения Э. Вардли заявил, что британская делегация предлагала увеличить товарооборот за указанный 7-летний период до 10 млрд. ф. ст., однако в ходе переговоров «из-за растущего беспокойства Китая относительно размеров своего иностранного долга» было принято решение снизить планируемый показатель. Но и обусловленная, по его словам, сумма не была подтверждена конкретными обязательствами, которые еще подлежат определению при заключении контрактов между британскими фирмами и китайскими организациями. Э. Вардли подтвердил на пресс-конференции, что в Пекине он обсуждал сделку о самолетах «Харриер», «переговоры по техническим и коммерческим деталям которой будут продолжены» [159, 6.VIII.1978].

Сам факт направления делегации в КНР и заключения столь крупного экономического соглашения, предусматривавшего финансово-техническое и военное содействие Пекину в момент его агрессии против Вьетнама нельзя рассматривать иначе, как победу в британской политике линии правых консервативных кругов, как демонстрацию солидарности с США, которые по существу благословили китайских лидеров на развязывание антивьетнамской авантюры (американская делегация, возглавляемая министром торговли Блюменталем, также в эти дни вела переговоры в Пекине).

Очевидное поощрение китайской агрессии и антисоветская направленность политики КНР вызвали тревогу в умеренных кругах и активные протесты прогрессивной общественности Великобритании. Комментируя заключенное англо-китайское соглашение, «Дейли Миррор» отмечала: «В новой дружбе Китая с Западом имеется и еще одна примечательная сторона — частично его целью является разрушение отношений Запада с Россией. Для Китая политика и торговля тесно связаны, но в наших интересах их не смешивать. Мы нуждаемся в торговле с Китаем и с Россией, а не в удовлетворении одной стороны за счет другой» [155, 6.III.1979]. С резким осуждением китайской агрессии против СРВ выступил Политический комитет Коммунистической партии Великобритании, призвавший активизировать кампанию протеста против намерения английского правительства поставлять Пекину оружие, в том числе самолеты «Харриер» (см. [160, 24.II.1979]).

У торгово-промышленных кругов Великобритании появились также сомнения в платежеспособности КНР, в реальности погашения ею крупных кредитов при недостаточности ее экспортных ресурсов и направлении дорогостоящего импорта не на подъем отсталой экономики, а для наращивания военного потенциала.

Суровая необходимость для Китая в первую очередь импортировать остродефицитные в стране продовольствие, текстильное сырье и металлы ставит Англию в торговле с КНР в менее благоприятные условия, нежели таких экспортеров зерна и промышленного сырья, как США, Канада, Австралия (в меньшей мере — Франция). В то же время крайняя отдаленность от Китая делает нерентабельной массовую закупку у него угля, руды, соли, минерального сырья и многих других товаров, играющих большую роль в китайском экспорте (в этом плане неоспоримые преимущества — вследствие дешевизны фрахта — имеет перед всеми развитыми капиталистическими странами Япония). Наконец, нехватка в КНР свободно конвертируемой валюты серьезно препятствует закупкам английского промышленного оборудования, вывоз которого в Китай (в отличие от, скажем, западногерманского) к тому же ограничен системой Чинкома и использованием британскими фирмами лицензий США.

За 1976—1978 гг. китайский экспорт в Великобританию несколько превысил импорт, т. е. последняя стала для Китая источником накопления валюты для покрытия дефицита в торговле с ФРГ, США и другими странами (в млн. ф. ст.) [84а—84в]:

Год	Англо-китай- ский товаро- оборот	Китайский экспорт в Англию	Китайский импорт из Англии	Торговый баланс
1976	157,2	87,0	70,2	+16,8
1977	181,4	112,1	69,3	+42,8
1978	212,0	104,0	108,0	— 4,0
Итого . .	550,6	303,1	247,5	+55,6

На структуре британско-китайского товарооборота существенно сказалось заключение в 1978 г. ряда соглашений о кредитовании закупок КНР в Англии. По сообщению «Файнэшил Таймс», семь английских банковских концернов — «Мидленд Бэнк», «С. Дж. Уорберг» (совместно с «Ллойдс Бэнк интернэйшнл»), «Нэшнл Вестминстер Бэнк», «Стандард энд Чартерд Бэнк», «Бэрклейс Бэнк интернэйшнл», «Уильям энд Глинне Бэнк» и «Клейнуорт, Бенсон энд К°» (последние два — совместно с «Ройял Бэнк оф Скотленд») — подписали с Банком Китая соглашения (раздельные) о предоставлении ему депозита в 600 млн. ф. ст. (1,2 млрд. долл.) для финансирования контрактов на китайские закупки, общая сумма которых должна быть не менее 2,5 млрд. ф. ст. (5 млрд. долл.) [158, 7.X.1978].

Однако в течение 1978 г. были заключены контракты лишь на 180 млн. ф. ст., в том числе на поставку в КНР комплектного оборудования для нефтехимического завода (40 млн. ф. ст.) и двух заводов по производству оксоспирта (37 млн. ф. ст.), а также горно-шахтного оборудования (93 млн. ф. ст.) и оборудования для

контроля и испытания авиадвигателей (10 млн. ф. ст.). По-видимому, остальную часть обусловленного депозита в британских банках китайское правительство намеревалось использовать для закупки самолетов «Харриер» и различного вооружения, переговоры о поставке которого не были завершены в 1978 г.

Указанные кредиты устранили одно из главных препятствий в британско-китайской торговле — ограниченность китайских платежных средств. Их значение и роль особенно возросли после заключения 5 марта 1979 г. британско-китайского соглашения, по условиям которого английское правительство согласилось гарантировать частнобанковские кредиты Китаю, т. е. приняло на себя риск за возможную неплатежеспособность китайской стороны. Сложившаяся в результате объективно благоприятная обстановка для развития англо-китайских торгово-экономических отношений омрачалась, однако, военно-политическими факторами, стремлением Пекина использовать британские кредиты для милитаризации Китая, в явно агрессивных целях, т. е. моментами, преодоление которых в большей мере зависит от общеполитического курса обеих стран, их положения в мире.

ГОНКОНГ И ЕГО РОЛЬ В КИТАЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Гонконг является важнейшим торгово-экономическим центром во всем регионе Юго-Восточной Азии. Его посреднические функции, роль в транзитной торговле, банковские и транспортные связи с основными государствами всех континентов придают ему международное значение.

По численности населения он примерно равен таким странам, как Норвегия, Финляндия, Замбия, Сенегал, и превышает многие более мелкие государства (Ливию, Мавританию, Ливан, Лаос, Кувейт, Парагвай, Сингапур и др.). людские резервы Гонконга, из года в год пополняемые за счет притока из КНР и других соседних стран (с 1967 по 1977 г. его население возросло с 3,3 млн. до 4,5 млн. человек, 98% из которых — лица китайского происхождения), позволяют довольно успешно осуществлять коммунальное, транспортное и промышленное строительство и быстро развивать все отрасли экономики.

В течение 1976—1977 гг. в Гонконге было создано свыше 6 тыс. новых обрабатывающих предприятий, на которых трудятся 75,5 тыс. человек (табл. 38).

Рост промышленного производства — экономической основы Гонконга — обуславливался двумя основными факторами: 1) устранением угрозы ликвидации колонии и стабилизацией его политического положения после утверждения внешнеполитического курса правительства КНР на сближение с ведущими капиталистическими странами; 2) наличием избыточной дешевой и незащищенной трудовым законодательством рабочей силы, перманент-

Таблица 38

РОСТ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГОНКОНГА
ЗА 1976—1977 гг. *

Отрасль	1976 г.**		1977 г.**	
	Количество пред- приятий	Число занятых	Количество пред- приятий	Число занятых
Всего	31 034	678 857	37 568	755 108
В том числе:				
Производство одежды	7 073	238 958	8 714	251 273
Текстильная промышленность	3 411	112 922	3 721	102 461
Полиграфическая промышленность	1 578	19 812	2 062	22 091
Производство металлоизделий	3 437	63 706	3 995	78 449
Пластиковое производство	4 474	57 322	6 481	70 431
Машиностроение	1 228	11 926	1 386	11 967
Электромашино- и приборостроение	89	66 353	1 332	89 525
Производство транспортного оборудования	217	11 133	270	12 205

* [50а, с. 278].

** На декабрь месяц.

но пополняемой за счет беженцев из КНР. Благодаря указанным условиям Гонконг стал центром притяжения иностранного капитала. В немалой степени его притоку способствовала и политика британского правительства, стремившегося придать экономике Гонконга международный характер и тем самым приобрести внешних союзников для сохранения его статуса как британской колонии. Только за один 1977 г. иностранные капиталовложения в промышленное производство Гонконга возросли на 17% и к концу 1977 г. составили около 2 млрд. гонк. долл. [50а, с. 13]. Несколько отставал по объему новых инвестиций английский капитал, но тем не менее он сохраняет в колонии ключевые позиции. Наиболее крупный строительный проект — по сооружению подземной железной дороги — осуществляется с привлечением японского капитала британским концерном «Джардин, Мэзисон энд К°». Последний контролирует также судостроительную, и ряд других важнейших отраслей промышленности, равно как и крупнейшие банки, торговые предприятия и т. д.

К концу 1977 г. на территории колонии находилось по крайней мере 339 иностранных фабрик, принадлежавших американцам (около 50%), японцам (20—25%), англичанам (20%) и подданным других стран — ФРГ, Австралии, Голландии. Главной сферой приложения иностранного капитала являются текстильная промышленность и электроника. На иностранных предприятиях рабо-

тают около 75 тыс. человек, т. е. около 10% общей численности занятых в гонконгской промышленности, хотя их доля в объеме промышленного производства составляла не менее 25—30%.

Значительное развитие в последние годы получила внешняя торговля с КНР. Рост обрабатывающей промышленности потребовал значительного увеличения импорта сырья, материалов и топлива, а возросший объем промышленного производства, в свою очередь, обусловил быстрое развитие экспорта Гонконга. Его внешняя торговля в 1975—1977 гг. характеризуется следующими данными (в млн. гонк. долл.) [50а, с. 734]:

	1975 г.	1976 г.	1977 г.
Импорт . . .	33 472	43 293	48 701
Экспорт . . .	22 859	32 629	35 004
Резэкспорт . .	6 973	8 928	9 829
Товарооборот	63 304	84 850	93 434

Импорт Гонконга складывался из трех основных частей: продукты питания и другие жизненно необходимые товары для возрастающего населения; сырье, топливо и материалы для промышленности, транспорта и коммунального хозяйства, товары для резэкспорта в Китай и другие страны (в млн. гонк. долл.) [50а, с. 735]:

	1975 г.	1976 г.	1977 г.
Всего	33 472	43 293	48 701
В том числе:			
продовольственные товары	6 113	6 687	7 230
промышленное сырье (лес, текстильные волокна и др.)	2 500	3 328	3 322
химические товары (краски, медикаменты, парфюмерия, пластик и др.)	2 496	3 419	3 633
промышленные полуфабрикаты и материалы (пряжа, бумажные и минеральные изделия, железо и сталь)	9 828	13 367	14 466
машины, электродвигатели, приборы	5 643	7 701	93 434

Экспорт, направляемый непосредственно из Гонконга, за 1975—1977 гг. возрос на 51,3% и охватывал крайне широкий круг текстильных, трикотажных и металлических изделий, радио- и телеаппаратуру, бытовые машины, пользовавшиеся активным спросом в Западной Европе, США и многих других странах (в млн. гонк. долл.) [50а, с. 236]:

	1975 г.	1976 г.	1977 г.
Всего	22 859	32 629	35 004
В том числе:			
одежда	10 202	14 288	13 908
электромашины, приборы, аппаратура	2 787	4 196	5 123
текстильная пряжа, нитки и трикотажные изделия	2 145	3 015	2 649

В реэкспорте Гонконга в 1977 г. выделяются промышленные изделия (2882 млн. гонк. долл.), машины, электроприборы (1643 млн. гонк. долл.), научная аппаратура, измерительные приборы (2181 млн. гонк. долл.). На эти же товарные статьи приходился и прирост общей суммы реэкспорта в 1975—1977 гг. в 2856 млн. гонк. долл.

В импорте Гонконга ведущее место занимают три страны — Япония, Китай и США (на их долю в 1977 г. приходилось 53,1%), тогда как Великобритания занимала лишь шестое место — после Тайваня и Сингапура (табл. 39).

Т а б л и ц а 39

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОНКОНГСКОГО ИМПОРТА *

	1975 г.		1976 г.		1977 г.	
	Объем, млн. гонк. долл.	Удельный вес, %	Объем, млн. гонк. долл.	Удельный вес, %	Объем, млн. гонк. долл.	Удельный вес, %
Всего	33 472	100,0	43 293	100,0	48 701	100,0
Япония	6 991	20,9	9 348	21,6	11 547	23,7
Китай	6 805	20,3	7 761	17,9	8 082	16,6
США	3 961	11,8	5 309	12,3	6 098	12,5
Великобритания . .	1 715	5,1	1 833	4,2	2 192	4,5

* [50а, с. 234].

Из табл. 39 явствует, что только в 1975—1977 гг. Япония и США смогли увеличить долю своего участия в гонконгском импорте, тогда как Китай не смог удержать прежних позиций и при возрастании объема китайского импорта удельный вес его сократился на 3,7%.

Иное распределение долевого участия сложилось в экспорте Гонконга. В число ведущих стран входили США, ФРГ и Великобритания; Япония далеко отстает от них. Удельный же вес КНР настолько незначителен, что гонконгская статистика ее не выделяла, относя к общей группе второстепенных торговых партнеров (табл. 40).

Ведущее место в экономике Гонконга и его внешней торговле,

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОНКОНГСКОГО ЭКСПОРТА *

	1975 г.		1976 г.		1977 г.	
	Объем, млн. гонк. долл.	Удельный вес, %	Объем, млн. гонк. долл.	Удельный вес, %	Объем, млн. гонк. долл.	Удельный вес, %
Всего	22 859	100,0	32 629	100,0	35 004	100,0
США	7 334	32,1	11 236	34,4	13 552	38,7
ФРГ	2 860	12,5	3 995	12,2	3 669	10,5
Великобритания . .	2 778	12,2	3 284	10,1	3 035	8,7
Япония	956	4,2	1 400	4,3	1 386	4,0

* [50а, с. 234].

как это видно из табл. 39 и 40, в последние годы принадлежит США. Тем не менее распорядителем колонии остается Великобритания, в руках которой находятся рычаги административной и налоговой власти, что создает ей особое положение, обеспечивая политическое влияние в этом регионе и, наконец, принося значительные доходы казне. Доходы и поступления колониальной администрации Гонконга из года в год возрастают: в 1975—1976 гг. они составляли 6,7 млрд. гонк. долл., в 1976—1977 гг. — 7,4 млрд. и в 1977—1978 гг. — 8,4 млрд. гонк. долл., из которых не менее 10% перечисляется в Лондон. Помимо этого значительный приток средств в британскую метрополию осуществляется по линии монополистических концернов «Джардин, Мэзисон энд К^о», «Суайр» и др. Общие ежегодные валютные поступления из Гонконга в Великобританию, по оценке «Файнэншл Таймс», равняются примерно 900 млн. ф. ст., что составляет значительную долю в валютных резервах Соединенного Королевства (см. [51, с. 309]).

Отношения КНР с Гонконгом носят особый характер: формально оставаясь в стороне от деятельности гонконгской администрации, китайские власти тем не менее имеют возможность оказывать решающее влияние на многие сферы политической и экономической жизни колонии. Под вывеской агентства Синьхуа и других официальных и общественных предствительств Пекин содержит в Гонконге огромный политический аппарат, под контролем которого находятся многие профсоюзные, культурные, спортивные и другие организации, а также местная китайская пресса. Банк Китая контролирует по крайней мере, девять других банков, имеющих разветвленную сеть филиалов (свыше 100 отделений) при крупных гостиницах во всех районах колонии. На счетах этих банков находилось не менее 20% авуаров всех гонконгских банков, что составляет около 2 млрд. долл. Банки КНР в крупных масштабах приобретают недвижимость, строят уникальные здания, оснащаемые по договору с американской компанией «Интернэшнл Бизнес Машинз» электронно-вычислительной техникой.

КНР формально не имеет своих промышленных, коммунальных и торговых предприятий в Гонконге. Вся торгово-производственная, транспортная и коммунальная деятельность в колонии осуществляется под флагом местных китайских или китайско-иностранных (японских, западногерманских, американских и др.) фирм. Реально же к середине 70-х годов общая сумма инвестиций КНР в Гонконге (через подставные компании) оценивалась в 1,2 млрд. долл. Банки КНР участвуют в финансировании строительства крупных нефтехранилищ (емкостью около 300 тыс. т), плавучих домов (общим водоизмещением 25 тыс. т), современного машиностроительного завода. В фактическом владении КНР в конце 1977 г. находились три крупных универсальных магазина, четыре страховые компании, кинотеатры, гостиницы, транспортно-экспедиторские агентства.

Общая прибыль, извлекаемая КНР из торгово-производственной и обслуживающей деятельности на территории колонии, к концу 70-х годов предположительно составляла не менее 300—400 млн. ам. долл. Банк Китая аккумулирует валютные переводы китайцев, проживающих за границей, их родственникам в КНР, которым китайские власти по извещениям гонконгского филиала банка выплачивают полученные суммы либо юанями, либо дефицитными товарами (ткани, растительное масло, мясные продукты и др.). Ежегодная сумма указанных переводов колеблется от 125 млн. до 200 млн. ам. долл.

Гонконг является для КНР важнейшим источником получения свободно конвертируемой валюты благодаря, как явствует из данных об ее товарообороте с Гонконгом (в млн. ф. ст.), активному торговому сальдо [84а; 84б; 158, 5.III.1979]:

Год	Товарооборот	Экспорт из КНР	Импорт в КНР	Сальдо
1976	907,0	890,2	16,8	+873,4
1977	988,5	965,2	23,3	+941,9
1978	1170,0	1145,0	25,0	+1120,0
Итого..	3065,5	3000,4	65,1	+2935,3

Крайне незначительный импорт из Гонконга — шерстяные ткани, трикотаж, галантерейные товары для закрытых дипломатических магазинов, а также автомашины и некоторые изделия для правительственных организаций Пекина — дает КНР возможность почти всю выручку от экспорта использовать для расчетов с другими странами, в торговле с которыми она имеет пассивное сальдо (ФРГ, США, Канада, Австралия и др.).

Общая сумма валютных поступлений КНР из Гонконга от торговых операций, инвестиций, переводов и т. п. составляет около 2,5 млрд. ам. долл. в год, что позволяет китайским властям оплачивать ввоз в страну недостающего зерна, хлопка, растительных масел и ряда других продовольственных товаров и закупать в крупных капиталистических странах в значительных объемах оборудование и вооружение.

Кроме того, Гонконг имеет для КНР не менее важное значе-

ние и как канал связи с Западом, по которому происходит ознакомление с научно-техническим опытом и технологией. Сугубо прагматические соображения привели к тому, что китайское правительство, по существу, сняло лозунг о возвращении Гонконга КНР. Постоянный представитель КНР в ООН Хуан Хуа в письме от 8 марта 1972 г. в адрес председателя Специального комитета ООН потребовал не включать Гонконг и Макао в список колониальных стран на том основании, что они хотя и «являются частью китайской территории, оккупированной британскими и португальскими властями», но решение вопроса о них «является полностью суверенным правом Китая, который будет решен китайским правительством надлежащим путем, когда для этого созреют условия» [29, с. 382—383]. Дэн Сяопин еще более определенно заверил британские колониальные власти, что статус Гонконга и Макао несколько десятилетий останется без изменений.

Одновременно в свете установки «Гонконг не британская колония, а территория Китая» правительство КНР настойчиво проводит целую систему мер по мирному слиянию Гонконга с соседней китайской провинцией Гуандун. Гуандунскими организациями заключено более 200 контрактов с китайскими гонконгскими фирмами об участии последних в развитии предприятий легкой промышленности, в строительстве железных дорог, аэропортов и электростанций на юге Китая (см. [161, 1.IV.1979]). В марте 1979 г. было открыто беспересадочное железнодорожное сообщение между Гуанчжоу и Гонконгом и введена упрощенная система пропуска пассажиров и грузов. Еще более примечательным фактом в осуществлении политики слияния явилось приглашение в Пекин в марте 1979 г. гонконгского генерал-губернатора М. Маклхоуса (см. [153, 26.III.1979]), с которым вопреки прежнему порядку, когда все переговоры относительно Гонконга китайское правительство проводило непосредственно с представителями правительства Соединенного Королевства, в течение 11 дней велись переговоры по всем интересующим стороны вопросам.

Как свидетельствуют факты, правящие круги Англии устраняет политика «отсрочки» решения проблемы Гонконга «на несколько десятилетий». Определенные гарантии сохранения его колониального статуса британские консерваторы видят в политической нестабильности КНР в течение последних двух десятилетий, в оппозиционных настроениях гонконгских китайцев по вопросу о воссоединении с КНР¹⁴, да и в поведении самих граждан КНР, ищущих убежища в Гонконге¹⁵. Не последнее место в расчетах британских колонизаторов отводится и политике стимулирования инвестиций иностранного, прежде всего американского, капитала, с тем чтобы интернационализировать экономику колонии и получить таким путем защиту и поддержку своих позиций со стороны союзников.

Гонконг остается важнейшей проблемой в китайско-британских отношениях. Несомненно, однако, что решающее слово в этом вопросе будет принадлежать китайскому народу.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Во многовековой истории отношений Великобритании с Китаем нашли отражение классические особенности становления и развития мировой колониальной системы со времени ее возникновения и до крушения в наше время.

Прямые контакты Англии с Китаем начались с вооруженного нападения в 1637 г. британских кораблей на форты Гуанчжоу. Такого рода пиратские набеги, грубо нарушавшие национальный суверенитет Китая, продолжались и в последующие десятилетия XVII в., хотя заметного успеха они не приносили. По мере укрепления британских колониальных позиций в Азии в конце XVII в., когда в самой Англии буржуазия взяла верх над земельной аристократией, Ост-Индская компания превратилась, как писал К. Маркс, «из торговой державы в державу военную и территориальную. Именно тогда было заложено основание Британской империи на Востоке» [1, с. 152].

Хищнический, пагубный для китайского народа характер английской торговли не вызывает сомнения. Великобритания принесла в Китай в первую очередь не плоды просвещения и продукцию передового производства (как стараются изобразить апологеты британского колониализма), а ядовитый наркотик — опиум, сбыт которого приносил британским купцам и казне баснословные прибыли. Доходы от продажи опиума перекрывали стоимость английского импорта из Китая (основными его статьями были чай и шелк-сырец). Вследствие этого сбыт опиума в Китае превратился для англичан в средство выкачки китайского серебра, лежавшего в основе денежной системы страны. Торговля опиумом, составлявшим до середины XIX в. главнейшую статью британского ввоза в Китай, приобрела особую политическую значимость в истории англо-китайских отношений.

Английские колониальные власти в Индии наладили на территории этой колонии массовое производство опиума для вывоза в Китай. Глумясь над китайским законодательством, запрещавшим доставку и продажу опиума, британское купечество (в первую очередь Ост-Индская компания) контрабандно ввозило его в Китай в огромных количествах. «В то время как китайский император, — писал К. Маркс, — с целью приостановить самоубийство своих подданных, запрещал одновременно и ввоз этого яда (опиума. — М. С.) иностранцами и потребление китайцами, Ост-Инд-

ская компания стремительно превращала производство опиума в Индии и его контрабандную продажу в Китае в неотъемлемую часть своей собственной финансовой деятельности» [2, с. 567]. Отказ Китая от ограничительного внешнеторгового законодательства и легализация опиумной торговли являлись главными требованиями британских колонизаторов, определявшими политику Англии в отношении Китая.

Начало английской экспансии в Китае проходило в период утверждения там власти маньчжурской династии Цин (40—90-е годы XVII в.).

Овладев Китаем, цинские правители с середины XVIII в. начали завоевательные походы против соседних стран и к концу XVIII в. подчинили своему сюзеренитету Аннам (1790 г.), Непал (1792 г.), Бирму (1792 г.). Успешные легкие победы над малочисленными и слабыми соседними народами, Цинны восприняли традиционную китайскую внешнеполитическую доктрину, согласно которой Китай считался центром мира, единственным источником «истинной цивилизации», все же прочие народы — «варварами», а их правители — вассалами китайского императора. Согласно этой доктрине, абсолютно исключавшей принятие принципа равноправия во взаимоотношениях с другими государствами, присылка посольств последними трактовалась лишь как выражение верноподданнической покорности. Исключение в этом плане не составило и первое посольство Соединенного Королевства во главе с лордом Макартнеем, прибывшее в Пекин в 1793 г. Отказ Макартнея выполнить унижительные церемонии коу-тоу и признать английского короля цинским вассалом привели к провалу британской миссии. Пекинское правительство отвергало английские требования о расширении торговли и по-прежнему ограничивало торговлю иностранцев лишь южными портами (Гуанчжоу, Сямынь), а все возникающие споры между британскими торговцами и моряками с китайцами поручало решать местным китайским властям.

В начале XIX в. в китайско-английских отношениях наступает качественно новый этап. Правители феодального Китая по своему высокомерию и невежеству не могли и не хотели осознавать военную и экономическую отсталость страны. Китай оказался не в состоянии успешно противостоять неуклонно усиливавшемуся натиску Запада. Вначале он потерял свои подвассальные владения — Непал и Бирму, которые без особых усилий Англии перешли под ее контроль (1816 г.). После явно неудачных попыток добиться дипломатическим путем уступок Китая по легализации британской торговли опиумом (посольство Амхерста в 1816 г., миссия Нэпира в 1833 г.) Англия перешла к решительным военным действиям. Воспользовавшись в качестве предлога законным актом китайских властей, конфисковавших контрабандный опиум, нелегально завезенный британскими купцами, военные суда Англии с благословения тогдашнего творца английской внешней политики лорда Пальмерстона произвели нападение на форты Гуан-

чжоу, положив начало военному конфликту, переросшему в первую «опиумную» войну.

Цинские армии, имевшие устарелое вооружение и не подготовленные к серьезным сражениям не смогли сдержать натиск сравнительно незначительных, но хорошо вооруженных военно-морских сил Англии и капитулировали. Поражение Цинской империи было предопределено ее антинародным характером. Императорский двор и высшее сановничество боялись китайского народа больше, чем иностранных интервентов. Они не только не призвали его к защите Родины, но даже противились участию стихийно образовавшихся народных дружин в войне. Цины поторопились пойти на капитуляцию, чтобы избежать долговременной, общенациональной войны, не допустить активизации народных масс и пробуждения их национального самосознания, видя в этом угрозу своему господству.

Первая «опиумная» война закончилась унижительным для Китая неравноправным Нанкинским договором, положившим начало иностранному закабалению Китая. Им были утрачены суверенные права в области внешней торговли (иностранному контролю над таможнями, упразднение системы гунхан), англичанам было разрешено создавать селтльменты, концессии и пользоваться экстерриториальностью. На полученном от Китая в «вечное владение» о-ве Гонконг англичане создали свою крупнейшую и важнейшую военно-экономическую базу на Дальнем Востоке.

Вслед за Великобританией к выгодам, обусловленным навязанным Китаю «режимом капитуляций», приобщились и прочие ведущие капиталистические державы (Франция, США и др.), однако первую скрипку в китайских делах (во внешней торговле Китая, в управлении иностранными селтльментами, в таможенном контроле и т. п.) вплоть до 90-х годов XIX в. продолжала играть Англия. Во второй половине XIX в. Англия достигла наивысшего колониального могущества, когда в Британской империи «никогда не заходило солнце».

Радикальные изменения в мире, происшедшие в последней четверти XIX в., — перерастание капитализма в его высшую, монополистическую стадию развития и обострение в данной связи «в чрезвычайной степени» борьбы «за территориальный раздел мира» [11, с. 375] — положили конец британскому лидерству на Дальнем Востоке.

Китай оказался в фокусе противоречий ведущих империалистических государств: Великобритании, Франции, Германии, России и быстро развивавшейся Японии. К концу XIX в. потерявший после поражения в войне с Францией (1885—1886 гг.) сюзеренитет над Тонкином Китай, утративший последние остатки прежнего имперского блеска, сам оказался поделенным на «сферы влияния» держав.

С этого времени Англии пришлось считаться с преобладанием России в Маньчжурии, Германии — в Шаньдуне, Франции — в Юньнани и части других южнокитайских провинций, а также с ак-

тивностью США, опоздавшими к дележу Китая и настойчиво равнявшимися к его богатейшему рынку под лозунгом «открытых дверей и равных возможностей».

Утратив монопольные позиции в Китае, Великобритания направляет свои усилия на поиски союзников среди конкурентов, с тем чтобы с их помощью сохранить за собой руководящую роль в китайских делах.

Основным соперником Англии на Дальнем Востоке Лондон считал Россию. Британские правящие круги с опасением отнеслись к сооружению первого русского тихоокеанского порта (Владивостока) и транссибирской железной дороги, значительно укрепивших позиции России в районах, непосредственно прилегавших к Китаю. С еще большей тревогой они встретили сближение Китая с Россией после японо-китайской войны (заключение союзного русско-китайского договора, предоставление Россией Китаю крупного займа и получение ею в Маньчжурии концессии на строительство железной дороги и военно-морского порта на Ляодунском полуострове).

Выбор Великобритании в поисках антирусского союзника пал на Японию. Англо-японский военный союз, скрепленный договором 1902 г., сыграл роковую роль как для Китая, так в последующем и для самой Англии.

Оказав значительное содействие Японии в войне с Россией (1904—1905 гг.), Великобритания надеялась ограничить притязания Японии захватом Маньчжурии, что, по замыслам английских дипломатов, должно было преградить доступ России во Внутренний Китай и таким образом обеспечить там британское господство.

Просчеты Лондона выявились уже в ходе первой мировой войны. Япония, воспользовавшись благоприятно сложившимся для нее положением в связи с «занятостью» западных держав в Европе, объявила войну Германии и захватила ее владения в Шаньдуне, а затем ультимативно потребовала (предъявив Пекину «21 требование») права контроля над всем Китаем. Великобритания не решилась на серьезное противодействие этим поползновениям, продолжая поддерживать с Японией союзнические отношения на основе пролонгированного в 1911 г. на очередной десятилетний срок англо-японского союзного договора.

После Октябрьской социалистической революции правительство Великобритании, выступавшее главным вдохновителем и организатором общего фронта империалистических государств против Советской России, отводило Японии роль ударной силы мировой реакции на Дальнем Востоке. Именно этим объяснялась поддержка, оказанная английской делегацией на Парижской мирной конференции притязаниям Японии на бывшие владения Германии в Шаньдуне (хотя это и затрагивало британские интересы).

Возобновив после первой мировой войны активную политику на Дальнем Востоке, Англия вновь стремилась вернуть себе руководящую роль в китайских делах.

На Вашингтонской конференции (1921—1922 гг.) британская делегация оказалась главным дирижером в решении вопросов, связанных с Китаем. По ее инициативе требования Китая о соблюдении ею территориальной целостности, аннулировании экстерриториальности, устранении всех ограничений в юридической, политической, экономической и административной жизни были по существу отклонены. Наметившаяся еще ранее переориентация британской дальневосточной политики на сближение с США (вместо Японии) была оформлена в ходе этой конференции фактической денонсацией англо-японского союзного договора.

Активность британского правительства достигла высшей точки в годы подъема китайской революции. Будучи основным империалистическим эксплуататором Китая, Англия взяла на себя роль главного душителя революционного движения китайского народа, поднявшегося на борьбу против местной реакции и иностранного господства. В центрах революционного движения (Гонконг, Гуанчжоу, Шанхай, Ханькоу), где превалировали британские интересы, она в 20-х годах стала организатором и вдохновителем контрреволюционных выступлений китайских реакционеров.

Британские консерваторы не могли смириться с исторически закономерным ходом общественного развития Китая, с появлением там передовой партии рабочего класса — коммунистической. По-прежнему считая китайцев неспособными на подлинный прогресс и приобщение к высшим достижениям мировой цивилизации, во всех революционных проявлениях в Китае видя «руку Москвы», «подстрекательство Коминтерна», они к китайской революции относились с такой же ненавистью и враждебностью, как и к Октябрьской социалистической революции, к Советскому Союзу.

Опору в Китае правящие круги Великобритании находили среди милитаристов и крупной компрадорской буржуазии, из представителей которых и формировалось реакционное пекинское правительство.

По мере ухудшения позиций контрреволюционных милитаристов падало влияние и англичан в китайских делах. Великобритании пришлось первой из империалистических держав понести материальные потери в Китае (концессии в Ханькоу и Цзюцзяне). Сказывалось и постепенное общее ослабление влияния Англии на международной арене. Несмотря на то, что Англия оказала активное содействие контрреволюционному перевороту Чан Кайши в 1927 г., она не смогла восстановить лидирующую роль среди империалистических государств в китайских делах, перешедшую к Соединенным Штатам.

Последовательно проводимый антикоммунистический внешнеполитический курс, обусловивший ее враждебность к национально-освободительной борьбе китайского народа, привел правящие круги Англии в 30-е годы к фактическому пособничеству в отношении вторжения Японии в Маньчжурию, а затем и во Внутренний Китай.

Они несут прямую ответственность за развязывание японской агрессии в Китае. Их политика строилась на недоверии к гоминьдановскому режиму, на опасении, что он не сможет должным образом защитить весьма значительные интересы в Китае Великобритании от «красной опасности». Предоставляя Японии роль душителя освободительного движения китайского народа, британские консерваторы, стоявшие тогда у власти, лелеяли планы направить острее японской экспансии (как и гитлеровской Германии в Европе) против Советского Союза. Руководствуясь этими соображениями, правительство Англии дало обмануть себя обещаниями японцев после «наведения порядка» в Китае не наносить там ущерба интересам других держав. Оправдываясь разного рода псевдоисторическими соображениями¹, оно фактически обеспечило безнаказанность японской агрессии в Северо-Восточном и Северном Китае. Под его давлением Лига Наций заняла позицию, по существу, попустительства захватчикам, ограничившись словесными протестами и отказавшись от применения экономических санкций. Более того, Великобритания, так же как и США, «не препятствовала» своим коммерсантам обильно снабжать японскую оккупационную армию на территории Китая горючим, автомашинами, продовольствием, т. е. на деле выполнять роль японских интендантов.

В условиях нависшей над Китаем опасности порабощения милитаристской Японией (при англо-американском пособничестве) правительство Чан Кайши, проводившее до того капитулянтскую политику, под давлением патриотических сил в гоминьдане пошло на создание (по предложению КПК, базировавшемуся на лозунгах, выдвинутых VII Конгрессом Коминтерна) единого общенационального фронта китайского народа и на получение военно-экономической помощи Советского Союза.

В этот критический для китайского народа период и при явно определившейся угрозе британским владениям в Китае со стороны Японии английские консервативные круги оставались верны себе — их больше пугало «полевенние» Китая и установление им отношений с Советским Союзом. Они все еще не теряли надежды направить агрессию Японии против СССР, а в Китае склонить эту державу к компромиссу, гарантирующему защиту британских интересов.

Однако легкие победы и безнаказанность при нарушении всех принимавшихся на себя обязательств лишь поощряли бесцеремонность Японии, в частности в вопросе об интересах держав, в первую очередь Англии, в Китае. В мае 1939 г. Токио потребовало признать за Японией право управления иностранным селтльментом в Шанхае, а вслед за тем (июнь 1939 г.) японские войска блокировали британскую концессию в Тяньцзине. Консервативное правительство Чемберлена, проглотившее и эти «горькие пилюли», пошло на новые уступки. Подписанное 24 июля 1939 г. британским послом Крейги в Японии унижающее для Англии соглашение, по праву в мировой литературе названное «восточным Мюнхеном»,

стало кульминационным пунктом политики «умиротворения» на Дальнем Востоке.

Эта политика фактического пособничества японским милитаристам в подготовке большой войны, имевшая целью склонить Японию к компромиссу в Китае и столкнуть ее с Советским Союзом, потерпела полный крах. На все заигрывания «миротворцев» Токио ответило нападением в декабре 1941 г. на Пёрл-Харбор и британские морские базы на Малаккском полуострове и в водах Китая.

Война обнаружила преступную беспечность и неподготовленность английского командования к отражению японской агрессии. Потребовался лишь месяц, чтобы японские войска овладели Гонконгом (25 декабря), Британским Борнео (25 декабря), Куалалумпуром (11 января 1942 г.). 15 февраля капитулировала главная военно-морская база Великобритании в Юго-Восточной Азии — Сингапур. Отвлеченная войной с гитлеровской Германией, Англия играла второстепенную роль в Тихоокеанской войне. Смертельная угроза фашистского нашествия заставила Англию (вместе с США) пойти на союз с СССР. В Вашингтонской декларации, подписанной 1 января 1942 г. Соединенными Штатами, Великобританией, Китаем, Голландией и другими странами антифашистской коалиции (кроме СССР, поскольку он не находился в состоянии войны с Японией), эти государства брали на себя обязательство «использовать все свои ресурсы в борьбе против государств „оси“ (Германии, Италии, Японии)» и не вступать с ними в отдельные переговоры.

Таким образом, после векового периода, когда Китай для Англии (длительное время действовавшей в союзе с Японией) служил только полем колониальной экспансии, объектом торга и компромиссов в дипломатической игре с ведущими державами мира, он превратился в ее союзника. И тем не менее, несмотря на то, что все британские владения и концессии в Китае (включая Гонконг) оказались в руках японской оккупационной администрации, несмотря на провозглашение в англо-американской Атлантической хартии (подписанной 14 августа 1941 г.) права всех народов на независимость и свободный выбор себе формы правления, Лондон не торопился отменять неравноправные договоры с Китаем. Только после того, как 9 января 1943 г. Токио заключило «соглашение» с марионеточным правительством Ван Цзинвэя, предусматривавшее «отказ Японии от экстерриториальности» и «передачу» ему японских и других иностранных концессий, заторопилось и британское правительство. Однако подписанный им 11 января 1943 г. договор с Китаем отнюдь не упразднял все прошлые неравноправные англо-китайские соглашения: была отменена лишь экстерриториальность британских подданных. Англичане согласно этому документу сохранили права на принадлежавшую им ранее в Китае собственность и на Гонконг (что противоречило духу Атлантической хартии и лишало Китай возможности полностью воспользоваться плодами своей борьбы с японскими оккупантами).

Разгоревшаяся в Китае гражданская война между реакционными, руководимыми гоминьдановским правительством, и народно-демократическими силами, возглавляемыми КПК, предопределила и два направления во внешнеполитической ориентации Китая.

Клика Чан Кайши, финансируемая и оснащаемая оружием американцами, фактически находилась в военном союзе с США и с американской помощью пыталась направить развитие Китая по капиталистическому пути, сохранив в стране позиции империалистических держав. Подобный курс поддерживался и правящими кругами Великобритании.

В районах, контролируемых КПК (преимущественно Северо-Запад и Маньчжурия), Англия не имела каких-либо значительных интересов и по существу не имела с ними связей.

В течение всего периода гражданской войны (1946—1949) правительство Великобритании неизменно находилось на стороне реакционного режима Чан Кайши. Лондон активно поддерживал американскую политику в Китае, одобрял военную помощь США гоминьдановским армиям. Наиболее наглядным проявлением позиции английских правящих кругов стал инцидент с британским фрегатом «Аметист», вступившим в бой с частями НОА под Нанкином.

Образование Китайской Народной Республики (1 октября 1949 г.) встретило различное отношение в британском обществе. Тори настаивали на последовательной поддержке проводимой США непримиримой борьбы против КНР. Полную несостоятельность этого курса, приведшего к банкротству американской политики, показала сама жизнь. Британская прогрессивная общественность, некоторые деловые круги и отдельные лейбористские деятели (министр иностранных дел Э. Бевин) не разделяли позицию консерваторов.

Существенную роль в определении позиции Лондона сыграл и тот факт, что такие влиятельные страны Британского содружества, как Индия, Бирма, не только безотлагательно установили дипломатические отношения с КНР, но выразили готовность к сотрудничеству с ней. Однако установление в январе 1950 г. между Англией и КНР дипломатических отношений отнюдь не означало полного отхода британских правящих кругов от американской политики поддержки тайваньского режима. Англия оговорила, что, порывая с ним посольские отношения, она оставляет своего генерального консула в Тайбэе, который и продолжал поддерживать политические и экономические связи с чанкайшистами.

Последующие события, связанные с агрессией США в Корее и введением блокад империалистических государств блокады и эмбарго на торговлю с КНР, показали, что признание Англией КНР имело лишь формально-юридическое значение. Она приняла активное участие в деятельности функционировавшего под американским руководством Чинкома, координировавшего экономические санкции Запада в отношении «красного» Китая. Ее торговля с

КНР по существу была свернута, началось усиленное бегство британского капитала из Китая.

Одновременно правящие круги Великобритании проявляли неустанную заботу о сохранении Гонконга. В принципе строго следуя решениям Чинкома по ограничению торговли с КНР, они в то же время закрывали глаза на некоторые нарушения Гонконгом введенных им запретов (на продажу Китаю нефтепродуктов, каучука и др.), в чем был заинтересован и Пекин. Эти отступления были вынужденной мерой и не меняли общей антикоммунистической направленности британской политики в отношении КНР. Так, всячески демонстрируя свою «нейтральность», английский представитель в ООН в конечном счете неизменно поддерживал позицию США по проблеме восстановления в этой международной организации законных прав КНР (в частности, американское требование, чтобы данный вопрос был решен положительно только при наличии большинства в $\frac{2}{3}$ членов Генеральной Ассамблеи ООН).

Крутой поворот в британской политике по отношению к КНР начался в конце 50-х годов. Он был связан с отходом Мао Цзэдуна и его последователей от социалистической линии и провозглашением ими «особого», националистического, великоханьского курса. По мере утверждения в политике КНР антисоветизма, роста враждебности маоистского руководства к Советскому Союзу в консервативных кругах Великобритании возрастал интерес к КНР. В Китай началось паломничество английских государственных и политических деятелей, среди которых заметную роль сыграл визит в Пекин в начале июня 1960 г. фельдмаршала Монтгомери. Вернувшись в Лондон, последний утверждал, что в лице Мао Цзэдуна он встретил потенциального союзника Запада, что в беседе с ним Мао положительно отнесся к идее создания европейско-азиатского объединения и не возражал против руководства Англией этой группировкой.

Некоторое замешательство в умы сторонников сближения с Китаем из лагеря консерваторов внесла «культурная революция». Беспорядки и буйства хунвэйбинов в эти годы коснулись и британского посольства в Пекине, а также Гонконга. Лондон был вынужден принять даже ответные меры (ограничение передвижения китайских дипломатов), и в течение нескольких месяцев англо-китайские отношения оставались напряженными.

Совершенный группой Мао Цзэдуна в ходе «культурной революции» государственный переворот, приведший к насаждению в стране военно-бюрократического режима, позволил пекинским лидерам утвердить антисоциалистический курс во внешней политике Китая и открыто искать союзников в лагере мировой реакции. Свою непримиримую враждебность к странам социалистического содружества, прежде всего к Советскому Союзу, маоцзэдуновское руководство убедительно продемонстрировало вооруженными провокациями на советско-китайской границе весной 1969 г., а также призывами к созданию международного фронта империалистических и реакционных сил против СССР.

Такой крутой поворот во внешней политике КНР не могли не заметить и не оценить даже наиболее враждебные к КНР американские круги, не говоря уже о британских консерваторах, и ранее проявлявших склонность к заигрыванию с маонистами. На XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН британская делегация не только не воздерживалась от голосования при решении вопроса о членстве КНР в ООН, но и активно способствовала его положительному решению (25 октября 1971 г.). Вслед за тем, в начале 1972 г., т. е. спустя 22 года после установления китайско-британских дипломатических отношений, состоялось соглашение между КНР и Великобританией об обмене послами. Английское правительство согласилось упразднить свои официальные представительства на Тайване.

При достаточно единодушном признании правящими кругами Великобритании необходимости нормализовать и развивать отношения с КНР в их среде сохранялись тем не менее разные позиции при определении общих принципов политики в отношении Китая и характера сотрудничества с ним по актуальным международным вопросам. Лидеры консервативной партии с готовностью откликнулись на призывы маоистского руководства КНР способствовать сплочению сил мировой реакции в международный антисоветский фронт, паладить военно-политическое сотрудничество НАТО с КНР. Эта линия британских консерваторов с достаточной определенностью проявилась во время пребывания в Пекине бывшего тогда премьер-министром Англии Э. Хита (май 1974 г.) и с особой циничностью и безответственностью была конкретизирована начальником штаба обороны Великобритании Н. Камероном (май 1978 г.).

Призывы пекинских лидеров сколотить международный реакционный фронт против Советского Союза как «врага № 1» находили полное сочувствие и поддержку руководства британских консерваторов. В послании лидера консерваторов М. Тэтчер палате общин 16 декабря 1978 г. четко проводилась маоистская «идея» об СССР как «враге № 1»: «В мире есть государства, угрожающие нашей свободе... Среди них есть такие, кто хотел бы навязать свою собственную систему стольким государствам мира, скольким удастся. Эта угроза исходит не от Китая, южноамериканских государств или Югославии, а от СССР» [158, 16.XII.1978].

В позиции лейбористской партии, как во время нахождения ее у власти, так и в период пребывания на положении парламентской оппозиции, при некоторой неопределенности преобладала иная направленность. Премьер-министр лейбористского правительства Каллагэн и министр иностранных дел Д. Оуэн, выступая в палате общин 4 мая 1979 г. и 22 ноября 1978 г., отстаивали курс на сбалансированную политику по отношению к Китаю и Советскому Союзу и выражали заинтересованность Великобритании в разрядке международной напряженности, в стабилизации отношений между восточными и западными странами Европы.

Правительство КНР не скрывало своей неудовлетворенности

подобной линией. Оно подчеркнуто демонстрировало явно неуважительное отношение во время приема в Пекине представителей лейбористского правительства (А. Кросленда в мае 1976 г.) либо констатировало «бессодержательность» переговоров с ними (так были охарактеризованы переговоры заместителя премьера Госсовета КНР Ван Чжэня с Д. Каллагэном [158, 17.XI.1978]).

Руководство КНР беспокоили миролюбивые тенденции, нарастающая борьба за установление добрососедских отношений между государствами с различными социально-экономическими системами в Европе, поддерживаемые прогрессивной общественностью Великобритании и других стран Запада. «На Западе, — говорил Хуа Гофэн на XI съезде КПК, — наблюдается миротворческое течение, сторонники которого мечтают сохранить мир путем компромиссов и уступок... Такая практика может лишь усилить экспансионистские устремления советских ревизионистов и ускорить вспышку войны» [14а, с. 66].

Приход консервативной партии во главе с М. Тэтчер 2 мая 1979 г. к власти предоставил ей возможность приступить к реализации своих политических концепций, совпадающих с позицией руководства КНР.

Одним из первых шагов консервативного правительства было объявление о предстоящем в октябре 1979 г. приезде премьера Госсовета КНР Хуа Гофэна в Лондон для обсуждения широкой программы «всестороннего сотрудничества».

Наиболее значительным шагом по пути реализации военного сотрудничества, несомненно, явилось приглашение в конце июня 1979 г. «в качестве личных гостей» начальника штаба обороны Великобритании Н. Камерона, «прославившегося» своей приверженностью к военному союзу с КНР, китайской военной делегации, возглавляемой заместителем начальника Генерального штаба НОАК Ян Юном. «Это первая китайская военная делегация, — сообщала „Гардиан“, — которая приглашена министерством обороны Англии для обсуждения стратегической политики... В ходе 12-дневного визита китайская делегация посмотрит все: начиная с истребителя с вертикальным взлетом „Харриер“ до секретного центра связи министерства обороны... Программа пребывания китайской делегации в Англии, возможно, была бы иной, более ограниченной, если бы... в Великобритании не произошло смены правительства» [159, 27.VI.1979].

Нельзя не отметить также, что консервативное правительство Англии было застрельщиком в разжигании на Западе совместно с Пекином антивьетнамской кампании, имевшей целью оправдать китайскую агрессию против Вьетнама и снять ответственность с США и КНР за созданную ими «проблему индокитайских беженцев».

Невольно возникают вопросы: почему именно консервативные круги Великобритании, отражающие реакционные интересы крупного монополистического капитала, все еще мечтающие возродить былое колониальное господство Англии, являются такими горячи-

ми защитниками военно-политического союза с КНР? Почему и нынешнее руководство КНР причисляет британских консерваторов и возглавляемые ими правительства (60—70-х годов) к своим наиболее близким союзникам? Может быть, именно такой курс способен создать основы долговременного сотрудничества Китая с Великобританией?

Можно отметить, что и в консервативных кругах Англии нет единого мнения по этому вопросу. При обсуждении в палате общин внешней политики 18 мая 1979 г., т. е. после прихода консервативной партии к власти, лорд — хранитель печати Я. Гилмур, соглашаясь с целесообразностью активизации британско-китайских отношений, в то же время обратил внимание и на то, что «долгосрочные интересы наших двух стран (Великобритании и Китая. — М. С.), видимо, не всегда совпадают» [158, 19.V.1979].

В самом деле, очевидно, что военно-политическое сближение нынешних правительств Великобритании и Китая основывается, по-существу, лишь на антисоветской, антисоциалистической основе. Лидеры тори верны воинственному антикоммунизму У. Черчилля, который призывал правительство США совершить ядерное нападение на Советский Союз, спасший мир, в том числе и Англию, от угрозы фашистского порабощения. Не менее стойкими антисоветчиками являются и последователи Мао Цзэдуна — нынешние руководители КНР. Однако многочисленные факты китайской действительности свидетельствуют и о нарастающей оппозиции маоистскому курсу, и о постепенном развенчивании авторитета «великого кормчего», и о сохраняющейся в китайском народе памяти о сотрудничестве с Советским Союзом, о его бескорыстной помощи на всех этапах китайской революции. В таких условиях надежды маоистов и мировой реакции на долговременность антисоветской политики Китая, на удержание его в течение многих лет в военно-политическом антисоветском союзе несбыточны.

Вряд ли и английский народ позволит консервативным правящим кругам утвердить антисоветизм в качестве определяющей внешней политики Великобритании.

Следовательно, антисоветизм, играющий ведущую роль в военно-политическом сближении английских консерваторов и маоистского руководства, не может стать долговременной, национальной политикой и Китая, и Великобритании.

В англо-китайских отношениях важнейшее место занимает проблема Гонконга. Несмотря на диаметрально противоположные позиции Китая и Великобритании по этому вопросу, на данном этапе между правительствами этих стран существует полная договоренность о сохранении нынешнего колониального статуса Гонконга. Нельзя не признать, что успех в достижении такого согласия принадлежит искусной английской дипломатии. Британское правительство в годы «блокады и эмбарго» (1951—1958) убедительно доказало, как важно для КНР иметь свободный выход через Гонконг в капиталистический мир.

Для Пекина значение Гонконга не ограничивается только эконо-

номической сферой, хотя и до настоящего времени он является для КНР важнейшим источником получения иностранной валюты. По мере утверждения в Китае маоистского курса на разрыв сотрудничества с социалистическим сотрудничеством и на сближение с империалистическими силами Гонконг все более становится ареной для «свободных» политических контактов пекинских лидеров с правящими кругами капиталистических держав, прежде всего США.

Маоистское руководство Китая коренным образом изменило и свое отношение к китайскому населению Гонконга. Оно потеряло интерес к пролетариату колонии, героическое выступление которого против британского империализма в 20-х годах оказало серьезное воздействие на активизацию рабочего движения в Китае, и сделало ставку на китайскую буржуазию — банкиров, промышленников, торговцев, среди которых широко представлены эмигранты, бежавшие из Китая после образования Народной Республики. Китайское население Гонконга представляют во Всекитайском собрании народных представителей выходцы из среды крупной буржуазии, реакционные общественные деятели, а не трудящиеся². Экономико-политическое положение китайской буржуазии Гонконга, получившей поддержку правительства КНР, значительно усилилось. Окрепили таким образом и контрреволюционные позиции всей китайской эмигрантской буржуазии, связывающей свою судьбу, естественно, не с построением социализма, а с реставрацией капитализма в Китае.

Заявление заместителя премьера Госсовета Дэн Сяопина о том, что правительство КНР считает целесообразным отложить решение проблемы Гонконга «на одно, два и более десятилетий», несомненно, выражает интересы буржуазно-националистических кругов китайской общины Гонконга и ими приветствуется.

Правящие круги Великобритании также с большим удовлетворением встретили обещание нынешних руководителей КНР в ближайшие десятилетия не покушаться на колониальный статус Гонконга.

М. Тэтчер, бывшая еще лидером оппозиции, после своего возвращения из Пекина (апрель 1977 г.) произнесла по этому поводу в Гонконге восторженную речь. Разумеется, солидаризируясь с маоистскими лидерами, британские консерваторы вовсе не хотят, чтобы Гонконг был возвращен Китаю хотя бы и после нескольких десятилетий. Принципы их и нынешней, и долгосрочной политики в отношении сохранения английских колониальных владений остаются неизменными. Достигнутое ими взаимопонимание с руководством КНР нужно им для выигрыша времени, в надежде на то, что длительная политическая нестабильность в КНР, виной чему, как ясно всему миру, является великоханьский курс Мао Цзэдуна и его последователей, может привести к глубоким потрясениям.

В то же время для них должно быть вполне ясным, что лояльность маоистских руководителей сохранится лишь до тех пор, по-

ка Китай слаб и не располагает материальными возможностями для реализации великоханьских замыслов. Поэтому правительство Великобритании не довольствуется только обещаниями китайских руководителей, но и, со своей стороны, осуществляет ряд мер по сохранению колониальных прав на Гонконг (не включая его Новую территорию). Одна из подобных защитных мер состоит в стремлении «интернационализировать» Гонконг, стимулировать заинтересованность в нем других ведущих государств (США, Японии, ФРГ), что находит выражение в возрастающем потоке инвестиций из этих стран в экономику колонии.

Большое значение правящие круги Великобритании придают воспитанию проживающей в Гонконге китайской молодежи в духе приобщения к английской культуре, к английскому образу жизни. Достаточно напомнить, что в Великобритании ежегодно находится на обучении около 10 тыс. гонконгских студентов (в 1978 г. — 9624 человека), а примерно 4 тыс. студентов гонконгских университетов проходят стажировку в Англии, Австралии и Канаде (в 1978 г. — соответственно 1669, 2719 и 249 человек).

В нынешних условиях, когда в КНР сохраняется политическая неустойчивость, продолжаются кампании жестоких репрессий (что вызывает массовое бегство китайцев в Гонконг³), среди гонконгского населения сторонников воссоединения колонии с Китаем не так много, значительно большая часть гонконгцев высказывается либо за оставление Гонконга в составе Соединенного Королевства, либо за преобразование колонии в самостоятельное государство. В Гонконге, да и в самой Великобритании весьма распространены смешанные браки, в том числе в среде английских синологов, британской колониальной администрации и т. д.

Определенное влияние на стабильность нынешнего статуса Гонконга будет оказывать заинтересованность Китая в течение ближайших лет в его использовании для связей с внешним миром⁴, усвоения передового опыта, а также как источника получения свободно конвертируемой валюты.

В то же время нетрудно заметить, что стратегические линии ныне блокирующихся консерваторов и китайского руководства диаметрально противоположны; они совпадают лишь на данном этапе по тактическим соображениям.

Будущее китайско-британских отношений, в том числе и судьба Гонконга, зависит прежде всего от внутреннего положения Китая, от характера социально-политического строя, который в нем утвердился. Что касается Англии, то ее политика по отношению к Китаю может быть успешной, если она будет основываться на равенстве, уважении национальных прав китайского народа.

Утверждение Китая на социалистическом пути, что исторически неизбежно, приведет к тому, что его внешняя политика будет строиться с учетом долговременных, коренных интересов китайского народа. Исчезнут конъюнктурные политические спекуляции, в том числе и искусственное торможение освобождения Гонконга. В то же время социалистическому Китаю с миллиардным населе-

нием и недостаточно развитой экономикой еще долгие годы будет необходимо использование передового научно-технического опыта на взаимовыгодной, равноправной основе.

Великобритания для Китая, так же как и для многих других стран, может играть весьма полезную роль в научно-техническом прогрессе, в создании высокопроизводительного производства.

Устойчивые долговременные и взаимовыгодные англо-китайские отношения в не меньшей степени зависят и от британской стороны. Эти отношения могут успешно развиваться, если политика Англии будет основываться на уважении национальных прав китайского народа, будет направлена на упрочение общего мира, безопасности и равенства всех народов Азиатского региона.

Политика британских консерваторов не отвечает таким требованиям. Они цепляются за осколки колониальной империи, стремятся задержать закономерный процесс исторического развития общества, не хотят признавать происшедших в мире коренных изменений, посвящают себя борьбе с общественным прогрессом — с коммунизмом.

Подобный курс чреват тяжелейшими последствиями. Он помог Гитлеру развязать войну в Европе, на Дальнем Востоке способствовал росту японского милитаризма и развитию его экспансии. То же самое происходит в наши дни, когда во имя борьбы с коммунизмом британские тори идут на союз с опасным для дела мира великоханьским маонизмом.

Можно ли сомневаться в том, что к подлинным дружественным отношениям с Китаем приведут Великобританию не консерваторы, не противники мирового общественного прогресса, а передовые люди просвещенной Англии, талантливого и уважаемого миром английского народа.

Глава первая

¹ Династия Хань правила в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э.

² Династия Мин воцарилась в Китае после свержения монгольской династии Юань (1368 г.).

³ Флот под командованием великого китайского мореплавателя Чжэн Хэ в 1405—1433 г. совершил семь экспедиций в Южно-Китайское море и Индийский океан. В их ходе китайские корабли достигли Персидского залива и восточных берегов Африки.

⁴ Эта карта была приложена к вышедшей в 1550 г. в Венеции книге немецкого путешественника С. Герберштейна «Записки о московских делах». Согласно этой карте, в «Ледовитое море» впадают Двина, Мезень, Печора и Обь, причем последняя вытекает из крупного Китай-озера, расположенного в восточной части карты (см. [91, с. 34]).

⁵ Впервые мысль о целесообразности поисков северного пути в Китай высказал в 1527 г. Р. Торн (см. [91, с. 3; 149, с. 3]).

⁶ В 1801 г., например, русскими купцами в Кяхте было продано иностранных товаров на 2,23 млн. руб., а отечественных — только на 1,85 млн. руб.

⁷ В 1494 г. специальной буллой римского папы было произведено разграничение сфер колониальных «приобретений» Испании и Португалии. Области, лежащие к западу от линии, проходящей с севера на юг примерно в 600 км к западу от о-вов Зеленого Мыса, «отдавались» данным документом Испании, а расположенные восточнее нее — Португалии.

Глава вторая

¹ После казни короля Карла I (30 января 1649 г.) правительство Кромвеля аннулировало выданную ей лицензию, и она прекратила свое существование.

² Они были допущены в столицу империи в 1656 г.

³ Впервые чай был завезен в Европу голландцами в 1610 г.

⁴ Следует отметить, что система государственной монополии во внешней торговле применялась и предшествующими династиями. Так, в последний период правления династии Мин, при императоре Шэньцзуне (1573—1620), для торговли с западноевропейскими купцами были отведены ограниченные территории в предместьях Гуанчжоу, где коммерческие операции осуществлялись 36 доверенными фирмами, на которые были возложены и таможенные обязанности — контроль за прибываемыми судами и грузами, взимание налогов и пошлин [118, с. 22].

⁵ В европейской литературе обычно говорится не о 16, а о 13 гунханах. По-видимому, число статей договора было принято за количество вошедших в гильдию «общественных фирм».

⁶ Экономический прогресс Англии в XVII—XVIII вв. сделал ее первой державой мира, сулившей сломить в союзе с Голландией колониальную гегемонию Испании и Португалии, а затем (в ходе войн 1652—1654, 1665—1667, 1672—1674 гг.) оттеснить на второй план и Голландию. Мощный флот Англии обеспечивал обслуживание коммуникаций между Европой и Дальним Востоком.

⁷ Китайская администрация в Гуанчжоу относилась к представителям различных «заморских стран» дифференцированно, руководствуясь принципами «со-

пряженной ответственности» и «ограничения». Португальцам, в частности, разрешалось обходить систему гунхан (см. [118, с. 84]).

⁸ Впоследствии рядом парламентских актов они были продлены в общей сложности до 1780 г. [141, с. 88—89].

⁹ Так, направленный ею в 1772 г. в Китай корабль «Уолпол» (грузоподъемностью 490 т) был вооружен 40 пушками. Экипаж и солдаты, находившиеся на борту, располагали кроме того 300 ружьями и пистолетами, 100 саблями и т. п. [139, т. 1, с. 171].

¹⁰ Следует отметить, однако, что даже в 1734 г.—т. е. после значительного роста импорта чая за 1711—1730 гг.—доля Англии в его общеевропейском ввозе не превышала $\frac{1}{5}$ (4427 пикблей). Для сравнения укажем, что импорт чая в Данию в указанном году составил 7024 пикбля, в Голландию — 4681, во Францию — 3315 пикблей [141, с. 125]. Пикбль (дань) \approx 60 кг.

¹¹ Рост этот, правда, отнюдь не был неуклонным; по разным причинам импорт китайского шелка в Англию в отдельные годы резко падал (2184 пикбля в 1726 г., 2116 пикблей в 1746 г.) [141, с. 215].

¹² Прибывшее в Нинбо в 1736 г. из Лондона (после захода в Батавию) английское судно «Нормэнтон» (грузоподъемностью 490 т, имело на борту 100 т свинца и другие товары) было крайне недоброжелательно встречено местной администрацией, потребовавшей от экипажа исполнения униженных церемоний. Запрещение торговать в Нинбо и предложение отправиться в Чжоушань были с возмущением встречены англичанами. «Ни одно английское судно,— заявил капитан „Нормэнтон“,— не будет торговать ни в Чжоушане, ни в каком-либо другом месте на тех условиях, которые мандарины изложили нам» [139, т. 1, с. 246].

¹³ Так, в 1687 г. за бесчинства в китайской таможне в пьяном виде английский матрос был арестован и наказан сотней ударов бамбуковой палкой; в 1721 г. моряки с английского судна застрелили китайца и скрылись от правосудия в здании фактории; в 1722 г. при тушении пожара командой корабля «Король Георг» был ранен китайский мальчик, вследствие чего англичане были вынуждены уплатить штраф в 2 тыс. тазелей. Особенно значительным было так называемое дело судна «Лэди Хьюг», командой которого при производстве артиллерийского салюта были убиты два китайских подростка. Вначале суперкарго отказался выдать китайским властям виновных, но под угрозой полной приостановки английской торговли пошел на уступки. Переданный гуанчжоуской администрации британский артиллерист был публично повешен (см. [141, с. 118, 148]).

¹⁴ Согласно этой доктрине Китай являлся единственным подлинным политическим и культурным центром на земле. Всякие отношения его с непосредственно не покоренными народами мыслились поэтому только как отношения сюзерена с вассалами. Соответственно, всякая попытка правителей иных стран установить связи с Китаем трактовалась как признание вассальной зависимости, подарки, доставлявшиеся посольствами в Пекин (общепринятая форма дипломатии того времени),— как дань и т. п.

¹⁵ Ящик бенгальского опиума = 160 фунтов, бомбейского опиума = 133,3 фунта. Таким образом, в среднем каждый ящик = 50 кг.

¹⁶ По данным Морзе, продажная цена фунта опиума в Гуанчжоу возросла с 200 ф. ст. в 1767 г. до 370 ф. ст. в 1790 г. [139, т. 2, с. 141].

¹⁷ С европейцев, прибывавших в Гуанчжоу, взималось 1300—1400 тазелей за обмер, 6% стоимости товаров в качестве пошлины, 2% — в пользу гунханов и около 2 тыс. тазелей в виде фактически узаконенных «подарков».

¹⁸ В 1781—1791 гг. ее прибыли по указанной статье составили 190,9 тыс. ф. ст., а 1792—1793 гг. принесли убыток в 14 тыс. ф. ст. [138, с. 475].

¹⁹ Полный текст этого документа см. [130, с. 145].

²⁰ Следует отметить, что в китайской литературе, в том числе в «Очерках истории Китая» под редакцией Шан Юэ, последняя фраза приводится в ином виде: «Наша Империя производит продукты в изобилии, у нас есть все, что можно пожелать, и никогда мы не полагались на товары варваров (иностранцев) для удовлетворения своих потребностей» [111, с. 562].

²¹ Между тем в эдикте Цяньлуна никаких претензий к послу по данному вопросу не содержится.

¹ Так, в 1800 г. при заходе в порт судна «Мадрас» один китаец был ранен, другой выброшен за борт; в 1807 г. моряками с корабля «Нептун» в драке был убит один и ранено трое китайцев; в 1810 г. матросы судна «Король Георг» убили местного жителя и т. п.

² «Можно, пожалуй, не боясь ошибиться, утверждать,— писал известный китайский историк Фан Вэньлань,— что с опиумной торговлей были связаны не только местные чиновники (главным образом губернатор южной провинции Гуандун и главный директор морской таможни в Гуандуне), но в ней принимали непосредственное участие и высшие правительственные чиновники при дворе; нечего и говорить, что это косвенно ставило в зависимость от торговли опиумом всю построенную на взятках систему управления» [114, с. 25—26].

³ «Ваш прежний посол,— заявляли они,— выполнил все пункты церемонии, которые требовались от него, и специально выполнил церемонию коу-тоу как в присутствии императора, так и в других случаях» [131, с. 139].

⁴ Сулэнъэ, Гуань Хуэй, а также два других сановника — Хэ Шитай и Му-кэдэнэ, участвовавшие в переговорах с посольством, были разжалованы.

⁵ В 1820—1821 гг. в Хуанпу и на о-ве Линтин произошло несколько столкновений между местными жителями и английскими моряками, вновь сопровождавшиеся поножовщиной. В частности, в ходе схватки команды английского корабля «Топаз» с линтинцами было убито двое китайцев и ранено 4 местных жителя и 14 британских моряков.

⁶ В частности, направленный в резиденцию генерал-губернатора с письмом Нэпира его секретарь не был принят, а письмо возвращено. Мотивировался этот шаг тем, что оно было составлено не в форме прошения. Свой отказ принять Нэпира генерал-губернатор объяснял тем, что обычным каналом связи с китайской администрацией для торгового уполномоченного (официальный статус Нэпира) является система гунхан.

⁷ Цинские и английские чиновники не смогли договориться о том, в каком порядке будут сидеть представители сторон во время переговоров (см. [139, т. 1, с. 132—133]).

⁸ В 1836 г. чиновник Сюй Найцзи писал императору: «Закреть таможенные границы мы не в состоянии... Нужно приказать иностранным купцам платить пошлины и сборы за опиум, как за лекарство, за товары давать в обмен товары, а не серебро» (цит. по [114, с. 36]).

⁹ Уничтожение опиума происходило с 3 по 25 июня 1839 г.

¹⁰ Как и следовало ожидать, обвинение в убийстве Линь Вэйси было отвергнуто английским «судом», заседание которого проходило 12 августа 1839 г. под председательством Эллнота в отсутствие китайских представителей. «За участие в драке» трое моряков были приговорены к штрафу по 20 ф. ст. и тюремному заключению на 6 месяцев, двое других — к штрафу по 15 ф. ст. и тюремному заключению на 3 месяца. Отбывать наказание они должны были по возвращении в Англию.

¹¹ В императорском указе предписывалось «в кратчайший срок прекратить торговлю с Англией, все корабли этой страны изгнать из портов [Китая], добровольной подписки о соблюдении законов о запрете на опиум с них не брать. Обнародовать наше повеление для сведения всех государств, перечислив их (англичан.— М. С.) преступления» (цит. по [114, с. 59]).

¹² В результате, как докладывал в Лондон Ч. Эллнот, «американцы и другие иностранцы извлекают большую выгоду» [129, с. 65].

¹³ В составе английских войск были индийцы.

¹⁴ В английской литературе встречается точка зрения, согласно которой подлинной причиной отставки Дж. Эллнота были его разногласия с Ч. Эллнотом, занимавшим более умеренную позицию (см. [139, т. 1, с. 269]).

¹⁵ По названию укрепленного района, где произошел акт подписания соглашения.

¹⁶ Фань Вэньлань следующим образом описывает битву 21 мая: «Ночью всадники в латах бросились вперед, стук мечей сливался с выстрелами, от всплеск пушечных выстрелов было светло, цинские офицеры и солдаты кричали о победе, о том, что корабли варваров сожжены. И Шань и его чиновники ликова-

вали, торжествуя по поводу великой победы, но, когда наступил рассвет, узнали, что сожженными оказались гражданские суда. А вслед за тем английские корабли, подойдя к пристани Тяньцзы, дали несколько холостых выстрелов, и охранные войска разбежались. Два форта — Ничэн и Сыфан — были сданы без боя» [114, с. 83—84].

¹⁷ Г. Поттингер до этого назначения был губернатором на мысе Доброй Надежды и в Мадрасе, возглавлял дипломатические миссии Великобритании в Иране и ряде других стран.

¹⁸ Цинские сановники Ци Ин, И Либу и Цю Цзянь получили приказ «скорее отправиться в Шанхай и найти способы урегулирования» мирным путем вооруженного конфликта. Англичане оставили китайские предложения без ответа [114, с. 98].

¹⁹ За исключением чая, пошлина на который равнялась 10%.

²⁰ В Цинской империи до первого десятилетия XX в. сохранялась чисто феодальная (хорошо знакомая и средневековой Европе) практика обложения товаров, перевозимых по стране (из одной провинции в другую, из города в город и т. п.), различного вида сборами (*лицзинь, чангуаньшуй*).

²¹ В Нанкинском договоре проблема экстерриториальности не затрагивалась. Правительство Великобритании при этом исходило из того, что началом ее решения явится приобретение китайского острова, на территории которого будет введена английская юрисдикция. Используя данный прецедент, планировалось в дальнейшем распространить право экстерриториальности и на другие места пребывания англичан в Китае. Однако Лондон быстро отказался от такого подхода. Уже в ходе переговоров об Общих правилах регулирования торговли и Дополнительном договоре англичане выдвинули требование о предоставлении им права экстерриториальности, в конечном счете принятое китайской стороной.

²² Для выплаты этой контрибуции цинский двор ввел дополнительные налоги с населения (см. [114, с. 105—106]).

²³ Серьезные волнения в 1845 г. были связаны с попыткой Дэвиса провести английские военные суда к Гуанчжоу. В 1846 г. в этом городе была задержана группа британских моряков.

²⁴ О массовости этого движения можно судить по донесению генерал-губернатора провинций Гуандун и Гуанси Сюй Гуанцзиня (сменившего на данном посту в 1847 г. Ци Ина), согласно которому общество «Шэнпин» располагало не менее чем 100 тыс. вооруженных дружинников в Гуанчжоу и его окрестностях (см. [114, с. 127]).

²⁵ Достаточно точно характеризуются настроения народных масс в донесении, посланном в Пекин в 1846 г. цинским сановником Цао Литаем: «Население Гуандуна ненавидит английских варваров, оно ненавидит и местные власти» [114, с. 126].

²⁶ Так, в императорском рескрипте местным властям по поводу нападения рабочих-солеваров на английские суда в районе Ичжэна (на р. Янцзы) говорилось: «„Соляные молодчики“, пользуясь случаем, учинили беспорядок; немедленно соберите главарей и обуздайте их; примените в нужных случаях нажим, не допускайте их до крайности» [114, с. 132].

²⁷ «Уступчивостью» Китая воспользовались и другие державы. Неофициальные консулы США (первым из них был Г. Уолкот) находились в Шанхае с 1843 г., в 1854 г. прибыл официальный консул (Р. Мэрфи). В 1847 г. в Шанхай был назначен французский консул (Монтинью).

²⁸ Даотай — начальник округа.

²⁹ Вследствие резких протестов англичан прибывший в декабре 1848 г. в Шанхай неофициальный консул США Дж. Грисфорд вынужден был снять вывешенный было над его домом американский флаг.

Глава четвертая

¹ В ходе Крымской войны, вызванной англо-русским соперничеством на Ближнем Востоке, англо-французская эскадра предприняла безуспешные нападения на русские поселения на Камчатке и Охотском побережье. Для предотвращения вторжения англо-французских сил в Приамурье по инициативе генерал-

губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева русские войска при содействии местных китайских властей были по Амуру перебросены к его устью.

² Рассматривая причины возникновения этого движения, К. Маркс писал: «В Китае господствует чужеземная династия. Почему бы после 300 лет не возникнуть движению, направленному к свержению этой династии? Движение с самого начала имело религиозную окраску, но это — черта общая для всех восточных движений. Непосредственной причиной возникновения движения, очевидно, послужили: европейское вмешательство, оппунные войны, вызванное ими потрясение существующего правительственного режима, уценка серебра за границу, нарушение экономического равновесия в результате ввоза иностранных товаров и т. д. Парадоксально, что оппун, вместо усыпляющего, оказал пробуждающее действие» [6, с. 529].

³ В дальнейшем по соглашению с шанхайским даотаем эти долговые обязательства на общую сумму 391 тыс. ф. ст. (1173 тыс. таэлей) были аннулированы.

⁴ Следует отметить, что в указанных договорах предусматривалась лишь возможность их «некоторого улучшения» и отнюдь не содержалось договоренности об их пересмотре по прошествии 12 лет.

⁵ Бурбулон, под рукой у которого не оказалось подходящего французского судна, остался в Шанхае, наиравив с Боурингом сотрудника французской миссии К. Кленсковски.

⁶ В значительной мере это объяснялось тем, что китайское купечество в долгие Янцзы, опасаясь создавать запасы, стремилось побыстрее вывезти свои товары в иностранный сэттлмент в Шанхае, находившийся под охраной англо-французских войск (см. [143, с. 136]).

⁷ Подписавшие контракт сгонялись в бараки, где проводилась их «маркировка»: на тело кули наносилась буква, соответствовавшая месту назначения («С» — в Калифорнию, «Р» — в Перу и «S» — на Сандвичевы [Гавайские] острова и т. п.) [128, с. 169].

⁸ Наиболее крупное столкновение на этой почве произошло 21 ноября 1852 г. [128, с. 171].

⁹ Помимо них в те же годы было введено в строй три предприятия, принадлежавших американцам: типография «Мэйхуа» в Нинбо и два судоремонтных завода в Шанхае («Парвис энд К^о» и «Сяхайпу»).

¹⁰ К 1860 г. он располагал четырьмя доками.

¹¹ Получив информацию от русской духовной миссии в Пекине о нехватке у китайцев квалифицированных руководителей для строительства оборонительных сооружений под Пекином, правительство России дало указание о направлении в Пекин двух офицеров (см. [12, л. 57—58]).

¹² Взятый в плен Е Миншэнь был вывезен в Калькутту, где вскоре умер; Мукэдэнэ и Бо Гуй формально оставлены на прежних постах.

¹³ Русские интересы в Китае в тот период сводились к продолжению длившейся уже почти 200 лет взаимовыгодной сухопутной торговли (что требовало сохранения добрососедских отношений), увеличение же числа открытых портов (к чему стремилась Англия) для России, не участвовавшей в морской торговле с Китаем, практического значения не имело.

ОША явно враждебно относились к преобладанию Великобритании в китайских делах, развязанные англичанами военные действия наносили значительный урон американской торговле, а успехи англо-французских войск не сулили американцам каких-либо выгод.

¹⁴ Следует отметить, что Цины различали позицию отдельных западных держав по отношению к Китаю, выделяя Англию как наиболее враждебную страну. Так, в инструкциях сановникам,* которым поручалось вести переговоры с представителями четырех государств, говорилось: «Русские в течение многих лет поддерживают с Китаем дружественные связи, их следует принять в первую очередь, с оказанием почестей, как гостей. Американские правители не помогали злодеям (тайпинам.— М. С.), с ними надо обходиться вежливо. Франция... оказала нам содействие при усмирении бандитов в Шанхае (речь идет о подавлении восстания „Союза малых мечей“.— М. С.), поэтому следует великодушно простить ей непослушание. Английские варвары — главные злодеи, их никак не обра-

зом нельзя простить, в дальнейшем необходимо запретить с ними торговлю через Гуанчжоу» [1:14, с. 273].

¹⁵ Идя навстречу пожеланиям Пекина, Путятин предложил прислать из России оружие и военных инструкторов для создания китайских воинских формирований, которые могли бы «сдерживать стремление к насилию со стороны других государств» [108, с. 170].

¹⁶ В Лондоне и Париже было признано нецелесообразным использовать для этой цели Эльджина и Гро, с именами которых было связано насильственное принуждение китайцев подписать Тяньцзиньские договоры.

¹⁷ К. Маркс в статье «Новая китайская война» приводит следующую выдержку из лондонской газеты «Дейли Телеграф»: «Великобритания должна развернуть наступление на все морское побережье Китая, занять столицу, выгнать императора из его дворца... Так или иначе нужно пустить в ход устрашение, довольно поблажек... Китайцев надо научить ценить англичан, которые выше их и которые должны быть их господами... Мы должны попытаться по меньшей мере захватить Пекин, а если держаться более смелой политики, то за этим должен последовать захват навсегда Кантона» [4, с. 532].

¹⁸ Так, К. Маркс, анализируя сложившуюся ситуацию, подчеркивал, что вооруженные инциденты у берегов Китая были результатом не ошибок того или иного политического или военного деятеля, вызванных стечением случайных обстоятельств, а сознательно и последовательно проводимой британскими правящими кругами колониальной политики. «Так как Тяньцзиньский договор не содержит условий, дающих англичанам и французам право послать эскадру военных судов в реку Байхэ,— писал он,— то является очевидным, что было заранее принято решение — затеять ссору как раз перед тем моментом, который был назначен для обмена ратификационными грамотами. Никому не придет в голову, что достопочтенный г-н Брус, пытаясь маскировать совершенно ясные цели последней китайской войны, действовал на свой страх и риск; напротив, он, очевидно, выполнял лишь секретные инструкции, полученные им из Лондона» [4, с. 536].

¹⁹ Он заявил: «Моя страна готова оказать помощь Китаю в умиротворении разбойников в приморских районах, все корабли и солдаты Франции, находящиеся в портах Китая, готовы подчиниться любому приказу» [1:14, с. 298].

²⁰ Массовое крестьянское восстание, охватившее под руководством тайного общества «Няньдан» многие районы провинций Хэнань, Хубэй и Аньхой.

²¹ Так, Лэй выступил как представитель Китая при покупке цинским правительством у Англии ряда военных судов для борьбы с тайпинцами. Его полномочия в данном деле вызвали сомнения даже у первого лорда адмиралтейства Великобритании Рассела (см. [140, т. 2, с. 35—37]).

Вызывающее поведение капитанов Осборна и Ли, командовавших этой небольшой эскадрой, экипажи которой были укомплектованы английскими наемниками (она прибыла в Шанхай летом 1863 г.), серьезно обеспокоило цинских военачальников. Пекин предпочел отделаться от подобной «помощи»: контракт с наемниками был расторгнут, а корабли за бесценок возвращены англичанам (см. [108, с. 144; 114, с. 304]).

²² Р. Харт прибыл в Гонконг в 1854 г. В 1855—1858 гг. он был помощником консула в Нинбо и Гуанчжоу, в 1861 г. после ранения Лэя во время одного из боев под Шанхаем замещал его на посту генерального инспектора таможен.

²³ В 1862 г. они составляли $\frac{1}{3}$ всех жителей Шанхая (500 тыс. из 1,5 млн. человек) [140, т. 2, с. 121].

²⁴ Особенно негодовал Р. Харт, долгое время убеждавший руководителей Цзунли ямэня учредить китайские представительства в столицах «договорных» держав (при этом, по его расчетам, китайцы неизбежно обратились бы за помощью к англичанам, в частности к нему самому). Свое возмущение действиями Пекина Р. Харт излил в официальном послании, опубликованном в «Норс Чайна Геральд» (см. [140, т. 2, с. 190]).

²⁵ Конвенцией предусматривалось: назначение китайских консулов в порты Великобритании; открытие для торговли Вьньчжоу и Уху; повышение пошлины на опиум с 30 до 50 таялей за пикюль; разрешение британским подданным вести торговлю в «недоговорных» портах, создавать там склады, плавать по рекам и использовать угольные копи, открытые китайцами (см. [140, т. 2, с. 216]).

²⁶ Английские историки признают, что при столкновении с китайскими отрядами первый огонь открыла охрана экспедиции Броуна, однако убийство Маргариты называют преднамеренным, утверждая, что еще 16 февраля китайские части получили указание не пропускать экспедицию (см. [140, т. 2, с. 287]). По китайской версии, Маргарита была убита местными повстанцами.

²⁷ Первым был направлен посол в Лондон (январь 1867 г.). Им стал Го Сундао. После учреждения китайского посольства в Париже (1878 г.) он по совместительству стал и послом во Францию.

²⁸ Во время переговоров с Японией по корейскому вопросу (1874 г.) посредником выступал английский посол, при заключении франко-китайского мирного договора в 1885 г. эту роль играл Р. Харт.

²⁹ Среднегодовой курс таможенного таэля изменялся следующим образом [125, с. 390]:

1864 г. 6 шиллингов	8,000 пенсов
1870 г. 6 »	6,500 »
1874 г. 6 »	4,250 »
1876 г. 5 »	11,625 »
1880 г. 5 »	9,500 »
1884 г. 5 »	7,250 »
1885 г. 5 »	3,500 »
1886 г. 5 »	0,125 »
1887 г. 4 шиллинга	10,250 »
1888 г. 4 »	8,750 »
1889 г. 4 »	8,750 »
1890 г. 4 »	2,500 »
1891 г. 4 »	11,000 »
1892 г. 4 »	4,500 »
1893 г. 3 »	11,250 »
1894 г. 3 »	2,375 »
1897 г. 2 »	11,750 »
1901 г. 2 »	11,500 »

³⁰ Распространению английских хлопчатобумажных тканей на китайском рынке серьезно мешали возросшая конкуренция со стороны США и увеличение местного кустарного производства (см. [143, с. 206—207]).

³¹ В 1867 г., например, в Китай было ввезено опиума почти на 32 млн. таможенных таэлей, что составляло 46% всего экспорта [140, т. 2, с. 398].

³² Как отмечал Г. Б. Морзе, с 1867 г. Гонконг начал во все возрастающих масштабах выступать посредником в торговле с Китаем США, Франции, Германии и ряда других капиталистических стран. К рассматриваемому времени на их долю приходилось до $\frac{1}{3}$ его товарооборота, из чего следует, что удельный вес Великобритании в китайской торговле был в действительности ниже приведенного показателя (поскольку в него товарооборот Гонконга включен целиком) (см. [140, т. 2, с. 402—403]).

³³ В стоимостном выражении — соответственно 5,97 млн. и 5,6 млн. ф. ст.

Глава пятая

¹ В данной связи следует упомянуть о превентивных мерах, которые принял командовавший британской дальневосточной эскадрой адмирал Фримэнтл вследствие угрозы японского продвижения в глубь материкового Китая; об опасности японской экспансии для Англии много говорилось в Китайской ассоциации Великобритании (подробно см. [107, с. 372—375]).

² Этот договор предусматривал совместную борьбу против Японии в случае нападения на территорию России, или Китая, или Кореи; железная дорога согласно данному документу должна была быть сооружена для облегчения доставки русских войск на Дальний Восток.

³ Примеру Англии последовала Япония, добивавшаяся от Пекина принятия аналогичных обязательств относительно пров. Фуцзянь.

⁴ В 1875—1876 гг. ряд английских компаний, обосновавшихся в Шанхае,

при непосредственном участии официальных представительств Великобритании (посольства и шанхайского консульства), не имея на то никаких юридических прав, соорудили железнодорожную линию, связавшую Шанхай и Усун (общая длина — 10 миль). 30 июня 1876 г. на первом (6-мильном) участке (до Цзянвана) было открыто пассажирское движение. Случайная гибель на линии 30 августа одного китайца резко накалила обстановку. Под давлением местных жителей цинские власти, справедливо ссылаясь на незаконность действий англичан, предложили последним выкупить железную дорогу. Соответствующее соглашение было подписано 24 октября 1876 г. После этого по распоряжению шанхайских властей линия была разобрана, рельсы вывезены на Тайвань, как железный лом.

⁵ При сооружении железной дороги от Кайпинских угольных копей до побережья руководство проектными работами и строительством осуществляли английские инженеры Р. Борнет и В. Киндлер.

⁶ В указах за подписью Гуансюя говорилось о необходимости провести реформу образования, начать подготовку к открытию Пекинского университета, ввести преподавание иностранных языков, организовать перевод научных трудов, создать издательства, научные общества и т. п.

⁷ Кан Ювэю с помощью англичан удалось бежать в Гонконг. Полученные от них деньги (600 тыс. юаней) он использовал для организации вооруженного выступления сторонников реформаторов в бассейне Янцзы (1899 г.).

⁸ Ему предшествовала новая вспышка антимиссионерских волнений (в Гуанси, Хубэе, особенно в Сычуани), а также ряд народных выступлений, вызванных практическими мероприятиями иностранцев по реализации договоров об «аренде». В частности, в апреле 1899 г. население уездов Дунгуань и Баоань безуспешно пыталось помешать захвату о-ва Цюлун англичанами. Движение было подавлено британской полицией и воинскими частями. После этого в Цюлуне была ликвидирована китайская и установлена колониальная администрация (см. [108, с. 334—335]).

⁹ Реакционные черты идеологии ихэтуаней решительно осуждались передовыми деятелями Китая того времени.

¹⁰ Обмен ратификационными грамотами был произведен 28 июля 1903 г.

¹¹ В рассматриваемом документе речь шла, естественно, об английских товарах, но согласно принципу наибольшего благоприятствования все предусмотренные в нем льготы автоматически распространялись на товары всех «договорных» держав.

¹² Р. Харт, занимавший пост генерального инспектора китайских таможен более 50 лет (до 1908 г.), стал по существу, главным экономическим советником цинского правительства. Он пользовался большим доверием многих высших сановников, особенно Ли Хунчжана (см. [140, т. 3, с. 404—408]).

¹³ В 1900—1901 гг. англичане направили несколько писем далай-ламе с предложением установить прямые отношения, однако тот отказался даже принять эти послания.

¹⁴ Примерами подобного рода сговора за спиной китайского народа были англо-японское соглашение от 12 августа 1905 г., русско-японская конвенция от 13 февраля 1907 г., франко-японское соглашение от 10 июня 1907 г.

¹⁵ Север Китая в то время оставался под властью Цинов, в критической для себя ситуации поставивших во главе правительства ловкого царедворца, генерала Юань Шикая, поспешившего обнародовать конституцию и объявить о созыве Национального собрания.

¹⁶ На этом решительно настаивали сторонники Сунь Ятсена.

¹⁷ По данному вопросу Сунь Ятсен обращался также к британскому консулу в Шанхае и директору Гонконг-Шанхайского банка. Однако его предостережения не остановили англичан.

¹⁸ Удельный вес России во внешнеторговом обороте Китая в 1913 г. не превышал 7%.

¹⁹ Объявив Дальний (Дайрен) «свободным портом» и умышленно затягивая открытие в нем китайской таможни, японцы использовали его для беспощадной переброски своих товаров в глубинные районы Китая. Для товаров же других капиталистических стран Дальний был практически закрыт. Предлогом служило и отсутствие в порту китайской таможни.

¹ Демонстративно посланный в Шаньдун английский 1,5-тысячный отряд участия в военных операциях не принимал.

² Данный документ состоял из пяти разделов. В первом и втором излагались японские притязания в Шаньдуне, Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии; в третьем содержалось требование фактического предоставления монополии в бассейне Янцзы, контролировавшейся японцами Ханьпинской металлургической компании; в четвертом речь шла об обязательстве Китая не отчуждать каких-либо территорий по его морскому побережью; в пятом («общеполитические требования») Китаю «предлагалось» принять японских политических, финансовых и военных советников, закупать у Японии не менее 50% военного снаряжения, предоставить японцам право вести промышленное и железнодорожное строительство в центральных и юго-восточных провинциях и т. п.

³ Соответствующие документы были подписаны 25 мая 1915 г.

⁴ Вначале поддерживавший китайскую делегацию Вильсон, испугавшись угрозы японцев покинуть конференцию, примкнул к англичанам.

⁵ Вынужденное отступление Японии, не рискувшей на открытое противоборство с англо-американским альянсом, носило по существу чисто формальный характер. Умело блокировав попытки своих конкурентов проникнуть в их сферу «особых интересов», японцы продолжали форсировать капиталовложения в Китае, в том числе и в зоне британских «интересов».

Противодействие Японии и политическая нестабильность в Китае обусловили полную неудачу консорциума. В условиях бесконечных милитаристских междоусобиц и борьбы Севера и Юга американские банкиры предпочли не рисковать своими капиталами. В результате за пять лет существования консорциум не предоставил Китаю ни одного займа. Крах консорциума дискредитировал идею международного финансирования Китая, глашатаем которой были США.

⁶ При точном выполнении условий арендного соглашения 1898 г. Вэйхайвэй должен был бы быть возвращен Китаю еще в 1906 г. — после официальной потери Россией прав на Порт-Артур.

⁷ В данной связи правительство РСФСР и ДВР заявили, что они отказываются признавать любые решения этой конференции.

⁸ Однако включенная в договор по настоянию Японии оговорка, запрещавшая Англии и США создавать военно-морские базы на тихоокеанских островах, превратила данное соглашение в серьезную дипломатическую победу Токіо, ибо в результате было обеспечено полное преобладание японского флота в западной части Тихого океана.

⁹ Его возглавлял гонконгский компрадор Чэнь Лянбо, тесно связанный с английской «Гонконг энд Шанхай Бэнкнинг Корпорейшн».

¹⁰ Вскоре по прибытии в Пекин он скончался.

¹¹ В ней приняло участие более 500 тыс. человек.

¹² Созыв ее обуславливался упоминавшимся выше договором девяти держав относительно китайского таможенного тарифа. Согласно этому документу она должна была начать свою работу в трехмесячный срок со дня его подписания (6 февраля 1922 г.).

¹³ Так, после задержки в районе г. Ваньсянь (в верхнем течении Янцзы) двух торговых английских судов, не выполнивших требований китайской администрации, в качестве ответной меры город был 5 сентября 1926 г. подвергнут британскими военными кораблями интенсивному обстрелу, в результате которого погибли сотни мирных жителей.

¹⁴ Осенью 1926 — весной 1927 г. в результате побед над армиями Сунь Чжанфанга и Чжан Цзолиня НРА заняла практически всю долину Янцзы и соединилась с частями Фэн Юйсяна.

¹⁵ Так, выступая 9 мая 1927 г. в палате общин, О. Чемберлен, крайне пренебрежительно характеризуя Уханьское правительство, возложил на него ответственность за инцидент в Нанкине. Нанкинские события, по его утверждению, представляли собой «попытку уханьских властей посорить Чан Кайши с иностранными державами» [62, с. 735—736].

¹⁶ В 1918—1926 гг. таможенными органами различных стран была задер-

жана 291 т контрабандного опиума, которым торговал специально созданный для этого в Гонконге синдикат (см. [62, с. 527]).

¹⁷ К этому времени опиный мак разводился практически во всех провинциях Китая, особенно интенсивно в Сычуани, Хэнане, Хубэе, Фуцзяни, Гуандуне, Гуанси, Гуйчжоу, Юньнани, Аньхое, Чжили, Шэньси. Готовый опиум стекался в порты, расположенные по Янцзы и морскому побережью, откуда крупными партиями контрабандно вывозился (см. [61, с. 620—642; 62, с. 524—529]).

¹⁸ Этот вывод базируется на учете того факта, что официальные данные о японских капиталовложениях (включенные в табл. 20) серьезно завышены: в них включены авантюристические «займы Нисихары», стоимость различных военных объектов в Маньчжурии и т. п.

Глава седьмая

¹ Подлинное отношение чанкайшистов к идейному последнему Сунь Ятсена характеризуется их отказом проводить в жизнь завещанные им политические установки: союз с рабочими и крестьянами, союз с КПК, союз с СССР.

² Ее политические лидеры — Ван Цзинвэй и Чэнь Гунбо — в противовес Чан Кайши, ориентировавшемуся на Англию и США и пользовавшемуся симпатиями крупной буржуазии, опирались на поддержку Японии и заигрывали со средней и мелкой буржуазией и низшими слоями помещичьего класса.

³ Он перешел на сторону Чан Кайши в июле 1927 г., в разгар борьбы последнего с революционным Уханьским правительством.

⁴ Например, в 1931 г. гуандунские и гуансийские генералы Чэнь Цзинтан, Бай Чунси и Ли Цзунжэнь создали в Гуанчжоу сепаратное «национальное» правительство с Ван Цзинвэем во главе.

⁵ Длительное время бывший японской марионеткой Чжан Цзолнь в 1928 г. предпринял шаги по переориентированию на США. Это стоило ему жизни: в июне того же года он погиб во время железнодорожной катастрофы, организованной японской разведкой.

⁶ Первые два (ноябрь 1930 — январь 1931 г. и март — июнь 1931 г.), как и третий, окончились неудачей благодаря мужественному и умелому сопротивлению китайской Красной армии и неблагоприятно складывавшейся для чанкайшистов обстановки.

⁷ Подогревая подобные настроения, японцы всячески старались внушить правительствам западных стран, что их «маньчжурская акция» имеет антисоветскую направленность, и шантажировали их возможностью заключения советско-японского договора о ненападении (см. [27, с. 149—150]).

⁸ Созданная ими напряженная обстановка в зоне КВЖД и советско-маньчжурской границы была нейтрализована активностью советской дипломатии, подкрепленной мерами по укреплению дальневосточных границ СССР.

⁹ Подобное фактическое поощрение японской агрессии вызывало возмущение некоторых английских государственных деятелей. Например, британский представитель в Лиге Наций лорд Сесил назвал его «фантастической бессмыслицей» [147, с. 29].

¹⁰ Попытки наладить взаимодействие между восставшими и частями китайской Красной армии были сорваны по вине бывшего тогда главой правительства Советского района в провинциях Цзянси и Фуцзянь Мао Цзэдуна, в результате чего армия Цай Тинкая потерпела поражение от панкинских войск.

¹¹ Победившего в этих странах на выборах в 1936 г.

¹² Так, в ответ на показное желание Японии достигнуть соглашения с Великобританией со взаимным учетом интересов в Китае тогдашний министр иностранных дел Англии А. Иден произнес в палате общин (в марте 1937 г.) не менее доброжелательную речь, заявив, что установление «дружественных отношений» с Японией отвечает и желаниям британского правительства (см. [103, с. 121]).

¹³ Японские оккупационные власти требовали выдачи им укрывшихся на территории концессии китайских патриотов, 9 апреля 1939 г. убивших перешедшего на сторону японцев китайца — директора морской таможни.

¹⁴ Напряженные бои в этом районе закончились полным разгромом японской группировки к концу лета 1939 г.

¹⁵ С сентября 1937 по июнь 1941 г. Советский Союз поставил Китаю 904 самолета, 82 танка, 602 тягача, 1516 автомобилей, 1140 орудий, 9720 ручных и станковых пулеметов, 50 тыс. винтовок, 180 млн. патронов, 31,6 тыс. авиабомб, около 2 млн. снарядов и другое вооружение и материалы. В 1939 г. в Китае находился 81 советский военный советник и инструктор, к осени этого года в боевых операциях против японских оккупантов действовало около 500 советских летчиков (см. [104, с. 134, 150; 112, с. 138, 154]).

¹⁶ Были потоплены 6 американских линкоров, 1 тяжелый крейсер и 2 нефтеналивных судна; получили большие повреждения 2 линкора, 1 тяжелый крейсер, 6 крейсеров класса «Б», 3 эсминца и 3 вспомогательных судна; на американских аэродромах было уничтожено 300 самолетов (см. [94, с. 268]).

¹⁷ Свое обещание поддержать оборону Гонконга наступлением на японцев с тыла силами трех армий Чан Кайши выполнить не смог (см. [127, с. 155]).

¹⁸ В той части Каирской декларации, которая относилась к Китаю, предусматривалось возвращение ему Маньчжурии, Тайваня и Пескадорских островов.

¹⁹ Представитель Великобритании Маунтбеттен в частной беседе с Ф. Рузвельтом настаивал на пересмотре принятой ранее программы помощи Китаю, утверждая, что армия Чан Кайши является «сбродом» и предназначенные Китаю военные материалы целесообразнее передать Великобритании (см. [103, с. 209; 116, с. 137]).

²⁰ У. Черчилль возражал против американского плана Стилуэлла о наступлении на севере Бирмы, в направлении Китая (см. [92, с. 438]).

²¹ 15 ноября 1946 г. в нарушение решений ПКК правительство Чан Кайши созвало Национальное собрание (без участия КПК и других демократических организаций), которое приняло конституцию, закреплявшую гоминьдановский режим.

²² Корабли 7-го флота США взяли на себя защиту района Циндао; американские войска контролировали Пекин-Мукденскую железную дорогу, обеспечивая передвижение гоминьдановских войск в Маньчжурию (см. [85, с. 159]).

²³ КПК требовала отмены конституции, реорганизации армии на демократической основе, конфискации бюрократического капитала, проведения аграрной реформы, аннулирования договоров (имелись в виду договоры военного времени), созыва Политической консультативной конференции и наказания военных преступников. 25 декабря КПК опубликовала их список. В него были включены Чан Кайши, Сун Цзывэнь, Ли Цзунжэнь, Хэ Инцзинь, Чэн Гофу, Чэн Лифу и др. (см. [109, с. 240]).

²⁴ Он отмечал, что, в то время как в Великобритании прибыли фирм колебались от 9,5% (1909—1914 гг.) до 10,6% (1923—1928 гг.), прибыли иностранных компаний в Китае превышали 15% годовых [90, с. 13].

Глава восьмая

¹ В ответ на сообщение правительства СССР об установлении дипломатических отношений между СССР и КНР премьер и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай 4 октября выразил «глубокую признательность», особо отметив, что «Советский Союз явился первым государством, установившим дипломатические отношения с КНР». Первыми послами были со стороны СССР Рощин Н. В., со стороны КНР — Ван Цзясян (см. [15, с. 88]).

² Оставшиеся в континентальном Китае британские консульства приняли на себя защиту интересов США.

³ Кайлуаньская угольная компания образовалась в результате слияния двух китайских компаний, владевших угольными копями «Кайини» и «Луаньчжоу»; под английский контроль она перешла в годы Синьхайской революции.

⁴ 8 января 1950 г. Чжоу Эньлай направил телеграмму генеральному секретарю ООН и членам Совета Безопасности с требованием удалить представителя тайваньского режима из Совета Безопасности; 19 января правительство КНР уведомило ООН о назначении Чжан Вэньтяня главой делегации КНР в ООН (см. [152а, с. 42—43]).

⁵ СЕАТО был официально создан 8 сентября 1954 г. в Маниле; его участниками были США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд, Пакистан.

⁶ Великобритания не согласилась с предложением США внести в договор СЕАТО формулировку «коммунистическая опасность», явно направленную против КНР; по настоянию Лондона линия сферы деятельности СЕАТО проходила южнее Тайваня и Гонконга, т. е. не затрагивала КНР (подробнее см. [105, с. 251—252]).

⁷ На митингах и собраниях в 1958—1959 гг. ораторы призывали к борьбе против *ян* (иностранного), за утверждение *ту* (местного, национального), к откazu от помощи и услуг иностранцев.

⁸ Мао утверждал, что экономическое развитие должно происходить по принципу «прилив — отлив — более высокий прилив», т. е. «скачкообразно» (см. [12а, с. 36—37]).

⁹ Эта ярмарка проводится два раза в год (весной и осенью), начиная с октября 1956 г., с участием фирм китайских эмигрантов (*хуацяо*), Японии и западноевропейских стран.

¹⁰ Гонконгская статистика подразделяет население не по национальному, а по языковому признаку и стране рождения.

¹¹ В июле 1970 г. Китай посетила французская делегация, возглавлявшаяся министром планирования А. Бетанкуром, в июле 1971 г. — парламентская делегация Франции.

¹² Активность англичан серьезно стимулировало официальное сообщение о предстоящем посещении КНР президентом США Р. Никсоном.

¹³ Под этой вывеской скрывается, по-видимому, засекреченная организация военно-промышленного характера.

¹⁴ В 1964 г. во время пребывания в Гонконге автор был информирован сотрудниками гонконгского Института международных исследований о том, что при опросе гонконгских жителей только 20—25% высказались за воссоединение с КНР, 30—35% являются сторонниками сохранения статус-кво колонии, а остальные стоят за выделение Гонконга в самостоятельное государство.

¹⁵ В 1978 г. в Гонконг прибыло из КНР около 100 тыс. китайцев, причем трое из каждых десяти иммигрантов проникли в колонию нелегально. За первые десять недель 1979 г. в колонию прибыло еще 50 тыс. китайцев.

Заключение

¹ Английские дипломаты ссылались на то, что Маньчжурия не всегда входила в состав Китая, что последние 15 лет она была от него фактически независима, что Япония имеет в этом районе «жизненные интересы» и т. п.

² На первой сессии ВСНП пятого созыва 18 представителей китайской общины Гонконга вошли в состав Всекитайского комитета НПКС; среди них управляющий отделением Банка Китая Фан Шаньгуй, представитель Ассоциации промышленников и торговцев Ко Чунхун, президент и первый вице-президент Генеральной торговой палаты Тан Бинда и Ван Куньчан, издатель и директор газеты «Дагунбао» Фэн Имни. Остальные делегаты представляли агентство Синьхуа и различные торговые и общественные организации.

³ В 1978 г. — 104,5 тыс. человек.

⁴ Роль Гонконга, как канала связи КНР с Западом, по мере установления Китаем прямых контактов с ведущими странами мира ослабевает, но не утрачивается.

*Труды основоположников марксизма-ленинизма **

1. Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности.— Т. 9.
- 1а. Маркс К. Революция в Китае и Европе.— Т. 9.
2. Маркс К. История торговли опиумом.— Т. 12.
3. Маркс К. Англо-китайский конфликт.— Т. 12.
- 3а. Маркс К. Поражение министерства Пальмерстона.— Т. 12.
- 3б. Маркс К. Англо-китайский договор.— Т. 12.
4. Маркс К. Новая китайская война.— Т. 13.
5. Маркс К. Торговля с Китаем.— Т. 13.
6. Маркс К. Китайские дела.— Т. 15.
7. Маркс К. Капитал, т. I.— Т. 23.
8. Энгельс Ф. Новая экспедиция англичан в Китай.— Т. 12.
9. Энгельс Ф. Персия и Китай.— Т. 12.
10. Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия.— Т. 23.
11. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27.

Источники

12. АВПР, ф. Главный архив, I-1.
- 12а. Вторая сессия VIII Всекитайского съезда КПК. Пекин, 1958.
13. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927.
14. Законодательные акты КНР. М., 1952.
- 14а. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.
15. Образование КНР. Документы и материалы. М., 1950.
16. Собрание договоров России с Китаем. 1689—1881. СПб., 1889.
17. Вай хуэй тунцзи хуэйкань (Валютный справочник Банка Китая). Пекин, 1950.
19. Чжан Спинман. Чжун Си цзяотун шяляо хуэйбань (Сборник материалов по истории внешних сношений Китая с Западом). Т. 2. Пекин, 1930.
20. China. Imperial Maritime Customs. Returns of Trade at the Treaty Ports, and Trade Reports for the Year 1864. Shanghai, 1865.
21. China. Imperial Maritime Customs. Returns of Trade at the Treaty Ports, and Trade Reports for the Year 1874. Shanghai, 1875.
22. China. Imperial Maritime Customs. Returns of Trade at the Treaty Ports, and Trade Reports for the Year 1884. Shanghai, 1885.
23. China. Imperial Maritime Customs. Returns of Trade at the Treaty Ports, and Trade Reports for the Year 1894. Shanghai, 1895.
24. China Handbook. 1943. Chungking, 1943.
25. China Trade Report. 1977, 1978. Vol. 16.
26. Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Ser. 3. Vol. 8.
27. Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Ser. 3. Vol. 9. L., 1955.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по второму изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

28. Documents on British Foreign Policy. 1919—1933. Vol. 10. L., 1970.
29. Documents Study. Vol. 1. Princeton, 1974.
30. Great Britain. Customs and Excise Statistical Office. Annual Statement of the Trade of the United Kingdom with Commonwealth Countries and Foreign Countries. 1950. L., 1951.
31. Great Britain. Customs and Excise Statistical Office. Annual Statement of the Trade of the United Kingdom with Commonwealth Countries and Foreign Countries. 1952. L., 1953.
32. Great Britain. Customs and Excise Statistical Office. Annual Statement of the Trade of the United Kingdom with Commonwealth Countries and Foreign Countries. 1956. L., 1957.
33. Great Britain. Customs and Excise Statistical Office. Annual Statement of the Trade of the United Kingdom with Commonwealth Countries and Foreign Countries. 1962. L., 1963.
34. Great Britain. Customs and Excise Statistical Office. Annual Statement of the Trade of the United Kingdom with Commonwealth Countries and Foreign Countries. 1965. L., 1966.
35. Hong Kong Report for the Year 1950. Hongkong, 1951.
36. Hong Kong Report for the Year 1951. Hongkong, 1952.
37. Hong Kong Report for the Year 1952. Hongkong, 1953.
38. Hong Kong Report for the Year 1956. Hongkong, 1957.
39. Hong Kong Report for the Year 1957. Hongkong, 1958.
40. Hong Kong Report for the Year 1960. Hongkong, 1961.
41. Hong Kong Report for the Year 1961. Hongkong, 1962.
42. Hong Kong Report for the Year 1962. Hongkong, 1963.
43. Hong Kong Report for the Year 1963. Hongkong, 1964.
44. Hong Kong Report for the Year 1964. Hongkong, 1965.
45. Hong Kong Report for the Year 1965. Hongkong, 1966.
46. Hong Kong Report for the Year 1966. Hongkong, 1967.
47. Hong Kong Report for the Year 1967. Hongkong, 1968.
48. Hong Kong Report for the Year 1969. Hongkong, 1970.
49. Hong Kong Report for the Year 1972. Hongkong, 1973.
50. Hong Kong Report for the Year 1975. Hongkong, 1976.
- 50a. Hong Kong Report for the Year 1977. Hongkong, 1978.
51. Hong Kong Research Project. Hongkong, 1978.
- 51a. Macartney G. An Embassy to China. Being the Journal Kept Lord Macartney during Embassy to Emperor Ch'ien-lung. 1793—1794. L., 1962.
52. Overseas Trade Accounts of the United Kingdom. 1966. L., 1967.
53. Overseas Trade Accounts of the United Kingdom. 1969. L., 1970.
54. Overseas Trade Accounts of the United Kingdom. 1972. L., 1973.
55. Overseas Trade Accounts of the United Kingdom. 1975. L., 1976.
56. The Export Trade of the United Kingdom. 1942, 1943, 1944. L., 1945.
57. The Import Trade and the Re-export Trade of the United Kingdom. 1938 to 1944. L., 1945.
58. The Trade of the United Kingdom during January—June 1945. L., 1945.
59. The China Yearbook. 1919. L., 1920.
60. The China Yearbook. 1921—1922. Tientsin, 1923.
- 60a. The China Yearbook. 1923. Tientsin, 1924.
61. The China Yearbook. 1926. Tientsin, 1927.
62. The China Yearbook. 1928. Tientsin, 1929.
63. The China Yearbook. 1929—1930. Tientsin, 1931.
64. The China Yearbook. 1931—1932. Tientsin, 1933.
65. The China Yearbook. 1933. Tientsin, 1934.
67. Treaties, Conventions, etc., between China and Foreign States. Vol. 1, 2. Shanghai, 1917.
68. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1950. N. Y., 1951.
- 68a. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1951. N. Y., 1952.
69. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1956. N. Y., 1957.
70. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1957. N. Y., 1958.
71. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1961. N. Y., 1962.
72. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1962. N. Y., 1963.

73. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1963. N. Y., 1964.
74. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1965. N. Y., 1966.
75. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1966. N. Y., 1967.
76. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1967. N. Y., 1968.
77. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1968. N. Y., 1969.
78. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1969. N. Y., 1970.
79. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1970. N. Y., 1971.
80. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1971. N. Y., 1972.
81. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1972. N. Y., 1973.
82. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1973. N. Y., 1974.
83. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1974. N. Y., 1975.
84. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1975. N. Y., 1976.
- 84a. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1976. N. Y., 1976. N. Y., 1977.
- 84б. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1977. N. Y., 1978.
- 84в. Yearbook of International Trade Statistics. UN. 1978. N. Y., 1979.

Литература

85. Астафьев Г. В. Интервенция США в Китае и ее поражение. М., 1958.
86. Болдырев Б. Займы как орудие закабаления Китая империалистическими державами (1840—1948). М., 1962.
87. Внешняя политика Советского Союза. 1945. М., 1949.
88. Всемирная история. Т. 2. М., 1956.
89. Всемирная история. Т. 3. М., 1957.
90. Вэй Цзы-чу. Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945). М., 1956.
91. Гамель Н. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях.— «Записки Императорской Академии наук». Т. 8. СПб., 1865.
92. Дубинский А. М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966.
93. Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен. 1903—1911. М., 1974.
94. История войны на Тихом океане. Т. 3. М., 1958.
95. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
96. История экономического развития Китая 1840—1948. М., 1958.
97. Китайская Народная Республика в 1976 г. (политика, экономика, идеология). М., 1978.
98. Китай: основные проблемы истории, экономики и идеологии. М., 1978.
99. Кюннер Н. В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. 2. Вып. 2. Владивосток. 1910.
100. Ломыкин В. П. Политика КНР в отношении Англии.— Китай и капиталистические страны Европы. М., 1975.
101. Масленников В. Китай. М., 1946.
102. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1952.
103. Международные отношения на Дальнем Востоке. 1810—1945. М., 1951.
104. Международные отношения на Дальнем Востоке. 1917—1945. Кн. 2. М., 1973.
105. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. 1945—1957. М., 1978.
106. Меликсетов А. В. Социально-экономическая политика гоминьдана. 1927—1949 гг. М., 1977.
107. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1894. М., 1946.
108. Новая история Китая. М., 1972.
109. Новейшая история Китая. М., 1972.
110. Остриков П. И. Империалистическая политика Англии в Китае 1900—1914. М., 1978.
111. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. М., 1959.
- 111а. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.

116. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М., 1977.
117. Сладковский М. И. Китай и Япония. М., 1971.
118. Сладковский М. И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953.
119. Трухановский В. Г. Новейшая история Англии.
120. Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М., 1955.
121. Хуа Ган. История революционной войны Тайпинского государства. М., 1962.
122. Элдридж. Гнев в Бирме. Нецензурированные записи о генерале Стилуэле и международных интригах на Дальнем Востоке. М., 1947.
123. Вэй Цзычу. Инго цзай хуа цзе цзичи лижунь (Английские предприятия и их прибыли в Китае). Пекин, 1951.
124. Гуандун шисань хан као (Тринадцать контрольных фирм Гуандуна). Шанхай, 1927.
125. У Юйчжан. Синьхай гэмин (Синьхайская революция). Пекин, 1962.
126. Бау М. У. The Foreign Relations of China: a History and a Survey. N. Y., 1922.
127. Bisson T. A. American Policy in the Far East. N. Y., 1941.
128. Boardman R. Britain and the People's Republic of China 1949—1974. L., 1976.
129. Brice. The Royal Navy and Sino-Japanese Incident. 1937—1941. L., 1937.
130. Chong Su-su. The Foreign Trade of China. N. Y.—L., 1919.
131. Cohen Y. A., Dernberger R. F., Garson Y. R. China Trade Prospects and U. S. Policy. N. Y., 1959.
132. Collier B. War in the Far East 1941—1945. A Military Story. N. Y., 1969.
133. Costin N. G. Great Britain and China. Oxford, 1968.
134. Coston W. G. Great Britain and China. 1835—1860. Oxford, 1937.
135. Cramer-Bing J. L. Lord Macarthy's Embassy to Peking in 1793 from Official Chinese Documents.—«Journal of Oriental Studies». 1961, № 4.
136. Ellis H. Journal of the proceeding of the Late Embassy to China. L., 1918.
137. Foster J. W. American Diplomacy in the Orient. Boston, 1904.
138. Gerson J. Horatio Nelsen Lay and Sino-British Relation. 1854—1864. Cambridge, 1972.
139. Gumpach J. The Burlingame Mission: a Political Disclosure Supported by Official Documents Mostly Unpublished. Shanghai, London, New York, 1872.
140. Ho Ping-vin. The Foreign Trade of China. Shanghai, 1935.
141. Le Fargue T. E. China and the World War. L., 1937.
142. Luard E. Britain and China. L., 1962.
143. Martin R. M. China: Political, Commercial and Social. Vol. 2. L., 1847.
144. Milburn W. Oriental Commerce. Vol. 2. L., 1813.
145. Morse H. B. The Chronicles of the Last India Trading Company. Vol. 1, 2. Oxford, 1926.
146. Morse H. B. The International Relations of the Chinese Empire. T. 1—3. Shanghai, 1910.
147. Pritchard E. H. Anglo-Chinese Relations during the Seventeenth and Eighteenth Centures. [Chicago], 1929.
148. Remer G. F. Foreign investment in China. N. Y., 1933.
149. Sargent A. J. Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy. Oxford, 1907.
150. Smith G. Consular Cities of China. N. Y., 1847.
151. Staunton G. L. Authentic of an Embassy from the King of Great Britain to the Emperor of China. L., 1797.
152. Steward S. Victory Lies in China.—«The Nation». Vol. 158. 1944, № 9.
153. Vigilants. Inquest on Peace. An Analysis of the National Governments's Foreign Policy. L., 1935.
154. Williams F. N. Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. N. Y., 1912.
155. Willas T. S. The Early History of the Russia Company 1553—1603. Manchester, 1956.

150. Woodcock G. The British in the Far East. N. Y., 1969.
151. Young L. K. British Policy in China. 1895—1902. Oxford, 1970.

Периодические издания

152. «Жэньминь жибао», 1950, 1972—1977.
152a. «Синьминьши цыдянь», 1952.
153. «Christians Science Monitor», 1974.
154. «Daily express», 1960, 1975.
155. «Daily mirror», 1979.
157. «Daily Telegraph», 1978.
158. «Financial Times», 1978.
159. «Gardian», 1974.
160. «Morning star», 1979.
161. «Observer», 1979.
162. «Sunday Times», 1960.
163. «Times», 1949, 1977, 1978.
164. «The Economist». Vol. 269, 1978.
165. «The North China Herald».

№ 1

НАНКИНСКИЙ ДОГОВОР

Ее Величество Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Его Величество Император Китая, желая положить конец недоразумениям и возникшим вследствие этого военным действиям, которые имели место между двумя странами, решили заключить с этой целью договор и назначили своих Уполномоченных представителей:

Ее Величество Королева Великобритании и Ирландии — сэра Генри Поттингера, баронета, генерал-майора на службе Ост-Индской компании и проч. и проч.;

И Его Императорское Величество Император Китая — Верховных комиссаров Ци Ина, члена Императорского двора, опекуна наследника престола и генерала кантонского гарнизона; И Либу из Императорской семьи, которому любезно дозволено носить отличительные знаки первого ранга и павлинье перо, бывшего министра и генерал-губернатора и проч., а ныне генерал-лейтенанта, главнокомандующего войсками в Чжану; которые, сообщив друг другу свои соответственные полномочия и обнаружив их в доброй и надлежащей форме, договорились и заключили следующие Статьи:

Статья I

Да будет впредь мир и дружба между Ее Величеством Королевой Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Его Величеством Императором Китая и между их соответствующими подданными, которые будут пользоваться полной безопасностью и покровительством их личности и собственности во владениях каждого из них.

Статья II

Его Величество Император Китая соглашается, что британским подданным с их семьями и предприятиями будет дозволено пребывать для осуществления их торговых целей без беспокойства и стеснения в городах Кантоне, Амое, Фучжоу, Нинбо и Шанхае;

и Ее Величество Королева Великобритании и проч. назначит суперинтендантов или консульских чинов, имеющих проживать в каждом из вышеупомянутых городов в качестве посредников между китайскими властями и названными торговцами, и дабы следить за тем, чтобы справедливые пошлины и иные налоги китайского правительства, как о них в дальнейшем установлено, были бы надлежащим образом вносимы подданными Ее Британского Величества.

Статья III

Ввиду явной необходимости и желательности, чтобы британские подданные располагали каким-либо портом, в коем они могли бы ставить для починки и чинить, если нужно, свои суда и содержать для сего арсеналы, Его Величество Император Китая уступает Ее Величеству Королеве Великобритании и проч. остров Гонконг в вечное Ее Британского Величества, Ее Наследников и Преемни-

ков, владение с тем, чтобы он управлялся теми законами и регламентами, какие Ее Величество Королева Великобритании и проч. сочтет нужным установить.

Статья IV

Император Китая соглашается уплатить сумму в 6 миллионов долларов, как соответствующую стоимости опиума, который был выдан в Кантоне в марте месяце 1839 г. в качестве выкупа за жизнь суперинтенданта и подданных Ее Величества, заключенных в тюрьму и подвергнутых угрозе смерти китайскими сановниками.

Статья V

Поскольку Китайское правительство принуждало британских коммерсантов, торговавших в Кантоне, вести дела исключительно с определенными китайскими торговцами, именными торговцами-хонг (или кохонг) *, которые получили для сего лицензии от китайских властей, Император Китая соглашается упразднить этот порядок на будущее время во всех портах, где могут проживать британские торговцы, и разрешить им вести торговые дела со всеми, с кем они пожелают, и Его Императорское Величество далее соглашается уплатить Британскому правительству сумму в 3 миллиона долларов в счет долгов британским подданным со стороны некоторых указанных торговцев-хонг (или кохонг), которые стали неплатежеспособными или которые должны большие денежные суммы подданным Ее Британского Величества.

Статья VI

Так как Правительство Ее Британского Величества было вынуждено послать экспедицию, дабы потребовать и добиться удовлетворения за насильственные и несправедливые действия китайских сановников в отношении чинов и подданных Ее Британского Величества, Император Китая соглашается уплатить сумму в 12 миллионов долларов в счет возмещения понесенных расходов, и Полномочный представитель Ее Британского Величества добровольно соглашается от имени Ее Величества, вычесть из вышеуказанной суммы в 12 миллионов долларов любые суммы, которые могли быть получены объединенными силами Ее Величества в качестве выкупа за города Китая, начиная с первого августа 1841 г.

Статья VII

Достигнута договоренность, что общая сумма в 21 миллион долларов, указанная в трех предыдущих Статьях, будет выплачиваться в следующем порядке:

6 миллионов немедленно;

6 миллионов в 1843 г., а именно: 3 миллиона не позднее 30 июня и 3 миллиона — не позднее 31 декабря;

3 миллионов в 1844 г., а именно: 2 с половиной миллиона не позднее 30 июня и 2 с половиной миллиона — не позднее 31 декабря;

4 миллиона в 1845 г., а именно: 2 миллиона не позднее 30 июня и 2 миллиона не позднее 31 декабря; далее оговорено, что проценты в размере 5% годовых будут выплачиваться Правительством Китая на любую часть из вышеуказанных сумм, которые не будут своевременно выплачены в назначенный срок.

Статья VIII

Император Китая соглашается безоговорочно освободить всех подданных Ее Британского Величества (уроженцев в Европе, в Индии), которые могут находиться в настоящий момент в заключении в любой части Китайской Империи.

Статья IX

Император Китая соглашается опубликовать и обнародовать за подписью и печатью Его Императорского Величества полную и всеобщую амнистию и

* Речь идет о системе гунхан (здесь и далее — примечания автора).

освободить от уголовной ответственности всех подданных Китая, находившихся в сношениях с должностными лицами Ее Величества, или поступивших на службу Ее Британского Величества, и Его Императорское Величество, обязуется далее освободить всех китайских подданных, которые в настоящий момент могут находиться в заключении на тех же основаниях.

Статья X

Его Величество Император Китая соглашается установить во всех портах, имеющих согласно Статье II сего договора быть открытыми для британских торговцев, справедливый и регулярный тариф на вывозные и ввозные пошлины и иные сборы, каковой тариф будет объявлен и официально опубликован во всеобщее сведение. И сверх того Император соглашается, что раз британские подданные уплатят в каком-либо из названных портов установленные пошлины и сборы, соответственно тарифу, имеющему впоследствии быть установленным, то подлежащие товары могут быть доставляемы китайскими торговцами в любую провинцию или город внутри Китайской Империи с уплатой дополнительной суммы в качестве транзитного сбора, который не должен превышать процентов тарифных сборов с таких товаров.

Статья XI

Достигнута договоренность, что высшее должностное лицо Ее Британского Величества в Китае будет переписываться с высшими китайскими чиновниками, как в столице, так и в провинциях под грифом «Сообщение», подчиненные британские должностные лица и китайские высшие чиновники в провинциях — под грифом «Заявление» со стороны первых, и «Декларация» со стороны последних, а подчиненные обеих стран на совершенно равной основе. Торговцы и другие, не занимающие официальных должностей и не включенные посему в вышеуказанное, будут пользоваться грифом «Представление» на всех бумагах, адресованных или предназначенных для внимания соответствующих Правительств.

Статья XII

По получении согласия от Императора Китая на настоящий Договор и по выплате первого денежного взноса, вооруженные силы Ее Британского Величества будут выведены из Нанкина и [района] Великого Канала и больше не будут затруднять или прерывать торговлю Китая. Военный пост в Чжэньхае также будет эвакуирован, но острова Гулансю и остров Чушан будут продолжать удерживаться войсками Ее Величества до тех пор, пока денежные платежи и мероприятия по открытию портов британским торговцам не будут закончены.

Статья XIII

Ратификации настоящего Договора Ее Величеством Королевой Великобритании и проч. и Его Величеством Императором Китая будут обменены так скоро, насколько позволит огромное расстояние, которое разделяет Англию и Китай, но тем временем будет осуществлен обмен его копий, за подписями и печатями Полномочных представителей от имени своих соответствующих Суверенов и его положения и договоренности войдут в силу.

Учинено в Нанкине и скреплено подписями и печатями Полномочных представителей на борту судна Ее Британского Величества «Корнуэллс», августа двадцать второго дня, 1842 г., что соответствует 24-му дню 7-го месяца 22-го года Даогуана.

М. П.

Генри Поттингер

Полномочный представитель Ее Величества

Китайские подписи (3)
Китайская печать

Мы, по рассмотрении вышеприведенного Договора, одобрили, приняли и подтвердили таковой в каждой из его Статей и Оговорок, что Мы настоящим Грамотами одобряем, принимаем, подтверждаем и ратифицируем за Нас, Наследников и Преемников наших — обязуясь и обещая Королевским Нашим сло-

вом, что Мы искренне и верно будем исполнять и соблюдать все, содержащееся и выраженное в означенном Договоре, и что Мы никогда не потерпим, чтобы таковой был нарушен кем бы то ни было или преступлен каким-либо образом, насколько это будет в Нашей власти.

В удостоверение чего Мы, сию Нашу ратификацию, Нашей Королевской рукою подписав, повелели утвердить Большой печатью Нашего Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии.

Дана при дворе Нашем в Виндзорском замке, декабря двадцать восьмого дня, в лето Господа Нашего одна тысяча восемьсот сорок второе, Царствования же Нашего шестое.

[подпись]

Виктория Р.

Оповещение о заключении Нанкинского договора

Виктория, милостью Божией Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Защитница веры и проч. и проч. и проч. Всем и каждому, кто получит сии грамоты, благо! Так как Договор между Нами и Нашим добрым братом, Императором Китая, был заключен и подписан на английском и китайском языках на борту Нашего судна «Корнуэллис» в Нанкине двадцать девятого дня августа в лето Господа Нашего одна тысяча восемьсот сорок второе Полномочными представителями Нашими и Нашего названного доброго брата, надлежащим и соответствующим образом уполномоченными для этой цели, таковой Договор прилагается к сему в оригинале.

Treaties, Conventions, Etc., between China and Foreign States. Vol. I, Schanghai, 1917, c. 351—354.

№ 2

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР, ПОДПИСАННЫЙ 8 ОКТЯБРЯ 1843 г. ИХ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВАМИ СЭРОМ ГЕНРИ ПОТТИНГЕРОМ И ЦИ ИНОМ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМИ СООТВЕТСТВЕННО СУВЕРЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И КИТАЯ

Правительства суверенных государств Великобритании и Китая, руководствуясь положениями Договора о бессрочном мире и дружбе между Ее Величеством Королевой Великобритании и Ирландии и Его Величеством Императором Китая, заключенного в Нанкине и подписанного на борту британского королевского судна «Корнуэллис» 29 августа 1842 г. (что по китайскому летосчислению соответствует 24-му дню 7-го месяца 22-го года царствования Даогуана, ратифицированного с приложением печатей и подписей Королевы Великобритании и Ирландии и Императора Китая в Гонконге 26 июня 1843 г. (по китайскому летосчислению в 29-й день 5-го месяца 23-го года правления Даогуана).

отмечая предусмотренные этим Договором (среди других пунктов) открытие пяти портов (Кантон, Фучжоу, Амой, Нинбо и Шанхай) в качестве портов захода и мест поселения для британских торговцев и

принимая во внимание возникшую в связи с этим необходимость учреждения в этих портах благоприятного курса и регулярных таможенных пошлин на экспорт и импорт, а также других видов пошлин,

подвергли детальному обсуждению и анализу новые обстоятельства и пришли к совместному соглашению, которое решено было зафиксировать в форме Дополнительного Договора из 17 статей, которые должны рассматриваться как обязательные и обладающие такой же силой, как если бы они входили в оригинальный Договор о бессрочном мире и дружбе.

Статья 1

Тариф экспортных и импортных пошлин, приложенный к данному Договору и скрепленный печатями и подписями соответствующих Уполномоченных Пред-

ставителей и Комиссаров, вступит в силу с настоящего момента времени для вышеназванных пяти портов (Кантон, Фучжоу, Амой, Нинбо и Шанхай).

Статья 2

С рассматриваемого момента времени в пяти вышеназванных портах вводятся в силу Общие правила торговли, скрепленные печатями и подписями соответствующих Уполномоченных представителей и Комиссаров и прикладываемые к данному Договору.

Статья 3

Все принудительные штрафы и конфискации, наложенные в соответствии с пунктом 3 названных Общих правил торговли, поступают в пользу общественных служб Правительства Китая.

Статья 4

После того как пять портовых городов (Кантон, Фучжоу, Амой, Нинбо и Шанхай) станут открытыми портами, английским торговцам будет позволено торговать только в этих пяти портах. При этом ни английским торговцам не будет дано право посещать другие порты, ни китайским гражданам не будет разрешаться вести с ними торговлю в других портах или местах. Если английские торговые суда вразрез этому соглашению и в обход Прокламации, выпущенной с этой же целью британским уполномоченным, будут все же заходить в какие-либо другие порты или места, то китайские правительственные чиновники будут иметь право захватить и конфисковать как суда, так и грузы, а если будет обнаружено, что китайцы ведут нелегальную торговлю с английскими торговцами в каких-либо других портах или местах, они будут наказаны Китайским Правительством в той степени, какую допускает Закон.

Статья 5

По пункту 4 Общих правил торговли, затрагивающему вопрос коммерческих операций и долгов между английскими и китайскими торговцами, должно быть достигнуто четкое понимание, с тем чтобы этот пункт мог быть применен к обеим Сторонам.

Статья 6

Достигнута договоренность, что английские и другие [иностранцы] торговцы, проживающие или часто посещающие названные пять портов, ни под каким предлогом не должны заходить с целью перевозки в ближайшие к этим портам районы страны, расположенные за пределами зон, названных местными властями при их взаимодействии с британским консулом. Моряки и лица, относящиеся к судовой команде, получают право только высаживаться по разрешению местных властей и в соответствии с утвержденными для этого консулом правилами с целью установления связей с местными чиновниками; в случае если какое-либо лицо в чем-либо нарушит условия этой Статьи и пройдет внутрь страны, оно будет арестовано и доставлено британскому консулу для соответствующего наказания.

Статья 7

Договор о бессрочном мире и дружбе предусматривает для британских подданных и их семей право проживать в городах Кантон, Фучжоу, Амой, Нинбо и Шанхай без каких-либо ограничений и посягательств на их свободу действий. В соответствии с этим устанавливается, что местными чиновниками, действующими

щими совместно с консулом, будет проведено разделение между понятиями «земля» и «строение»; как для первого, так и для второго должна быть установлена справедливая арендная плата или цена, в соответствии с общепринятой их величиной, без каких-либо вымогательств с какой-либо стороны; и что консул будет ежегодно сообщать местным властям данные о числе построенных или арендованных домов, с тем чтобы эти власти могли информировать по этому вопросу соответствующих наместников и правителей, однако при этом число этих строений никоим образом не ограничивается и предполагается, что оно может быть больше или меньше в зависимости от притока торговцев.

Статья 8

Император Китая любезно предоставляет всем иностранным государствам, чьи подданные или граждане до настоящего времени вели торговлю в Кантоне, право проживания с целью ведения торговли еще и в других четырех городах-портах: Фучжоу, Амой, Нинбо и Шанхай, причем на тех же условиях, которые предложены англичанам; далее устанавливается, что если в будущем Император по какой-либо причине соизволит предоставить дополнительные привилегии и освобождения от налогов кому-либо из подданных или граждан таких иностранных государств, то эти же привилегии и освобождения должны быть распространены и на британских подданных; однако при этом понимается, что такого рода запросы или требования не будут предъявляться без особой необходимости.

Статья 9

Если коренные жители Китая, совершившие преступления или правонарушения по отношению к своему собственному Правительству, попытаются бежать в Гонконг или укрыться на английских военных или торговых судах, то эти лица, в случае их обнаружения английскими чиновниками, должны быть немедленно переданы китайским чиновникам для расследования и наказания; или же в случае если до обнаружения таких лиц английскими чиновниками у чиновников Правительства Китая возникнет подозрение или ими будет установлено, куда бежали подобные преступники или правонарушители, должна быть установлена связь с соответствующим английским чиновником, с тем чтобы эти преступники или правонарушители были непременно найдены, задержаны и, при наличии доказательств или обоснованных предположений их вины, отданы в руки властей. Аналогичным образом, если какой-либо солдат, матрос или какое-либо другое лицо, безразлично какой кастовой принадлежности или страны, но являющееся подданным Английской Короны, по какой-либо причине дезертировало или бежало на китайскую территорию, то такой солдат, матрос или другое лицо должно быть задержано и арестовано китайскими властями, а затем отправлено в ближайшее английское консульство или к другому правительственному чиновнику. Ни в одном из случаев не допускается какое-либо укрывательство или предоставление убежища.

Статья 10

В каждом из пяти портов, которые будут открыты для британских купцов, будет стоять один английский крейсер для установления порядка и дисциплины среди команд торгового судоходства и сохранения необходимой власти консула над британскими подданными. Команда такого военного судна будет находиться под строгим контролем капитана, осуществляющего командование судном, и должна будет подчиняться всем правилам высадки на берег и передвижения по стране, которые уже утверждены для команд торговых судов. Когда появится необходимость заменить какое-либо военное судно новым, то консул или, когда позволят обстоятельства, британский торговый управляющий должны уведомить местные китайские власти об этом намерении, с тем чтобы появление нового военного судна не вызвало волнений среди населения, после чего китайские крейсеры не будут создавать каких-либо затруднений для такого судна, и к нему не будут предъявляться требования относительно уплаты каких-либо портовых расходов или выполнения каких-либо других правил, предусмотренных Об-

щими правилами торговли, ввиду того что британские военные суда ни в каком виде не ведут торговых операций.

Статья 11

Торговые поселения в Гушане и Гулансюе будут эвакуированы в соответствии с тем, как это предусмотрено в Договоре о бессрочном мире и дружбе, как только будут выплачены все денежные суммы, обозначенные в Договоре. Британский уполномоченный определенно и добровольно соглашается с тем, что жилые дома, складские помещения, казармы и другие строения, занятые британскими частями или другими лицами, построенные или отремонтированные для вспомогательных целей, будут переданы китайским властям при эвакуации торговых поселений точно в том виде, в каком они стояли до этого, без попыток создать какие-либо задержки и без обсуждений и споров по этим вопросам.

Статья 12

После того как установлен справедливый и регулярный Тариф таможенных пошлин и других сборов, выражается надежда, что система контрабандного ввоза товаров, которая до этого времени велась между английскими и китайскими торговцами — во многих случаях при попустительстве китайских таможенных чиновников и сговоре с ними — полностью прекратит свое существование, в связи с чем британским уполномоченным уже выпущена по этому вопросу категорическая Прокламация ко всем английским торговцам, а также даны инструкции различным консулам строго наблюдать за поведением всех лиц британского подданства, ведущих торговлю в зоне, находящейся в их ведении. О каждом случае контрабандной сделки, о котором становится известно консулу, он обязан незамедлительно информировать китайские власти, которые должны забрать и конфисковать все товары, независимо от их характера и стоимости, могущие быть предметом контрабанды, и, если найдут это нужным, запретить судно, с которого контрабандные товары были доставлены на берег, вести в дальнейшем торговлю и выпроводить это судно, как только его счета будут улажены и оплачены. Одновременно китайские правительственные чиновники должны решить, какие им следует принять меры в отношении китайских торговцев и таможенных чиновников, которые окажутся замешанными в контрабандных сделках.

Статья 13

Все лица, независимо от того, являются ли они коренными жителями Китая или иностранцами, которые пожелают перевезти товары из одного из пяти вышеназванных портов в Гонконг для продажи или потребления, будут иметь полное право поступить так после уплаты пошлин на эти товары и получения от китайской таможенной администрации документов, удостоверяющих уплату пошлин, и разрешение на проход в один из названных портов. Если коренные жители Китая пожелают посетить Гонконг для покупки товаров, они будут иметь на это полное право и, в случае, если им понадобится китайское судно для отвоза их покупок, они должны получить в таможенном порту документы, удостоверяющие уплату пошлин, и разрешение на выход из порта, откуда судно сможет отправиться в Гонконг. Далее устанавливается, что во всех этих случаях все пропускные документы сразу же после завершения поездки, для которой они были выданы, должны быть возвращены чиновникам Китайского правительства.

Статья 14

В Гонконге будет назначен английский чиновник, одной из обязанностей которого будет следить за регистрацией и пропуском всех китайских судов, которые могут заходить в порт для покупки или продажи товаров, и если такой чиновник когда-либо обнаружит, что какое-либо китайское торговое судно не имеет пропуска или регистрационного документа одного из пяти портов, то оно должно рассматриваться как контрабандное судно и не должно допускаться к тор-

говле, пока об этом случае не будет доложено китайским властям. Предполагается, что эти меры послужат действенным оружием против пиратства и нелегальных перевозок.

Статья 15

Если коренные жители Китая, заезжающие в Гонконг для торговли, залегают там в долги, взыскание этих долгов может быть осуществлено на месте английским судом, однако если китайский должник будет скрываться от суда и при этом станет известно, что он имеет недвижимое или движимое имущество в пределах китайской территории, то в этом случае действует закон, изложенный в пункте 4 Общих правил торговли, и китайские власти обязаны, по заявлению британских консулов или действуя совместно с ними, сделать все возможное для торжества правосудия. По тому же самому принципу, если британский торговец попадает в долги в одном из пяти портов и бежит при этом в Гонконг, то британские власти обязаны, по получении заявления от китайских правительственных чиновников, сопровождаемого исковыми заявлениями и полными доказательствами долгов, начать судебный процесс и при доказательстве вины подсудимого обязать должника или банкрота сделать все, что в его силах, для улаживания дела.

Статья 16

Установлено, что таможенные чиновники вышеперечисленных пяти портов будут ежемесячно возвращать в Кантон паспорта, выданные судам для прохождения в Гонконг, вместе с описанием их грузов, и копия этого документа будет воплощена в виде одного документа, который раз в месяц будет передаваться соответствующему английскому чиновнику в Гонконге. Этот английский чиновник, со своей стороны, будет подготавливать аналогичный документ для передачи его китайским властям в Кантоне с обозначением названий китайских судов, прибывших в Гонконг или отбывших из этого порта, а также с характеристикой грузов этих судов, и кантонские власти будут соответствующим образом информировать таможенников в пяти портах, для того чтобы эти меры предосторожности позволили избежать тайной и нелегальной торговли под прикрытием пропусков.

Статья 17,

дополнительная, относящаяся
к небольшим британским судам

Различные малые суда, принадлежащие англичанам и называемые шхуны, катеры, лорчи* и т. д., до сих пор не облагались тоннажными сборами. Теперь же в отношении этого класса судов, курсирующих между Гонконгом и Кантоном и между Кантоном и Макао, пришли к договоренности, что, если эти суда заняты только перевозкой пассажирской почты и багажа, они по-прежнему не должны платить тоннажные сборы; однако если эти малые суда перевозят какие-либо подлежащие обложению товары, независимо от их объема, то они должны в принципе оплачивать тоннажные сборы в полном размере. Однако этот класс малых судов отличается от больших кораблей, занятых во внешней торговле; эти суда приходят и уходят постоянно, они совершают по несколько рейсов за месяц и не похожи в этом отношении на иностранные суда, которые, войдя в порт, бросают якорь в Вампу. И если бы мы поставили их в то же самое положение, что и крупные иностранные суда, то обложение оказалось бы неравным; поэтому самое меньшее судно будет рассматриваться как 75-тонное, а самое большее — не превышающим 150 т, и всякий раз, когда такое судно входит в порт (или покидает его с грузом), оно должно платить тоннажные пошлины в размере одного китайского доллара за регистровую тонну. При этом если объем груза этого судна не достигает 75 т, оно все равно должно рассматриваться и оцениваться как 75-тонное. Если же объем груза превышает 150 т,

* Лорча — легкое трехпарусное судно с европейским корпусом и китайской оснасткой.

то судно должно рассматриваться как крупное иностранное судно и, наподобие тому, как это имеет место для таких судов, с него должна браться тоннажная пошлина в размере 5 китайских долларов за регистровую тонну. Поскольку Фу-чжоу и другие порты не имеют дел с подобными малыми судами, то применительно к ним нет необходимости устанавливать какую-либо договоренность по этому вопросу.

Ниже приводятся правила регулирования, которыми должны руководствоваться малые суда.

1. Каждая британская шхуна, катер, лорча и т. п. должны иметь рейсовый документ или журнал на китайском и английском языках, скрепленный печатью и подписью главы торгового управления, содержащий описание внешнего вида судна, его регистрового тоннажа и пр.

2. Каждая шхуна, лорча и другое подобное судно должны заявить о своем прибытии портовой администрации аналогично тому, как это требуется от больших судов, и в случае, если это судно везет груз, об этом следует заявить в Вампу и по прибытии в Кантон доставить свой рейсовый документ или журнал британскому консулу, который получит для этого судна разрешение от портовой администрации на его разгрузку, которую оно не вправе осуществить без такого разрешения под угрозой штрафа, установленного пунктом III Общих правил торговли.

3. Когда импортный груз разгружен, а на борт судна принят экспортный груз (если таковой имеется) и когда за оба вида груза установлен размер и улачена пошлина, консул возвращает рейсовый документ или журнал и дает разрешение на отплытие судна.

Этот Дополнительный договор, присоединяющийся к оригиналу Договора о мире, содержит 16 статей и одну Дополнительную статью, касающуюся малых судов, составлен теперь полностью и, вместе с сопроводительными документами, образует четыре памфлета, официально подписан и скреплен печатью их Величеств британским уполномоченным и китайским имперским комиссаром, каждый из которых передал другому по две копии, с тем чтобы их условия могли немедленно вступить в силу. В то же самое время каждый из этих верховных уполномоченных, получивший свои две копии, должен своевременно уведомить об этом Главу своего государства; однако, в силу различного географического расположения двух стран воля одного из них может стать известной раньше, чем другого. Поэтому достигнута договоренность, что при получении согласия Императора, засвидетельствованного ярко-красным карандашом, имперский комиссар доставит документ, содержащий это согласие, в руки его превосходительства Хуан Сяо, судьи Кантона, который последует в место, назначенное полномочным представителем, и передаст его английскому полномочному представителю для хранения. После того как в Гонконге будет получена личная подпись Главы Английского государства, подтверждающего свое согласие ратифицировать Договор, английский полномочный представитель направит специально назначенного чиновника в Кантон, который доставит копию, содержащую личную королевскую подпись, его превосходительству Хуан Сяо, который препроводит ее имперскому комиссару в качестве правила, которым должны постоянно руководствоваться оба Государства, и как официальное подтверждение мира и дружбы между двумя Государствами.

Дополнительный Договор первостепенной важности.

Подписан и скреплен печатью 8 октября 1843 г., что по китайскому летоисчислению соответствует 15-му дню 8-го месяца 23-го года правления Даогуана.

(Подпись)

М. П.

Генри Поттингер

Полномочный Представитель
Ее Величества Королевы Англии

(Подпись)

М. П.

Имперский Комиссар

Ци Ин

Treaties, Conventions, Etc., between China and Foreign States. Vol. 1. Shanghai, 1917, c. 390—399.

ТЯНЬЦЗИНЬСКИЙ ДОГОВОР (1858 г.)

Ее Величество Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Его Величество Император Китая, желая положить конец существующему недопониманию между двумя странами и поставить их отношения на более удовлетворительную основу в будущем, решили пересмотреть и улучшить договоры, существующие между ними и с этой целью назначили своих полномочных представителей, а именно:

Ее Величество Королева Великобритании и Ирландии — достопочтенного графа Эльгина и Кинкардина, пэра Соединенного Королевства и кавалера древнейшего и знатнейшего ордена Чертополоха; и Его Величество Император Китая — Верховных комиссаров Гуй Ляна, главного статс-секретаря Восточного Кабинета, Генерал-капитана Белого Знамени войск Маньчжурского Знамени, генерального суперинтенданта управления уголовного права, и Хуа Шаня, одного из толкователей классики Его Императорскому Величеству, президента Маньчжурского отдела управления гражданских заведений, генерала Голубого окаямленного Знамени войск Китайского Знамени, и Инспектора отдела переводов;

которые, сообщив друг другу свои соответствующие полномочия и найдя их в доброй и надлежащей форме, согласовали и заключили следующие статьи:

Статья I

Договор о Мире и Дружбе между двумя странами, подписанный в Нанкине 29 августа 1842 г., сим продлевается и подтверждается.

В связи с тем, что в Дополнительный договор и Общие правила торговли были внесены поправки и изменения, а суть их положений была включена в новый договор, вышеупомянутый Дополнительный договор и Общие правила торговли сим отменяются.

Статья II

В соответствии с общепринятой практикой отношений между великими и дружественными народами и во имя поддержания добрых отношений в будущем, Ее Величество Королева Великобритании и Его Величество Император Китая пришли к обоюдному согласию о том, что Ее Величество Королева может, если она сочтет это целесообразным, назначать послов, посланников и других дипломатических представителей при дворе в Пекине; равно как и Его Величество Император Китая может, если он сочтет это целесообразным, назначать послов, посланников и других дипломатических представителей при дворе Св. Джеймса.

Статья III

Его Величество Император Китая сим дает согласие на то, что посол, посланник или другие дипломатические представители, назначенные Ее Величеством Королевой Великобритании, могут, по усмотрению британского правительства, или постоянно проживать в столице вместе с семьей и всем штатом посольства, или приезжать туда время от времени. Он не обязан выполнять никакие церемонии, унижающие его достоинство, как представителя главы независимого государства, что в равной мере относится и к китайской стороне. С другой стороны, он обязан выполнять все церемонии и оказывать уважение Его Величеству Императору, надлежащие послам, посланникам и другим дипломатическим представителям Ее Величества по отношению к монархам независимых и равноправных европейских государств.

Далее условлено, что правительство Ее Величества может приобретать участки в Пекине для строительства, или снимать в аренду здания для размещения миссий Ее Величества, в чем Китайское правительство будет оказывать поддержку.

Представитель Ее Величества будет свободен выбирать себе слуг и другой

обслуживающий персонал, которые не должны подвергаться каким бы то ни было преследованиям.

Любой человек, признанный виновным в неуважении или оскорблении словом или действием представителя Ее Величества или члена его семьи или аппарата, должен быть сурово наказан.

Статья IV

Далее условлено, что свободному передвижению представителя Ее Величества не будет чиниться никаких препятствий и преград, и что он и лица из его свиты могут приезжать и уезжать, а также путешествовать, как им заблагорассудится. Более того, ему должна быть предоставлена полная свобода отправлять и получать корреспонденцию в любой и из любого пункта на морском побережье, который он выберет; его письма и личные вещи должны считаться священными и неприкосновенными. Для их передачи он может использовать специальных курьеров, которым должна оказываться такая же защита и помощь, как и лицам, доставляющим послания императорского правительства; в общем, ему должны предоставляться все привилегии, оказываемые чиновникам этого ранга в соответствии с практикой и соглашениями между Западными государствами.

Все затраты, сопряженные с деятельностью дипломатической миссии Великобритании, будет нести британское правительство.

Статья V

Его Величество Император Китая соглашается назначить одного из Государственных секретарей или одного из председателей Внутренней палаты, офицера высшего ранга с тем, чтобы посол, посланник или другие дипломатические представители вели с ним дела, лично или в письменной форме, на основе полного равенства.

Статья VI

Ее Величество Королева Великобритании соглашается, что привилегии, закрепляемые сим документом, будут предоставлены в Ее владениях всем послам, посланникам или дипломатическим представителям Императора Китая, аккредитованным при дворе Ее Величества.

Статья VII

Ее Величество Королева может назначать одного или нескольких консулов во владениях Императора Китая, причем консулу или консулам должна быть предоставлена свобода выбирать для жительства любой открытый порт или город Китая, который Ее Величество Королева сочтет наиболее подходящим для интересов британской торговли. Китайские власти должны оказывать им подобающее уважение; им должны быть предоставлены привилегии и льготы, оказываемые чиновникам консульства наиболее благоприятствуемого государства.

Консулы и вице-консулы, исполняющие обязанности консула, приравниваются к управляющим округов, а вице-консулы, исполняющие обязанности вице-консула и переводчика, — к префектам. Им должен быть обеспечен свободный вход в официальные резиденции этих чиновников, с которыми они должны будут общаться лично или в письменном виде на равноправной основе, по мере необходимости, вызываемой интересами государственной службы.

Статья VIII

Христианская религия, исповедуемая протестантами и католиками, проповедует путь добродетели и учит человека поступать с другими так, как бы он хотел, чтобы поступали с ним. Посему лицам, проповедующим или исповедующим ее, должна быть предоставлена защита со стороны китайских властей, равно как никто из них, мирно следующих своему призванию и не нарушающих законов, не должен подвергаться преследованиям или вмешательствам.

Статья IX

Британским подданным сим предоставляется право совершать поездки ради собственного удовольствия или с торговыми целями в любой внутренний район [Китая] при наличии паспорта, выданного их консулом и заверенного местными властями. Эти паспорта должны быть предъявлены для проверки по требованию властей в населенных пунктах, через которые пролегает маршрут. Если паспорт будет в порядке, его владельцу будет позволено передвигаться дальше, причем ему не должны чиниться никакие препятствия в случае, если он захочет нанять лиц или суда для перевозки багажа или товаров.

Если у него не окажется паспорта или он совершит какое-либо преступление против закона, он должен быть передан в ближайшее консульство для наказания, однако он не должен подвергаться никакому дурному обращению сверх необходимых мер по его задержанию. Лица, выезжающие на экскурсию из портов, открытых для торговли, на расстояние, не превышающее сто ли *, на срок, не превышающий пять дней, не обязаны подавать прошение о выдаче им паспорта.

Положения данной статьи не относятся к экипажам кораблей, для ограничения свободы передвижения которых консулом и местными властями будут составлены правила.

В Нанкин и другие города, в которых происходят вооруженные антиправительственные беспорядки, пропуска выдаваться не будут, пока они не будут вновь захвачены [правительственными войсками].

Статья X

Английским торговым судам предоставляется право производить торговлю по Великой Реке (Янцзы). Однако, поскольку в верхнем и нижнем течении реки происходят беспорядки, вызванные действиями бунтовщиков, в настоящее время все порты будут закрыты для торговли, за исключением Чжэньцзяна, который будет открыт через год после дня подписания настоящего договора.

Как только мир будет восстановлен, английским судам будет позволено торговать в таких удаленных портах до Ханчжоу, числом не свыше трех, которые британский посланник определит после консультации с китайским статс-секретарем в качестве портов для захода и разгрузки.

Статья XI

В дополнение к городам Кантон, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай, открытым согласно Нанкинскому договору, было договорено, что британские подданные смогут посещать города и порты Нючжуан, Дэнчжоу, Тайнань (Формоза), Сватоу и Цзюньчжоу (Хайнань).

Им разрешается торговать с кем им заблагорассудится и приезжать и уезжать на своих судах с товарами по своему усмотрению.

Им должны быть предоставлены те же привилегии, права и льготы в выше-названных городах и портах, что и в портах, уже открытых для торговли, включая право на постоянное жительство, на покупку или аренду зданий, на аренду земли, а также на строительство церквей, больниц и кладбищ.

Статья XII

Британские подданные в портах, как и в других местах, желающие построить или открыть дома, товарные склады, церкви, госпитали или места погребения, будут заключать соглашения относительно нужных участков земли или строений по ценам, существующим на месте, по справедливости и без понуждения с той и другой стороны.

Статья XIII

Китайское правительство не установит никаких ограничений относительно служебного использования для какой-либо законной цели китайских подданных британскими подданными.

* Ли = 576 м.

Статья XIV

Британские подданные могут нанимать какие им угодно суда для перевозки ценностей или пассажиров, и цена за такие суда должна устанавливаться непосредственно самими сторонами без вмешательства китайского правительства. Количество таких судов не должно ограничиваться, и не должно устанавливаться монополии в пользу какой-либо из сторон в отношении судов, носильщиков или кули, занятых переноской ценностей. Если на них будет иметь место какая-либо контрабанда, виновные безусловно подлежат наказанию согласно закону.

Статья XV

Все вопросы, касающиеся личных или имущественных прав и возникающие между британскими подданными, будут решаться в сфере юрисдикции британских властей.

Статья XVI

Китайские подданные, которые окажутся виновными в каком-либо уголовном деянии в отношении британских подданных, должны быть арестованы и наказаны китайскими властями в соответствии с законами Китая.

Британские подданные, которые совершат какое-либо преступление в Китае, будут судимы и наказаны консулом или иным государственным должностным лицом, на то уполномоченным, в соответствии с законами Великобритании.

Правосудие должно осуществляться обеими сторонами беспристрастно и справедливо.

Статья XVII

Британский подданный, имеющий основание жаловаться на китайского подданного, должен явиться в консульство и сформулировать свою жалобу. Консул разберет основательность дела и сделает все возможное, чтобы окончить его полюбовно. Равным образом, если китаец имеет основание жаловаться на британского подданного, консул должен с не меньшим вниманием рассмотреть его жалобу и стараться разрешить дело полюбовно. Если и возникнут споры такого рода, которые консул не сможет покончить полюбовно, тогда он должен затребовать содействия китайских властей, дабы совместно с ними обследовать дело и разрешить его по справедливости.

Статья XVIII

Китайские власти должны во всякое время обеспечить полнейшую защиту личности и имущества британских подданных, в случае если они подвергнутся оскорблению или насилию. Во всех случаях поджога или разбоя местные власти должны тотчас принять необходимые меры для розыска краденого имущества, подавления беспорядков и ареста виновных, которых они накажут согласно законам.

Статья XIX

Если какое-либо британское судно, находясь в китайских водах, будет ограблено разбойниками или пиратами, китайские власти обязаны будут приложить все усилия для поимки и наказания указанных разбойников или пиратов, и возместить украденное имущество, которое следует передать консулу для возврата владельцу.

Статья XX

Если какое-либо британское судно потерпит крушение или аварию у берегов Китая или будет вынуждено искать укрытия в любом порту во владениях Императора Китая, то китайские власти, по получении сведений о таком факте,

немедленно примут меры для его спасения и обеспечения безопасности; к находящимся на борту будет проявлено дружеское отношение, и они будут, в случае необходимости обеспечены средствами передвижения до ближайшего консульского управления.

Статья XXI

Если преступники, подданные Китая, будут искать убежища в Гонконге или на борту британских судов, находящихся там, их по соответствующему запросу китайских властей разыщут и при наличии доказательств их вины, сдадут последним.

Равным образом, если китайские правонарушители будут искать убежища в домах или на борту судов британских подданных в открытых портах, их не должно принимать и укрывать, но нужно выдавать при соответствующем запросе китайских властей, адресованном британскому консулу.

Статья XXII

Если какой-либо китайский подданный не сможет рассчитаться с долгами перед британским подданным или он обманым путем скроется, китайские власти сделают все возможное для его ареста и обеспечения возмещения долгов. Равным образом британские власти будут делать все возможное, чтобы отдать в руки правосудия любого британского подданного, скрывающегося обманым путем или не могущего уплатить свои долги перед китайским подданным.

Статья XXIII

Если подданные Китая, которые могут находиться в Гонконге для торговли, окажутся там в долгах, возмещение таковых долгов должно быть обеспечено английскими судами на месте; но если китайский должник скроется и обнаружится, что у него имеется имущество, недвижимое или личное, на китайской территории, то обязанностью китайских властей будет, по заявлению от британского консула и совместно с ним, сделать все возможное для достижения справедливости между сторонами.

Статья XXIV

Условлено, что британские подданные должны уплачивать за все ввозимые или вывозимые ими товары установленные тарифом пошлины, но им ни в коем случае не должно быть предъявлено требование уплачивать иные или более высокие пошлины против тех, которые взыскиваются с подданных какой-либо иностранной державы.

Статья XXV

Ввозные пошлины будут уплачиваться при выгрузке товаров, а вывозные пошлины — при отгрузке таковых.

Статья XXVI

Так как при рассмотрении тарифа, установленного Статьей X Нанкинского договора и рассчитанного таким образом, чтобы установить на ввозимые и вывозимые товары пошлину приблизительно в размере 5% ад валорем, оказалось, что вследствие падения ценности разных товаров, в нем перечисленных, им налагаются на них пошлины, значительно превышающие размер, принятый, как указано выше, в качестве справедливого, то установлено соглашением, что означенный тариф будет пересмотрен и что тотчас по подписании договора Императору Китая будет сделано представление о посылке сановника ведомства доходов для встречи в Шанхае с чинами, имеющими быть назначенными Британским правительством с целью совместного его (тарифа) пересмотра с тем, чтобы пересмотренный тариф мог бы вступить в силу тотчас по ратификации настоящего договора.

Статья XXVII

Условлено, что каждая из Высоких Договаривающихся Сторон сего договора может потребовать дальнейшего пересмотра тарифа и торговых статей сего договора по истечении десяти лет; но если ни с той, ни с другой стороны не будет сделано подобного заявления в течение шести месяцев после истечения первых десяти лет, договор останется в силе еще на десять лет, считая со дня его истечения за предшествующие десять лет; и так должно быть к концу каждого последующего десятилетнего периода.

Статья XXVIII

Так как Статьей X Нанкинского договора было условлено, что британские экспортные товары, по коим уплачены установленные тарифом пошлины, должны отправляться во внутренние области свободными от всякого дальнейшего обложения, за исключением транзитной пошлины, размер которой не должен превышать известного процента платы по тарифу; и так как не было представлено точных данных о размерах этой пошлины, и британские торговцы постоянно жаловались, что местными властями внезапно и произвольно налагаются во вред торговле поборы в качестве транзитных пошлин на товары, отправляемые на иностранные рынки и на ввозимые товары, отправляемые внутрь страны; то соглашением установлено, что в течение четырех месяцев по подписании сего договора во всех портах, ныне открытых для британской торговли, и в течение подобного же срока во всех портах, которые впоследствии могут быть открыты, власти, коим поручен надзор за взиманием пошлин, должны будут по настоянию консула декларировать размер пошлин, подлежащих взиманию с импортных товаров при их транспортировке от места производства до порта погрузки, а для ввозимых товаров — от соответствующего консульского порта до указанных консулом внутренних рынков; и что сообщение о сем должно быть опубликовано ко всеобщему сведению на английском и китайском языках.

Однако всякому британскому подданному, желающему препроводить товар, купленный внутри страны, до порта или ввозимые товары — от порта до внутреннего рынка, должно быть предоставлено право (опцион) очистить свои товары от всяких транзитных пошлин уплатой единого сбора. Сумма этого сбора должна быть взимаема для вывозимых товаров у первой [таможенной] заставы, через которую им надлежит пройти, а для ввозимых товаров — в порту их выгрузки; и по уплате его должно быть выдано удостоверение, которое освободит товары от каких бы то ни было иных внутренних сборов.

Сверх того, установлено соглашением, что размер этого сбора должен быть рассчитан со всей возможной точностью применительно к 2,5% ад валорем и что он должен быть установлен для каждого предмета на конференции, имеющей состояться в Шанхае для пересмотра тарифа.

Отчетливо понимается, что уплата транзитных пошлин, путем ли коммутации или иным порядком, ни в какой степени не касается устанавливаемых тарифом пошлин на ввозимые или вывозимые товары, которые и впредь будут взиматься отдельно и полностью.

Статья XXIX

С британских торговых судов измещением более чем сто пятьдесят тонн будут взиматься тоннажные сборы по ставке в четыре таэля за тонну; при измещении в сто пятьдесят тонн и менее ставка будет составлять один таль за тонну.

Любое судно, отбывающее из какого-либо открытого порта Китая в какой-либо другой открытый порт или в Гонконг, будет иметь право, по заявлению капитана, на получение специального свидетельства от таможи, по предъявлении которого оно будет освобождено от дальнейшей уплаты тоннажных сборов в любом открытом порту Китая в течение четырех месяцев, считая с даты его выхода из порта.

Статья XXX

Капитан любого британского торгового судна может в течение сорока восьми часов после прибытия его судна, но не позднее, принять решение об отплытии, не выгружая товара. В этом случае он не будет должен выплачивать тоннажный сбор. Но тоннажный сбор будет взиматься по истечении указанных сорока восьми часов. Никаких других сборов или оплат не будет взиматься по прибытии или отбытии.

Статья XXXI

Тоннажные сборы не будут взиматься с судов, нанятых британскими поданными для перевозки пассажиров, багажа, писем, провизии или других предметов, не подлежащих обложению пошлиной, между любыми из открытых портов. Однако все грузовые суда, перевозящие товары, облагаемые пошлиной, будут платить тоннажный сбор в размере четыре таэля за регистрируемую тонну один раз в шесть месяцев.

Статья XXXII

Консулы и заведующие таможей будут совместно советоваться относительно установки бакенов или маяков и распределения буйев и плавучих маяков, как это потребуется.

Статья XXXIII

Пошлины будут уплачиваться банкирам, уполномоченным китайским правительством получать таковые от его имени, или в слитках серебра, или в иностранной валюте по курсу, установленному в Кантоне на 13 июля 1843 г.

Статья XXXIV

Для обеспечения единообразия и во избежание недоразумений заведующие таможей доставят консулу в каждом порту образцы стандартных весов и мер, подготовленных согласно стандартам, установленным для кантонской таможи управлением доходов.

Статья XXXV

Любое британское торговое судно, прибывающее в один из открытых портов, будет свободно пользоваться услугами лоцмана для его препровождения в порт. Равным образом, после уплаты судном всех законных сборов и пошлин, когда оно готово к отплытию, ему будет позволено выбрать лоцмана для его препровождения из порта.

Статья XXXVI

Каждый раз, когда британское торговое судно прибудет в один из открытых портов, заведующий таможей должен выслать одного или несколько таможенных чиновников для охраны судна. Они должны либо жить на собственном судне, либо находиться на борту подлежащего охране судна, смотря по тому, что им будет более подходить. Их продовольствие и расходы должны быть покрываемы таможей, и они не будут иметь права на какую-либо плату от владельца товаров. Если они нарушат это правило, они должны подвергаться наказанию, соразмерному размерам их вымогательства.

Статья XXXVII

В течение двадцати четырех часов по прибытии корабельные бумаги, коносаменты и т. д. должны быть вручены консулу, который сообщит в течение последующих двадцати четырех часов заведующему таможей название судна, его регистровый тоннаж и характер его груза. Если по небрежности шкипера назван-

ное правило не будет соблюдено в течение сорока восьми часов по прибытии судна, оно будет подлежать штрафу в пятьдесят тазлей за каждый просроченный день; общий размер штрафа, однако, не должен превышать двухсот тазлей.

Шкипер будет ответствен за точность своего сообщения, которое должно содержать полный и верный перечень отдельных статей груза, находящегося на борту. За представление ложных сведений он будет подвергаться штрафу в пятьсот тазлей, но ему будет предоставлена возможность исправить в течение двадцати четырех часов по представлении его сообщения таможенным чинам всякую ошибку, которую он обнаружит в нем, не подвергаясь штрафу.

Статья XXXVIII

По получении от консула надлежащего сообщения, заведующий таможенной выдаст судну разрешение на открытие люков. Если шкипер откроет люки и станет выгружать товары без такого разрешения, он подвергнется штрафу в пятьсот тазлей, а выгруженные товары будут полностью конфискованы.

Статья XXXIX

Всякий британский торговец, имеющий груз на суше или на судне, должен обратиться к заведующему таможенной за специальным разрешением. Груз, выгруженный на берег или погруженный на судно без такого разрешения, будет подлежать конфискации.

Статья XL

Никакая перегрузка с одного судна на другое не может быть произведена без специального разрешения под страхом конфискации перегруженных таким образом товаров.

Статья XLI

По оплате всех пошлин и сборов заведующий таможенной должен выдать таможенное свидетельство, после чего консул возвращает корабельные бумаги, так что судно может продолжать свой путь.

Статья XLII

Если в отношении предметов, подлежащих согласно тарифу обложению пошлиной ад валорем, британский торговец не сможет сойтись с китайским чиновником в определении их стоимости, тогда каждая из сторон должна вызвать двух или трех торговцев для осмотра товаров, и высшая цена, за которую кто-либо из этих торговцев будет согласен их купить, должна быть принята за стоимость этих товаров.

Статья XLIII

Пошлины должны налагаться на чистый вес каждого предмета со скидкой на тару, увлажнение и т. д. Для определения тары на такие предметы, как чай, если британский торговец не сможет прийти к соглашению с таможенным чиновником, каждая из сторон выберет известное количество из каждой сотни ящиков, которые сначала будут взвешены брутто, после чего будет определяться вес их тары, и средний размер которого у этих ящиков будет признан за тару для всей их совокупности; согласно этому принципу должна определяться тара на все упакованные предметы. Если возникнут другие спорные вопросы, не поддающиеся полюбовному разрешению, британский торговец может апеллировать к своему консулу, который сообщит о частностях дела заведующему таможенной, дабы оно могло быть решено по справедливости. Однако апелляция должна быть представлена в течение двадцати четырех часов, по истечении коих ей не будет дано хода. Пока такие вопросы останутся неразрешенными, заведующий таможенной не внесет их в свои книги.

Статья XLIV

В отношении всех попорченных товаров должно быть допущено понижение пошлины, соразмерное их порче. Если возникнут какие-либо споры, они должны быть разрешаемы в порядке, установленном в статье договора, относящейся к предметам, по коим уплачивается пошлина ад валорем.

Статья XLV

Если британские торговцы, которые ввезли товары в какой-либо из открытых портов и уплатили пошлины по ним, пожелают реэкспортировать эти самые товары, то они имеют право обратиться к заведующему таможенной, каковой, во избежание сокрытия доходов, должен произвести через подходящих чиновников расследование, дабы убедиться, что пошлины, уплаченные за такие товары, занесенные в таможенные книги, соответствуют сделанному представлению и что товары неизменно сохранили свои первоначальные знаки. Вслед за тем он должен сделать пометку на таможенном свидетельстве товаров о сем и о размере уплаченных пошлин и выдать его торговцу и должен также сообщить о сих фактах таможенным чинам других портов. По исполнении всего этого и после того, как по прибытии в порт судна, на которое погружены товары, все, по расследовании, будет признано соответствующим этим данным, судну должно быть дано разрешение разгружать груз и выгрузить названные товары на берег, не подвергаясь за это никакому дополнительному сбору. Если, однако, на основании такого расследования заведующий таможенной откроет какое-либо мошенничество в отношении доходов, тогда товары подлежат конфискации со стороны китайского правительства.

Британские торговцы, желающие реэкспортировать оплаченные пошлиной ввозимые товары в иностранное государство, будут иметь право получить, применительно к тем же условиям реэкспортирования их в другие порты в Китае, выходное удостоверение, которое будет обладать действительной силой в таможнях при уплате ввозных или вывозных пошлин.

Иностранное зерно, ввезенное в какой-либо порт Китая британским судном, если оно ни в какой своей части не было выгружено на сушу, может быть беспрепятственно реэкспортировано.

Статья XLVI

Китайские власти в каждом порту должны принять все меры, признаваемые ими наиболее подходящими, для предупреждения обмана и контрабанды.

Статья XLVII

Британские торговые суда не имеют права посещать другие порты сверх тех, которые признаны сим договором открытыми. Они не будут входить незаконно в другие порты Китая или вести тайную торговлю по его побережью. Всякое судно, нарушающее это постановление, будет вместе с его грузом подлежать конфискации со стороны китайского правительства.

Статья XLVIII

Если какое-либо британское судно будет участвовать в контрабанде, то товары, какова бы ни была их стоимость или характер, будут подлежать конфискации со стороны китайских властей, а судно может быть запрещено дальнейшая торговля, и оно может быть выслано [из китайских вод] по выяснении и оплате его счетов.

Статья XLIX

Все штрафы или конфискации, вытекающие из или совершенные на основании сего договора, будут причитаться и обращаться на государственные надобности китайского правительства.

Статья L

Все официальные сообщения, обращаемые дипломатическими и консульскими агентами Ее Величества Королевы китайским властям, будут впредь написаны на английском языке. В настоящее время они будут сопровождаться китайским текстом, но при этом подразумевается, что в случае, если получится какое-либо разночтение между английским и китайским текстом, английское правительство сочтет изложенный в английском тексте смысл за точный.

Это постановление должно быть применено к ныне установленному договору, китайский текст которого тщательно проверен на основании английского оригинала.

Статья LI

Условлено, что знак «J» («варварское») не будет применяться к правительству или подданным Ее Британского Величества в каких-либо китайских официальных документах, исходящих от китайских властей в столице или в провинциях.

Статья LII

Британские военные суда, прибывающие без враждебных намерений или занятые преследованием морских разбойников, будут иметь свободу посещать все порты во владениях Императора Китая и должны получать все возможности для покупки продовольствия, снабжения водой и производства в потребных случаях ремонта. Командиры таких судов будут поддерживать сношения с китайскими властями в формах равенства и куртуазии.

Статья LIII

Ввиду ущерба, коему подвергается местная и иностранная торговля от засилья морского разбоя в водах Китая. Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются совместно установить средства для его подавления.

Статья LIV

Британское правительство и его подданные сии снова утверждают во всех привилегиях, иммунитетах и выгодах, предоставленных им предшествующими договорами: и сии точно подтверждается, что Британскому правительству и его подданным предоставляется свободное и равное пользование всеми привилегиями, иммунитетами и выгодами, которые донныне предоставлены или могут быть предоставлены впредь Его Величеством Императором Китая правительству или подданным какой-либо другой нации.

Статья LV

В удостоверение Ее желания продолжать дружеское взаимопонимание Ее Величество Королева Великобритании соглашается включить в отдельную Статью, которая будет во всех отношениях равнодействующей со Статьями настоящего договора, условия, касающиеся контрибуции за расходы и убытки, понесенные в связи с решением кантонского вопроса.

Статья LVI

Ратификации настоящего договора, подписанные рукой Ее Величества Королевы Великобритании и Ирландии и Его Величеством Императором Китая соответственно, будут обменены в Пекине в течение года со дня его подписания.

В удостоверение чего соответствующие Полномочные представители подписали настоящее соглашение и скрепили его печатами.

Учинено в Тяньцзине 26 июня в лето Господа Нашего одна тысяча восемьсот пятьдесят восьмое, что соответствует 16-му дню 5-го месяца 8-го года Сяньфэна.

восковая
печать

(подпись)

Эльгин и
Кинкардин
Китайские подписи (2)
китайская печать

ОТДЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ.

приложенная к договору,
заключенному между Великобританией и Китаем 26 июня 1858 г.

Настоящим согласовано, что сумма в два миллиона таэлей за ущерб, понесенный британскими подданными вследствие неправильного поведения китайских властей в Кантоне, а также сумма в два миллиона таэлей в счет военных расходов по экспедиции, которую Ее Величество королева была вынуждена выслать с целью исправления положения и обеспечения надлежащего соблюдения положений договора, будут выплачены Представителю Ее Величества в Китае властями провинции Гуандун.

Оповещение о заключении Тяньцзиньского договора

Виктория, милостью Божией Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Защитница Веры и проч., и проч., и проч. Всем и каждому, кто получит сии грамоты, благо! Поскольку Договор между Нами и Нашим Добрым Братом, Императором Китая, был заключен и подписан на английском и китайском языках в Тяньцзине двадцать шестого июня в лето Господа Нашего одна тысяча восемьсот пятьдесят восьмое вместе с отдельной статьей к таковому приложенной, полномочными представителями Нашими и Нашего названного Доброго Брата, соответственным и должным образом для этой цели уполномоченным; каковой Договор и отдельная статья приложены к сему в оригинале.

Treaties, Conventions, Etc., between China and Foreign States. Vol. 1. Shanghai, 1917, c. 404—421.

№ 4

ПЕКИНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ (1860)

Преамбула конвенции

Ее Величество Королева Великобритании и Ирландии и Его Императорское Величество Император Китая, в равной степени желая положить конец существующему в настоящий момент непониманию между их соответствующими правительствами и устранить возможность дальнейших разрывов в их отношениях, назначили с этой целью Полномоченных правителей, а именно: Ее Величество Королева Великобритании и Ирландии — графа Эльгина и Кинкардина, и Его Императорское Величество Император Китая — Его Императорское Высочество принца Гуна, которые, встретившись и предъявив друг другу свои полномочия, оформленные надлежащим образом, договорились о следующей Конвенции, состоящей из девяти статей.

Статья I

Его Императорское Величество Император Китая выражает свое глубокое сожаление о случившемся недоразумении, вызвавшемся в разрыве дружеских отношений, причиненном акцией гарнизона Дагу, что не позволило представите-

лю Её Британского Величества, находившемуся на пути в Пекин, обменяться грамотами о ратификации Мирного договора, заключенного в Тяньцзинь в июне месяце 1858 г.

Статья II

Настоящим объявляется далее, что договоренность, достигнутая в Шанхае в октябре месяце 1858 г. между Послом Её Британского Величества графом Эльгином и Кинкардином и Комиссарами Её Императорского Величества Гуй Ляном и Хуа Шанем относительно резиденции представителя Её Британского Величества в Китае, отменяется и что в соответствии со Статьей III Договора от 1858 г., с сего времени представитель Её Британского Величества будет иметь свою резиденцию в Пекине временно или постоянно, как Её Британское Величество соизволит решить.

Статья III

Согласовано, что Отдельная Статья Договора от 1858 г. настоящим отменяется и что вместо размера контрибуции, указанного в таковой, Её Императорское Величество Император Китая выплатит сумму в восемь миллионов таэлей в следующих пропорциях или частях: в Тяньцзинь не позднее 30 ноября сумму в пятьсот тысяч таэлей; в Кантоне не позднее 1 декабря 1860 г., триста тридцать три тысячи триста тридцать три таэля за вычетом суммы, которая будет авансирована Кантонскими властями на завершение строительства английского завода в Шамяне, а остаток — в портах, открытых для внешней торговли, поквартальными выплатами, которые будут состоять из одной пятой части валового дохода от таможенных сборов, которые взимаются в этих портах. Срок первой выплаты — 31 декабря 1860 г., за квартал, истекающий в этот день.

Далее согласовано, что эти деньги будут выплачены на руки должностному лицу, которое представитель Её Британского Величества специально назначит для их получения, и что точность сумм будет перед выплатой надлежащим образом проверяться английскими и китайскими должностными лицами, назначенными для исполнения этой обязанности.

Во избежание дискуссий в будущем, кроме того, объявляется, что из этих восьми миллионов таэлей, гарантированных настоящей Статьей, два миллиона будет выделено в качестве компенсации британской торговой общине в Кантоне за понесенные ею убытки, а остальные шесть миллионов — на покрытие военных расходов.

Статья IV

Согласовано, что в день подписания настоящей Конвенции Её Императорское Величество Император Китая откроет порт Тяньцзинь для торговли, и что британские подданные затем будут иметь право на проживание и торговлю в нем на таких же условиях, как и в любом другом порту Китая, открытом по Договору для торговли.

Статья V

Как только будет произведен обмен грамотами ратификации Договора от 1858 г., Её Императорское Величество Император Китая декретом распорядится о том, чтобы высокие власти в каждой провинции объявили в рамках своей юрисдикции о том, что китайцы, желающие поступить на службу в Британских колониях или других заморских местах, будут иметь полную свободу вступать для этой цели в контакты с британскими подданными и грузиться самим и с семьями на борт любого британского судна в любом китайском открытом порту. Вышеуказанные высокие власти также по согласованию с представителем Её Британского Величества в Китае примут такие постановления для защиты эмигрирующих, как указано выше, китайцев, какие могут потребовать обстоятельства в различных открытых портах.

Статья VI

В целях поддержания закона и порядка в гавани Гонконга и вокруг нее, Его Императорское Величество Император Китая соглашается передать Ее Величеству Королеве Великобритании и Ирландии, а также ее наследникам и преемникам во владение в качестве подвластной территории колонии Ее Британского Величества Гонконг ту часть поселения Коулун в провинции Гуандун, которая была передана навечно в аренду Гарри Смиту Парксу, эскайпру, кавалеру ордена Бани, члену Союзной комиссии в Кантоне, генерал-губернатором Лянгуана Ло Цунгуаном.

Далее объявляется, что указанная аренда настоящим отменяется и что требования всякого китайца на собственность в указанной части Коулун будут должным образом рассмотрены смешанной Комиссией английских и китайских чиновников и что Британское правительство предоставит компенсацию всякому китайцу, чье требование будет подтверждено указанной Комиссией, если его удаление будет рассмотрено Британским правительством как необходимое.

Статья VII

Согласовано, что положения Договора от 1858 г., за исключением тех, которые изменены настоящей Конвенцией, безотлагательно вступят в силу как только будет произведен обмен грамотами ратификации вышеуказанного Договора. Далее согласовано, что для настоящей Конвенции не требуется отдельной ратификации, и она вступит в силу в день ее подписания и будет иметь для Высоких Договаривающихся Сторон такую же обязательную силу, как и Договор.

Статья VIII

Согласовано, что, как только будет осуществлен обмен грамотами ратификации Договора от 1858 г., Его Императорское Величество Император Китая распорядится декретом о том, чтобы высшие власти в столице и в провинциях напечатали и опубликовали вышеуказанный Договор и настоящую Конвенцию для всеобщей информации.

Статья IX

Согласовано, что по подписании настоящей Конвенции, обмена грамотами ратификации Договора от 1858 г. и обнародования Императорского декрета, касающегося опубликования указанных Конвенции и Договора, как предусмотрено в Статье VIII настоящей Конвенции, войска Ее Британского Величества, дислоцированные в Чжоушане, будут оттуда эвакуированы, и части Ее Британского Величества, находящиеся возле Пекина, начнут свой марш в направлении города Тяньцзиня, фортов Дагу, северного побережья Шаньдуна и города Кантона, причем по усмотрению Ее Величества Королевы Великобритании и Ирландии войска будут оставаться во всех этих местах или некоторых из них до тех пор, пока контрибуция в размере восьми миллионов таэлей, предусмотренная в Статье III, не будет выплачена.

Совершено в Пекине при дворе церемониального совета октября 24 дня в лето Господа Нашего одна тысяча восемьсот шестидесятое.

М. И. (подпись) Эльгин и Кинкардин
Китайская подпись.
Китайская печать

Treaties, Conventions, Etc., between China and Foreign States. Vol. I. Shanghai, 1917, c. 429—434.

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ПОЛНОМОЧНЫМИ МИНИСТРАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И КИТАЯ

*(Подписано на английском и китайском языках в Чифу 13 сентября 1876 г.
Ратифицировано Китайским Императором 17 сентября 1876 г.)*

Переговоры велись между сэром Томасом Уэйдом, кавалером ордена Бани, чрезвычайным посланником Ее Британского Величества, Полномочным Министром при дворе Китайского Императора, Главным секретарем, генерал-губернатором провинции Чжили, вельможей первого класса третьего последования.

Основанием для переговоров между вышеназванными советниками послужило получение сэром Томасом Уэйдом весной текущего года депеши от графа Дербн, министра иностранных дел, датированной 1 января 1876 г. В этой депеше содержались указания относительно необходимости решения трех вопросов: во-первых, удовлетворительного разрешения Юньнаньского дела; во-вторых, точного выполнения обязательств, принятых в прошлом году, относительно связи между высшими чиновниками двух государств; в-третьих, принятие единой системы во исполнение обязательств, связанных со взаимопониманием, достигнутым в сентябре 1875 г. (8-й месяц 1-го года царствования Гуансюя) по поводу исправления условий торговли. Получение этой депеши послужило причиной проведения сэром Томасом Уэйдом обсуждения названных вопросов с Цзуили ямэнем, на что в дальнейшем ссылки опускаются как ненужные. В результате переговоров сэр Томас Уэйд и Главный Секретарь Ли пришли к следующему заключению.

Р а з д е л I.— Урегулирование Юньнаньского дела

(1) Безразлично кем, Цзуили ямэнем или Главным Секретарем Ли, Китайскому Императору должна быть представлена Памятная записка в духе Меморандума, подготовленного сэром Томасом Уэйдом. До представления китайский текст Памятной записки должен быть показан сэру Томасу Уэйду.

(2) После представления Памятной записки Императору и получения в ответ Императорского Указа Цзуили ямэнь должен передать копии Памятной записки и Императорского Указа сэру Томасу Уэйду вместе с копией письма от Цзуили ямэня губернаторам провинций, обязуящего последних выпустить Прокламацию, содержащую полные тексты вышеозначенных Памятной записки и Императорского Указа. После этого сэр Томас Уэйд будет отвечать за то, чтобы в течение двух последующих лет британский посланник направил в различные части провинций Китая чиновников, в функции которых входило бы слежение за расстройкой Прокламации. По прошению британского посланника или консула любого порта, уполномоченного этим посланником обратиться с таким прошением, высокие чиновники провинций должны направить правомочных чиновников для сопровождения тех лиц, которые были посланы для осуществления наблюдения.

(3) Для того чтобы придать этим правилам тот вид, который необходим для ведения пограничной торговли между Бирмой и Юньнанью, Памятная записка с предложениями по урегулированию Юньнаньского конфликта, будет содержать требование, чтобы был издан Императорский указ, обязывающий генерал-губернатора и губернатора всякий раз, когда английское правительство посылает чиновников в Юньнань, выбирать компетентное должностное лицо соответствующего ранга для переговоров с этими чиновниками и заключения удовлетворяющего обе стороны соглашения.

(4) Британское правительство получает право в течение пяти лет, начиная с 1 января следующего года, являющегося 17-м днем 11-го месяца 2-го года правления Гуансюя, размещать чиновников в Дали или в другом подходящем для этого месте в Юньнани для ведения наблюдения за условиями, существующими здесь для торговли; к концу этого срока эти чиновники могут накопить данные, на основании которых при дальнейшем обсуждении этого вопроса смогут быть разработаны правила торговли. Для рассмотрения и улаживания любого вопроса, касающегося британских чиновников или британских подданных, эти чиновники наделяются правом обращения к властям соответствующей провинции. Британское правительство может предложить начать торговые отношения

в любой момент времени, который найдет для этого наиболее подходящим, в течение обозначенного пятилетнего срока или по истечении его.

Паспорта, полученные в прошлом году для миссии, направлявшейся из Индии в Юньнань, дают право Вице-королю Индии направить такую миссию в любой момент времени, который он найдет для этого подходящим.

(5) Сэр Томас Уэйд берет на себя обязанности урегулировать дело таким образом, чтобы размер денежных сумм, выплачиваемых в счет компенсации ущерба, причиненного семьям чиновников и других лиц, убитых в Юньнани; в счет компенсации расходов, вызванных Юньнаньским делом, а также в счет покрытия расходов на судебные издержки, затраченные британскими торговцами в связи с действиями чиновников Китайского правительства вплоть до начала этого года, равнялся двумстам тысячам таэлей, при условии выплаты этих денег по требованию.

(6) Когда Юньнаньское дело будет закрыто, должно быть составлено Императорское письмо, выражающее сожаление по поводу происшедшего в Юньнани. Миссия с этим Императорским письмом должна немедленно проследовать в Англию. Сэр Томас Уэйд должен быть информирован о составе этой миссии, с тем чтобы уведомить о ней свое правительство. Текст названного Императорского письма также должен быть передан сэру Томасу Уэйду Цзунли ямэнем.

Раздел II.— Официальные сношения

В этот раздел включены условия сношений между высшими чиновниками в столице и провинциях, между консульскими чиновниками и китайскими чиновниками в портах, а также условия для ведения судебных дел в смешанных случаях.

(1) В Памятной записке Цзунли ямэня от 28 сентября 1875 г. князь Гун и советники посольства заявили, что целью их представительства является не просто ведение торговых операций, в которых могли бы быть заинтересованы китайцы и иностранцы, но в равной степени предметом их интереса является осуществление различных заграничных миссий и вопрос дипломатических сношений.

Для предотвращения дальнейших разногласий в вопросе дипломатических сношений и корреспонденции, нынешнее состояние которого вызывает нарекания как в столице, так и в провинциях, договорились, что Цзунли ямэнь направит циркуляр в дипломатические миссии с приглашением иностранных представителей для обсуждения правил этикета, с тем чтобы с иностранными представителями в Китае, будь то в портах или в других местах, обращались так же, как в других странах и как обращаются с китайскими чиновниками за границей.

Намерение Китая учредить миссии и консульства за границей делает вопрос достижения взаимопонимания еще более важным.

(2) Британский Договор 1858 г., статья XVI, устанавливает, что китайские подданные, которые окажутся виновными в каком-либо уголовном деянии в отношении британских подданных, должны быть арестованы и наказаны китайскими властями в соответствии с законами Китая.

Британские подданные, которые совершат какое-либо преступление в Китае, будут судимы и наказаны консулом или иным государственным должностным лицом, на то уполномоченным, в соответствии с законами Великобритании.

Правосудие должно осуществляться обоими сторонами беспристрастно и справедливо.

Слово «уполномоченное для этой цели государственное официальное лицо» в китайском тексте переводится, как «Британское правительство».

Для выполнения договорных обязательств Британское правительство учредило в Шанхае Верховный суд со специальным сводом законов, подлежащим в настоящее время пересмотру. Китайское правительство учредило в Шанхае Смешанный суд, однако судебный исполнитель, отвечающий за проведение в жизнь решений этого суда, то ли из-за недостатка власти, то ли из-за опасения потерять популярность, постоянно не выполняет своих обязанностей.

Отсюда вытекает для Цзунли ямэня необходимость составить и направить в дипломатические миссии циркуляр с приглашением иностранных представителей для немедленного рассмотрения вместе с Цзунли ямэнем мер, необходимых

для более эффективного управления правосудия в портах, открытых для торговли.

(3) Установлена договоренность, что в случае совершения преступления, затрагивающего интересы лица британского происхождения или его собственности, независимо от того, произошло ли это во внутренних районах страны или в открытых портах, британский посол имеет право направить британских чиновников на место происшествия для присутствия при расследовании дела.

Для предотвращения неправильного понимания этого вопроса сэр Томас Уэйд напишет ноту соответствующего содержания, на которую Цзунли яэнь должен дать ответ, содержащий заверения в том, что именно такой практики ведения дел будут придерживаться в дальнейшем.

Далее, необходимо понять, что пока законы двух стран отличаются друг от друга, может быть только один порядок ведения судебных разбирательств в смешанных случаях в Китае, а именно когда расследование ведется чиновником подданства обвиняемой стороны; чиновник же подданства истца просто присутствует для наблюдения за ходом процесса в интересах сохранения справедливости. Если чиновник, осуществляющий наблюдение, не удовлетворен ходом процесса, то в его силах выразить подробно обоснованный протест по ходу этого дела. Правосудие должно совершаться по законам той страны, которую представляет чиновник, ведущий расследование. Таков смысл слов *хуэй тун*, указывающих на совместность действий при судебном разбирательстве, в Статье XVI Тяньцзиньского Договора, и таково правило, которому должны соответственно следовать чиновники обеих национальностей.

Раздел III.— Торговля

(1) Что касается области, в пределах которой согласно действующим Договорам транзитная пошлина (*лицзинь*) не должна взиматься с иностранных товаров в открытых портах, сэр Томас Уэйд соглашается обратиться к своему правительству с просьбой разрешить рассматривать земельные участки, арендуемые иностранцами в различных портах (так называемые концессии), как области, свободные от транзитной пошлины; и вслед за этим Правительство Китая согласится на то, чтобы города Ичан в провинции Хубэй, Уху в провинции Аньхой, Вэньжоу в провинции Чжэцзян и Бэйхай в провинции Гуандун были добавлены к числу портов, открытых для торговли, и стали консульскими пунктами. Британское правительство получает в дальнейшем право посылать чиновников на проживание в Чунци для наблюдения за условиями британской торговли в Сычуани. Британским торговцам не разрешается проживать в Чунци или открывать там предприятия и склады, до тех пор, пока пароходам не будет доступа в порт. Когда же пароходам удастся подняться по реке столь далеко, во внимание могут быть приняты новые соображения.

Далее, в качестве компромиссной меры, предлагается, чтобы отдельные пункты по берегам Великой Реки*, а именно: Датун и Аньци в провинции Аньхой, Хукоу в Цзянси, Усу, Луцзику и Шаши в Хугуани** стали пунктами внутренней торговли, в которых, поскольку они не являются открытыми портами, иностранные купцы не имеют юридического права выгружать или загружать товары, но пароходы все же могут заходить с целью принять или выгрузить пассажиров или товары, однако во всех случаях только с помощью местных лодок и при условии соблюдения действующих правил касательно торговли, осуществляемой коренным населением.

Продукты, сопровождаемые сертификатом на пошлину половинного размера, могут в такие пункты отправляться пароходами, однако не могут сгружаться с них для продажи.

И во всех таких случаях, за исключением случая импорта, сопровождаемого сертификатом на транзитную пошлину, или экспорта с аналогичным сертификатом, предъявление которых освобождает от уплаты лицензия, со всех остальных товаров местными властями взимается пошлина.

Иностранные купцы не имеют права проживать или открывать торговые дома или товарные склады в местах, перечисленных как порты захода.

* Янцзыцзян.

** Провинции Хунань—Хубэй.

(2) Во всех портах, открытых для торговли, будь то по более раннему или более позднему соглашению, в которых ранее не были уточнены районы селтльментов, британский консул должен, действуя совместно со своими коллегам, консулами других держав, прийти к взаимопониманию с местными властями применительно к определению района иностранного селтльмента.

(3) Что касается опиума, то в этой части сэр Томас Уэйд намерен внести в свое Правительство предложение санкционировать иные меры, нежели те, что имеют место по отношению к другим статьям импорта. Британские торговцы при доставке опиума в порт должны уведомить об этом таможенные власти и держать этот товар сложившим на таможенном складе или приемном плашкоуте до наступления времени продажи. Затем импортер должен уплатить таможенную пошлину на этот товар, а покупатели — транзитную пошлину, с тем чтобы предотвратить уклонение от пошлины. Величина транзитной пошлины определяется правящими органами различных провинций в зависимости от местных обстоятельств.

(4) Китайское правительство согласно с тем, что сертификаты на транзитную пошлину должны во всех портах оформляться по одному правилу, вне зависимости от их содержания, и с тем, что когда речь идет об импорте, то национальность лица, являющегося собственником этого товара и перевозящего его, не является существенной. Туземный товар, доставляемый из центральной части страны в порт отгрузки и несомненно предназначенный для отправки в иностранный порт, может быть, согласно Договору, сертифицирован заинтересованным лицом британского подданства и после уплаты половинной пошлины освобождается от всех других сборов, налагаемых по пути следования. Если товары не являются собственностью лица британского подданства или переправляются в порт, не предназначенный для экспорта, они не имеют права на освобождение от налогов, гарантированное при предъявлении сертификата на транзитную пошлину.

Британский посол готов согласиться с Цзунли ямэнем в отношении правил, которые защищают Китайское правительство от злоупотребления привилегиями в ущерб местному производству.

Слова «расположенный внутри страны», упоминаемые в Статье VII Правил, прилагаемых к Тарифу, касательно перевозки импортных товаров внутрь страны и товаров, производимых коренным населением и купленных вугри страны, относятся как к местам, расположенным на морских побережьях и по берегам рек, так и к местам во внутренней части страны, не открытой для внешней торговли; Китайское правительство получает право договариваться по этому вопросу на месте, в целях предотвращения злоупотребления.

(5) Статья XIV Договора от 1858 г. не предписывает каких-либо ограничений в отношении срока, в течение которого может быть сделана заявка на возврат оплаченных импортных пошлин. Британский посол согласен на трехгодичный срок, по истечении которого уже не может быть сделано никаких заявок на возврат пошлины.

(6) Упомянутая выше оговорка, что определенные порты должны быть открыты для внешней торговли и что должны быть санкционирована выгрузка и отгрузка товаров в шести пунктах по Великой Реке, будет приведена в исполнение в течение шести месяцев с момента получения Императорского Указа, одобряющего Памятную записку старшего секретаря Ли.

Дата для приведения в жизнь оговорки, затрагивающих освобождение импорта от обложения транзитной пошлины с опиума таможенным контролером одновременно с обложением этого товара таможенной пошлиной, будет установлена, как только Британское правительство придет к соглашению по этому вопросу с правительствами других стран.

(7) Ввиду многочисленных жалоб правительства Гонконга на вмешательство досмотровых таможенных судов Кантона в торговлю на джонках с этой колонией, Китайское правительство согласилось назначить Комиссию, в состав которой будут входить британский консул, чиновник правительства Гонконга и китайский чиновник равного ранга, с целью учреждения определенной системы, которая позволила бы Китайскому правительству защитить свои доходы без ущерба интересов Колонии.

Особая статья

Правительство Ее Величества рассматривает в настоящее время вопрос о посылке в следующем году исследовательской миссии по пути из Пекина в Тибет через Ганьсу и Кукунор или через Сычуань в Тибет, а оттуда в Индию, в связи с чем Цзунли ямэнь при должном учете обстоятельств и в соответствующее время должен выдать необходимые паспорта и направить письма высоким властям провинций и резиденту в Тибете. Если миссия не будет послана по этим маршрутам, но проследует через индийскую границу в Тибет, Цзунли ямэнь, по получении от британского посла сообщения вышеуказанного содержания, должен написать китайскому резиденту в Тибете о необходимости должным образом позаботиться о миссии и должен выдать паспорта для миссии, чтобы ее продвижение происходило беспрепятственно.

Заключено в Чифу, в Провинции Шаньдун, 13 сентября 1876 г.

М. П. (подпись)
М. П. (подпись)

Томас Френсис Уэйд
Китайский Полномочный Представитель

Treaties, Conventions, Etc., between China and Foreign States. Vol. 1. Shanghai, 1917, c. 491—499.

№ 6

КОНВЕНЦИЯ, КАСАЮЩАЯСЯ БИРМЫ И ТИБЕТА, 1886 г.

Поскольку Ее Величество Королева Великобритании и Ирландии, Императрица Индии и Его Величество Император Китая искренне желают поддержать и увековечить отношения дружбы и полного взаимопонимания, существующие в настоящее время между их соответствующими Империями, и содействовать расширению торговых сношений между их подданными и доминионами, была достигнута договоренность о заключении следующей Конвенции:

со стороны Великобритании Николасом Родериком О'Конором, Секретарем дипломатической миссии Ее Величества в Вашингтоне и в последнее время Поверенным в делах Ее Величества в Китае, кавалером Ордена Святого Михаила и Святого Георгия, наделенного надлежащими полномочиями;

и со стороны Китая, Его Высочеством Принцем Циню, президентом Цзунли ямэня, и Его Превосходительством Сунем, министром Цзунли ямэня, старшим вице-президентом Совета работ.

Статья I

Поскольку по сложившейся практике Бирма раз в десять лет посылает [в Пекин] миссии для представления изделий местного производства, Англия согласна, чтобы высшие власти Бирмы посылали раз в десять лет традиционные миссии, причем членами миссии должны быть лица бирманской национальности.

Статья II

Китай согласен, что во всех вопросах, относящихся к полномочию и правлению, осуществляемых Англией в настоящее время в Бирме, Англия будет иметь полную свободу действий, которые она сочтет пригодными и надлежащими.

Статья III

Граница между Бирмой и Китаем будет определена делимитационной комиссией, а условия пограничной торговли — Конвенцией о приграничной торгов-

ле, причем обе стороны согласны защищать торговлю между Китаем и Бирмой и содействовать ей.

Статья IV

Поскольку при выявлении обстоятельств Китайским правительством обнаружено множество препятствий для путешествия миссии в Тибет, предусмотренной в отдельной Статье Чифуского соглашения, Англия согласна отказаться от указанной миссии.

Что касается желания Британского правительства рассмотреть возможность достигнуть договоренности о приграничной торговле между Индией и Тибетом, обязанностью Китайского правительства будет после тщательного выяснения обстоятельств, принять меры, побуждающие и поощряющие людей к развитию торговли. Если это будет практически осуществимо, Китайское правительство затем постепенно перейдет к рассмотрению торговых постановлений; но если обнаружатся непреодолимые препятствия, Британское правительство не будет оказывать ненадлежащее давление в этом вопросе.

Статья V

Настоящая Конвенция будет ратифицирована, и обмен ратификационными грамотами состоится в Лондоне в возможно скорейшие сроки после даты ее подписания.

В удостоверение чего соответствующие участники переговоров подписали таковую и скрепили ее своими гербовыми печатями.

Совершено в трех экземплярах в Пекине двадцать четвертого июля в лето Господа Нашего тысяча восемьсот восемьдесят шестое, что соответствует двадцать третьему дню 6-го месяца 12-го года Гуансюя по китайскому календарю.

М. П.
(подпись) Николас Родерик О'Конор

М. П.
(нероглиф)
(нероглиф)
Цинь
Сунь Юйвэнь

Treaties, Conventions, Etc., between China and Foreign States. Vol. I. Shanghai, 1917, c. 506—508.

№ 7

КОНВЕНЦИЯ О РАСШИРЕНИИ ТЕРРИТОРИИ ГОНКОНГА, 1898 г. (Подписана в Пекине 9 июня 1898 г.)

Поскольку на протяжении многих последних лет признавалось, что расширение территории Гонконга необходимо для надлежащей обороны и защиты колонии:

Правительства Великобритании и Китая договорились о том, что границы Британской территории будут расширены на условиях аренды до размеров, отмеченных в общих чертах на приложенной карте. Точные границы будут определены впоследствии, после проведения соответствующими должностными лицами, назначенными обоими правительствами, надлежащего обзора местности. Срок указанной аренды — девяносто девять лет.

В то же время согласовано, что китайские должностные лица, находящиеся

в настоящее время в границах города Коулун, будут продолжать осуществлять юрисдикцию в той мере, в которой это будет совместимо с требованиями военной обороны Гонконга. На остальную часть арендованной заново территории будет распространяться только юрисдикция Великобритании. Китайским должностным лицам и населению будет разрешено, как и ранее, пользоваться дорогой между Коулуном и Синняню*.

Далее согласовано, что существующий причал возле города Коулун будет зарезервирован для китайских военных, торговых и пассажирских судов, которые могут по своему усмотрению заходить туда, выходить оттуда и стоять там на якоре, а также для удобства передвижения должностных лиц и населения в границах города.

Впоследствии, когда Китай проведет железную дорогу к границам территории Коулун, находящейся под контролем Великобритании, будут обсуждены дальнейшие меры.

Далее понимается, что жители района, оказавшегося в зоне расширения, не будут экспропрированы или изгнаны и что, если потребуется земля для общественных заведений, укреплений или аналогичных официальных целей, она будет покупаться по справедливой цене.

Случаи выдачи преступников будут рассматриваться в соответствии с существующими Договорами между Великобританией и Китаем и гонконгскими постановлениями.

Территория, сданная в аренду Великобритании, как показано на прилагаемой карте, включает воды заливов Мирс-бей и Дип-бей, но согласовано, что китайские военные суда, нейтральные или нет, сохраняют за собой право заходить в эти воды.

Настоящая Конвенция вступает в силу первого июля 1898 г., что соответствует 13-му дню 5-го месяца 24-го года Гуансюя. Она будет ратифицирована Суверенами обеих стран, и обмен ратификационными грамотами состоится в Лондоне в самые возможно кратчайшие сроки.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные их соответствующими правительствами, подписали настоящее Соглашение.

Совершено в Пекине в четырех экземплярах (четыре копии на английском и четыре — на китайском языках) девятого июня в лето Господа Нашего восьмьсот девяносто восьмое, что соответствует 21-му дню 4-го месяца 24-го года Гуансюя.

(подписи)
Клод М. Макдональд
М. П.

Ли Хунчжан
Сюй Тингуй
М. П.

Treaties, Conventions, Etc., between China and Foreign States. Vol. 1. Shanghai, 1917, c. 539—540.

№ 8

ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР,

1902 г.

Его Величество Король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Британских владений за морями, Император Индии и Его Величество Император Китая, решив вступить в переговоры с целью выполнения положения, содержащегося в Статье XI Заключительного Протокола, подписанного в Пекине 7 сентября 1901 г., по которому китайское правительство согласилось провести переговоры о поправках, считающихся полезными, к Договорам о торговле и

* Пункт на «Новой территории» Гонконга.

судоходстве, и другим предметам, касающимся торговых отношений с целью их облегчения, назначили для этой цели своими Полномочными представителями:

Его Величество Король Великобритании и Ирландии специального комиссара Его Величества сэра Джеймса Лайлла Маккея, кавалера ордена Индийской империи 2-й степени, члена Совета государственного секретаря по Индии и проч.;

и Его Величество Император Китая императорских комиссаров Лю Хайхуана, президента Палаты общественных дел и проч., и Шэнь Сюаньхуая, младшего опекуна Прямого наследника, старшего вице-президента Палаты общественных дел и проч.;

которые, сообщив друг другу соответствующие полномочия, найденные в доброй и надлежащей форме, договорились о заключении Договора из следующих Статей:

Статья I

Для избежания задержек, имевших место в прошлом с выдачей сертификатов об уплате пошлины из-за того, что эти документы оформлялись заведующим таможенной, удаленной от таможенной конторы, согласовано, что сертификаты об уплате пошлин будут в дальнейшем во всех случаях выдаваться Имперской морской таможенной в течение трех недель после представления в таможенную документ, дающих заявителю право получить такие сертификаты.

Эти сертификаты будут являться законным платежным средством для таможенных властей при уплате любой пошлины на товар, импортируемый или экспортируемый (за исключением транзитных сборов), а в случае представления доказательств, что иностранные товары, реэкспортируются за границу в течение трех лет со дня ввоза [то оплаченные пошлины] будут выплачиваться наличными без вычетов Таможенным банком в том месте, где была уплачена импортная пошлина.

Но если, в связи с любой заявкой на получение сертификата об уплате пошлины таможенные власти обнаружат попытку укрыться от налога, заявитель будет подвергнут штрафу, не превышающему пятикратного размера пошлины, от оплаты которой он пытался ускользнуть, или товары будут подлежать конфискации.

Статья II

Китай соглашается принять необходимые меры для обеспечения чеканки единой национальной монеты, которая будет являться законным платежным средством для оплаты всех пошлин, налогов и других обязательств по всей Империи как британскими, так и китайскими подданными.

Статья III

Китай соглашается, что совокупный размер пошлин и лицензия, взимаемых с товаров, перевозимых на джонках из Гонконга в договорные порты в провинции Гуандун и наоборот, будет в сумме не меньше, чем пошлины, взимаемые Имперской морской таможенной с аналогичных товаров, перевозимых пароходом.

Статья IV

Поскольку в прошлом возникали вопросы, касающиеся права китайских подданных вкладывать деньги в некитайские предприятия и компании, и поскольку всем известно, что крупные суммы китайского капитала уже вкладываются таким образом, Китай посему соглашается признать законность всех таких вкладов в прошлом, настоящем и будущем.

Более того, поскольку чрезвычайно важно, чтобы все акционеры в акционерной компании находились в совершенно равноправном положении в том, что касается взаимных обязательств, Китай далее соглашается, что китайские подданные, которые стали или могут стать акционерами в любой британской акционерной компании, будут считаться таковыми ввиду самого факта того, что они стали акционерами, принявшими устав об учреждении или меморандум и устав

акционерной компании, и положения в ее рамках в толковании британских судов, и что китайские суды будут содействовать соблюдению указанных положений китайскими акционерами, если в данном отношении будет возбужден иск, то их ответственность ни в коем случае не должна отличаться или превышать таковую британских акционеров той же компании.

Вышесказанное не распространяется на иски, которые уже рассматривались в судах и в которых было отказано.

Статья V

Китайское правительство обязуется устранить в течение последующих двух лет искусственные препятствия навигации на реке Чжуцзян. Китайское правительство также соглашается улучшить условия для судоходства в гавани Кантона и принять необходимые меры по поддержанию этих условий. Эта работа должна быть осуществлена Имперской морской таможней, а расходы в связи с таковой будут покрыты налогом на товары, разгружаемые и отгружаемые как англичанами, так и китайцами, по шкале, которая будет согласована между торговцами и таможней.

Китайское правительство осознает желательность улучшения условий судоходства для пароходов на водном пути между Ичаном и Чунцином, но также полностью осознает, что такое улучшение может повлечь тяжелые расходы и ущемление интересов населения провинций Сычуань, Хунань и Хубэй. Посему достигнута взаимная договоренность, что, пока не будет осуществлено улучшение, владельцам пароходов будет разрешено, при условии одобрения Имперской морской таможни, создавать за свой счет приспособления для прохода через пороги. Таковые приспособления будут иметься в распоряжении всех судов, как пароходов, так и джонок, в соответствии с постановлениями, которые будут составлены Имперской морской таможней. Эти приспособления не должны заграждать водный путь и не мешать свободному проходу джонок. Сигнальные станции и указатели фарватера, необходимые в определенных местах, будут устанавливаться Имперской морской таможней. Если будет представлен какой-либо практический план улучшения водного пути и содействия навигации без нанесения ущерба для местного населения или увеличения расходов для Китайского правительства, он будет рассмотрен в дружеском духе.

Статья VI

Китайское правительство соглашается предпринять меры для улучшения условий в открытых портах по хранению на таможенных складах и таможенных пакгаузах; по официальному запросу британских властей будут предоставлены привилегии таможенного склада любому складу, который отвечает правилам таможенных властей и обеспечивает необходимые поступления государственного дохода.

Подобные склады будут подчиняться постановлениям, в том числе в отношении размера сборов по товарам, причем их положение и часы работы будут определяться таможенными властями, с тем, чтобы удовлетворять потребностям торговцев в той мере, в какой это будет совместимо с обеспечением размеров пошлин.

Статья VII

Поскольку Британское правительство оказывает защиту китайским товарным знакам от нарушений, подделки или подрисовки со стороны британских подданных, Китайское правительство обязуется оказывать защиту британским товарным знакам против нарушений, подделки или подрисовки со стороны китайских подданных.

Китайское правительство, далее, обязуется, что торговые суперинтенданты на Севере и Юге создадут конторы в сфере своей юрисдикции под контролем Имперской морской таможни, где иностранные товарные знаки могут быть зарегистрированы по уплате разумного сбора.

Преамбула

Китайское правительство, признавая, что система взимания лицензия и других сборов с товаров на месте производства при транспортировке и в месте назначения стесняет свободный оборот товаров и наносит ущерб интересам торговли, сии обязуется совершенно отказаться от этих средств взимания государственного дохода, за исключением, упомянутым в Разделе 8.

Британское правительство, в свою очередь, соглашается допустить добавочный налог сверх пошлины действительного тарифа на иностранные товары, ввозимые британскими подданными, и добавочный налог сверх вывозной пошлины на товар китайского производства, предназначенный к вывозу за границу или вдоль побережья.

Самой собой разумеется, что после упразднения лицензионных застав и других пунктов для взимания налогов с товаров в ходе их транспортировки не будет сделана никакая-нибудь попытка восстановить их в какой бы то ни было форме или под каким бы то ни было предлогом; что ни в коем случае добавочный налог не будет превышать полуторакратного размера ввозной пошлины, взимаемой согласно заключительному протоколу, подписанному между Китаем и державами 7 сентября 1901 г.; что уплата ввозной пошлины и добавочного налога будет обеспечивать иностранным привозным товарам, находящимся во владении как китайских, так и не китайских подданных, в первоначальной упаковке или иначе, полную свободу от всех других налогов, досмотров или задержек; что общая сумма налогов, взимаемых с туземной продукции, предназначенной на вывоз за рубеж, ни при каких обстоятельствах не будет превышать 7,5% ад валорем.

Имея постоянно в виду эти основные принципы, Высокие договаривающиеся стороны договорились о следующих процедурах.

Раздел 1. Китайское правительство обязуется, что все заставы любого рода для сбора лицензия или подобных поборов или пошлин будут полностью упразднены на всех дорогах, железнодорожных и водных путях в восемнадцати провинциях Китая и в Трех восточных провинциях*. Это положение не распространяется на китайские таможи, в настоящее время существующие на морском побережье или морских путях в открытых портах, на сухопутных дорогах и на сухопутных границах Китая.

Раздел 2. Британское правительство соглашается, что на иностранные товары при ввозе, в дополнение к действующей ввозной пошлине в размере 5%, как предусмотрено в Протоколе от 1901 г., будет уплачиваться добавочный налог, равный полуторакратной указанной пошлине, в качестве компенсации за отмену лицензия, транзитных сборов, заменяющих лицензия, и всех других налогов на ввозимые товары и принимая во внимание другие реформы, предусмотренные в настоящей Статье; но настоящее положение не будет умалять право Китая облагать налогом соль, местный опium и местную продукцию, как предусмотрено в Разделах 3, 5, 6 и 8.

Добавочный налог в указанном размере будет взиматься с товаров, как ввозимых в восемнадцать провинций Китая и Три Восточные провинции через сухопутные границы, так и поступающих в Китай морем.

Раздел 3. Все существующие в настоящее время туземные таможи, в открытых портах или на морском побережье, реках, внутренних водных путях, сухопутных маршрутах или сухопутных границах, перечисленные в Цзе Ли (Постановления управления доходов и работ) и Да Цин Хуэй Тянь (Династические институты) Хубу и Гунбу, могут быть сохранены; список таковых и их местонахождение будет представлен Британскому правительству для записи.

Там, где имеются таможенные управления Имперской морской таможни, или там, где таковые могут быть созданы в дальнейшем, могут также создаваться китайские таможенные управления, как и в любых пунктах на морском побережье или сухопутных границах.

Местонахождение китайских таможенных управлений во внутренних районах может изменяться, как того потребуют обстоятельства торговли, но о любом изменении должно быть сообщено Британскому правительству, с тем чтобы в

* Т. е. в Маньчжурии.

список были внесены исправления; однако их первоначально указанное количество не должно превышать.

С товаров, перевозимых джонками или парусными судами, совершающими рейсы в открытые порты или оттуда, будут взиматься пошлины не меньшие, чем вместе взятые пошлины и добавочный налог на подобный груз, перевозимый парходами.

Местная продукция при перевозке из одного места в другое во внутренних районах будет по прибытии в первое после оставления места производства китайское таможенное управление облагаться пошлиной, равной вывозному добавочному налогу, упомянутому в Разделе 7.

После уплаты таковой пошлины будет выдаваться свидетельство, в котором будет указываться характер товара, вес, количество упаковок и т. д., размер уплаченной пошлины и место назначения. Это свидетельство, которое будет действительно в течение установленного срока — не менее чем один год с даты уплаты пошлины — будет освобождать товары от обложения налогами, досмотра, задержек или остановок в любом из других китайских таможенных управлений, проходимых в пути следования.

Если товары доставляются в места за пределами иностранных селтльментов или концессий открытого порта для местного использования, они подпадают в таковых под налог на потребление, упомянутый в Разделе 8.

Если товары отгружаются из открытого порта, свидетельство должно акцептоваться соответствующим таможенным управлением, и это освобождает от добавочного экспортного налога, упомянутого в Разделе 7.

Джонки, лодки или повозки не будут подвергаться обложению никакими налогами, превышающими небольшие и разумные сборы, уплачиваемые периодически по установленной ежегодной ставке. Это не исключает права взимать, как в настоящее время, тоннажные (*чжуан чао*) и портовые (*чжуан ляо*) сборы с джонок.

Раздел 4. Налог на иностранный опиум и нынешний лицензионный сбор — таковой сейчас заменяется добавочным налогом — остаются такими, как предусмотрено в существующих договорах.

Раздел 5. Британское правительство не имеет никакого намерения вмешиваться в право Китая облагать налогами местный опиум, но важно заявить о том, что в своих мерах по взиманию таких налогов Китай не будет подвергать другие товары налогообложению, задержкам или приостановке.

Китай свободен содержать в важных пунктах на границах каждой провинции — сухопутных или морских — конторы для сбора пошлины на местный опиум, где взимаемые пошлины или взносы будут уплачиваться одной паушальной суммой; подобный платеж будет покрывать все налоги любого рода в пределах данной провинции. На каждом куске опиума будет проставляться печать в удостоверение уплаты пошлины. При таковых конторах могут работать акцизные чиновники и полицейские; но не будут создаваться никакие заставы или другие препятствия, и акцизные чиновники или полицейские этих контор не будут останавливать или беспокоить любые другие виды товаров, или взимать с них налоги.

Список этих контор будет составлен и сообщен Британскому правительству для записи.

Раздел 6. Лицензия на соль настоящим упраздняется, и размер такового лицензия и других налогов и взносов будет добавляться к пошлине на соль, которая будет взиматься в месте производства или на первой станции той провинции, куда она поставляется для потребления.

Китайское правительство будет свободно создавать соляные конторы, на которых лодкам, перевозящим соль по соляным пропускам или свидетельствам, может быть предложено остановиться для целей досмотра и визирования свидетельства, но в таковых конторах не будут взиматься лицензий или транзитные налоги и при них не будут воздвигаться никакие заставы или разные препятствия.

Раздел 7. Китайское правительство может исправлять вывозной тариф с конкретными пошлинами, насколько это практично, на основе шкалы, не превышающей 5% ад валорем; но существующие вывозные пошлины будут повышаться, только если уведомление будет дано по крайней мере за шесть месяцев.

В случаях, когда существующие вывозные пошлины превышают 5%, они будут понижены до размера не выше такового.

Специальный добавочный налог в полторакратном размере от вывозной пошлины, в настоящее время уплачиваемый вместо внутренних налогов и лицензий, может налагаться в момент вывоза на товары, вывозимые или в чужие страны, или вдоль побережья.

В отношении шелка, ручного или машинного прядения, общий размер вывозной пошлины не должен превышать конкретной ставки в 5% ад валорем. Половина этой особой пошлины может взиматься в первой китайской таможне во внутренних районах, которые может проходить этот шелк, и в таком случае будет выдаваться свидетельство, как предусмотрено в Разделе 3, которое будет акцептовано соответствующей таможней в месте вывоза взамен половины вывозной пошлины. Коконы, проходящие через китайские таможни, не будут облагаться никакими налогами. Шелк, не вывозимый, но потребляемый в Китае, подлежит обложению упомянутым налогом на потребление на условиях, упомянутых в Разделе 8.

Раздел 8. Упразднение системы лицензий в Китае и отмена всех других видов внутреннего налогообложения ввозимых иностранных товаров и вывозимых товаров, значительно уменьшат государственный доход. Добавочный налог на ввозимые иностранные товары и вывозимые товары и на каботажные товары предназначен для возмещения в некоторой степени этого снижения дохода, но еще остается возместить потерю доходов от лицензий на внутреннюю торговлю, и по сему достигнута договоренность, что Китайское правительство свободно накладывать налог на потребление на предметы китайского происхождения, не предназначенные для вывоза.

Этот налог будет взиматься только в местах потребления, а не с транзитных товаров, и Китайское правительство торжественно обязуется, что меры, которые оно может принять для такого взимания, никоим образом не будут затрагивать иностранные товары или местные товары для вывоза. Сам факт того, что товары являются иностранного происхождения, будет освобождать их от всех налогов, задержек или остановок после прохождения таможни. На иностранные товары, имеющие сходство с местными товарами, таможня, если владелец потребует, будет представлять защитное свидетельство на каждую упаковку по уплате ввозной пошлины и добавочного налога для предотвращения риска возникновения каких-либо споров во внутренних районах.

Местные товары, доставляемые джонками в открытые порты, если они предназначены для местного потребления — независимо от национальности владельца товаров — будут представляться только в китайское таможенное управление, где может взиматься налог на потребление.

Китай свободен устанавливать размер этого налога (на потребление), который может изменяться в зависимости от характера соответствующих товаров, т. е. в зависимости от того, являются ли эти товары предметами первой необходимости или роскоши; но он будет взиматься по единой ставке для товаров одного и того же наименования, независимо от того, перевозятся ли они джонкой, парусным судном или пароходом. Как упомянуто в Разделе 3, налог на потребление не будет взиматься в иностранных поселениях или концессиях.

Раздел 9. Акциз, равный двукратной ввозной пошлине, как изложено в Протоколе от 1901 г., будет взиматься со всей машинной пряжи и тканей, изготавливаемых в Китае, или иностранцами в открытых портах, или китайцами в любом месте в Китае.

Скидка с ввозной пошлины в две трети ввозного добавочного налога предоставляется на хлопок-сырец, ввозимый из-за рубежа, и со всех пошлин, в том числе и налога на потребление, уплачиваемых на китайский хлопок-сырец, используемый на мануфактурах в Китае.

Китайские пряжа и ткань машинного производства по уплате акциза освобождаются от вывозной пошлины, вывозного добавочного налога, пошлины прибрежной торговли и налога на потребление. Таковой акциз подлежит взиманию через Имперскую морскую таможню.

Тот же принцип и процедура будут применяться ко всем другим продуктам иностранного типа, вырабатываемым машинами, иностранцами в открытых портах или китайцами в любом месте в Китае.

Настоящее положение не распространяется на продукцию металлургических заводов в Ханьяне и Дае в пров. Хубэй и подобные другие существующие государственные заводы, освобожденные в настоящее время от налогов; или на продукцию арсеналов, государственных судоверфей или заведений такого рода для правительственных целей, которые могут быть созданы в дальнейшем.

Раздел 10. Член или члены иностранного отдела Имперской морской таможни будут избираться каждым генерал-губернатором или губернатором и назначаться по консультации с генеральным инспектором Имперской морской таможни на должность в каждой провинции для отправления обязанностей в связи с делами китайской таможни, налогом на потребление, налогами на соль и туземный опиум. За работой этих департаментов будут осуществлять эффективный контроль три чиновника, и в случае сообщения ими о любом случае злоупотребления, незаконного взыскания, препятствия движению товаров или подачи жалобы по иной причине, соответствующий генерал-губернатор или губернатор примут немедленные шаги, дабы положить сему конец.

Раздел 11. Случаи незаконных действий, на которые поступит жалоба, как указано в настоящей Статье, будут немедленно расследоваться чиновником Китайского правительства достаточно высокого ранга совместно с британским чиновником и чиновником Имперской морской таможни, каждый из которых будет занимать достаточно высокое положение; и в случае, если большинство расследующих чиновников обнаружат, что жалоба достаточно обоснована и был нанесен ущерб, из средств от добавочного налога будет немедленно выплачена надлежащая компенсация через Имперскую морскую таможню в ближайшем открытом порту. Под ответственность высших властей провинции чиновник, виновный в незаконном действии, должен быть строго наказан и снят со своего поста.

Если жалоба окажется безосновательной, жалобщик будет нести ответственность за расходы по расследованию.

Посланник Его Британского Величества будет иметь право требовать расследования тогда, когда из имеющихся у него сведений он убеждается, что незаконное взыскание или препятствия имели место.

Раздел 12. Китайское правительство соглашается открыть для внешней торговли на том же основании, что и места, открытые для внешней торговли по Нанкинскому и Тяньцзиньскому договорам, следующие пункты, а именно:

Чанша в Хунани;
Ваньсянь в Сычуани;
Аньцзин в Аньхое;
Хайкоу в Гуандуне;
Цзянмэнь в Гуандуне.

Иностранцы, проживающие в этих открытых портах, должны соблюдать постановления муниципалитета и полиции на том же основании, что и китайские жители; и они не имеют права создавать свои собственные муниципалитеты и полицию в пределах этих открытых портов, кроме как с согласия китайских властей.

Если настоящая Статья не вступит в силу, право требовать по таковой открытия этих портов, за исключением Гунбо, что предусмотрено в Статье X, отпадает.

Раздел 13. В соответствии с положениями Раздела 14 меры, предусмотренные в настоящей Статье, вступают в силу 1 января 1904 г.

К этой дате все лицензивые заставы будут упразднены, и чиновники, занимающиеся сбором налогов и поборов, запрещенных настоящей Статьей, будут смещены со своих постов.

Раздел 14. Условием, при котором Китайское правительство берет на себя настоящее обязательство, будет, что все державы, имеющие право наиболее благоприятствуемой нации в Китае, возьмут на себя такие же обязательства, как и Великобритания в отношении уплаты добавочных налогов и других обязательств, налагаемых настоящей Статьей на правительство и подданных Его Британского Величества.

Условия, при которых правительство Его Британского Величества берет на себя настоящее обязательство, суть следующие:

(1) что все державы, которые имеют в настоящее время или могут получить

в дальнейшем режим наиболее благоприятствуемой нации в Китае, возьмут на себя такие же обязательства,

(2) и что их согласие ни прямо, ни косвенно не будет увязываться с предоставлением Китаем каких-либо политических концессий или каких-либо исключительных коммерческих концессий.

Раздел 15. Если державы, имеющие режим наиболее благоприятствуемой нации в Китае, не смогут договориться о принятии на себя обязательств, взятых Великобританией по настоящей Статье к 1 января 1904 г., положения Статьи вступят в силу только тогда, когда все державы подпишутся под принятием этих обязательств.

Раздел 16. После принятия и санкционирования решения об упразднении лицензий и других форм внутренних налогов на товары, как это предусмотрено в настоящей Статье, будет опубликован и распространен Императорский указ в надлежащей форме и на желтой бумаге, в котором будет сообщено об отмене всех лицензионных сборов, лицензионных застав и всех видов внутренних налогов на товары, за исключением случаев, предусмотренных в настоящей Статье.

В указе будет объявлено, что высшие чины провинций будут ответственными за то, чтобы любой чиновник, пренебрегающий буквой или духом его указаний, был строго наказан и смещен со своего поста.

Статья IX

Китайское правительство, признавая выгоду для страны от развития ее минеральных ресурсов и желательность привлечения к участию в горных предприятиях не только китайского, но и иностранного капитала, соглашается не позже года со дня подписания сего договора начать и закончить пересмотр существующего горного устава. Китай с возможной скоростью и полной серьезностью войдет в рассмотрение всего вопроса о горных правилах и, выбирая из горных уставов Великобритании, Индии и других стран правила, которые окажутся применимыми к положению Китая, он преобразует свой существующий горный устав так, чтобы, содействуя интересам китайских подданных и никоим образом не причиняя ущерба верховным (суверенным) правам Китая, не чинить какого-либо препятствия к привлечению иностранных капиталов и не ставить иностранных капиталистов в менее выгодное положение, чем при общепринятых иностранных правилах. Всякая горная концессия, дарованная после издания таких новых правил, должна быть подчинена их действию.

Статья X

Поскольку в 1898 г. внутренние воды Китая были открыты для всех пароходов, туземных или иностранных, которые специально зарегистрированы для торговли в договорных портах, и поскольку Постановления от 28 июля 1898 г. и дополнительные Правила от сентября 1898 г., были найдены в некоторых отношениях неудобными для работы, теперь достигнута взаимная договоренность исправить их и приложить такие новые правила к настоящему Договору. Таковые правила будут оставаться в силе до изменений при обоюдном согласии.

Достигнута договоренность далее, что Гунбо будет открыт в качестве договорного порта и что в дополнение к местам, упомянутым в специальной Статье Бирманской конвенции от 4 февраля 1897 г., британским пароходам будет разрешено погружать или разгружать грузы и пассажиров на основании тех же постановлений, которые применяются к «портам захода» на реке Янцзы, в следующих «портах захода»: Байтукоу, Бадинкоу и Доучэн; и погружать или выгружать пассажиров на следующих пассажирских причалах на реке Сицзян: Юнци, Мани, Цзюцзян, Гулао, Юнань, Хоули, Лобу, Ючэнь, Лудоу и Фэнчжоу.

Статья XI

Правительство Его Британского Величества соглашается на запрет общего ввоза морфия в Китай при условии, однако, что Китайское правительство разрешит его ввоз при уплате тарифной ввозной пошлины и по специальному раз-

решению надлежащим образом уполномоченным британским врачам для использования в госпиталях, или британским химикам, или аптекарям, которым будет позволено продавать его только в малых количествах и по получении рецепта на отпуск, подписанный надлежащим образом уполномоченным иностранным врачом.

Указанные выше разрешения будут дароваться потенциальному импортеру по подписании им обязательства перед британским консулом, гарантирующего выполнение этих условий. Если импортер будет найден виновным в нарушении своего обязательства перед британским консулом, ему не будет дано права получить другое разрешение. При ввозе морфия без разрешения любым британским подданным его морфий будет подвергнут конфискации.

Настоящая Статья вступит в силу при согласии всех договорных держав с ее условиями, но морфий, который будет фактически отгружен до этой даты, не будет подпадать под это запрещение.

Китайское правительство со своей стороны обязуется немедленно принять меры по предотвращению производства морфия в Китае.

Статья XII

Поскольку Китай выразил серьезное желание преобразовать свою судебную систему и привести ее в соответствие с таковой Западных стран, Великобритания соглашается предоставить ему всякое содействие к указанной реформе, а также готова отказаться от своих экстерриториальных прав, когда она убедится, что на то дают ей право состояние китайских законов, способ их применения и другие соображения.

Статья XIII

Поскольку миссионерский вопрос, по мнению Китайского правительства, требует тщательного рассмотрения, с тем чтобы, по возможности, предотвратить беспокойства, которые имели в прошлом место, в будущем Великобритания соглашается вступить в Комиссию по расследованию этого вопроса и, если возможно, разработать средства для обеспечения постоянного мира между принявшими [христианскую] религию и не принявшими ее, если такая Комиссия будет создана Китаем и договорными державами.

Статья XIV

Поскольку по Правилу V, приложенному к Тяньцзиньскому договору от 1858 г., британским торговцам разрешается вывозить рис и другое зерно из одного порта Китая в другой на тех же условиях оплаты, что и медь — «наличными»; теперь согласовано, что в случаях ожидаемой нехватки или голода по каким-либо причинам в любом районе китайское правительство будет свободно, по представлении уведомления за двадцать дней, запрещать отгрузку риса или другого зерна из этого района.

Если какое-либо судно, специально зафрахтованное для загрузки рисом или зерном по предшествовавшему контракту, прибыло в порт своей загрузки в день, когда извещение о запрещении вывоза вступает в силу, или до того, ему будет предоставлена еще неделя для загрузки своего груза.

Если в течение срока действия этого запрещения властями будет разрешена какая-либо отгрузка риса или зерна, то запрещение, в силу самого этого факта, будет считаться отмененным и не будет вновь налагаться, прежде чем не будет дано извещение за шесть недель.

При извещении о наложении запрета следует объявлять, имеется ли [в данном районе] какое-либо зерно, собранное в счет налогов или предназначенное для снабжения армии, которое правительство намеревается отгружать в течение запретного срока, и если имеется, то указать его количество.

Запрещение не будет распространяться на такой рис, и таможня будет вести записи об его отгрузках или выгрузках.

Китайское правительство обязуется, что никакой рис, за исключением при-

надлежащего ему, собранного в счет налогов или предназначенного для армии, не будет отгружаться в течение срока запрещения.

Извещения о запрещениях и о количествах налогового и армейского риса, предназначенного для отгрузок, будут производиться губернаторами соответствующих провинций.

Равным образом, извещения о прекращении запрещений будут делаться теми же властями.

Вывоз риса и другого зерна в иностранные государства остается под запретом.

Статья XV

Условлено, что каждая из Высоких договаривающихся сторон настоящего договора может требовать пересмотра тарифа по истечении 10 лет; но если ни с одной стороны не будет заявлено такого требования в течение 6 месяцев по истечении первых 10 лет, тогда тариф останется в силе еще на 10 лет, считая с окончания предшествующих 10 лет; и так будет далее по истечении каждого последующего 10-летнего периода.

Любая тарифная скидка, которую Китай может в дальнейшем предоставить на предметы производства или потребления любого другого государства, будет немедленно предоставлена на подобные предметы производства или потребления, ввозимые из владений Его Британского Величества, кем бы они ни были ввозимы.

Договоры, уже существующие между Соединенным Королевством и Китаем, будут продолжать оставаться в силе в той части, в какой они не отменены или не изменены положениями настоящего договора.

Статья XVI

Английский и китайский тексты настоящего Договора были тщательно сверены, но в случае какого-либо расхождения в смысле между ними, значение, выраженное в английском тексте, будет считаться правильным значением.

Ратификации настоящего Договора за подписями Его Величества Короля Великобритании и Ирландии и Его Величества Императора Китая соответственно будут обменены в Пекине в течение года со дня его подписания.

В удостоверение чего соответствующие полномочные представители подписали настоящий Договор в двух копиях на английском и двух — на китайском языках и скрепили его печатями.

Учтено в Шанхае пятого сентября в лето Господа Нашего 1902, что соответствует 4-му дню 8-го месяца 28-го года Гуансюя по китайскому летосчислению.

М. П.

подпись

Его Превосходительства
Шэнь Сюаньхуая
Его Превосходительства
Люй Хайхуана

Дж. Л. Маккей

подпись

печать
китайских
уполномоченных

КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И КИТАЕМ, КАСАЮЩАЯСЯ ТИБЕТА,

1906 г.

*(К которой прилагается Конвенция между Великобританией и Тибетом,
подписанная в Лхасе 7 сентября 1904 г.)*

(Подписана в Пекине 27 апреля 1906 г.)

Обмен ратификационными грамотами состоялся в Лондоне 23 июля 1906 г.)

Поскольку Его Величество Король Великобритании и Ирландии и Британских владений за морями, Император Индии и Его Величество Император Китая искренне желают поддержать и увековечить отношения дружбы и доброго взаимопонимания, существующие в настоящее время между их соответствующими Империями; и поскольку отказ Тибета признать действительность или осуществить полное исполнение положений Англо-китайской Конвенции от 17 марта 1890 г. и Постановлений от 5 декабря 1893 г. вызвал у Британского правительства необходимость принять меры по обеспечению своих прав и интересов по указанным Конвенции и Постановлениям;

и поскольку в Лхасе 7 сентября 1904 г. от имени Великобритании и Тибета была подписана Конвенция из десяти Статей, ратифицированная от имени Великобритании Вице-королем и генерал-губернатором Индии 11 ноября 1904 г. с приложенной к ней декларацией от имени Великобритании об изменении ее положений при определенных условиях:

Его Британское Величество и Его Величество Император Китая решили заключить Конвенцию по этому вопросу и назначили для этой цели своими Полномочными представителями:

Его Величество Король Великобритании и Ирландии — сэра Эрнеста Мейсона Сэтоу, кавалера ордена Святого Михаила и Святого Георгия, чрезвычайно и полномочного советника — посланника Его Величества при Его Величестве Императоре Китая;

и Его Величество Император Китая — его превосходительство Дун Шаоин, Полномочного Верховного комиссара и вице-президента Совета иностранных дел;

которые, предъявив друг другу свои соответствующие полномочия, оформленные надлежащим образом, договорились о заключении следующей Конвенции в шести Статьях:

Статья I

Конвенция, заключенная 7 сентября 1904 г., между Великобританией и Тибетом, тексты которой на английском и китайском языках прилагаются к настоящей Конвенции в Приложении, настоящим подтверждается, с учетом изменений, изложенных в декларации, приложенной к таковой, и обе высокие Договаривающиеся стороны обязуются в любой момент принимать такие меры, которые могут быть необходимы для обеспечения надлежащего выполнения условий, содержащихся в таковой.

Статья II

Правительство Великобритании обязуется не аннексировать территорию Тибета и не вмешиваться в управление Тибетом. Правительство Китая также обязуется не позволять никакому иностранному государству вторгаться на территорию или вмешиваться во внутреннее управление Тибета.

Статья III

Концессии, упомянутые в Статье 9(г) Конвенции, заключенной 7 сентября 1904 г. между Великобританией и Тибетом, не будут предоставляться ни одному государству или подданному какого-либо государства, за исключением Китая, но с Китаем согласовано, что Великобритания будет иметь право прокладывать те-

леграфные линии для связи с Индией, упомянутых в Статье 2 вышеупомянутой Конвенции пунктов, где разрешается открытие торговых рынков.

Статья IV

Положения Англо-китайской Конвенции от 1890 г. и Постановлений от 1893 г. с учетом условий настоящей Конвенции и Приложения к таковой остаются в полной силе.

Статья V

Английский и китайский тексты настоящей Конвенции были тщательно сверены и оказались соответствующими друг другу, но в случае какого-либо расхождения в значениях между ними, английский текст будет иметь преобладающую силу.

Статья VI

Настоящая Конвенция будет ратифицирована Суверенами обеих стран, и обмен ратификационными грамотами состоится в Лондоне не позднее чем через три месяца с даты ее подписания Полномочными представителями обеих держав.

В удостоверение чего соответствующие Полномочные представители подписали и скрепили печатами настоящую Конвенцию в четырех копиях на английском и четырех копиях на китайском языках.

Совершено в Пекине двадцать второго апреля 1906 г., что соответствует 4-му дню 4-го месяца 32-го года правления Гуансюя.

М. П. Эрнест Сэтуэ

(Подпись и печать китайского Полномочного представителя)

Treaties, Conventions, Etc., between China and Foreign States. Vol. 1. Shanghai, 1917, c. 652—654.

№ 9а

ПРИЛОЖЕНИЕ КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ТИБЕТА,

1904 г.

(подписано в Лхасе 7 сентября 1904 г.)

Поскольку возникли сомнения и затруднения в отношении значения и действительности Англо-китайской конвенции от 1890 г. и Торговых постановлений от 1893 г. и в отношении обязательств Тибетского правительства по этим соглашениям; и поскольку недавние события привели к нарушению отношений дружбы и доброго взаимопонимания, которые существуют между Британским правительством и правительством Тибета; и поскольку желательным является восстановить мир и дружеские отношения и определить и разрешить вышеупомянутые сомнения и затруднения, указанные Правительством решили с этой целью заключить Конвенцию, следующие статьи которой были согласованы полковником Ф. Э. Янгхазбэндом, кавалером Ордена Индийской империи 3-й степени, в силу полномочий, которыми он облечен Правительством Его Британского Величества, и от имени этого указанного Правительства, и Ганден Ти-римпоче, Лобсангом Гьялцзеном, и представителями Совета трех монастырей: Сэра, Дрэпунг и Ганден и духовными и светскими лицами из Национального собрания от имени правительства Тибета.

I

Правительство Тибета обязуется уважать Англо-китайскую конвенцию от 1890 г. и признавать границу между Сиккимом и Тибетом, как определено в Статье I указанной Конвенции, и устанавливать пограничные столбы соответственно.

II

Тибетское правительство обязуется открыть с сего времени в городах Гарток, Джангдзе, а также Ятунг торговые рынки, на которые все британские и тибетские подданные будут иметь право свободного доступа.

Постановления, применяемые к торговому рынку в Ятунге по Англо-китайскому соглашению от 1893 г., будут, с учетом тех поправок, каковые по взаимному согласию между Британским и Тибетским правительствами могут быть согласованы в дальнейшем, применяться и к упомянутым выше рынкам.

Помимо открытия торговых рынков в упомянутых местах Тибетское правительство обязуется не накладывать ограничения на торговлю, осуществляющуюся по имеющимся путям, и рассмотреть вопрос открытия новых торговых рынков на подобных условиях, если этого потребует развитие торговли.

III

Вопрос о поправках к Постановлениям от 1893 г. будет рассмотрен отдельно, и Тибетское правительство обязуется назначить уполномоченных делегатов для переговоров с представителями Британского правительства в отношении деталей требуемых поправок.

IV

Тибетское правительство обязуется не взимать сборов иного рода, чем те, которые будут предусмотрены взаимно согласованными тарифами.

V

Тибетское Правительство обязуется не чинить никаких препятствий на дорогах от границы до Джангдзе и Гартока и содержать их в состоянии, пригодном для нужд торговли, и назначить в Ятунге, Джангдзе и Гартоке и в каждом из других торговых рынков, которые могут быть открыты в дальнейшем, Тибетского агента, который будет получать от Британского агента, назначенного для наблюдения за Британской торговлей на упомянутых рынках, любые письма, которые последний может пожелать направить Тибетским или Китайским властям.

Тибетский агент также будет нести ответственность за своевременную доставку таких сообщений и за передачу ответов.

VI

В качестве возмещения Британскому правительству за расходы, понесенные в связи с отправкой войск в Лхасу, чтобы добиться исправления нарушений договорных обязательств, и за оскорбления и нападки на британского комиссара и его сопровождение и свиту, Тибетское правительство обязуется уплатить сумму в пятьсот тысяч фунтов — что равняется семи миллионам пятистам тысячам рупий — Британскому правительству.

Эта контрибуция будет выплачиваться в том месте, которое будет периодически указываться Британским правительством после надлежащего уведомления, или в Тибете, или в британских районах — в Дарджилинге или Джалпайгуре, семидесятью пятью годовыми частями по сто тысяч рупий, каждого 1 января каждого года, начиная с 1 января 1906 г.

VII

В качестве обеспечения выплаты вышеупомянутой контрибуции и для выполнения положений, касающихся торговых рынков, указанных в Статьях II, III,

IV и V, Британское правительство будет продолжать оккупировать долину Чум-би до тех пор, пока контрибуция не будет уплачена или пока срок эффективной деятельности торговых рынков не составит три года, в зависимости от того, какая дата наступит позже.

VIII

Тибетское Правительство соглашается снести все форты и укрепления и отвести все вооруженные силы, которые могли бы помешать свободной связи между Британской границей и городами Джангдзе и Лхасой.

IX

Правительство Тибета обязуется, что без предварительного согласия Британского правительства:

(а) ни одна часть Тибетской территории не будет уступаться, продаваться, сдаваться в аренду, закладываться или каким-либо иным образом отдаваться какой-либо иностранной державе;

(б) ни одной такой державе не будет разрешено вмешиваться в дела Тибета;

(в) ни один представитель или агент ни одной иностранной державы не будет допущен в Тибет;

(г) ни одной иностранной державе или подданному какой-либо иностранной державы не будут предоставляться никакие железнодорожные, дорожные, телеграфные или горные концессии или другие права. В случае согласия на предоставление таких концессий, подобные или равные концессии будут предоставлены Британскому правительству;

(д) ни одной иностранной державе или подданному какой-либо иностранной державы не будут отдаваться в залог или переуступаться доходы Тибета натурой или наличными.

X

В удостоверение чего участники переговоров подписали сие и скрепили сие своими гербовыми печатями.

Совершено в пяти экземплярах в Лхасе 7 сентября в лето господа нашего одна тысяча девятьсот четвертое, что соответствует 27-му дню 7-го месяца года Деревянного Дракона.

печать
Британского
Комиссара

Ф. Э. Янгхазбэнд
полковник,
Британский Комиссар
печать Совета

печать Далай Ламы,
приложенная Ганден
Ти-римпоче

печать
монастыря
Дрэпунг

печать
монастыря
Сэра

печать
монастыря
Ганден

Печать Национального Собрания

При подписании Конвенции от сего дня представители Великобритании и Тибета заявляют, что английский текст будет иметь преобладающую силу

печать
Британского
Комиссара

Ф. Э. Янгхазбэнд
полковник,
Британский Комиссар
печать Совета

печать Далай Ламы,
приложенная Ганден
Ти-римпоче

печать
монастыря
Дрэпунг

печать
монастыря
Сэра

печать
монастыря
Ганден

Печать Национального Собрания

Амтхилл

Вице-король и генерал-губернатор Индии

Treaties, Conventions, Etc., between China and Foreign States. Vol. 1. Shanghai, 1917, c. 655—658.

ДОГОВОР О ТАРИФНОЙ АВТОНОМИИ МЕЖДУ КИТАЕМ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ

Его Превосходительство президент национального правительства Китайской Республики и Его Величество Король Великобритании, Ирландии и Британских владений за морями, Император Индии, желая укрепить добрые отношения, которые прекрасно существуют между ними, и содействовать расширению торговли между их соответствующими странами, решили заключить с этой целью договор и назначили своими полномочными представителями:

Его Превосходительство президент национального правительства Китайской Республики — Его Превосходительство доктора Ван Чжэнтиня, министра иностранных дел национального правительства Китайской Республики;

Его Величество Король Великобритании, Ирландии и Британских владений за морями, Император Индии, от Великобритании и Северной Ирландии — сэра Майлса Уэддерберна Лэмсона, кавалера ордена св. Михаила и св. Георгия 2-й степени, кавалера ордена Бани 3-й степени, кавалера ордена Королевы Виктории 4-й степени, чрезвычайного и полномочного советника-посланника его Величества в Китайской Республике;

которые, сообщив друг другу свои полномочия, найденные в доброй и надлежащей форме, договорились о нижеследующем:

Статья I

Достигнута договоренность о том, что все положения существующих договоров между Высокими договаривающимися сторонами, которые каким-либо образом ограничивают право Китая устанавливать свой национальный таможенный тариф так, как он считает это надлежащим, сим упраздняются и что будет применяться принцип полной национальной тарифной автономии.

Статья II

Подданные и граждане каждой из Высоких договаривающихся сторон не будут понуждаемы ни под каким предлогом платить соответственно на территориях Его Британского Величества, на которые распространяется настоящий Договор, и Китая какие-либо пошлины, внутренние сборы или налоги на товары, ввозимые или вывозимые ими, которые бы отличались или были выше, чем те, которые уплачиваются за товары того же происхождения соответственно британскими подданными и китайскими гражданами, или гражданами любой другой зарубежной страны.

Статья III

Его Британское Величество соглашается упразднить все положения существующих договоров между Высокими договаривающимися сторонами, которые ограничивают право Китая налагать такие тоннажные сборы, которые он сочтет надлежащими.

В отношении тоннажных сборов и всех вопросов, связанных с таковыми, китайским судам в тех территориях Его Британского Величества, на которые распространяется настоящий договор, и британским судам в Китае, будет предоставлен режим, не менее благоприятный, чем тот, который предоставляется судам любой другой зарубежной страны.

Статья IV

Настоящий договор будет ратифицирован и ратификации будут обменены в Лондоне возможно скорее. Он вступит в силу с даты уведомления обеими Сторонами друг друга об осуществлении ратификации.

Китайский и английский тексты настоящего соглашения были тщательно срав-

нены и выверсны; однако в случае расхождения смысла между ними, преобладающую силу будет иметь смысл, выраженный в английском тексте.

В удостоверение чего соответствующие полномочные представители подписали настоящий договор в двух экземплярах и скрепили таковые своими печатями.

Учинено в Нанкине двадцатого дня двенадцатого месяца семнадцатого года Китайской Республики, что соответствует двадцатому декабря 1928 г.

[подпись]
[подпись]

Ван Чжэнтун
Майлс У. Лэмпсон

The China Year Book. 1928—30. Tientsin, 1931, с. 846—847.

№ 11

КИТАЙСКО-АНГЛИЙСКИЙ ДОГОВОР

*Подписан в Чунцине 11 января 1943 г.
Обмен ратификационными грамотами
состоялся в Чунцине 20 мая 1943 г.*

Его Превосходительство президент Национального правительства Китайской Республики и Его Величество Король Великобритании, Ирландии и Британских владений за морями, Император Индии: желая в духе дружбы более четко определить общие отношения между ними и для этого разрешить определенные вопросы, касающиеся юрисдикции в Китае,

решили заключить с этой целью Договор и назначили для этого своими Полномочными представителями:

Его Превосходительство президент Национального правительства Китайской Республики — Его Превосходительство доктора Сун Цзэвэня, министра иностранных дел Китайской Республики;

Его Величество Король Великобритании, Ирландии и Британских владений за морями, Император Индии (именуемый в дальнейшем Его Величество Король):

От имени Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — Его Превосходительство сэра Горация Джэймса Сеймура, кавалера ордена св. Михаила и св. Георгия 2-й степени, кавалера ордена королевы Виктории 3-й степени, чрезвычайного и полномочного посла Его Величества в Китайской Республике;

От имени Индии:

Хью Эдварда Ричардсона, эсквайра, представителя Индийской политической службы;

которые, предъявив друг другу свои полномочия, найденные в доброй и надлежащей форме, договорились о нижеследующем:

Статья 1. (1). Территориями Высоких договаривающихся сторон, на которые распространяется настоящий Договор, являются, со стороны Его Превосходительства президента Национального правительства Китайской Республики — все территории Китайской Республики; и со стороны Его Величества Короля — Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Индия, все колонии, заморские территории, протектораты Его Величества, все территории под Его протекцией или сюзеренитетом и все мандатные территории, мандаты на которые приняты Его правительством в Соединенном Королевстве. Любая ссылка в последующих статьях настоящего Договора на территории той или иной Высокой договаривающейся стороны будет рассматриваться как относящаяся к тем территориям этой Высокой договаривающейся стороны, на которые распространяется настоящий Договор.

(2) В настоящем Договоре термины «граждане (подданные) той (или иной) Высокой договаривающейся стороны» в отношении Китайской Республики означают всех граждан Китайской Республики; а в отношении Его Величества Короля — всех британских подданных и лиц под британской протекцией, являющихся выходцами тех территорий, на которые распространяется настоящий Договор.

(3) Выражение «компании той (или иной) Высокой договаривающейся стороны» для целей настоящего Договора толкуется, как означающее компании с ограниченной ответственностью или другие товарищества и ассоциации, учреждаемые в соответствии с законодательством территорий Высоких договаривающихся сторон, на которые распространяется настоящий Договор.

Статья 2. Настоящим аннулируются все те положения действующих договоров или соглашений, заключенных между Его Превосходительством президентом Национального правительства Китайской Республики и Его Величеством Королем, или уполномоченными Его Величества Королем представителями, которые относились к юрисдикции подданных или компаний Его Величества на территории Китайской Республики. Подданные и компании Его Величества Короля подлежат на территории Китайской Республики юрисдикции правительства Китайской Республики в соответствии с принципами международного права и практикой.

Статья 3. (1) Его Величество Король считает, что Заключительный протокол, заключенный в Пекине 7 сентября 1901 г. между китайским правительством и другими правительствами, включая правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, должен прекратить свое действие и соглашается с тем, что права, предоставленные правительству Его Величества в Соединенном Королевстве по этому Протоколу и по дополняющим его соглашениям, прекращаются.

(2) Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве будет сотрудничать с правительством Китайской Республики в достижении всех необходимых соглашений с другими заинтересованными правительствами о передаче правительству Китайской Республики управления и контроля над дипломатическим кварталом в Бэйпине, включая официальные средства и официальные обязательства * дипломатического квартала, причем с обеих сторон понимается, что правительство Китайской Республики при перенятии управления и контроля над дипломатическим кварталом обеспечит принятие и выполнение официальных обязанностей и обязательств дипломатического квартала и признание и защиту всех законных прав по таковым.

(3) Правительство Китайской Республики предоставит правительству Его Величества в Соединенном Королевстве дальнейшее право использовать для официальных целей землю, которая была выделена правительству Его Величества в Соединенном Королевстве в дипломатическом квартале в Бэйпине, на части которой расположены здания, принадлежащие правительству Его Величества в Соединенном Королевстве.

Статья 4. (1) Его Величество Король считает, что международные поселения в Шанхае и Амое должны быть возвращены под управление и контроль правительства Китайской Республики и соглашается, что права, предоставляемые Его Величеству в связи с этими поселениями, прекращаются.

(2) Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве будет сотрудничать с правительством Китайской Республики в достижении всяких необходимых соглашений с другими соответствующими правительствами о передаче правительству Китайской Республики управления и контроля над международными поселениями в Шанхае и Амое, в том числе официальных средств и официальных обязательств этих поселений, причем с обеих сторон понимается, что правительство Китайской Республики при перенятии управления и контроля над этими поселениями обеспечит принятие и выполнение официальных обязанностей и обязательств этих поселений и признание и защиту всех законных прав по таковым.

(3) Его Величество Король соглашается, что британская концессия (включая весь Британский муниципальный район) в Тяньцзине и британская концессия в Кантоне возвратятся под управление и контроль правительства Китайской Рес-

* Подразумеваются материальные средства и долговые обязательства.

публики и что права, предоставленные Его Величеству в связи с этими концессиями, прекращаются.

(4) Управление и контроль над британской концессией (включая весь британский муниципальный район) в Тяньцзине и британская концессия в Кантоне, включая их официальные средства и официальные обязательства, будут переданы правительству Китайской Республики, причем с обеих сторон понимается, что правительство Китайской Республики при перенятии управления и контроля над этими концессиями обеспечит принятие и выполнение обязанностей и обязательств этих концессий и признание и защиту всех законных прав по таковым.

Статья 5. (1) Во избежание возникновения каких бы то ни было вопросов, касающихся существующих прав в отношении или касательно существующих правооснований на недвижимое имущество на территории Китайской Республики, находящееся во владении подданных и компаний Его Величества Короля или правительства Его Величества в Соединенном Королевстве, и в частности вопросов, которые могут возникнуть в связи с отменой положений договоров и соглашений, предусмотренной в Статье 2 настоящего договора, Высокие договаривающиеся стороны соглашаются, что такие существующие права или правооснования будут неоспоримыми и не будут подвергаться сомнению ни на каких основаниях, кроме как доказательств, добытых в установленном законом порядке, обмана или обманных, или бесчестных действий в приобретении таких прав или правооснований, причем понимается, что никакое право или правооснование не будет становиться недействительным в силу какого-либо последующего изменения в первоначальной процедуре, по которой оно было приобретено. Условлено также, что осуществление этих прав или правооснований будет подчинено законам и постановлениям Китайской Республики, касающимся налогообложения, национальной обороны и права государства на отчуждение частной собственности; и что ни одно такое право или правооснование не может отчуждаться в пользу правительства или граждан (включая компании) любой третьей страны без явного согласия правительства Китайской Республики.

(2) Высокие договаривающиеся стороны также соглашаются, что если правительство Китайской Республики пожелает заменить существующие договоры о вечной аренде или другие документальные доказательства владения недвижимым имуществом подданными или компаниями Его Величества Короля или правительства Его Величества в Соединенном Королевстве новыми актами на собственность, то замена будет осуществлена китайскими властями без сборов какого-либо рода, и новые акты на собственность будут полностью защищать владельцев такой аренды или других документальных доказательств и их законных наследников и преемников без умаления их первоначальных прав и интересов, включая право отчуждения.

(3) Высокие договаривающиеся стороны далее соглашаются, что к подданным или компаниям Его Величества Короля или правительства Его Величества в Соединенном Королевстве не будет предъявляться никаких требований или просьб со стороны китайских властей об уплате сборов в связи с передачами земли на какой-то срок или относительно какого-то срока до вступления в силу настоящего договора.

Статья 6. Поскольку Его Величество Король давно предоставляет гражданам Китайской Республики в каждой из территорий Его Величества право путешествовать, проживать и производить торговлю по всей такой территории, правительство Китайской Республики соглашается предоставить аналогичные права подданным Его Величества на территории Китайской Республики. Каждая Высокая договаривающаяся сторона будет стремиться предоставлять на своих территориях гражданам и компаниям другой Высокой договаривающейся стороны в отношении всех законных процедур и в вопросах, касающихся отправления правосудия и взимания налогов и требований в связи с таковыми, режим не менее благоприятный, чем тот, который предоставляется ее собственным гражданам и компаниям.

Статья 7. Консульским служащим одной Высокой договаривающейся стороны, с надлежащими экзекватурами, будет разрешено проживать в тех портах, местах и городах на территории другой Высокой договаривающейся стороны, какие будут согласованы. Консульские служащие одной Высокой договаривающейся стороны будут иметь право в своих районах на территории другой Высокой

договаривающейся стороны расспрашивать, связываться и давать рекомендации гражданам и компаниям первой Высокой договаривающейся стороны, а граждане и компании одной Высокой договаривающейся стороны на территории другой Высокой договаривающейся стороны будут иметь право в любое время связываться с консульскими служащими первой Высокой договаривающейся стороны. Консульские служащие одной Высокой договаривающейся стороны на территории другой будут немедленно информироваться соответствующими местными властями об аресте или задержании какого-либо из их граждан в их районе местными властями. Они будут иметь право посещать в границах своих районов любого из их граждан, находящихся под арестом или в ожидании суда в тюрьме. Сообщения от граждан одной Высокой договаривающейся стороны, находящихся в тюрьме на территории другой Высокой договаривающейся стороны, адресованные консульским служащим первой Высокой договаривающейся стороны, будут передаваться соответствующему консульскому служащему местными властями. Консульские служащие одной Высокой договаривающейся стороны будут наделены на территориях другой Высокой договаривающейся стороны правами, привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми консульским служащим по современным международным правилам.

Статья 8. (1) Высокие договаривающиеся стороны вступят в переговоры о заключении всеобъемлющего современного договора или договоров о дружбе, торговле, навигации и консульских правах по просьбе одной из них, или в любом случае в течение шести месяцев после прекращения военных действий в войне против общих противников, которую они обе сейчас ведут. Договор или договоры, которые будут заключены после таких переговоров, будут основываться на принципах международного права и практики, как отражено в современных международных процедурах и в современных международных договорах, которые каждая из Высоких договаривающихся сторон заключила с другими державами за последние годы.

(2) До заключения всеобъемлющего договора или договоров, упомянутых в предыдущем параграфе, если в будущем возникнут какие-либо вопросы, затрагивающие права на территории Китайской Республики подданных или компаний Его Величества Короля или правительства Его Величества в Соединенном Королевстве и правительства Индии, и если эти вопросы не покрываются настоящим договором и обменными нотами или положениями существующих договоров, конвенций и соглашений между Высокими договаривающимися сторонами, которые не отменены или не расходятся с настоящим договором и обменными нотами, такие вопросы будут обсуждаться представителями Высоких договаривающихся сторон и будут решаться в соответствии с общепринятыми принципами международного права и с современной международной практикой.

Статья 9. Настоящий договор будет ратифицирован и ратификационные грамоты будут обменены в Чунцине как можно скорее. Договор вступает в силу со дня обмена ратификациями.

В удостоверение чего вышеупомянутые полномочные представители подписали настоящий договор и скрепили его своими печатями.

Совершено в Чунцине 14-го дня 1-го месяца 32-го года Китайской Республики, что соответствует 11 января 1943 г., в двух экземплярах — на китайском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

№ 11а

ОБМЕН НОТАМИ

А. Нота д-ра Сун Цзэвэня,
китайского министра иностранных дел, сэру Горацию Джэймсу Сеймuru
Чунцин, 11 января 1943 г.

Сэр,

Во время переговоров по договору, подписанному сегодня между Его Превосходительством Президентом Национального правительства Китайской Республики и Его Величеством Королем Великобритании, Июландии и Британских вла-

дений за морями, Императором Индии, за Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Индию, был обсужден ряд вопросов, по которым была достигнута договоренность. Договоренности, достигнутые в отношении этих вопросов, записаны в приложении к настоящей ноте, каковое приложение будет считаться неотъемлемой частью договора, подписанного сегодня и будет считаться вступившим в силу в день вступления в силу настоящего договора. Я был бы рад, если бы Ваше Превосходительство подтвердили эти договоренности от имени правительства Его Величества в Соединенном Королевстве.

Пользуюсь настоящей возможностью, чтобы возобновить Вашему Превосходительству уверения в моем высочайшем уважении.

Его Превосходительству
Сэру Горацию Джеймсу Сеймуре
кавалеру ордена Св. Михаила и Св. Георгия,
кавалеру ордена Королевы Виктории
Послу Его Величества

Чунцин

Приложение

1. В отношении Статьи 2 и Статьи 8(2) договора понимается, что:

(а) Его Величество Король отказывается от всех существующих договорных прав, касающихся системы договорных портов в Китае. Его Превосходительство Президент Национального правительства Китайской Республики и Его Величество Король совместно соглашаются, что торговым судам одной Высокой договаривающейся стороны будет позволено свободно заходить в порты, места и воды на территории другой Высокой договаривающейся стороны, которые открыты или могут быть открыты для заморских торговых судов, и что режим, предоставляемый таким судам в этих портах, местах и водах, будет не менее благоприятным, чем тот, который предоставляется национальным судам и будет таким же благоприятным, который предоставляется судам любой третьей страны. Термин «суда» Высокой договаривающейся стороны означает все суда, зарегистрированные по законодательству любой из территорий той Высокой договаривающейся стороны, на которую распространяется подписанный сегодня договор.

(б) Его Величество Король отказывается от всех существующих договорных прав, касающихся специальных судов в международных поселениях в Шанхае и Амосе.

(в) Его Величество Король отказывается от всех существующих прав, касающихся найма иностранных лоцманов в портах на территории Китайской Республики.

(г) Его Величество Король отказывается от всех существующих прав, касающихся захода Его военно-морских судов в воды Китайской Республики; и правительство Китайской Республики и правительство Его Величества в Соединенном Королевстве предоставят друг другу в связи с визитами боевых кораблей одной Высокой договаривающейся стороны в порты другой Высокой договаривающейся стороны взаимную вежливость в соответствии с обычными международными правилами.

(д) Его Величество Король отказывается от всех прав требовать назначения британского подданного в качестве генерального инспектора китайской таможни.

(е) Так как все суды Его Величества Короля, которые доныне заседали на территории Китайской Республики, закрываются в соответствии со Статьей 2 подписанного сегодня договора, приказы, декреты, решения и другие акты любой из судов Его Величества в Китае будут считаться «рес юдиката» и при необходимости будут проводиться в жизнь китайскими властями; далее, всякие дела, ожидающие решения в судах Его Величества в Китае на момент вступления в силу договора, будут, если истец или проситель того пожелают, переданы соответствующим судам правительства Китайской Республики, которые будут продолжать вести их так скоро, как это возможно, и при этом будут, насколько это осуществимо, применять закон, который был бы применен судом Его Величества.

(ж) Его Величество Король отказывается от особых прав, которые были предоставлены Его судам в отношении каботажной торговли и внутренней навигации в водах Китайской Республики, и правительство Китайской Республики

готово принять на себя любое имущество подданных и компаний Его Величества, которые использовались для целей этих родов деятельности и от которых владельцы могут иметь желание избавиться, и выплатить за таковую достаточную компенсацию. Правительство Китайской Республики отказывается от особых прав, которые были предоставлены китайским судам в отношении навигации по реке Иравади по статье 12 Конвенции, подписанной в Лондоне 1 марта 1894 г. Если одна Высокая договаривающаяся сторона предоставит на любой из своих территорий право каботажной торговли или внутренней навигации судам любой третьей страны, такие же права равным образом будут предоставлены судам другой Высокой договаривающейся стороны, при условии, что последняя Высокая договаривающаяся сторона позволит судам первой Высокой договаривающейся стороны заниматься каботажной торговлей или внутренней навигацией на ее территориях. Условия режима благоприятствуемой нации не распространяются на каботажную торговлю и внутреннюю навигацию, и они регулируются согласно законам каждой из Высоких договаривающихся сторон в этом отношении. Однако условлено, что судам каждой из Высоких договаривающихся сторон будет предоставлен в пределах территорий другой Высокой договаривающейся стороны в отношении каботажной торговли и внутренней навигации режим такой же благоприятный, как и режим, предоставляемый судам любой третьей страны в соответствии с вышеупомянутой оговоркой.

2. В отношении последнего предложения статьи 5(1) договора, правительство Китайской Республики заявляет, что ограничение права отчуждения существующих прав или правооснований на недвижимое имущество, упомянутое в этой статье, будет применяться китайскими властями справедливым образом и что, если Китайское правительство откажется дать согласие на предлагаемую передачу, то Китайское правительство в духе справедливости и с целью избежать нанесения убытков подданным или компаниям Его Величества Короля, чьи интересы задеваются, обязуется, по просьбе подданного или компании Его Величества, которым было отказано в разрешении на отчуждение, перенять соответствующие права и правооснования и уплатить за это достаточную компенсацию.

3. Понимается, что упразднение системы договорных портов не скажется на существующих правах собственности и что подданные каждой Высокой договаривающейся стороны будут иметь право приобретать недвижимое имущество и владеть им в любом месте на территориях другой Высокой договаривающейся стороны в соответствии с условиями и требованиями, предписываемыми законами и постановлениями этой Высокой договаривающейся стороны.

4. Согласовано далее, что вопросы, могущие повлиять на суверенитет Китайской Республики и которые не покрываются настоящим договором или предыдущими положениями настоящей Ноты будут обсуждаться представителями правительства Китайской Республики и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве и решаться в соответствии с общепринятыми принципами международного права и современной международной практикой.

Б. Нота сэра Горация Джэймса Сеймура
д-ру Сун Цзэвэню, Министру иностранных дел

Чунцин, 11 января 1943 г.

Господин,

Я имею честь подтвердить получение Ноты Вашего Превосходительства от сего дня следующего содержания:

«Во время переговоров по договору, подписанному сегодня между Его Превосходительством президентом национального правительства Китайской Республики и Его Величеством Королем Великобритании, Ирландии и Британских владений за морями, Императором Индии, за Соединенное Королевство Великобритания и Северной Ирландии и Индию, был обсужден ряд вопросов, по которым была достигнута договоренность. Договоренности, достигнутые в отношении этих вопросов, записаны в приложении к настоящей ноте, каковое приложение будет считаться неотъемлемой частью договора, подписанного сегодня и будет считаться вступившим в силу в день вступления в силу настоящего договора. Я был бы

рад, если бы Ваше Превосходительство подтвердили эти договоренности от имени правительства Его Величества в Соединенном Королевстве».

Я имею честь от имени правительства Его Величества в Соединенном Королевстве подтвердить договоренности, достигнутые между нами, как записано в приложении к Ноте Вашего Превосходительства, каковое приложение будет считаться неотъемлемой частью договора, подписанного сегодня и будет считаться вступившим в силу в день вступления в силу настоящего договора.

Пользуюсь настоящей возможностью, чтобы возобновить Вашему Превосходительству уверения в моем высочайшем почтении.

Его Превосходительству
д-ру Сун Цзэвэнь
Министру иностранных дел
Китайской Республики

Чунцин

China Hand Book 1937—1943. Chungking, 1943, c. 185—189.

№ 12

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Сэр! Я имею честь уведомить Ваше превосходительство, что Правительство Соединенного Королевства Великобритании, изучив ситуацию, возникшую вследствие образования Центрального Народного Правительства КНР и учитывая, что оно в настоящее время эффективно контролирует подавляющую часть территории Китая, с сего дня признает названное Правительство законным Правительством Китая. В соответствии с этим Правительство Соединенного Королевства в ответ на обращение председателя Мао Цзэдуна от 1 октября 1949 г. готово установить дипломатические отношения на основе равенства, взаимной выгоды, взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета и выражает готовность обмениваться дипломатическими представителями с Центральным Народным Правительством. До назначения посла мистер Хатчинсон назначен на должность Временного Поверенного в делах.

В соответствии с этим я имею честь просить Вас принять его и вести с ним в этом качестве официальные дела и прошу в дальнейшем предоставить ему все необходимые условия для переезда его самого, его штата и архива Посольства Соединенного Королевства из Нанкина в Пекин.

Министр иностранных дел Правительства
Соединенного Королевства Великобритании
Бевин

6 января 1950 г.

«New Commonwealth». 1950, vol. 9, № 12, c. 262—263.

ТЕЛЕГРАММА КИТАЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПРАВИТЕЛЬСТВУ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ
И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

Лондон,

Правительству Соединенного Королевства
Великобритании и Северной Ирландии.
Его Превосходительству Министру
Иностранных Дел г-ну Бевину

Я имел честь от имени Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики получить телеграмму Вашего Превосходительства от 6 января 1950 г., уведомляющую, что Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии желает установить дипломатические отношения с Центральным Народным Правительством Китайской Народной Республики на основе равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения суверенитета. Сообщаю Вашему Превосходительству, что Центральное Народное Правительство Китайской Народной Республики желает установить дипломатические отношения с Правительством Вашего Государства на основе равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения суверенитета и принимает назначенного Вашим Превосходительством в качестве Временного Поверенного г-на Хатчинсона как представителя, направленного Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Пекин для ведения переговоров об установлении дипломатических отношений между нашими государствами. Центральное Народное Правительство Китайской Народной Республики предоставит г-ну Хатчинсону и его сотрудникам все необходимое для переезда вместе с архивом из Нанкина в Пекин.

Министр иностранных дел Центрального
Народного Правительства Китайской
Народной Республики
Чжоу Эньлай

9 января 1950 г.

*Чжунхуа жэньминь гунхэго дуй вай гуаньси вэньцзянь
цзи. Дин цзи. 1949—1950 (Международные отношения
Китайской Народной Республики. Вып. 1). Пекин, 1957,
с. 19.*

№ 14

СОВМЕСТНОЕ КИТАЙСКО-АНГЛИЙСКОЕ КОММЮНИКЕ
ОБ ОБМЕНЕ ПОСЛАМИ

Заместитель министра иностранных дел Китайской Народной Республики Цяо Гуаньхуа и поверенный в делах Англии в Китайской Народной Республике Аддис в результате переговоров, на которые они были уполномочены своими правительствами, достигли 13 марта 1972 г. соглашения об обмене послами между двумя странами. Ниже приводится полный текст совместного коммюнике.

1. Правительство Китайской Народной Республики и правительство Соединенного Королевства, единодушно подтверждая принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, решили с 13 марта 1972 г., повысив ранг своих дипломатических представителей в столице другой страны, возвести своих поверенных в делах в ранг послов.

2. Правительство Соединенного Королевства признает позицию правительства Китая относительно того, что Тайвань является одной из провинций Китайской Народной Республики, и решило с 13 марта 1972 г. упразднить свое официальное представительство на Тайване.

3. Правительство Соединенного Королевства признает правительство Китайской Народной Республики как единственно законное правительство Китая.

Правительство Китайской Народной Республики положительно оценивает вышеуказанную позицию правительства Соединенного Королевства.

«Жэньминь жибао», 14.III.1972; Great Britain. Parliament. House of Commons. The parliamentary debates. Vol. 833. 13 march 1972 col. 35.

Предисловие	3
Глава первая. Первые знакомства и ранние связи Западной Европы с Китаем	4
Глава вторая. Установление прямых связей Англии с Китаем	12
Первые английские суда у берегов Китая	12
Китайско-английские отношения во второй половине XVII в.	13
Китайско-английские связи в первой половине XVIII в.	15
Англо-китайские отношения во второй половине XVIII в. (до прибытия в Китай миссии Макартнея)	20
Ужесточение контроля над западноевропейской торговлей в Китае и ее территориальное ограничение	21
Нарушение англичанами китайского запрета на ввоз опиума	22
Англо-китайская торговля во второй половине XVIII в.	23
Первые дипломатические контакты Англии с Китаем (посольство лорда Макартнея в Китае)	26
Глава третья. Англо-китайские отношения в первой половине XIX в.	33
Наращение напряженности в англо-китайских отношениях	34
Англо-китайские отношения в 20—30-х годах XIX в.	38
Миссия лорда Нэпюра	40
Первая «опиумная» война	45
Англо-китайский Нанкинский договор — первый неравноправный договор Китая с европейской страной	54
Англо-китайские отношения после заключения Нанкинского договора	60
Глава четвертая. Ведущая роль Англии в установлении неравноправных для Китая отношений с капиталистическими государствами (1850—1896 гг.)	68
Китай и Англия в середине XIX в.	68
Китайско-английские отношения накануне второй «опиумной» войны	71
Англо-китайская торговля накануне второй «опиумной» войны	75
Вторая «опиумная» война	78
Тяньзиньский договор, третья «опиумная» война и Пекинская конвенция	82
Тяньзиньский договор и Пекинская конвенция в действии	89
Британская политика «интернационализации и совместных действий»	91
Политика «самоусиления» и Англия	94
Обострение англо-китайских отношений. Чифуская конвенция	100
Англо-китайские отношения накануне китайско-японской войны (1876—1894 гг.)	104
Состояние англо-китайской торговли в 1864—1884 гг.	106
Глава пятая. Англо-китайские отношения в условиях обострившейся борьбы империалистических держав за раздел Китая	111
Китай в фокусе империалистических противоречий на Дальнем Востоке	111
Влияние японо-китайской войны на международное положение Китая и англо-китайские отношения	112
Англо-китайские отношения в период оформления в Китае «сфер влияния» империалистических государств	113
Роль Великобритании в борьбе империалистических монополий за «сферы железнодорожных интересов» в Китае	116
Экспорт британского капитала в экономику Китая	118

Ихэтуаньский кризис	119
Британская политика в Китае в первые годы XX в.	125
Торговый договор Великобритании с Китаем от 5 сентября 1902 г.	126
Британская политика в Китае в условиях русско-японской войны	127
Англо-китайские отношения в период Синьхайской революции	129
Англо-китайская торговля в 1895—1914 гг.	132
Английские инвестиции в Китае в начале XX в.	136
Глава шестая. Англо-китайские отношения в 1914—1927 гг. (от начала первой мировой войны до прихода к власти правого минаньдановского правительства)	141
Китай в период первой мировой войны	141
Англо-китайские торгово-экономические отношения в годы первой мировой войны	147
Англо-китайские отношения в первые послевоенные годы (1919—1921)	151
Китайский вопрос на Вашингтонской конференции	153
Антимпериалистическое движение в Китае в начале 20-х годов и Великобритания	157
Англо-китайские отношения в период революции 1925—1927 гг.	159
Торговые отношения между Великобританией и Китаем в первое послевоенное десятилетие	166
Британские владения и инвестиции в Китае	170
Глава седьмая. Англо-китайские отношения в 1928—1949 гг. (в период от образования правого минаньдановского национального правительства до победы народной революции в Китае)	177
Панкинское национальное правительство	177
Восстановление тарифной автономии Китая	179
Вторжение Японии в Маньчжурию и позиция Англии	181
Кризис британской «политики умиротворения» Японии	187
Англо-китайские отношения накануне японо-китайской войны	188
Антияпонская война китайского народа и Великобритания	191
Китайско-английские отношения в годы Тихоокеанской войны (1941—1945)	196
Китайско-британские отношения в годы гражданской войны в Китае (1946—1949)	202
Китайско-британские торгово-экономические отношения при правительстве Чан Кайши	205
Глава восьмая. Отношения Китайской Народной Республики с Великобританией (1949—1978 гг.)	218
Образование Китайской Народной Республики	218
Установление китайско-британских отношений	219
Судьба британских владений в Китае	222
Великобритания в фарватере враждебной Китайской Народной Республике политике США	226
Англо-китайские отношения после отхода правительства КНР от социалистической генеральной линии КПК	231
Китайско-британские отношения в годы «культурной революции» в КНР	239
Соглашение об обмене посылками. Расширение торгово-экономических отношений (1970—1976 гг.)	242
Состояние торговли между КНР и Великобританией в 1965—1975 гг.	246
Китайско-британские отношения в послемаоцзедуновский период (1976—1979)	248
Англо-китайская торговля в 1976—1978 гг.	258
Гонконг и его роль в китайско-британских отношениях	259
Заключение. Прошлое, настоящее, будущее	266
Примечания	281
Библиография	293
Приложения	298

Михаил Иосифович Сладковский

КИТАЙ И АНГЛИЯ

*Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока
Академии наук СССР*

Редакторы *В. Б. Меньшиков; Н. П. Свищунова*
Младший редактор *Н. В. Беришвили*
Художник *Б. Л. Резников*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 13656

Сдано в набор 08.02.80. Подписано к печати 07.07.80. Л-01857. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 22. Уч.-изд. л. 26,83. Тираж 5000 экз. Изд. № 4731 Зак. № 89. Цена 3 р.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28